

НИКОЛАЙ
ВЛАСОВ

«ЖЕЛЕЗНЫЙ
КАНЦЛЕР»

БИСМАРК

НИКОЛАЙ ВЛАСОВ

БИСМАРК

«ЖЕЛЕЗНЫЙ КАНЦЛЕР»

Москва
2018

Рецензенты:

Павлов Андрей Юрьевич, д.и.н., профессор СПбГУ
Гурьев Евгений Павлович, к.и.н., доцент СПбГАСУ

Власов, Николай Анатольевич.

В58 Бисмарк. «Железный канцлер». — М. : Яуза-каталог, Якорь.
2018. — 432 с.

ISBN 978-5-6040908-7-9

«НИКОГДА НЕ ВОЮЙТЕ С РОССИЕЙ», «славяне непобедимы» — эти фразы Отто фон Бисмарка известны в нашей стране почти всем. На самом деле создатель Германской империи — Второго рейха — вошедший в историю как «железный канцлер», никогда не произносил таких слов. Их, а также многие другие цитаты ему приписали безвестные российские мифотворцы. Почему именно ему? И почему в России эти слова и сам Бисмарк пользуются неослабевающей популярностью?

Роль, которую Бисмарк сыграл в истории, огромна и неоднозначна, но масштаб его достижений поистине завораживает. Он был настоящим гением власти, достойным встать в один ряд с такими титанами, как Петр Великий, Наполеон, Черчилль. При этом «железный канцлер» отнюдь не являлся железным человеком, ему были знакомы как сильные эмоции и безумные увлечения, так и депрессии, приходившие на смену периодам душевного подъема, и лень, и то, что сегодня назвали бы вредными привычками. Эта книга, написанная доцентом кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, — несомненно, лучшая отечественная биография Бисмарка. Она позволяет взглянуть на «железного канцлера» не только как на великого политика, повернувшего ход мировой истории, но и как на живого человека со всеми человеческими слабостями, пристрастиями и недостатками.

УДК 82-94
ББК 63.3(0)

© Власов Н.А., 2018
© ООО «Яуза-каталог», 2018
© ООО «Издательство «Якорь», 2018

ISBN 978-5-6040908-7-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Никогда не воюйте с Россией», «славяне непобедимы»... Фразы Отто фон Бисмарка, известные в нашей стране всем (или почти всем). На самом деле «железный канцлер» никогда не произносил таких слов. Эти — а также многие другие — цитаты ему приписали безвестные отечественные мифотворцы¹.

Почему именно ему? И почему в нашей стране они пользуются неослабевающей популярностью? Почему сегодня иностранный государственный деятель, живший и умерший в позапрошлом веке, так востребован в России?

Возможно, дело в том, что в массовом сознании исторические фигуры, в том числе зарубежные государственные и военные деятели, обычно относятся к нескольким стереотипным категориям. К примеру, категория «смертельных врагов», главной целью которых является уничтожение России (наиболее очевидным примером является Адольф Гитлер). Другую категорию можно назвать «не-друзьями». К этому типу относятся зарубежные государственные и военные деятели, которые относились к России в целом негативно, однако уважали, побаивались и иногда даже невольно восхищались выдающимися качествами страны и народа. В силу того, что это уважение и восхищение не было основано на симпатии, оно кажется в высшей степени объективным. Дескать, раз уж эти хвалят, значит, не похвалить просто нельзя.

Из числа крупных государственных деятелей прошлого в этой категории в российском массовом сознании оказались две фигуры: Уинстон Черчилль и Отто фон Бисмарк. Их объединяет то, что они, с одной стороны, относились к числу наиболее выдающихся лидеров своего времени, с другой, их деятельность была тесно связана с Россией. Именно поэтому в уста как Бисмарка, так и Черчилля

¹ Подробнее об этом можно прочесть в статье: Власов Н.А. «Никогда не воюйте с Россией»? Отто фон Бисмарк и перспектива российско-германской войны: апокрифы и реальность. // Клио, 2017, № 2. С. 127–133.

вкладывается большое количество фраз (в первую очередь о нашей стране), которых они в реальности не произносили.

Поэтому апокрифов Бисмарка существует много — а вот его серьезных биографий, написанных отечественными исследователями, до обидного мало. Единственное полноценное исследование жизни и деятельности «железного канцлера», принадлежащее перу В.В. Чубинского, было опубликовано тридцать лет назад — в 1988 году¹. В последние годы одна за другой увидели свет две монографии, посвященные «петербургскому периоду» жизни Бисмарка². Вот, пожалуй, и все. Даже когда в 2015 году отмечался 200-летний юбилей со дня рождения «железного канцлера», отечественные авторы ограничивались лишь несколькими статьями в научных журналах³.

Может быть, отечественному читателю доступны зарубежные биографии Бисмарка? Действительно, на русском языке за последние два десятилетия вышел целый ряд переводных жизнеописаний «железного канцлера». К сожалению, ни одно из них не принадлежит к числу лучших среди того необозримого множества биографических исследований, которые опубликованы на английском и немецком языках (единственным исключением здесь можно назвать книгу Джонатана Стейнберга⁴).

Между тем, жизнь Бисмарка была весьма насыщенной и интересной, изобилующей драматическими поворотами, взлетами и падениями. Она может стать благодатной почвой не только для серьезного исторического исследования, но и для захватывающего романа. Автор этих строк, впрочем, не претендует на лавры Александра Дюма, Вальтера Скотта или даже Валентина Пикуля. Цель этой книги проще — познакомить читателя с ярким, выдающимся и неоднозначным человеком и политиком, каким предстает перед нами Отто фон Бисмарк.

«Железный канцлер»; под таким именем Бисмарк вошел в историю. Впрочем, в течение долгой и насыщенной событиями жизни он получал немало других, не менее ярких характеристик — «бешеный

¹ Чубинский В.В. Бисмарк. Политическая биография. М., 1988.

² Дударев В.С. Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859–1962. Дипломатическая ссылка или политический успех? СПб., 2013; Иваняков Р.И. Бисмарк в Петербурге: политическая деятельность О. Бисмарка в период пребывания на посту посланника в Санкт-Петербурге (1859–1862 гг.). Псков, 2008.

³ См. напр. Дударев В.С. Бисмарк: «Не вижу мотивов, чтобы увеличивать между нами и Россией трещину» // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 87–102; Медяков А.С. «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии // Российская история. 2015. № 6. С. 63–84.

⁴ Стейнберг Д. Бисмарк: биография. М., 2014.

юнкер» и «ярый реакционер», «белый революционер» и «старец из Саксонского леса»... Обилие прозвищ, лестных и не очень, которыми его награждали друзья и враги, союзники и противники, само по себе является свидетельством того, насколько сложной и многогранной была эта личность. Личность человека, являвшегося, безусловно, одним из самых выдающихся политиков в европейской истории.

Роль, которую Бисмарк сыграл в судьбе Германии, до сих пор является предметом оживленных дискуссий как среди специалистов, так и в немецком обществе. Единственное, что безоговорочно признается практически всеми — это масштаб его личности, оказавшей существенное влияние на историю XIX века. Не углубляясь в детали извечного и бесконечного спора о роли великих людей в судьбе человечества, нужно подчеркнуть: если бы Бисмарк погиб на одной из студенческих дуэлей, умер от последствий неудачной операции в бытность послом в Петербурге или был застрелен Блиндом в мае шестьдесят шестого, европейская политика второй половины XIX столетия выглядела бы во многом иначе.

Хотя сам «железный канцлер» говорил о том, что не считает возможным для человека влиять на ход истории, в реальности сам он оказывал такое влияние. Справедливо, впрочем, и обратное — события и процессы, происходившие в Германии позапрошлого века, накладывали свой отпечаток на формирование личности Бисмарка, его мировоззрение, образ мыслей и действий. Именно поэтому некорректным было бы рассматривать биографию выдающегося политика вне исторического контекста, равно как и применять при оценке его деятельности современные мерки. Бисмарк был человеком своей эпохи — точно так же, как и каждый из нас.

Огромное значение Бисмарка как политика заставляет его биографов уделять внимание, в первую очередь, этой стороне его деятельности. Порой это приводит к тому, что на страницах книг в тени политического деятеля совершенно теряется человек, личность. Во многом это справедливо — политика с течением времени стала той осью, вокруг которой вращалась вся его жизнь. Недаром сам Бисмарк сказал в старости: пристрастия человека — как форели, живущие в пруду; постепенно они поедают друг друга, «пока не остается лишь одна толстая старая форель. У меня с течением времени страсть к политике поглотила все другие страсти»¹.

И все же эти страсти были. «Железный канцлер» отнюдь не являлся железным человеком, тем твердым и непоколебимым рыца-

¹ Poschinger H.v. Fürst Bismarck. Neue Tischgespräche und Interviews. Bd. I. Stuttgart, 1895. S. 173.

рем, каким он запечатлен на знаменитом памятнике в Гамбурге. Ему были знакомы и сильные эмоции, и безумные увлечения, и депрессии, приходившие на смену периодам душевного подъема, и лень, и то, что мы сегодня назвали бы вредными привычками. И, разумеется, он не был свободен от недостатков, причем серьезных. Одним словом, он был живым человеком. Человеком, биографию которого изучать и полезно, и интересно одновременно.

Новое издание этой книги существенно изменено по сравнению с первым. Автор счел необходимым сделать более лаконичными разделы, посвященные политической деятельности Бисмарка, и в большей степени сделать акцент на частную жизнь «железного канцлера». Изменилась и трактовка некоторых вопросов. Кроме того, добавлена глава, в которой рассказывается о «жизни после смерти» — образе Бисмарка в Германии и России XX века.

ГЛАВА 1

СТРАДАНИЯ ЮНОГО БИСМАРКА

Жизнеописания выдающихся людей принято начинать с подробного изложения их родословной. Эта традиция, столь же древняя, как сам биографический жанр, полезна как минимум в двух отношениях. Во-первых, знакомство с предками главного героя позволяет понять, какое место его семья занимала в обществе, с каких исходных позиций ему пришлось начинать свою карьеру. Во-вторых, без пристального внимания к родственникам (в первую очередь родителям), в общении с которыми прошли детство и юность человека, невозможно проследить формирование его личности и мировоззрения.

Однако ни одна семья не существует в вакууме. Она является частью окружающей ее социальной реальности. Поэтому прежде, чем уделить внимание семейной истории рода Бисмарков, необходимо сказать хотя бы несколько слов о государстве и обществе, в котором 1 апреля 1815 года появился на свет будущий канцлер Германской империи.

Германия к тому моменту на протяжении уже многих столетий представляла собой конгломерат малых и средних государств, правитель каждого из которых обладал практически полным суверенитетом. Формально до 1806 года их объединяла Священная римская империя германской нации — достаточно аморфная конструкция родом из Средневековья. Император избирался курфюрстами — несколькими германскими монархами, обладавшими таким правом. Императорская корона давала ее обладателю определенный престиж, но практически никаких реальных полномочий. С XV века она практически непрерывно находилась в руках монархов из австрийского рода Габсбургов.

Именно Австрия на протяжении длительного времени была силой, доминирующей в Центральной Европе. Ситуация изменилась в XVIII веке, когда начался стремительный подъем другой германской державы — Пруссии. Протестантское княжество на северо-востоке

Священной римской империи, в котором правила династия Гогенцоллернов, благодаря успешной внешней и внутренней политике к середине XVIII века смогло бросить вызов Габсбургам. В период правления «просвещенного монарха» Фридриха II Великого (1740—1786) Пруссия сумела отвоевать себе место среди великих держав Европы.

Однако это место нужно было удерживать, для чего приходилось прилагать постоянные усилия. Поскольку Пруссия была значительно меньше по размеру и слабее в экономическом и демографическом плане, чем другие великие державы, Гогенцоллерны вынуждены были делать ставку, в первую очередь, на сильную армию, на поддержание которой тратилась весьма существенная часть национального дохода. Иного варианта у них просто не было — любое серьезное военное поражение могло в один момент отбросить их вотчину на вторые, если не третьи роли в европейской политике. Кроме того, необходимо было уделять большое внимание экономическому развитию страны, а также эффективности бюрократического аппарата.

Насколько опасным может быть для небольшой страны даже короткий период стагнации, продемонстрировали Наполеоновские войны. Пруссия вступила в них последней из великих европейских держав, в 1806 году, когда усилившаяся Франция начала всерьез ущемлять ее интересы. В течение нескольких недель прусская армия, почивавшая на лаврах побед Фридриха Великого, была наголову разгромлена под Йеной и Ауэрштедтом, а сама страна оказалась под угрозой исчезновения с карты Европы. Хотя Гогенцоллернам удалось сохранить свой трон, по условиям Тильзитского мира 1807 года Пруссия потеряла значительные территории и скатилась до положения второразрядной державы, зависимой от Франции.

Реакцией на унижение стала серьезная модернизация государства. В течение нескольких лет было сделано больше, чем за все предыдущее столетие. Серия преобразований, проведенных в 1807—1814 годах, получила название «Пруссских реформ». Они были связаны, в первую очередь, с именами государственных деятелей Карла фон Штейна и Карла Августа фон Гарденберга, а также генералов Шарнхорста и Гнейзенау (в военной сфере). Реформаторы освободили крестьян от остатков крепостной зависимости, создали прекрасную систему всеобщего образования, значительно улучшили городское управление, убрали многие преграды на пути дальнейшего экономического развития страны. Понятно, что все эти реформы были, в конечном счете, направлены на одну главную цель — сделать Пруссию конкурентоспособной в военном отношении.

Изображая из себя лояльного союзника наполеоновской Франции, прусская правящая элита на деле готовилась к новой схватке. Ждать оставалось недолго. В 1812 году прусские части вместе с Великой армией Наполеона вторглись в Россию. Действовали они самостоятельно на дальнем фланге и особого рвения не проявляли. А когда французский император с жалкими остатками некогда грозного войска откатился за Неман, смысла воевать с Россией и вовсе не стало. И прусский генерал Йорк — пока еще без официальной поддержки робкого короля Фридриха Вильгельма III — заключил с русскими 30 декабря Таурогенскую конвенцию о совместных действиях против Наполеона.

1813 год открыл эпоху возрождения Пруссии. Страна освободилась от французского ига, настало время национального подъема. Армия, в которую в течение года влилось 280 тысяч человек — около 6% от всего населения страны — в кровавых битвах смыла недавний позор. Прусские войска внесли значительный вклад в победу над Наполеоном, окончательно одержанную к 1815 году.

В германском обществе, в первую очередь в образованных слоях, тем временем распространялись идеи национализма; все больше людей смотрели на Пруссию как на возможный центр, вокруг которого объединятся все немцы. Прусский король не лелеял таких надежд. Королевство Гогенцоллернов и без того вышло из войны со значительными приобретениями. Пруссия, во-первых, вернулась в число великих держав, вершивших судьбы Европы. Во-вторых, решениями Венского конгресса 1815 года Берлину была передана богатая и экономически развитая Рейнская область. Правда, в семье пяти великих держав (так называемой пентархии) Пруссия по-прежнему оставалась самой слабой.

Наполеоновским войнам пришел конец — и реформы начали постепенно сворачиваться. Согласно решениям Венского конгресса, на территории бывшей Священной римской империи германской нации был образован Германский союз — аморфное объединение почти четырех десятков государств, лидерство в котором прочно удерживала Австрия. Реакция торжествовала победу — наиболее примым ее проявлением стали знаменитые Карлсбадские постановления 1819 года, которые вводили жесткий контроль над прессой, университетами и общественными организациями с целью не допустить распространения революционных идей. Пруссию тоже не обошли стороной эти перемены. Король полностью забыл свои недавние конституционные обещания. Реформаторы — как военные, так и гражданские — стремительно сходили с политической сцены.

Однако полностью вернуться в прошлый век было невозможно. Под внешне спокойной поверхностью, постепенно покрывавшейся ряской, ждали своего часа новые силы. Всплеск национализма, который Германия пережила в эпоху Освободительных войн, не прошел бесследно. Идея германского единства, соединившись с идеей конституционного правления, приобретала все большую популярность в немецком обществе, в первую очередь среди представителей интеллектуальной элиты и постепенно усиливавшей свои позиции торговой и промышленной буржуазии. Карлсбадские постановления могли затормозить, загнать вглубь, но не остановить этот процесс.

Несмотря на определенные усилия Гогенцоллернов по развитию промышленности, Пруссия начала XIX века оставалась преимущественно аграрной страной. В особенности это относилось к районам восточнее Эльбы, которые были в Средние века отвоеваны у славянских племен и заселены немецкими колонистами. Здесь преобладало крупное дворянское землевладение, владельцам поместий — юнкерам — принадлежали значительные административные и судебные полномочия. Дворяне играли большую роль в прусской армии и государственном механизме, являясь привилегированным сословием.

В эпоху, когда на гребне европейского Просвещения начали распространяться идеи народного суверенитета и парламентского правления, юнкеры воспринимали себя как главную опору трона. В то же время поддержка, которую дворяне оказывали королю, была совсем не безоговорочной. В их менталитете сохранилось многое от феодальных времен, когда каждый землевладелец был полновластным хозяином поместья и с большой неохотой допускал вмешательство центральной власти в свои дела. «Император располагает абсолютной властью, пока исполняет нашу волю» — эта старая немецкая поговорка как нельзя лучше отражает менталитет старого прусского дворянства. Сочетание верности короне и готовности защищать собственные интересы, доходившей до откровенного фрондерства, было характерной чертой остэльский юнкерства.

Однако государственный аппарат в XVIII веке был немыслим без трудолюбивых, полностью преданных монарху профессиональных чиновников. Юнкеры в силу названного выше обстоятельства не всегда годились на эту роль, к тому же подавляющее большинство из них предпочитало делать военную карьеру или управлять собственными владениями. Сидеть в кабинете над грудой пыльных бумаг считалось не слишком достойным занятием для человека, чьи предки являлись практически неограниченными феодальными властителями. Именно поэтому в прусском государстве все большее значение

приобретали выходцы из буржуазных слоев, которые формировали потомственную бюрократию. Их доля была велика и среди представителей свободных профессий и технической интеллигенции, от которой в возрастающей степени зависела мощь государства. Многие из них впоследствии получали дворянские титулы.

Крылатой стала фраза о том, что опорой прусского короля являются два войска — стоящая под ружьем армия солдат и сидящая в кабинетах армия чиновников. Это были не только профессиональные, но во и многом социальные группы, игравшие доминирующую роль в Пруссии рубежа XVIII-XIX веков — консервативное остэльский юнкерство и просвещенная бюрократия, многие представители которой прекрасно обходились без приставки «фон» к своей фамилии.

Знакомство с главными опорами монархии Гогенцоллернов носит в рамках этой книги далеко не случайный характер. Дело в том, что семья, в которой появился на свет будущий «железный канцлер», была воплощением союза этих двух социальных групп.

* * *

Разветвленный род Бисмарков впервые упоминается в письменных источниках в XIII веке. С тех пор он принадлежал к числу наиболее влиятельных дворянских семей Старой Марки — исторической территории у берегов Эльбы, расположенной на севере современной федеральной земли Саксония-Ангальт. Старую Марку иногда называют «колыбелью прусского государства», поэтому неудивительно, что многие представители рода Бисмарков отличились на службе династии Гогенцоллернов. В первую очередь речь шла об офицерской карьере — прадед «железного канцлера» сражался на полях Войны из испанское наследство и Северной войны, дед участвовал в Семилетней войне.

Отец, Карл Вильгельм Фердинанд фон Бисмарк, появился на свет в 1771 году и, казалось, должен был последовать примеру своих предков. Действительно, в двенадцатилетнем возрасте он был зачислен в кавалерийский полк, однако уже в 23 года в звании риттмейстера покинул службу и отправился в свои владения, ядром которых было поместье Шёнхаузен на восточном берегу Эльбы. Уже этот поступок многое говорит о Фердинанде. Не слишком образованный, лишенный честолюбивых помыслов, добродушный, спокойный и уравновешенный, он предпочитал размеренный покой деревенской жизни городской суете и армейской дисциплине. Некоторые современники называют его воплощением прусского поме-

щика, знавшего винный погреб в своем доме гораздо лучше, чем библиотеку¹.

Когда Фердинанду было 34 года, он женился на Луизе Вильгельмине Менкен, которой на тот момент исполнилось всего шестнадцать. Вильгельмина была противоположностью мужа и по социальному происхождению, и по личным качествам. Семейство Менкенов не имело ни дворянских титулов, ни богатой родословной и проявило себя, в первую очередь, на ниве наук и государственной службы. Отец Вильгельмины, Анастасиус Людвиг Менкен, был личным советником Фридриха II и убежденным сторонником либеральных реформ. Он играл весьма значительную роль во внутренней политике Пруссии второй половины XVIII века, и только сравнительно ранняя смерть помешала ему стать политиком первой величины. Свои прогрессивные для того времени взгляды он передал и дочери, которая, оставшись без отцовской поддержки, была вынуждена выйти замуж за провинциального юнкера.

Мать Отто фон Бисмарка была интеллектуально одаренной, образованной и амбициозной женщиной, которую, в отличие от мужа, совершенно не радовала сельская идиллия. Она выросла в большом городе и с удовольствием провела бы там всю жизнь. Но судьба распорядилась иначе; видимо, во многом поэтому ее живой и подвижный характер стал со временем приобретать черты болезненной истеричности. «Она не была приятной женщиной; очень умная, но очень жесткая» — вспоминала много лет спустя одна из ее знакомых². Ее энергия искала и не находила достойного выхода. Будучи женщиной неуравновешенной, порой экзальтированной, она в течение определенного времени даже считала себя наделенной пророческими способностями. Ее супруг по этому поводу однажды язвительно заметил: лично ему весьма жаль, что прорицания не касаются цен на овечью шерсть.

В любом случае, двести лет назад у европейской женщины было не так много возможностей для реализации своих амбиций. Одна из них, едва ли не главная, заключалась в воспитании детей. Здесь у матери Бисмарка наблюдалась определенная двойственность — с одной стороны, она не желала быть нянькой, уделяющей все свое время отпрыскам, с другой, хотела гордиться ими. Вильгельмина стремилась сделать сыновей воспитанными в духе времени интеллектуалами, которые смогли бы повторить блестящую карьеру ее

отца. При этом мнение и склонности самих детей не учитывались, а воспитание осуществлялось довольно жесткими методами, что уже в детские годы привело к отчуждению, даже враждебности между матерью и сыном.

Отто не чувствовал материнской любви, отчего, по всей видимости, очень сильно страдал. Мальчик вовсе не желал становиться орудием для удовлетворения амбиций Вильгельмины. Много лет спустя он в письме к невесте вспоминал: «Моя мать была красивой женщиной, которая любила внешний блеск, у нее был ясный живой ум, но почти не было того, что берлинцы называют доброй душой. Она хотела, чтобы я много учился и многого достиг, и мне часто казалось, что она жестока и холодна ко мне. В детстве я ее ненавидел, позднее я успешно вводил ее в заблуждение»¹.

Отношение к отцу у маленького Отто, напротив, было теплым, особенно в ранние годы. Нельзя сказать, что Фердинанд уделял воспитанию сына большое внимание, однако его «безграничная и незаинтересованная добродушная нежность» представляла яркий контраст с жесткой требовательностью матери. Тем не менее, отец был далек от того, чтобы стать для сына идеалом мужчины, — он был не только добродушен, но и ленив, а его образ жизни и способности оставляли желать лучшего. Внушить сыновьям уважение и стать для них авторитетом он не смог. Кузина Отто, Хедвиг фон Бисмарк, так описывала родителей мальчика: «Мать была для детей, даже своих собственных, чужим человеком. В моих воспоминаниях она осталась холодной женщиной, мало интересующейся окружающими ее людьми. Я не могу припомнить случая, чтобы она хоть раз проявила по отношению к нам теплоту. Совсем другое дело — дядя Фердинанд! У него всегда было для нас доброе слово или веселая шутка, и мы с Отто любили скакать у него на коленях. Вильгельмина Бисмарк была высокой и светловолосой, однако не обладала, как теперь часто утверждают, красивыми голубыми глазами, которые отличали ее сына Отто; она часто расстраивалась по различным поводам, а затем становилась безучастна. Столь часто употребляемое сегодня слово «нервный» я впервые услышала именно применительно к ней. Повсюду говорилось о том, что этой нервозностью она осложняет жизнь не только себе, но еще в большей степени мужу и детям»².

Отношения с родителями наложили отпечаток на всю дальнейшую биографию Бисмарка, идентифицировавшего себя именно с прусским юнкерством, с отцовской линией и отвергавшего все,

¹ Schmidt R. Otto von Bismarck. Realpolitik und Revolution. Stuttgart, 2004. S. 12.

² Steinberg J. Bismarck. Magier der Macht. Berlin, 2012. S. 51.

¹ Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin. Stuttgart-Berlin, 1914. S. 43.

² Pflanze O. Bismarck. Bd. 1. München, 2008. S. 48.

что ассоциировалось с матерью. Последнее выразилось в сохранившейся у него до конца жизни нелюбви к упорному и кропотливому труду, к либеральным идеям и их носителям — в первую очередь профессиональным парламентариям. Весьма негативные эмоции испытывал Бисмарк и к либеральничающим чиновникам, вызывавшим у него ассоциации с дедом по материнской линии, которого ему в детстве часто ставили в пример. Невысоко ценил он и интеллектуалов-теоретиков, пытающихся с высоты своей учености судить о практических вопросах; слово «профессора» всегда носило в его устах уничижительный оттенок.

Кроме того, весьма негативные эмоции вызывали у него семейные отношения, в которых женщина играла доминирующую роль. Травмы, полученные в детстве, не затягивались долгие годы, и даже в весьма солидном возрасте Бисмарк отзывался о Вильгельмине с эмоциональной резкостью. В то же время нельзя отрицать то обстоятельство, что именно от матери он унаследовал живой и подвижный ум, способность быстро разбираться в сложных проблемах и принимать решения, изобретать оригинальные варианты.

* * *

Впрочем, мы забежали немного вперед. Пора вернуться к тому 1 апреля 1815 года, когда в родовом поместье на свет появился Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен — второй сын в семье. Первый, Бернгард, был на пять лет старше Отто; они довольно много общались друг с другом в молодые годы, однако по-настоящему близкими людьми не стали, и их биографии радикально различаются. Бернгард был ярко выраженным сыном своего отца, во многом повторившим его жизненный путь. Для Отто эта дорога оказалась слишком узкой.

Год спустя после рождения второго ребенка семейство отправилось на восток страны, в Померанию, где находилось унаследованное от отца Вильгельмины поместье Книпхоф. Эта провинция считалась сельской глубинкой прусского государства, и с ней будет связано очень многое в последующей биографии Бисмарка. Померанию он воспринимал как райский уголок, место отдыха и уединения, вдали от суматошной городской жизни. Именно такой отпечатались сельская идиллия Книпхофа в его первых детских воспоминаниях. Мальчик мог резвиться на свежем воздухе, гулять по лесам и лугам, свободно играть.

Все это закончилось, когда маленькому Отто исполнилось семь лет. Из померанской идиллии мать отправила его в Берлин, в ин-

тернат Пламанна. Одновременно по настоянию Вильгельмины поместья были сданы в аренду — устав от деревенской глуши, она страстно желала вернуться в столицу. Необходимость следить за образованием сыновей стала отличным предлогом.

Нужно сказать, что такое образование было не совсем типичным для детей прусских помещиков, которым обычно нанимали домашнего учителя. Основной контингент учеников в интернате составляли отпрыски людей из «третьего сословия» — чиновников и лиц свободных профессий. Более того, как вспоминал впоследствии сам Бисмарк, приставка «фон» к его фамилии не только не давала ему никаких привилегий в интернате, но, напротив, служила скорееотягчающим обстоятельством. Отправляя сына в это учебное заведение, Вильгельмина, очевидно, намеревалась не только дать ему хорошее образование, но и уничтожить на корню возможные сословные предрассудки и подготовить мальчика к карьере государственного служащего. Ни то, ни другое ей не удалось.

Интернат, основанный Иоганном Эрнстом Пламанном в 1805 году, был довольно любопытным образовательным заведением. Принципы воспитания в нем формировались под влиянием национального движения эпохи Освободительных войн. Пламанн высоко ценил идеи как знаменитого швейцарского педагога Песталоцци, так и не менее известного «Яна — отца гимнастики» («турнфатер») — основателя огромной сети спортивных союзов с национально-патриотической направленностью. В первые годы существования учебного заведения учеников воспитывали в духе немецкого патриотизма, делая ставку на развитие самостоятельного мышления и регулярную закалку как духа, так и тела. Однако в эпоху реакции, последовавшей за Венским конгрессом, сохранить прежнюю идейную основу воспитания оказалось невозможным. Интернат все больше превращался в гражданский аналог кадетского корпуса, где основной акцент делался на воспитании характера путем постоянной муштры.

Резкий контраст с «потерянным раем» Книпхофа шокировал маленького Отто. Интернат он воспринимал как враждебную среду, в которой его пытались сломить и переделать по чуждым ему лекалам. Учебное заведение находилось на окраине Берлина, и, когда мальчик видел в окно упряжку быков, тащившую плуг, он вспоминал о сельской идиллии, и на глаза его невольно наворачивались слезы. Несколько десятилетий спустя, уже будучи главой прусского правительства, он вспоминал: «Мое детство было погублено в учреждении Пламанна, которое казалось мне исправительным домом»¹. В одной

¹ Kolb E. Bismarck. München, 2009. S. 7.

из бесед он рассказывал: «В шесть лет я попал в учебное заведение, где учителя были демагогами из физкультурного движения, ненавидевшими дворянство и воспитывавшими нас ударами и пинками вместо слов и внушений. Утром детей будили ударами рапир, которые оставляли после себя синяки, поскольку учителям было скучно делать это иным способом. Физкультура должна была быть отдыхом, но учителя вновь наносили удары железными рапирами! Моей прекраснородушной матери быстро стало неудобным воспитание детей, и она отказалась от него»¹. Естественно, что Отто не воспринял идеи либерального национализма, все еще лежавшие у Пламайна в основе образования. Более того, вполне возможно, что эти идеи уже тогда начали вызывать у него подсознательное отторжение.

В 1827 году Бисмарк, наконец, покинул интернат и продолжил свое образование в гимназии Фридриха-Вильгельма, считавшейся одной из ведущих элитных школ Пруссии. Три года спустя он перешел в старейшую берлинскую гимназию «У Серого монастыря», где в 1832 году получил аттестат зрелости. Это были достаточно типичные для своего времени гуманитарные школы, где давалось классическое образование с упором на древние языки. О жизни Бисмарка-гимназиста известно немного, помимо того, что будущий канцлер отличался достаточно высокими способностями, однако явной нехваткой прилежания и дисциплины. Так, в древнегреческом языке, который Отто считал совершенно ненужным, его успехи были более чем скромными. Из школы он вынес ненависть к ранним утренним подъемам — до конца своей жизни он оставался ярко выраженной «совой».

В целом, как свидетельствует аттестат, по большинству предметов у Бисмарка были довольно посредственные оценки. Учителя отмечали одаренность юноши, но в то же время отсутствие у него склонности к упорной учебе. Действительно, банальная зубрежка вызывала у будущего канцлера отвращение. Он, как и в дальнейшем, старался заниматься только тем, что его действительно интересовало. Его одноклассник и один из немногочисленных близких друзей, Мориц фон Бланкенбург, вспоминал впоследствии: «Он уже тогда казался мне загадочным человеком: никогда я не замечал, чтобы он работал, зато часто видел его гуляющим — и тем не менее он знал все и успевал сделать все задания»². Классическое образование не оставило значительного следа в последующей деятельности Бисмарка;

¹ Pflanze O. Op. cit. Bd. I. S. 48.

² Keudell R.v. Fürst und Fürstin Bismarck. Erinnerungen aus den Jahren 1846 bis 1872. Berlin-Stuttgart, 1901. S. 17.

ему была чужда склонность к изящным искусствам, идеалистической философии и теоретическим построениям глобального характера. Практические вопросы занимали его гораздо больше.

«В качестве естественного продукта нашей системы образования я к пасхе 1832 года закончил школу пантеистом. Если я и не был республиканцем, то все же был тогда убежден, что республика есть самая разумная форма государственного устройства. (...) Я вынес наряду с этим немецко-национальные впечатления. Но эти впечатления оставались в стадии теоретического созерцания и были не настолько сильны, чтобы вытравить во мне врожденные прусско-монархические чувства. Мои исторические симпатии оставались на стороне власти» — писал Бисмарк на склоне лет в своих мемуарах¹. Впрочем, «Мысли и воспоминания» — источник крайне ненадежный, продиктованный стремлением произвести определенное впечатление на современников, а не беспристрастно рассказать о своем прошлом.

Скорее всего, у молодого выпускника гимназии не было четко сформировавшихся политических взглядов. С одной стороны, на него влияли популярные среди образованной молодежи национальные идеи, с другой — желание идентифицироваться с прусским юнкерством. Свое будущее Бисмарк тоже, видимо, рисовал себе весьма смутно. В любом случае, поначалу он продолжал следовать путем, предписанным матерью, продолжив образование в немецких университетах. Выбор направления был предопределен: неперенной предпосылкой для поступления на государственную службу являлось изучение юриспруденции.

* * *

В Германии XIX века было весьма развито то, что мы сегодня называем академической мобильностью. Совершенно нормальной считалась ситуация, когда молодой человек, начав обучение в одном университете, заканчивал его в другом. Жестких учебных планов не существовало, возможность самостоятельно выбирать дисциплины и преподавателей была достаточно широкой. Бисмарк не был исключением — поступив в 1832 году в университет Гёттингена и отучившись там три семестра, он продолжил свое образование в Берлинском университете, где и сдал в 1835 году необходимые выпускные экзамены. Учиться в знаменитом Гейдельбергском университете ему запретила мать, опасавшаяся, что там он пристрастится к пиву.

¹ Бисмарк О.ф. Мысли и воспоминания. Т. I. М., 1940. С. 1.

Студенческие годы были временем, когда Бисмарк наконец-то смог полной грудью вдохнуть воздух свободы и делать то, что ему вздумается. Он немедленно с головой окунулся в мир развлечений, доступных студентам той эпохи. Именно тогда он заработал репутацию «бешеного Бисмарка», сопровождавшую его на протяжении многих лет.

Студенчество тогдашней Германии было малочисленным, но достаточно неоднородным. Во всех немецких университетах, вместе взятых, насчитывалось лишь около пятнадцати тысяч студентов — ничтожная доля от соответствующей возрастной категории. Лишь в нескольких наиболее крупных университетах было более тысячи обучающихся. Тем не менее, помимо представителей аристократических семейств, в университеты попадали и выходцы из среднего класса. В одной аудитории оказывались люди, придерживавшиеся как радикальных, так и весьма консервативных воззрений. Среди немецких универсантов были в ту пору популярны национальные, порой даже революционные идеи, носители которых объединялись в так называемые товарищества. Другой формой студенческих объединений были землячества, часто принимавшие характер элитарных клубов.

Став студентом, Бисмарк вступил в одно из товариществ, но достаточно быстро разочаровался в своих новых знакомых. В качестве основных претензий к последним он впоследствии называл «их стремление избегать дуэлей и отсутствие у них внешней благовоспитанности и манер, принятых в обществе», а также наличие «экстравагантных политических взглядов, объяснявшихся недостатком образования и знакомства с существующими, исторически сложившимися условиями жизни»¹. Бисмарк был ярко выраженным скептиком, прохладно относившимся к революционной романтике, а свое юнкерское происхождение ценившим, напротив, весьма высоко. Поэтому довольно быстро он перешел в Корпус Ганновера — старейшее землячество Геттингенского университета, изначально объединявшее отпрысков местных аристократических родов, но в 1830-е годы активно пополнявшееся сыновьями обеспеченных буржуа.

Здесь Отто приложил максимальные усилия для того, чтобы утвердить свой авторитет среди однокашников. Высокий — его рост составлял 192 сантиметра — элегантно одетый молодой человек с безупречной осанкой, он появлялся на улицах университетского городка с огромным светлой масти догом и вскоре стал повсеместно

узнаваемой фигурой. Репутация юного Бисмарка, правда, оставляла желать лучшего — значительная часть его студенческой жизни проходила в кутежах, азартных играх, любовных похождениях и сомнительных приключениях, о которых он с гордостью рассказывал в письмах к новым друзьям. В течение первых трех семестров обучения Отто принял участие в 25 дуэлях, причем лишь в одной получил легкую царапину, что принесло ему прозвище «Ахиллес неуязвимый». Говорили, что однажды он вызвал на дуэль целое студенческое объединение. Несколько раз Бисмарк оказывался в карцере за дисциплинарные нарушения. Вскоре он пользовался репутацией одного из лучших фехтовальщиков университета, а также прекрасного пловца и танцора. Довольно быстро ему удалось стать в своей среде харизматичной личностью.

Эпатажное поведение объяснялось, как это часто бывает, стремлением самоутвердиться. Но одновременно в молодом человеке уже находила выражение та воля к власти, стремление к лидерству, которое было характерно для Бисмарка в течение всей его жизни. Отто Пфланце, один из крупнейших биографов «железного канцлера», выводит это стремление из его детского опыта. Лишенный эмоциональной поддержки со стороны родителей, постоянно ощущавший угрозу, он испытывал потребность контролировать все происходящее вокруг, организовывать окружающее пространство по своей мерке¹. С течением времени эта потребность сохранялась, менялись лишь масштабы пространства — от студенческой компании до «концерта» великих держав Европы.

Однако имидж забияки и кутилы, который так заботливо создавал Бисмарк, был лишь одной стороной медали. Разумеется, он совершенно не соответствовал классическому образу прилежного отличника, сидящего на всех лекциях и зубрящего толстые книги. Посещением занятий Отто по большей части пренебрегал — исключения составляли разве что лекции историка Арнольда Геерена, посвященные развитию европейской системы государств. Бисмарк присутствовал на них регулярно в течение двух семестров, что являлось для него совершенно нетипичным. Возможно, именно тогда начал формироваться его интерес к политике и дипломатии. Вполне вероятно также, что Геерен, убежденный в том, что именно государственный интерес является основой для формирования внешнеполитического курса страны, сыграл значительную роль в формировании взглядов Бисмарка на дипломатию, которые часто называют «реальполитик» («реальная политика», политика реализма).

¹ Там же.

¹ Pflanze O. Op. cit. Bd. 1. S. 56.

Тем не менее, у нас практически отсутствуют какие-либо данные, которые позволили бы охарактеризовать его политические симпатии в студенческие годы. Революцию во Франции 1830 года, которая всколыхнула общественное мнение во всех без исключения германских государствах, казалось, он вообще не заметил; об его участии в политических дебатах, нередких в студенческой среде, ничего не известно. Уже впоследствии, в «Мыслях и воспоминаниях», он писал о том, что национальное и либеральное движение (для того времени почти синонимы) «произвели на меня отталкивающее впечатление; мне, воспитанному в прусском духе, претило насильственное посягательство на государственный порядок (...). То, что я думал о внешней политике (...) было в духе освободительных войн, воспринятых под углом зрения прусского офицера»¹. Насколько эти воспоминания соответствовали реальности, остается открытым вопросом.

Посвящая значительную часть своего времени попойкам и любовным интригам, Бисмарк тем не менее много читал (к примеру, Байрона и Шекспира), совершенствовался в английском и французском языках (которыми владел практически свободно), а после переезда в Берлин был частым гостем в опере и аристократических салонах. Именно в прусской столице он познакомился и сдружился с графом Александром Кейзерлингом — представителем немецкой аристократии прибалтийских провинций Российской империи — и американцем Джоном Мотли. Последний сделал в дальнейшем блестящую дипломатическую карьеру, занимая должности посла Соединенных Штатов в Вене и Лондоне. Дружба как с Кейзерлингом, так и с Мотли продлилась многие десятилетия, до самой их смерти.

Именно Мотли мы обязаны одним из самых интересных описаний молодого Бисмарка, которого американец изобразил в своем романе «Надежда Мортон» (1839 год) в образе Отто фон Рабенмарка: «В кабаке и на улице он ведет себя, как одержимый; однако в своей комнате, среди трубок и картин, он сбрасывает маску шута и говорит с Мртоном разумно»². Мотли рисовал своего героя весьма талантливым молодым человеком, с агрессивным бойцовским темпераментом и явными качествами лидера; все это, без сомнения, можно отнести и к Бисмарку.

Необходимо отметить также склонность молодого человека к английскому языку и английской литературе; из всех иностранцев он также предпочитал общаться с выходцами из англоговорящих

стран. Впрочем, в Германии того времени это было скорее правилом, чем исключением. Из музыки он предпочитал Бетховена, Гайдна и Моцарта привлекали его в гораздо меньшей степени. «Бетховен лучше всего подходит моим нервам» — не раз говорил Бисмарк в течение своей жизни¹. Как писал Отто Пфланце, «музыка была для него фоном, литература развлекала его и дарила ему фразы. В его внутреннем воспитании не участвовала ни одна, ни другая»².

Помимо всего прочего, современники отмечали в молодом Бисмарке склонность к пессимистическим настроениям, доходившим порой до нигилизма. «Он далеко превосходил своих сверстников силой интеллекта и блестящим чувством юмора, — пишет Вернер Рихтер, — но был способен на поразительно холодный цинизм, готов защищаться от всех иллюзий, которые является драгоценной привилегией молодости. Он был достаточно здоров для того, чтобы позволить себе как угодно обращаться с самим собой и своим организмом. Но порой это выглядело так, словно он прожигает жизнь, устав от нее. Наверняка в этом есть некое кокетство с мыслями о преходящем, которое сделал модным лорд Байрон. Но наряду с этим имелись искренние сомнения в смысле собственного существования»³. Такие настроения были характерны для многих молодых людей того времени и являлись во многом данью романтической моде. Однако с Бисмарком они были достаточно искренними и в дальнейшем только усиливались — вплоть до конца 1840-х годов, когда он с головой окунулся в политику.

Несмотря на внешнюю беззаботность студенческой жизни, Бисмарк вовсе не горел желанием продлить ее срок. Очевидно, сыграло свою роль то обстоятельство, что родители Отто, разочаровавшись в его способности быть прилежным студентом, бросились в другую крайность и предложили ему сделать карьеру в армии, к чему молодой человек не испытывал ни малейшей склонности⁴. Кроме того, мать угрожала, что если Отто не перестанет валять дурака, она больше не будет оплачивать его счета. Склонность сына сорить деньгами очень раздражала ее.

Спустя три года после поступления в университет — то есть так рано, как это только было возможно — он сдал выпускные экзамены. Для этого ему пришлось прибегнуть к помощи репетитора, поскольку в Берлине посещением лекций Бисмарк пренебрег окон-

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 2.

² Kolb E. Op. cit. S. 10.

¹ Keudell R.v. Op. cit. S. 64.

² Pflanze O. Op. cit. Bd. 1. S. 54.

³ Richter W. Bismarck. Frankfurt-am-Main, 1971. S. 26.

⁴ Engelberg E. Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer. Berlin, 1985. S. 130.

чительно. Вскоре после своего 20-летия, 22 мая 1835 года, Отто сдал так называемый «экзамен на должность аускультатора», завершающий теоретическую часть подготовки юриста. Его знания в области гражданского права были оценены на «хорошо», в области правовой теории — на «удовлетворительно». Образование в двух лучших германских университетах не оставило в его биографии значительного следа. В них он приобрел скорее не уважение к науке, а предубеждение против академического теоретизирования.

* * *

Перед молодым человеком открывалась перспектива долгого и кропотливого восхождения по бюрократической лестнице. К этому, как вскоре показала действительность, он был совершенно неспособен. Впоследствии сам Бисмарк утверждал, что у моменту окончания университета у него окончательно сформировался интерес к дипломатической карьере. Однако попасть в министерство иностранных дел молодому человеку без особой протекции и опыта работы было практически невозможно. Поэтому первой степенью стала служба в качестве аускультатора (говоря современным языком, стажера) в судебных учреждениях Берлина. Одновременно Отто продолжал участвовать в светской жизни прусской столицы, «был постоянно влюблен, но часто менял предмет своего обожания»¹ и делал все новые долги.

Уже в этот момент стало ясно, что Бисмарк способен быть кем угодно, но только не винтиком в большом и сложном механизме. Несмотря на то, что свою службу он начал с завидным усердием, необходимость заниматься бюрократической рутинной и постоянно выполнять чьи-то указания тяготила его. «Лица и порядки нашей юстиции, где началась моя деятельность, давали моему юношескому уму скорее критический, нежели назидательный материал» — язвительно писал он в своих воспоминаниях². Сам Бисмарк, естественно, считал, что проблема не в нем самом, а в той системе, в которой ему пришлось работать. Именно в этом он на склоне лет стремился убедить читателя:

«Проработав четыре месяца над составлением протоколов, я был переведен в городской суд, разбиравший гражданские дела, и сразу же оказался вынужденным перейти от механического писания под диктовку к самостоятельной работе, выполнение которой затрудня-

¹ Kolb E. Op. cit. S. 10.

² Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 6.

лось моей неопытностью и моими чувствами. Бракоразводные дела были вообще в то время первой стадией самостоятельной работы юриста-новичка. Дела этим придавалось, очевидно, наименьшее значение. Они были поручены самому неспособному советнику по фамилии Преториус и велись при нем совсем зелеными юнцами-аускультаторами, которые производили, таким образом, на второстепенном материале свои первые эксперименты в роли судей, правда, под номинальной ответственностью господина Преториуса, но обычно в его отсутствие. Для характеристики этого господина нам, молодым людям, рассказывали, что, когда его во время заседаний приходилось выводить из состояния легкой дремоты для подачи голоса, он имел обыкновение говорить: «Я присоединяюсь к мнению моего коллеги Темпельгофа»; иной раз при этом ему надо было указывать, что господин Темпельгоф на заседании не присутствует»¹.

Такая работа не могла устраивать Бисмарка с его кипучим темпераментом. Деятельность юриста оказалась на поверку кучей бумажной работы под руководством скучных начальников. К тому же он чем дальше, тем сильнее мечтал о дипломатической карьере, и вскоре решил перейти из юстиции в административный аппарат. Как вспоминал сам Бисмарк, такой совет ему дал тогдашний министр иностранных дел Пруссии Иоганн Ансильон, к которому молодой человек напрямую обратился за советом. Работа на ниве дипломатии представлялась Отто, по всей видимости, той сферой, где он сможет в полной мере применить свои способности, а главное — действовать самостоятельно.

Для поступления на государственную службу необходимо было выдержать целый ряд экзаменов. Во-первых, требовалось выполнить две письменные работы, одна из которых должна быть посвящена философским сюжетам, а вторая — непосредственно связана с вопросами государственного управления. Кроме того, следовало сдать устный экзамен, на котором кандидат должен был продемонстрировать не только свое знакомство с основами экономики и права, но и продемонстрировать общий кругозор. Для написания обеих работ Бисмарк, прервав свою деятельность в берлинском суде, отправился весной 1836 года в родной Шёнхаузен. Своему другу Густаву фон Шарлаху, с которым он познакомился еще в Гёттингене, он писал: «Ты бы очень смеялся надо мной, если бы ты видел меня сейчас. Уже четыре недели я сижу в заколдованном замке с остроконечной аркой и стенами толщиной четыре фута, с тридцатью комнатами, из которых только две меблированные, пышными дамасскими покры-

¹ Там же. С. 5.

валами, цвет которых еще можно опознать по нескольким пятнам, массой крыс и каминами, в которых завывает ветер (...) При этом я никогда не был так доволен, как теперь; я сплю по шесть часов в день и нахожу большое удовольствие в учебе — две вещи, которые я долгое время считал невозможными»¹.

Письменные работы были закончены в весьма короткие сроки; первая называлась «О природе и применении присяги», вторая — «Об экономности в государственных финансах». Экзаменаторы признали их удачными, а их автора, по итогам устного экзамена, весьма одаренным молодым человеком. При ближайшем рассмотрении, однако, обе работы выглядят не более чем старательно выполненными рефератами, лишенными какой бы то ни было оригинальности и собственной мысли. Впрочем, для начинающего чиновника ни то, ни другое не было обязательным.

Итак, в возрасте 21 года Бисмарк успешно начал карьеру правительственного референдаря. В июле 1836 года он приступил к службе в правительственном президиуме города Аахен — администрации одного из округов, на которые делились прусские провинции. Выбор места службы был далеко не случаен: стажировка здесь длилась всего два года вместо трех, которые Бисмарку пришлось бы провести в качестве референдаря в «старых» прусских провинциях.

Объяснялось это правило довольно просто. В 1815 году, когда Рейнская провинция, где располагался Аахен, стала частью Пруссии, бюрократический аппарат здесь пришлось формировать практически с нуля. Сделать это за счет местных кадров в Берлине не считали возможным — жители региона отличались благодаря близости к Франции весьма либеральными воззрениями и скептически относились к своему новому суверену. Существовали и конфессиональные различия — рейнландцы были в массе своей католиками, в то время как господствующей религией в Пруссии был протестантизм. Поэтому властям приходилось активно привлекать чиновников из других регионов страны. Это открывало перед молодым референдарием возможность ускорить свое продвижение по службе.

Еще одним фактором, способным стимулировать карьерный взлет молодого Бисмарка, была личность его начальника — 33-летнего правительственного президента графа Арнима-Бойтценбурга, представителя одной из самых влиятельных прусских аристократических семей. Граф весьма благосклонно отнесся к юному референдарии, был в курсе его планов дипломатической карьеры и, по всей видимости, одобрял их. Кроме того, Арним мог в недалеком

будущем возглавить министерство иностранных дел, что существенно повысило бы шансы Бисмарка попасть туда. Одним словом, исходные позиции казались вполне благоприятными.

Пока же молодой чиновник планировал как можно скорее сдать так называемый дипломатический экзамен, который открыл бы ему дорогу во внешнеполитическое ведомство. Основная проблема заключалась в том, чтобы получить разрешение на сдачу экзамена. Это было непростой задачей; допуск предоставлялся только при наличии вакансии в министерстве и после предварительного рассмотрения кандидатуры главой ведомства. Уже осенью Бисмарк постарался задействовать все берлинские связи для того, чтобы решить вопрос в свою пользу. Одновременно он стажировался в различных отделах правительственного президиума — нечто вроде ускоренной подготовки в административных вопросах перед блестящей дипломатической карьерой. Однако вскоре сам Бисмарк начал наносить собственным перспективам один удар за другим.

Аахен был курортным городом с европейской известностью, где бурлила светская жизнь и собирались отдыхающие с разных концов континента. Бисмарк с головой окунулся в развлечения, вращаясь в первую очередь среди англичан и заводя там новые знакомства и, конечно же, романы. Было ли это стремление искать общества иностранцев, заметное уже в эпоху его студенчества, подсознательным протестом против тесного мирка прусской провинции или сознательным элементом подготовки к дипломатической деятельности, сказать трудно. Однако уже летом 1836 года любые практические соображения отступили на задний план — Отто влюбился в юную англичанку мисс Лору Рассел, племянницу герцогов Кливленд. По свидетельству самого Бисмарка, его ухаживания были встречены благосклонно, что стало серьезной нагрузкой для бюджета — «общение с богатыми людьми заставляет тратить больше, чем следовало бы», писал он брату Бернгарду¹. Попытка поправить финансы за игорным столом привела, естественно, к еще большим долгам. Кроме того, Бисмарк был вскоре уже совершенно не уверен в своем желании вступить в брак с прекрасной англичанкой. Возможность с честью выйти из сложившейся ситуации дало болезненное падение с лошади, которое приковало юношу к постели и оставило его в компании с произведениями Цицерона и Спинозы.

Когда Бисмарк снова смог выходить на улицу, его английские знакомые уже уехали. Молодой референдарий вернулся к работе, однако начальство уже начало сомневаться в том, что из него полу-

¹ Bismarck O.v. Werke in Auswahl. Bd. 1. Darmstadt, 2001. S. 13. (Далее — WIA).

¹ Engelberg E. Op. cit. S. 136.

чится хороший чиновник. Да и сам Отто испытывал все большее разочарование в службе. Впоследствии в мемуарах он оправдывал себя: «Личный состав не всегда отвечал тому несколько необоснованному идеалу, который витал передо мной, когда мне было 21 год; еще менее соответствовало ему содержание текущей работы. (...) Вопросы, то или иное решение которых не стоило затраченной на них бумаги, вполне могли быть разрешены одним префектом при затрате вчетверо меньшего количества труда (...) Уезжая из Аахена, я составил себе невысокое мнение о нашей бюрократии»¹. Перспективы блестящей карьеры становились все более туманными, разочарование все более глубоким, отвращение к образу жизни мелкого чиновника все более ощутимым. Кроме того, налицо были проблемы с самодисциплиной, которые будут преследовать «железного канцлера» до самого конца его жизни. Нарастающий разрыв между стремлением подняться до самых высот дипломатической службы и нежеланием тратить на бюрократическую рутину долгие годы жизни, довольствуясь при этом весьма скромным материальным положением, усугублял душевный кризис молодого Бисмарка.

К этому добавилось то обстоятельство, что в декабре 1836 года Бисмарк получил новую информацию о прекрасной Лоре, которая, как ему сообщили, на самом деле лишь косвенно была связана с семейством Кливлендов. Перспектива вступить в неравный брак существенно охладила пыл юного дворянина. Вскоре он нашел утешение в объятиях 36-летней замужней дамы, однако и этот роман не мог продолжаться долго.

Развязка наступила летом следующего, 1837 года. Молодой Бисмарк познакомился в Аахене с еще одной прекрасной англичанкой, приятельницей Лоры — семнадцатилетней Изабеллой Лорейн-Смит, дочерью английского священнослужителя дворянских кровей. Девушка «со светлыми волосами и редкой красотой»² покорила сердце молодого человека, который буквально не отходил от нее ни на шаг. Когда семейство Лорейн-Смит собралось уезжать из Аахена, Бисмарк испросил восьмидневный отпуск, чтобы следовать за предметом своей страсти в путешествии по континентальной Европе. «Она заставляет кипеть мою горячую кровь» — писал он в эти дни друзьям³.

Когда восемь дней истекли, Бисмарк не только не вернулся к месту службы, но даже не потрудился поставить начальство в из-

вестность о том, что он самовольно продлевает свой отпуск. Неделя летела за неделей, влюбленный Отто приехал вместе с Изабеллой и ее семьей в Висбаден, сорил деньгами, устраивал вечера с шампанским при свете луны, снимал номера в лучших отелях, поскольку не выносил даже мысли о том, чтобы выглядеть стесненным в средствах. Дела на личном фронте обстояли хорошо, и сам он намекал на то, что ему даже удалось добиться помолвки. Во всяком случае, в своих письмах Бисмарк уже называл семью Изабеллы своей семьей и говорил о предстоящем в марте бракосочетании. На свадьбу в Лейчестершир он приглашал двух старых друзей — Карла фон Савиньи и Густава фон Шарлаха, с которыми был знаком со студенческих лет. Зимой он предполагал провести со своей избранницей в Неаполе или Париже. В дневнике самой Изабеллы, впрочем, исследователи никакой информации о помолвке обнаружить не смогли.

Но блистательные планы все время сталкивались с суровой реальностью. Пытаясь последовать за Изабеллой в Мюнхен, он обнаружил, что его паспорт истек. Прусское посольство в Штутгарте выручило его из затруднительной ситуации, однако с условием, что он вернется в Аахен. Однако Бисмарк злоупотребил доверием дипломатов и последовал за своей возлюбленной в Швейцарию. Попытка поправить свои финансы за игровым столом стоила ему еще 1700 талеров — огромная сумма по тем временам.

О том, что произошло далее, точная информация отсутствует. Возможно, отец Изабеллы решил навести справки о финансовом положении претендента на руку его дочери и нашел оное не слишком удовлетворительным. Возможно, сам Бисмарк отказался от матримониальных планов, подробнее разобравшись в социальном и материальном положении девушки. В любом случае, осенью роману пришел конец. Попытка Бисмарка оправдаться перед начальством в Аахене, направив в октябре Арниму письмо из Берна, тоже имела весьма ограниченный успех.

Остается спорным, насколько тяжело Отто перенес полученный удар. По мнению Лотара Галла, бурный роман был скорее поиском выхода из жизненного кризиса, чем по-настоящему глубокой и сильной страстью⁴. Восемь лет спустя в письме к Шарлаху Бисмарк так вспоминал об этой истории: «Возможно, честолюбие, которое было тогда моим проводником, направляло бы меня и в дальнейшем, если бы прекрасная англичанка не заставила меня свернуть с пути, сменить курс и в течение 6 месяцев непрерывно следовать в ее кильватере по иноземным морям. В конечном итоге я принудил ее к

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 7.

² WIA. Bd. 1. S. 17.

³ Pflanze O. Op. cit. Bd. 1. S. 60.

⁴ Gall L. Bismarck. Der weiße Revolutionär. München, 2002. S. 43.

сдаче, она спустила флаг, но после двух месяцев обладания приз был отнят у меня одноруким полковником в возрасте 50 лет, с четырьмя лошадьми и 15 тысячами талеров годового дохода. С тощим кошельком и больным сердцем я вернулся в Померанию»¹.

Разбитое сердце, испорченная карьера, огромные долги — такой неутешительный баланс пришлось свести Бисмарку к концу 1837 года. Иметь дело с кредиторами пришлось еще довольно долго. Несколько проще было со службой. Хотя Бисмарк даже не потрудился заехать в Аахен на обратном пути из Швейцарии в Книпхоф — там его ждали только рассерженные начальники и многочисленные кредиторы — ему разрешили продолжить карьеру в правительственном президиуме Потсдама. Как язвительно написал Арним, «можно только одобрить высказанное Вами пожелание перейти в королевскую администрацию старопруссских провинций, чтобы вернуться к напряженной служебной деятельности, к которой Вы безуспешно стремились в условиях Аахена»².

В Потсдаме, где Бисмарк приступил к работе в декабре 1837 года, он сделал еще одну попытку подчиниться бюрократической дисциплине. Работы было много — как он писал отцу, «если я ложусь на диван, то могу погрузить в документы обе руки до уровня плеч»³. Изначально Бисмарк пытался добросовестно справляться со своими обязанностями, не забывая, однако, посещать кабаки и игорные заведения. Однако энтузиазма и в этот раз хватило ненадолго. Уже весной он принял решение поступить добровольцем на военную службу.

В Пруссии с 1814 года существовала всеобщая воинская повинность, распространявшаяся на все слои населения. Однако для представителей обеспеченных семей все же существовал способ облегчить себе жизнь, записавшись в так называемые «добровольцы с одногодичным сроком службы». Такой доброволец сам обеспечивал себя всем необходимым, а его служба представляла собой, по сути, подготовку к офицерскому чину, после получения которого он зачислялся в резерв. Совершенно очевидно, что для Бисмарка отъезд в полк гвардейских егерей объяснялся не склонностью к военной карьере, а стремлением снова вырваться из пут унылой чиновничьей жизни. Не случайно он уже летом предпринял безуспешную попытку прервать службу, сославшись на состояние здоровья. В дальнейшем он также неоднократно испрашивал себе отпуска, чтобы навестить

больную мать. С учетом его отношения к матери очевидно, что это был не более чем предлог.

По всей видимости, именно тогда у Бисмарка созрело решение отказаться от каких бы то ни было амбиций и в подражание отцу вести жизнь прусского помещика. Вильгельмина, уже смертельно больная раком, в итоге вынуждена была согласиться с ним. Более упорными оказались другие родственники — в частности, его кузина Каролина фон Малорти, которая в длинном письме призывала его не дать пропасть выдающимся талантам: «У Вас великолепные знания языков; география и статистика — Ваши любимые предметы; Вы можете принести большую пользу Отечеству»¹.

Бисмарк написал на это послание пространный ответ, который является одним из самых любопытных документов, вышедших из-под его пера и характеризующих его как личность. Приводя многочисленные причины, побуждающие его оставить государственную службу, он писал о том, что недоволен той ролью, которая предназначена ему в бюрократическом аппарате, что его «честолюбие больше стремится к тому, чтобы не подчиняться, чем к тому, чтобы повелевать». Далее следовали слова, без которых не обходится, пожалуй, ни одна биография Бисмарка: «Прусский чиновник похож на музыканта в оркестре; играет ли он первую скрипку или на треугольнике, он вынужден исполнять свою партитуру, не видя и не влияя на целое, так, как ему предписано, вне зависимости от того, нравится это ему или нет. Однако я хочу играть ту музыку, которую считаю хорошей, или вообще не играть»². Этого принципа он придерживался до самого конца своей жизни. Бисмарк в любой ситуации и на любой должности стремился действовать в соответствии с собственными воззрениями, и никому — включая монарха — не удавалось добиться от него простого исполнения приказов. Далее Бисмарк писал: «Для немногочисленных знаменитых государственных деятелей (...) любовь к Отечеству была движущим мотивом, который привел их на службу. Однако гораздо чаще это делало честолюбие, желание повелевать, стать знаменитым и служить объектом восхищения. Должен признать, что и я не свободен от этой страсти»³. В качестве своих идеалов он называл англичанина Роберта Пиля и француза графа Мирабо.

1 января 1839 года скончалась его мать, честолюбивые надежды которой он не оправдал. К этому моменту Бисмарк уже начал целе-

¹ WIA. Bd. I. S. 46.

² Engelberg E. Op. cit. S. 146.

³ WIA. Bd. I. S. 18.

¹ Engelberg E. Op. cit. S. 149.

² WIA. Bd. I. S. 22.

³ Ibid. S. 24.

направленную подготовку к предстоящей ему роли сельского помещика. Последние несколько месяцев военной службы он провел в егерском батальоне в Грейфсвальде, что дало ему возможность посещать занятия в недавно основанной Королевской экономической и сельскохозяйственной академии, где молодой человек познакомился с основами рационального ведения хозяйства. На Пасху, окончив военную службу, он уехал в родные поместья.

После некоторых колебаний в октябре 1839 года Бисмарк окончательно подал в отставку с государственной службы. «Если господину фон Бисмарку удастся преодолеть свою личную лень, он будет способен ко всем высоким государственным должностям» — таков был вердикт начальства¹. Однако лень у талантливых людей объясняется, как правило, недостатком мотивации и дисциплины. У молодого чиновника никакой мотивации быть винтиком в огромной бюрократической машине действительно не было.

В деревенской глуши Бисмарк надеялся обрести внутренний покой. В конечном счете, все его прежние неудачи и поражения объяснялись в первую очередь внутренними метаниями, долгими и бесплодными поисками самого себя. Молодой человек был словно соткан из крайностей. Честолюбие, принимавшее порой нездоровые масштабы, и стремление во всем быть первым соседствовали в нем с неспособностью долго и упорно трудиться и подчиняться строгой дисциплине. Он крутил многочисленные романы, неоднократно подумывал о женитьбе — и все же в значительной степени страшился того, что узы брака могут стать тяжкими оковами. Он стремился взять от жизни все, погрузиться в пучину удовольствий, создать себе образ неудержимого кутилы — и в то же время отличался любовью к литературе и искусству. Разумеется, большинству современников его душевные метания и внутренние противоречия были совершенно неинтересны — в Бисмарке видели молодого повесу, не способного к сколько-нибудь серьезной деятельности. Такая репутация сопровождала его еще долго.

¹ Richter W. Op. cit. S. 28.

ГЛАВА 2

СЕЛЬСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Помимо всего перечисленного выше, у молодого Бисмарка была еще одна веская причина стать деревенским жителем. Речь идет о состоянии его финансов. За предшествующие годы юноше удалось накопить довольно большой объем долговых обязательств, которые постоянно напоминали о себе устами кредиторов. Расплатиться было практически нечем — имения, принадлежавшие семье, приносили убытки. Бисмарк планировал убить двух зайцев сразу: сделать поместья прибыльными и за счет этого рассчитаться с долгами.

Идею о том, чтобы Отто занялся управлением поместьями, поддерживал и его отец. Еще в 1838 году он писал сыну: «Тебе было бы лучше заняться имением, чем оставаться на государственной службе»¹. Последняя, по мнению отца, не будет приносить никаких доходов и помешает созданию нормальной семьи. Так же считал и друг семьи Бисмарков, пользовавшийся среди ее членов большим авторитетом — Эрнст фон Бюлов-Куммеров, один из наиболее влиятельных померанских землевладельцев. Бюлов-Куммеров, помимо всего прочего, занимался общественной и литературной деятельностью, был сторонником доминирования Пруссии в Германии, и его идеи оказали определенное влияние на внешнеполитическую концепцию Отто фон Бисмарка.

Весной 1839 года будущий канцлер совместно с братом, который к тому моменту уже сделал аналогичный выбор, управлял тремя померанскими имениями, доставшимися в наследство от матери — Книпхоф, Кюльц и Ярхлин. В 1841 году Бернгард был избран ландратом — руководителем местной администрации, которого избирали из своих рядов владельцы поместий. После этого братья разделили между собой имения: старшему достался Ярхлин, младшему — два других. После смерти отца в конце 1845 года раздел приобрел окончательный характер: получив в наследство Шёнхаузен, Отто передал Бернгарду Кюльц.

¹ Engelberg E. Op. cit. S. 169.

Собирался ли Бисмарк стать помещиком на всю оставшуюся жизнь? По крайней мере, периодически он предавался подобным мечтам. Книпхоф, куда он отправился по окончании военной службы, пробудил в нем приятные воспоминания детства; прекрасная природа, неторопливая сельская жизнь представляла собой разительный контраст с бумажной работой в городских канцеляриях. Однако в еще большей степени радовало Бисмарка то обстоятельство, что он наконец-то оказался предоставлен самому себе. «Я зажил здешней жизнью, спас большую часть своего ожидаемого наследства, и это занятие нравилось мне в течение двух лет из-за своей независимости; я никогда не переносил начальства. В процессе своей служебной деятельности — частью из-за справедливого отвращения к ее окостеневшим формам, частью, особенно в последнее время, из лени и духа противоречия — я исполнился такой ненавистью ко всему, что связано с бюрократией, что даже отверг приятную должность ландрата, которая была предложена мне здешними сословиями и которую в итоге занял мой брат» — писал он Шарлаху несколько лет спустя¹. По поводу перспектив стать ландратом Бисмарк, возможно, приукрасил действительность — его репутация среди соседей оставляла желать лучшего — однако в том, что жизнь в деревне на первых порах нравилась ему, он не покривил душой.

В те времена прусский помещик еще сохранял многие черты феодального властителя и являлся практически полновластным господином в своих владениях. Он был не только собственником земли, но и обладал полицейской и определенной судебной властью, а также являлся патроном местной церкви. Кроме того, от помещиков зависел выбор местной администрации. Проживавшие в границах имения крестьяне, несмотря на отмену крепостного права, во многих отношениях зависели от землевладельца и продолжали считать его своим господином. Это, безусловно, импонировало Бисмарку, который приложил большие усилия к тому, чтобы стать для местных жителей непререкаемым авторитетом. Впоследствии он неоднократно утверждал — возможно, с некоторой долей преувеличения — что его крестьяне готовы пойти за ним в огонь и воду.

Однако большую часть своей нерастраченной энергии Бисмарк употребил на то, чтобы привести в порядок дела в убыточном имении. Очевидно, что эту задачу он рассматривал не только с чисто экономической точки зрения, но и как определенный вызов, испытание, которое необходимо выдержать с честью. Возможно, именно поэтому молодой помещик проявил два качества, ранее мало свой-

ственных ему — склонность к упорному труду и экономии. В Книпхофе появилась большая конторская книга, в которую педантично записывались даже самые мелкие расходы. Вчерашний мот, словно по мановению волшебной палочки, превратился в экономного, даже прижимистого человека.

Одновременно Бисмарк стремился организовать хозяйственную деятельность в имении на современной основе. Он приобрел учебники по сельскому хозяйству, которые тщательно штудировал, что для горожанина было отнюдь не самым простым занятием. Были введены в оборот новые методы обработки почвы, закуплены сельскохозяйственные машины. В итоге Бисмарку удалось достаточно быстро заставить поместье приносить доход.

Было бы весьма соблазнительно приписать это локальное «экономическое чудо» исключительно талантам молодого землевладельца. Однако весьма существенную роль сыграли внешние факторы. После длительного периода экономической депрессии, разорившей многих помещиков, в 1830-е годы начался постепенный, но уверенный рост цен на сельскохозяйственные продукты. Благоприятная конъюнктура существенно поспособствовала успехам Бисмарка, которые позволили ему медленно, но верно рассчитываться с кредиторами.

Тем временем молодому человеку с его неумной энергией довольно быстро наскучила жизнь в остэльбском захолустье. Задача по налаживанию хозяйства была выполнена, а кропотливо работать над дальнейшим его развитием было уже не так интересно. Как и в студенческие годы, он нашел выход в буйных развлечениях, которые довольно быстро обеспечили ему в округе репутацию «бешеного Бисмарка». Среди владельцев соседних поместий в изобилии ходили истории о соблазненных им деревенских девушках, ночных скачках по чужим пшеничным полям, о том, как он разбудил знакомого, остановившегося переночевать в Книпхофе, выстрелом в потолок из пистолета... Отто старался не пропустить ни одной охоты, ни одного праздника, происходившего в округе. Однако это уже не могло удовлетворить его и лишь позволяло на какой-то момент заполнить внутреннюю пустоту.

Впереди маячил внутренний кризис. Бисмарк не нашел себя ни в государственной службе, ни в роли военного, теперь и сельская жизнь начинала ему надоедать. Другой на его месте, возможно, занялся бы науками, но к чисто интеллектуальной деятельности молодой человек питал предубеждение. Он по-прежнему читал много, в первую очередь исторические сочинения, но довольно бессистемно. Что оставалось делать еще? Жениться?

¹ Krockow C.v. Bismarck. Eine Biographie. München, 2002. S. 32.

В 1841 году Бисмарк вновь задумался о том, чтобы связать себя узами брака. На сей раз речь шла о дочери одной из местных помещиц, Оттилии фон Путткамер. Сама девушка, похоже, была не против, однако ее мать категорически воспротивилась перспективе иметь в зятях «бешеного Бисмарка» и заставила дочь написать претенденту лаконичный отказ. Неизвестно, насколько глубоки были чувства Отто, однако поражение в этом вопросе он воспринял весьма болезненно. Особенно возмутил его тот факт, что Оттилия «любила его в недостаточной степени для того, чтобы противостоять матери»¹. Бисмарк страдал от одиночества, он метался между желанием жениться, пусть даже без любви, и скептическим отношением к браку.

Самым близким ему человеком стала младшая сестра Мальвина. Родившаяся в 1827 году, она провела несколько лет в берлинских пансионах, прежде чем вернулась под родительский кров. Со старшим братом, с которым они до этого практически не виделись, Мальвина начала общаться в тринадцать лет. Они быстро нашли общий язык, поскольку были похожи характерами, да и интеллектом девушка не уступала Отто. В 1843 году она окончательно перебралась в Шёнхаузен, и они вместе с братом вели хозяйство, напоминая временами супружескую чету. Отто играл роль покровителя и защитника, Мальвина заботилась о нем. Хотя совместное проживание продлилось не так уж долго — в октябре 1844 года семнадцатилетняя девушка вышла замуж за Оскара фон Арним, друга молодости Бисмарка — сестра на всю жизнь осталась для «железного канцлера» самым близким человеком. Он очень тосковал в разлуке с ней и полушутя писал, «как это неестественно и эгоистично, когда девушки, у которых есть холостые братья, вдруг выходят замуж»². Отто и Мальвина с тех пор находились в постоянной переписке, причем Бисмарк обсуждал с сестрой, которой безоговорочно доверял, даже политические вопросы, прислушиваясь к ее мнению в государственных делах. Их душевная близость дополнялась и укреплялась постоянным интеллектуальным диалогом.

Одновременно Бисмарк проникался все большей неприязнью к своему окружению, к местному юнкерству, которых считал провинциальными обывателями с ханжеской моралью. Чтобы немного развеяться, он в 1842 году предпринял длительное путешествие по Европе — во Францию, Италию и Великобританию. В ходе этой поездки он подумывал даже о том, чтобы вступить в английскую колониальную армию и отправиться в Индию — однако, судя по

всему, сам прекрасно понимал, что смена декораций не заполнит внутреннюю пустоту. По мнению одного из наиболее выдающихся биографов Бисмарка, Эрнста Энгельберга, Отто уже к тому моменту осознал, что спокойная жизнь сельского помещика его совершенно не удовлетворяет, что для самореализации ему необходимо нечто иное¹. Пока альтернатива отсутствовала, он продолжал развлекать себя всевозможными сомнительными выходками, которые только укрепляли его дурную репутацию среди соседей. Сам он впоследствии писал об этом времени как об эпохе «слепой жажды удовольствий, в которой я бессмысленно и безуспешно проматывал богатые дары молодости, духа, состояния и здоровья»².

Душевный покой, к которому некогда стремился молодой дворянин, обернулся томительной скукой. Заранее известное, предопределенное до мелочей будущее владельца имения было тупиком. О том, какого размаха достиг внутренний кризис, терзавший Бисмарка, говорит его попытка весной 1844 года вернуться на государственную службу. Глава правительственного президиума Потсдама удовлетворил его просьбу с тем условием, что он «упорным прилежанием наверстает упущенное с момента увольнения со службы и сможет рассеять те предубеждения, которые, что не имеет смысла скрывать, возникают после ознакомления с личными делами, характеризующими его усердие на государственной службе в прежние годы»³.

Опасения чиновника оказались не напрасными — не отслужив и двух месяцев, Бисмарк взял отпуск, из которого больше не вернулся. «Я больше не мог выдерживать одинокую жизнь сельского юнкера и сомневался, надо ли вернуться на государственную службу или отправиться в дальние странствия. Четыре месяца назад я снова пошел на административную работу, проработал шесть недель и нашел дела и людей столь же затхлыми и бесплодными, как и прежде» — так охарактеризовал эту интермедию сам Бисмарк⁴. Если положение самого маленького винтика в бюрократическом аппарате было невыносимым для вчерашнего студента, то можно себе представить, насколько тягостным оно выглядело в глазах полновластного хозяина поместья. Бисмарк вернулся в Померанию, не имея четкой цели, не зная, как распорядиться собственной жизнью. «Я безвольно плыву по течению жизни, не имея ни руля, ни штурвала, кроме минутных склонностей, и мне довольно безразлично,

¹ Gall L. Op. cit. S. 51.

² WIA. Bd. I. S. 44.

¹ Engelberg E. Op. cit. S. 182.

² Richter W. Op. cit. S. 34.

³ Gall L. Op. cit. S. 52.

⁴ WIA. Bd. I. S. 37.

где меня выбросит на берег» — писал он в эти месяцы¹. Единственной отдушиной было чтение. Молодой помещик одно за другим буквально проглатывал произведения Шекспира, Байрона, Гёте, Уланда, других знаменитых в свое время европейских писателей. К числу его любимцев относился Гейне, чья острая ирония весьма импонировала Бисмарку. В меньшей степени увлекался он философией — в первую очередь трудами младегегельянцев — а также историческими сочинениями..

Примерно полгода спустя, в письме к Шарлаху, Бисмарк так описывал свою жизнь: «Я сижу здесь, холостой, очень одинокий, мне 29 лет, и я вновь здоров физически, но довольно невосприимчив духовно, веду свои дела с пунктуальностью, но без особой страсти, пытаюсь сделать жизнь своих подданных приятнее и без злобы смотрю на то, как они обманывают меня. В первой половине дня я исполнен недовольства, после обеда полон благими чувствами. Мое окружение — это собаки, лошади и помещики, среди последних я пользуюсь некоторым уважением, поскольку легко могу прочесть письменный текст, одеваюсь по-человечески и при этом могу разделить дичь с аккуратностью мясника, спокойно и дерзко скачу верхом, курю совсем крепкие сигары и с доброжелательной холодностью сваливаю своих гостей под стол во время попок. Сам я, к сожалению, не могу опьянеть, хотя вспоминаю это состояние как очень счастливое. Я функционирую почти как часовой механизм, не имея ни особых желаний, ни сожалений; весьма гармоничное и скучное состояние»². Письмо выдержано в обычном для переписки двух друзей насмешливом тоне, однако оно свидетельствует о том тупике, в котором оказался молодой человек.

В 1844 году Бисмарк вновь отправился в путешествие — на ганноверский остров Нордерней на Северном море. Здесь он отпустил себе бороду, и после его возвращения среди местных крестьян ходила легенда, что ему запретили бриться после того, как он поспорил с ганноверским королем и спустил его с лестницы.

Однако к этому моменту в жизни Бисмарка произошли определенные изменения. С начала 1843 года он активно общался с Морицем фон Бланкенбургом, которого знал еще со времен учебы в гимназии. Как и Бисмарк, Бланкенбург оставил службу, чтобы управлять отцовскими имениями, не имея никакого желания карабкаться вверх по длинной и скользкой бюрократической лестнице. Два молодых человека быстро стали друзьями. Именно благодаря Бланкенбургу Бисмарк познакомился с кружком молодых дворян-пиетистов, который внес новую ноту в его жизнь.

¹ Ibid. S. 38.

² Ibid. S. 48.

Пиетизм появился в конце XVII века как течение внутри германского протестантизма. Его основной особенностью был тезис о тесной связи человека с богом. Пиетисты придавали большое значение внутренним религиозным переживаниям и личному благочестию. Вся жизнь — как частная, так и общественная — должна была, по мнению представителей этого течения, проходить в согласии с божественными заповедями. Новый завет они рассматривали не как повествование об Иисусе, а как своего рода практическое руководство к повседневной жизни. Популярности пиетизма у прусского дворянства способствовало то обстоятельство, что он в условиях первой половины XIX века олицетворял собой протест против идей либерализма и европейского Просвещения, ассоциировавшихся с несправедливой революцией и Бонапартом.

Очевидно, что изначально Бисмарк не испытывал особой симпатии к идеям пиетистов. Он был не слишком набожным человеком, да и образ жизни «бешеного юнкера» был далек от безгрешного. Судя по всему, в этот кружок его привлекло присутствовавшее у пиетистов ощущение стабильности и правильности избранного пути. Эти люди нашли для себя цель и смысл жизни — то, чего так не хватало самому Бисмарку. В религиозных взглядах пиетистов ему импонировали отказ от догматики и вера в способность человека общаться с богом напрямую, без посредников — впоследствии это станет важной составляющей его собственных религиозных убеждений. Кроме того, в рамках кружка собралась практически вся образованная и интеллигентная дворянская молодежь тогдашней Померании, и только здесь можно было найти достойных собеседников. Впоследствии общение с пиетистами принесло с собой еще одно важное преимущество — именно здесь Бисмарк познакомился с братьями Эрнстом Людвигом и Леопольдом фон Герлахами, которые занимали ключевые позиции при дворе и впоследствии стали его политическими покровителями и наставниками. Впрочем, с этими людьми он нашел общий язык в первую очередь на почве социальных и политических, а не религиозных воззрений.

Однако самым важным на тот момент стало знакомство с Мари-ен фон Тадден, невестой Бланкенбурга, которая была на шесть лет моложе Отто. Ее свадьба с Морицем состоялась в октябре 1844 года. Выросшая в сельской глубинке, Мария была открытой, естественной, жизнерадостной и в то же время набожной молодой женщиной. Ее внутренняя глубина, искренняя вера и целеустремленность привлекали Бисмарка. Впоследствии биографы «железного канцлера» гадали,

было его чувство настоящей любовью или просто глубокой привязанностью. В любом случае, именно благодаря ей жизнь Отто начала меняться, сначала постепенно, потом все более радикально. Одним из важнейших столпов пиетизма была убежденность в необходимости миссионерской деятельности, и Мария увидела в беспокойном, мятущемся скептике, к которому прониклась искренней симпатией, идеальную почву для духовного просвещения. Кроме того, ее завораживали сила и энергия, которые излучал Бисмарк, и в письмах она порой мимоходом сравнивала его со своим женихом, причем не в пользу последнего.

Нельзя не сказать о том, что Отто в то время обладал весьма импозантной внешностью: высокий, спортивного телосложения, с мягким тембром голоса. «Коротко подстриженные светлые волосы и короткие усы обрамляли приветливое лицо, — вспоминал один из современников. — Под густыми бровями светились большие выразительные глаза»¹. Очевидно, сама Мария влюбилась в Отто, однако боялась признаться себе в этом — в конечном счете, она уже была помолвлена и, будучи ревностной христианкой, не могла позволить себе думать о другом. Выходом для обоих стала дружба — тем не менее, как писал Эрнст Энгельберг, «отношения (...) в итоге достигли такой степени интенсивности, которая в длительной перспективе была небезопасной для обеих сторон. Глубокая человеческая симпатия друг к другу и тщательно скрываемая склонность могли однажды прорвать поставленные границы»².

В течение нескольких лет они часто общались друг с другом, Бисмарк был постоянным гостем в поместье Бланкенбургов Кардемине. Мария не оставляла своих попыток обратить Отто к христианству. Однако молодой человек был непреклонен, заявляя, что вера должна быть дарована свыше. Даже Мария не смогла добиться в его образе мыслей больших изменений и с досадой писала приятельнице: «Меня всегда приводила в уныние мысль о том, что один человек не способен помочь другому. Видеть человека, который так страдает от холода безверия, как Отто фон Бисмарк, весьма грустно»³. Тем не менее, их встречи продолжались, а взаимная симпатия крепла, и удерживать ее в границах дозволенного становилось, по всей видимости, все сложнее. Однажды Мария, гуляя по саду со своим мужем и Бисмарком, сорвала два цветка. Мужу она подарила синий цветок — символ верности и преданности; на долю Отто досталась алая роза — символ страстной любви.

¹ Keudell R.v. Op. cit. S. 2.

² Engelberg E. Op. cit. S. 231.

³ Richter W. Op. cit. S. 37.

При этом Мария отчаянно искала выход из создавшейся ситуации. Оптимальным вариантом ей, очевидно, казалась женитьба Отто. Именно супруги Бланкенбург познакомили Бисмарка с его будущей женой Иоганной фон Путткамер, дальней родственницей отвергнутой его Оттилии. Иоганна, которой на момент знакомства — в 1844 году — исполнилось 20 лет, была ближайшей подругой Марии и, как это часто бывает, практически целиком находилась в тени своей сверстницы. «Было бы затруднительно воспевать ее красоту, а о духовной оригинальности и говорить не приходится» — так характеризует ее один из современных биографов Бисмарка¹. С этим довольно суровым приговором сложно не согласиться. Мария фон Тадден описывала свою подругу как «свежий, бурлящий источник здоровья», «в ее внешности не было ничего красивого, кроме глаз и длинных черных локонов, она выглядит старше своих лет, говорит много, остроумно и бодро с любым человеком, будь то мужчина или женщина»².

Мария и Мориц прилагали большие усилия для того, чтобы сблизить Отто и Иоганну. В письмах Бисмарку они прямым текстом рекомендовали ему не терять времени и начать процесс сватовства. Однако изначально молодые люди не ощущали особой симпатии друг к другу, тем более что никакой интеллектуальной и духовной близости между ними не возникло. Их лишь немного сблизило романтическое путешествие по Гарцу, предпринятое летом 1846 года в компании других молодых дворян из окружения Бланкенбургов. Именно в этот период между ними завязалась переписка, поначалу довольно осторожная — набожная девушка с понятным недоверием относилась к «бешеному Бисмарку». Последний, в свою очередь, пока еще не вполне серьезно стал задумываться о женитьбе. «Сельское хозяйство не занимает меня в достаточной степени, — заявил он как-то Бланкенбергу. — В течение следующего года я бы хотел получить либо жену, либо должность»³.

Поворотным пунктом в этой истории стала смерть Марии в начале ноября 1846 года. В Померании свирепствовала эпидемия тифа, жертвой которой после трехнедельной болезни и стала молодая женщина. Это одним махом покончило с существованием «любовного треугольника», а также изменило многое в сознании Отто. Как вспоминал сам Бисмарк, узнав о тяжелой болезни своей подруги, он впервые за долгие годы искренне и страстно молился. Ее смерть стала для него тяжелым ударом; Мориц фон Бланкенбург едва ли

¹ Krockow C.v. Op. cit. S. 45.

² Schmidt R. Op. cit. S. 23.

³ Keudell R.v. Op. cit. S. 18.

не впервые видел этого сильного и ироничного человека плачущим. «Это первое сердце из тех, которые я потерял, о котором я точно знаю, что оно было тепло ко мне» — сказал Бисмарк вдовцу¹. Весьма примечательное заявление, если учесть, что оба родителя Отто к тому моменту уже отправились в лучший мир.

Считается, что потрясение от смерти Марии заставило Бисмарка отбросить свой прежний скепсис и обрести веру. Трудно сказать, насколько это соответствует истине; во всяком случае, дальнейшая биография выдающегося политика не дает оснований заподозрить его в ревностном благочестии. В то же время некая глубоко личная, внутренняя вера, убежденность в наличии высшей силы и вечной жизни у него появилась. Однако отношение к богу оказалось у Бисмарка весьма своеобразным и мало похожим на ту набожность, которая была характерна для пиетистов. В дальнейшем он часто читал Библию, но крайне редко появлялся в церкви. Кроме того, в отличие от пиетистов, он не считал религиозные нормы основой для частной жизни и уж тем более для политической деятельности. Религия давала Бисмарку чувство уверенности в том, что мир вокруг него имеет некое разумное основание, цель и смысл — уверенности, которой ему так не хватало раньше. Бог, могущественный и справедливый, был для него не советчиком и помощником в повседневных делах, но источником моральной силы, а также основой и оправданием существующего порядка вещей, с которым Бисмарк далеко не всегда был согласен внутренне.

В любом случае, молодой помещик окончательно понял, что должен радикально изменить свою жизнь. К этому моменту он практически переселился в Шёнхаузен, однако время от времени появлялся и в Померании. Месяц спустя после смерти Марии Отто встретился в поместье Бланкенбургов с Иоганной. Молодые люди к тому моменту прониклись взаимной симпатией, а смерть общей подруги сблизила их еще больше. Видимо, поэтому они быстро договорились связать свои судьбы. Очевидно, Иоганна действительно была влюблена в Бисмарка. Что касается последнего, то о яркой и сильной страсти с его стороны речь, похоже, не шла. Согласно одной из версий, он был глубоко влюблен в Марию и сохранил это чувство до конца своих дней, поэтому свою будущую супругу выбирал холодным рассудком. Иоганна была способна дать ему то, чего ему так не хватало — тихую гавань, домашний уют, уверенность и спокойствие. В ней Отто нашел человека, которому мог совершенно и полностью доверять.

В какой-то степени выбор Бисмарка можно назвать браком по расчету, при этом речь идет не о финансовых соображениях, а о том,

что он увидел в Иоганне идеальную супругу. Это не значит, что их отношения были лишены эмоций. Бисмарк явно испытывал к своей избраннице привязанность, которая со временем переросла в настоящее глубокое чувство.

Будущее показало, что выбор оказался правильным. Любовь, работа, верность и преданность жены станут для Отто на протяжении долгих десятилетий важной опорой. Он всегда мог рассчитывать на крепкий семейный тыл, где черпал силы для государственных дел и политических баталий. Она не претендовала на лидерство в семье. На протяжении долгих десятилетий Иоганна жила во многом интересами своего мужа, его друзья были ее друзьями, враги — ее врагами, которых она ненавидела едва ли не больше, чем сам Бисмарк. Не обладая широтой его интересов, не считая нужным блистать в обществе, она обладала нежностью и душевной теплотой, за которые Отто был благодарен ей в течение всей своей жизни.

Впрочем, распространенный образ Иоганны как сельской дурочки, способной только заботиться о муже и заглядывать ему в рот, не соответствует действительности. Она была неглупа, отличалась сильным характером и собственными убеждениями, которые во многом совпадали с убеждениями Бисмарка. Много читала, в том числе на английском. Когда она была еще подростком, однажды в родительской усадьбе начался пожар; Иоганна оставалась в доме до последнего и руководила операцией по спасению имущества¹. У нее был явный музыкальный талант — она прекрасно играла на пианино. Как вспоминал впоследствии Роберт фон Койделл, «она обладала особым музыкальным даром. Не получив в этой сфере хорошего образования, она, тем не менее, могла наизусть сыграть множество произведений. (...) Ее восприимчивость к музыке была необычайной»².

Однако решения самих молодых людей было мало для заключения брака. Бисмарку предстояло получить согласие родителей Иоганны. Необходимо сказать, что его избранница была единственной дочерью глубоко религиозного человека. Репутация «бешеного юнкера», которая сопровождала Бисмарка во всей Померании, могла по крайности затруднить ведение переговоров. Поэтому незадолго до Рождества 1846 года жених написал длинное письмо своему будущему тестю, которое считается его первым дипломатическим шедевром.

Задача, стоявшая перед молодым человеком, была довольно сложна: ему предстояло убедить своего адресата в том, что все

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 22.

¹ Hoffmann G. Otto von Bismarck und Johanna von Puttkamer. Die Geschichte einer großen Liebe. Berlin, 2014. S. 32.

² Keudell R.v. Op. cit. S. 4.

буйные развлечения остались в прошлом, и он вступил на путь раскаяния и исправления. Бисмарк стремился создать у читателя ощущение своей предельной искренности, излагая ему всю историю своей жизни и не скрывая ее темных сторон. Письмо получилось весьма пространным; к достоверности изложенного в этой своеобразной автобиографии нужно относиться с большой осторожностью. В конечном счете, главной целью автора было убедить Генриха фон Путткамера в своей благонадежности, а не предоставить историкам будущего ценный материал. Уже в первых строчках письма Бисмарк брал быка за рога, говоря о том, что намерен попросить у адресата «самое ценное из всего, чем Вы располагаете в этом мире»¹. Безусловно, писал он, господин фон Путткамер знает его слишком плохо для того, чтобы рискнуть отдать в его руки столь ценное сокровище, однако «доверие к Господу может дополнить то, чего не в состоянии сделать доверие к человеку». Призывать в союзники бога станет впоследствии одним из излюбленных риторических приемов Бисмарка; в данном случае он был призван обезоружить глубоко религиозного отца.

В письме Отто рассказывал о своем детстве и юности, о том, как он «слепо ворвался в жизнь, попал, будучи то соблазнителем, то соблазненным, во все возможные плохие компании, и считал дозволенными все грехи». Одним словом, автор рисовал классическую историю молодого человека, испорченного своим окружением, который лишь постепенно прозревает и обращается на путь истинной веры — история, многократно обыгранная романистами того времени. Бисмарк рассказывал, как он вошел в кружок пиетистов, где впервые почувствовал душевное спокойствие и комфорт, как восхищался этими людьми, которые были «почти совершенными примерами того, чем я хотел бы стать», их глубокой верой и убежденностью. Однако сам он был лишен этой веры, и лишь внезапная болезнь Марии — здесь сюжет письма приближается к своему драматическому финалу — заставила его впервые обратиться к Всевышнему с искренней, идущей от сердца молитвой. «Господь не внял моим мольбам, но и не отбросил их, поскольку я не утратил способности молить его и почувствовал если не мир, то доверие и волю к жизни, каких не знал раньше». Именно так, писал Бисмарк, он начал свой путь к искренней вере. Финал письма тоже нельзя не признать мастерским: «Как высоко Вы оцените это движение моего сердца, начавшееся лишь два месяца назад, мне неведомо; однако я надеюсь, что оно не пройдет бесследно, какое бы решение относительно меня не было принято. Это надежда, которую я

¹ WIA. Bd. 1. S. 63.

могу выразить лишь своей предельной откровенностью во всем, что я рассказал Вам — и никому более — в этом письме, убежденный в том, что Господь поможет достойному»¹.

Однако шедевр дипломатического искусства не смог принести его автору полного успеха. Прибывшее в Рейнфельд — имение Путткамеров — послание достигло своей цели только в том, что сватовство Бисмарка не было отвергнуто с порога. Однако растрогать родителей Иоганны, настроенных по отношению к потенциальному зятю весьма скептически, оно не могло. Мать была против столь одиозной кандидатуры, заявив, что волк всегда забирает из стада лучших овецек. Отец сначала реагировал весьма бурно — после прочтения письма он заявил, что ощущает себя быком, которого ведут на бойню — но быстро успокоился. Сомневавшийся в искренности претендента, но в то же время достаточно трезво смотревший на вещи, он отправил Бисмарку довольно туманное послание, наполненное цитатами из Библии и содержавшее в себе завуалированное приглашение прибыть в Рейнфельд для дальнейших переговоров.

Судя по всему, родители Иоганны планировали организовать претенденту на руку их дочери нечто вроде испытательного срока, в течение которого ему предстояло на деле доказать свою благонадежность. Однако они просчитались, как и многие из тех, кто впоследствии надеялся навязать Бисмарку свои правила игры. Вместо длительной осады Отто совершил быстрый кавалерийский бросок, который принес ему полный успех. В начале января он направился в поместье Путткамеров, где встретил «довольно благоприятное отношение, однако склонность к длительным переговорам», как он писал по горячим следам брату². Однако затягивание дела не входило в планы Бисмарка и, что не менее важно, в планы Иоганны. Встретившись, молодые люди сразу же заключили друг друга в объятия — практически демонстративный жест на глазах у пораженных родителей.

После этого пути для маневров были отрезаны, и 12 января состоялось официальное объявление о помолвке. Бисмарк торжествовал победу. «Я думаю, — продолжал он в письме брату, — мне выпало большое счастье, на которое я и не надеялся. Говоря хладнокровно, моей женой станет женщина редкой души и внутреннего благородства»³. Свадьба состоялась в Рейнфельде 28 июля того же 1847 года. Однако к этому моменту в жизни Бисмарка произошли новые, не менее существенные перемены.

¹ Ibid. S. 66.

² Ibid. S. 70.

³ Ibid.

ГЛАВА 3

В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИЕЙ

Сороковые годы в Германии начались — и протекали — весьма спокойно. Лишь немногие могли рассмотреть под покрывавшей поверхность ряской истоки грядущих потрясений. В Пруссии это время стало порой несбывшихся надежд. После смерти старого, составившего своим правлением целую эпоху короля Фридриха Вильгельма III на престол в 1840 году взшел его сын и тезка, имевший репутацию либерала. Однако эта слава оказалась не соответствующей действительности. Фридрих Вильгельм IV, хотя и сделал несколько политических шажков либерального характера, жестко отменил все чаяния на введение конституционных порядков. Надежды угасли — и на смену им достаточно быстро пришли социальные конфликты.

В германских государствах в этот период все более популярным становился немецкий национализм. И, что не менее важно, все большее количество людей воспринимали старую абсолютистскую систему как препятствие на пути германского единства. Либеральные и национальные ценности соединились в один комплекс. В то время как представители среднего класса грезил о германском единстве, низы страдали от нищеты и болезненных перемен, которые принесла с собой индустриальная революция. В 1844 году произошло знаменитое восстание силезских ткачей. За ним в 1845–1846 годах последовал страшный неурожай на всем европейском континенте, повлекший за собой нехватку хлеба и картофеля. Цены на элементарные продукты питания выросли во много раз. Забурлили и город, и деревня. Весна 1847 года стала временем восстаний — так называемых «картофельных бунтов», прокатившихся по всему прусскому государству. Апофеозом этих процессов можно назвать разразившийся в 1847 году торгово-промышленный кризис. И это все — на фоне весьма шаткого финансового положения прусской монархии.

До определенного момента все эти события, казалось, проходили мимо внимания Бисмарка, который был целиком погружен в свой внутренний кризис. Политикой он практически не интересовался,

лишь периодически замещая Бернгарда на посту ландрата. Только в 1846 году Бисмарк решил направить свои усилия в новое русло. Начал он с того, что в конце года занял чисто общественную должность, название которой можно перевести на русский как «начальник плотин». В его задачи входило наблюдение за ирригационными сооружениями на одном из участков Эльбы с целью не допустить разрушительных паводков. Его предшественник ушел в отставку в связи с тем, что не смог предотвратить в 1845 году весьма масштабных последствий наводнения, затронувшего в том числе и Шёнхаузен. К слову, Бисмарк был одним из тех, кто активно добивался его смещения.

Со своей задачей Бисмарк справился достаточно успешно, однако его амбиции невозможно было удовлетворить столь незначительным постом. Судя по всему, для него это была лишь промежуточная стадия, призванная доказать окружающим его пригодность к общественно полезной деятельности и несколько поколебать репутацию «бешеного юнкера». Следующим этапом стали претензии на депутатское кресло в провинциальном ландтаге.

Провинциальные ландтаги (провинциальные сословные представительства) были выборными органами, созданными в прусских провинциях в 1823 году. Избирательным правом обладали только землевладельцы. При этом половина депутатов избиралась дворянами-помещиками, треть — городскими собственниками, и шестая часть — владельцами крупных крестьянских хозяйств. Возможности провинциальных ландтагов были весьма ограничены и по сути сводились к чисто совещательным функциям при правительстве провинции, какими-либо законодательными полномочиями они обладали лишь в отношении узкого круга сугубо местных вопросов. В июле 1846 года Бисмарк смог стать заместителем депутата от дворянства округа Ерихов в ландтаге провинции Саксония. Тот факт, что ему не удалось получить полноценного мандата, был тем более разочаровывающим, что политическая жизнь Пруссии в эти месяцы заметно активизировалась.

Для получения внутренних и внешних займов королевству Гогенцоллернов требовалось, чтобы их гарантировало хоть какое-нибудь народное представительство — в противном случае крупные финансисты не соглашались давать деньги. В связи с этим Фридрих Вильгельм IV заявил о своем намерении собрать в Берлине депутатов провинциальных сословных представительств в рамках так называемого Соединенного ландтага. Этот орган должен был, в частности, заниматься вопросами финансирования проекта Восточной железной

дороги — важного исходя из политических и стратегических соображений, но довольно трудноокупаемого с коммерческой точки зрения.

Бисмарк приложил много усилий к тому, чтобы попасть в число депутатов, однако все они не увенчались успехом. В конце 1846 года он попытался привлечь к себе внимание, развив бурную деятельность против намечавшейся отмены судебных полномочий прусских помещиков. Он разработал план действий, с которым выступал на различных собраниях провинциального дворянства, и приобрел соответствующую известность в этих кругах. В марте 1847 года даже ездил в министерство юстиции в Берлине, где принимал участие в совещаниях, посвященных реформе. Единственным позитивным итогом стало укрепление его связей с Герлахами. Положительную роль здесь сыграла и его женитьба на Иоганне; связь с обширным и разветвленным кланом Путткамеров значительно усилила его позиции в дворянских кругах и позволила завязать немало полезных контактов.

11 апреля 1847 года Соединенный ландтаг начал свою работу. К этому моменту кризисные явления в Пруссии набирали обороты. Либеральные идеи становились все более популярными, даже среди представителей дворянства распространялось мнение о необходимости введения конституции. За счет депутатов западных провинций Пруссии в Соединенном ландтаге доминировали либералы. Консерваторы, считавшие необходимым сохранить все prerogative короны, оказались в меньшинстве. Тем не менее, король, открывая ландтаг, заявил, что «никогда между Господом на небесах и этой страной не вторгнется исписанный лист бумаги»¹, четко обозначив свою позицию по конституционному вопросу. В свою очередь, депутаты потребовали утвердить периодичность созыва Соединенного ландтага, сделав тем самым первый шаг к его превращению в полновластный парламент. С самого начала стало очевидным, что деятельность сословного представительства будет проходить под знаком противоборства короны и либерального большинства — путь, с которого начинались многие европейские революции.

Сначала Бисмарк вынужден был наблюдать за происходящим со стороны. Однако вскоре ему помог случай: в начале мая заболел один из депутатов, и 8 мая молодой заместитель смог занять его кресло в Соединенном ландтаге. При описании этого события любого биографа подстерегает соблазн порассуждать о том, как сложилась бы

¹ Winkler H.A. Der lange Weg nach Westen. Bd. I. München, 2010. S. 96.

дальнейшая судьба Бисмарка при ином развитии событий. История, как известно, не знает сослагательного наклонения. Однако вполне логично предположить, что начавшаяся вскоре революция все равно предоставила бы ему достаточно возможностей выступить на политической арене.

Разумеется, статус депутата сам по себе не удовлетворял Бисмарка. Это был не более чем инструмент, необходимый для удовлетворения амбиций. Сложно сказать, насколько четко в его голове сформировалось к тому моменту желание посвятить свою жизнь политике. Очевидно, поначалу это была лишь возможность высвободить свою энергию путем, не вызывавшим внутреннего раздражения. Однако постепенно молодой депутат входил во вкус политической деятельности, в конечном счете, вернувшись к своим юношеским мечтам о дипломатической карьере.

На первых порах главной задачей Бисмарка стало привлечь к себе всеобщее внимание в палате, состоявшей из примерно шестисот депутатов. Задача эта была не так сложна, как кажется на первый взгляд. Необходимо было лишь в полную силу проявить риторическое искусство и те черты характера, которые обеспечили ему в свое время репутацию «бешеного юнкера»: решительность, энергичность, упорство в отстаивании своих интересов и готовность идти наперекор общественному мнению.

В Соединенном ландтаге Бисмарк сразу же примкнул к лагерю консерваторов, защитников старого порядка, неограниченных прав и prerogative короны. Чего-то иного сложно было ожидать. Юнкерский менталитет был в нем силен с юности; насмешки над ограниченностью померанских помещиков не делали Бисмарка сторонником демократии. Консерваторы были защитниками того патриархального мира, в котором он чувствовал себя наиболее комфортно. Его друзья-пиетисты также имели весьма реакционные политические взгляды, считая, что власть короля основана на божественной воле, а существующий в государстве порядок является незыблемым и священным. И, наконец, практически все близкие Бисмарку люди принадлежали к консервативному лагерю.

Покровителем молодого депутата достаточно быстро стал — и продолжал им оставаться в течение нескольких лет — генерал-адъютант короля Леопольд фон Герлах. Вместе со своим братом, правительственным президентом Людвигом фон Герлахом, он принадлежал к числу лидеров консервативной группировки. В своих мемуарах Бисмарк вспоминал: «Он был благородной натурой, широкого размаха, но не таким фанатиком, как его брат, президент Людвиг фон Герлах; в обыденной жизни он был скромн и

беспомощен, как дитя, но политик он был смелый, с широким кругозором, ему мешала только его флегматичность. Я помню, как мне пришлось однажды в присутствии обоих братьев, президента и генерала, следующим образом высказаться по поводу сделанного им упрека в непрактичности: «если бы мы втроем увидели сейчас в окно, что на улице произошел несчастный случай, то господин президент пустился бы в связи с этим в остроумные рассуждения о недостатке в нас веры и несовершенстве наших учреждений; генерал сказал бы в точности, что следовало сделать, чтобы помочь беде, но не двинулся бы с места; и только я вышел бы на улицу или позвал бы людей на помощь» (...). Человек благородного и самоотверженного характера, верный слуга короля, но ни морально, ни, может быть, даже физически — из-за своей тучности — неспособный быстро осуществлять свои правильные идеи. (...) Он душой и телом стоял за короля, даже в тех случаях, когда тот, по его мнению, заблуждался»¹. К кругу Герлахов принадлежали также генерал-адъютанты Густав фон Раух и Эдвин фон Мантойфель, а также один из ведущих идеологов политического консерватизма XIX века Фридрих Юлиус Шталь.

К Шталю, который стремился адаптировать старые консервативно-монархические ценности к современным реалиям, Бисмарк был особенно близок в своих воззрениях. Вообще говоря, политические взгляды Бисмарка достаточно сложно описать общепринятыми терминами. Молодой депутат являлся убежденным монархистом, сторонником Гогенцоллернов, однако вовсе не был легитимистом в точном понимании этого слова. Он был готов служить своему монарху, но не считал себя обязанным поддерживать законные права других государей Европы. При этом его лояльность прусскому королю вовсе не означала безусловного подчинения — в лучших традициях юнкерства Бисмарк считал, что может во многих случаях защитить интересы монархии лучше, чем сам монарх, причем при необходимости даже вопреки воле последнего. Кроме того, он был категорическим противником абсолютизма, особенно просвещенного, опирающегося на бюрократию, а не дворянство. Он идентифицировал себя с прусским юнкерством, однако при необходимости также мог безжалостно перешагнуть через интересы этого сословия.

В конечном счете, остается лишь один актер, которому Бисмарк был лоялен всегда и безоговорочно — это была Пруссия, прусское государство. Интересы Пруссии — естественно, в том виде, в каком

он понимал их сам — были альфой и омегой политической деятельности Бисмарка. Ради них он был готов спорить и ссориться и с королем, и со своими недавними единомышленниками. По мнению Отто Пфланце, Бисмарк неосознанно проецировал свою волю к власти на прусское государство и стремился к увеличению могущества и влияния последнего. Это позволяло ему представлять в первую очередь в своих собственных глазах в облике верного слуги высшего принципа — государственных интересов — а не беспринципного властолюбца¹.

* * *

Молодого депутата достаточно быстро заметили. Объективно в консервативном лагере, который был в Соединенном ландтаге в меньшинстве и вовсе не являлся созвездием талантов, выделиться было легче, чем среди либералов. Уже первое его выступление, состоявшееся 17 мая, привлекло к дебютанту внимание всей палаты. Поводом для него стала речь одного из либеральных депутатов, который обосновывал требование конституции в том числе и тем, что немецкий народ, поднявшись в 1813 году против Наполеона, был воодушевлен надеждой на политические свободы.

Для Бисмарка это был прекрасный случай заявить о себе. Попав на заветную трибуну, он немедленно со всем риторическим пылом обрушился на предыдущего оратора, объявив, что тот унижил национальную честь, полагая, «что злоупотребления и унижения, которые терпела Пруссия от чужаков, были недостаточны для того, чтобы кровь вскипела, а чувство ненависти к чужеземцам затмило все остальные чувства». Выступление многократно прерывалось выкриками из зала. Когда шум стал совершенно невыносимым, заглушая слова оратора, Бисмарк совершил один из тех своих жестов, которые войдут в историю: достал из кармана «Шпенерскую газету» и невозмутимо погрузился в чтение до тех пор, пока председательствующему не удалось восстановить тишину в зале. И только потом ответил на замечание одного из своих оппонентов, заявивших, что молодой депутат не имеет права судить о событиях, которых не видел лично: «Не могу отрицать, что не жил в то время, и я всегда сожалел о том, что не имел возможности принять участие в этом движении; однако это сожаление только что уменьшилось благодаря разъяснению, которое я получил здесь относительно тогдашнего движения»².

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 39.

² Pflanze O. Op. cit. Bd. 1. S. 70.
WIA. Bd. 1. S. 139.

«Неукротимый сторонник консерватизма, владеющий искусством остроумно и со множеством метафор формулировать свои мысли; имеющий склонность говорить открытым текстом и не бояться никакого отпора; упорный настолько, что даже не считает нужным принимать другие взгляды к сведению»¹ — так характеризует Бисмарка один из его современных биографов, именно таким его увидели в этот день политические противники. С этого момента к молодому депутату было приковано внимание либеральной прессы, на страницах которой он регулярно появлялся в амплуа закоренелого реакционера.

Именно это и нужно было Бисмарку. Он сознательно добивался такой популярности, намеренно провоцируя своих политических противников. Впрочем, остается спорным вопрос о том, насколько все это было продуманной тактикой — и в какой мере здесь по-прежнему проявлял себя тот «бешеный Бисмарк», который отличался необузданным нравом и неизменно находился в центре скандала.

Было бы серьезной ошибкой приписывать молодому, только начинающему свою политическую карьеру депутату хитрость, расчетливость и тактическое мастерство опытного государственного деятеля, каким он станет несколько десятилетий спустя. Многие биографы «железного канцлера» склонны рассматривать все его действия на политической сцене как глубоко продуманные, рациональные и идеально рассчитанные маневры, однако это явное преувеличение. Бисмарк делал свои первые шаги, он учился и, как и всякий учащийся, допускал ошибки. Выступая в строго определенном амплуа, молодой депутат ограничивал свое пространство для маневра; впоследствии это не раз осложняло ему жизнь. Сам он после своего первого выступления всерьез опасался, не перегнул ли он палку.

Однако на данном этапе он действительно добился своей цели. Бисмарка заметили и мгновенно оценили руководители консервативного лагеря в Соединенном ландтаге. Политическая карьера молодого депутата пошла по восходящей. Вскоре он, вынужденный пропустить несколько заседаний, с гордостью констатировал, что его отсутствие в палате не прошло незамеченным. 1 июня в очередном выступлении Бисмарк формулировал свое политическое кредо: «Прусский монарх является обладателем неограниченной власти милостью не народа, а Господа, и часть своих прав он добровольно передал народу»².

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 29.

² WIA. Bd. 1. S. 148.

При этом стоит подчеркнуть, что непримиримость и монархический энтузиазм Бисмарка не были только игрой на публику. Он искренне ненавидел либеральное большинство палаты, с искренним пренебрежением относился к парламентским институтам — несмотря на то, что именно в стенах Соединенного ландтага начался его подъем. «Я с утра до вечера полон желчи из-за лживых и клеветнических выступлений оппозиции, из-за своекорыстной, злобной преднамеренности, с которой она отказывается признавать любые доводы, из-за безмозглой поверхностности толпы, у которой даже самые солидные аргументы ничего не стоят против банальных напыщенных фраз рейнских туристов-виноделов» — писал он Иоганне¹.

Политика захватила его, а растущая популярность ласкала его самолюбие. Определенная неуверенность, существовавшая в первые недели парламентской деятельности, быстро рассеялась. «Дебаты сейчас носят очень серьезный характер, — писал Бисмарк 8 июня. — Оппозиция делает все партийной проблемой, даже вопрос с железными дорогами. Я приобрел много друзей и много врагов, последние по преимуществу в ландтаге, а первые вне его. Люди, вчера еще не знавшие меня, а также те, кого я сам еще не знаю, относятся ко мне с предупредительностью, и часто я чувствую дружеское пожатие незнакомой руки. (...) Довольно захватывающими являются политические вечера вне ландтага; с наступлением темноты я возвращаюсь с конной прогулки, и направляюсь сразу в Английский дом, в Отель де Роме, где говорят о политике так страстно, что я редко ложусь спать раньше часа ночи»². В эти недели Бисмарк старался обзавестись как можно большим количеством полезных контактов, проявлял активность, стремясь занять достойное место среди единомышленников.

В ландтаге молодой депутат произнес еще несколько речей, приковывавших к себе всеобщее внимание. Пожалуй, самой известной из них можно считать его выступление 15 июня по вопросу о гражданских правах евреев. В Пруссии того времени лица иудейского вероисповедания подвергались значительным ограничениям на государственной службе. Не будучи антисемитом в современном понимании этого слова, Бисмарк, тем не менее, выступил категорически против предоставления иудеям равных прав с христианами. «Я признаю, — заявил он с трибуны, — что я полон предрассудков, я впил их с молоком матери, и мне не удастся изгнать их диспутами; потому что когда я думаю о том, что могу встретить еврея, которому должен буду повиноваться как представителю священной особы Его

¹ Ibid. S. 143.

² Ibid. S. 152.

Величества короля, то вынужден признать, что буду чувствовать себя глубоко подавленным и униженным, что меня покинут радость и гордость, с которыми я нынче исполняю свои обязанности по отношению к государству. Я разделяю эти чувства с основной массой низших слоев населения и совершенно не стыжусь этого общества. Почему евреям не удалось в течение многих веков обеспечить себе более приятное отношение со стороны населения, я разбираться не хочу»¹.

В этом выступлении, помимо всего прочего, необходимо обратить внимание на один важный момент. Бисмарк апеллировал к «низшим слоям населения» как к своим союзникам. Он был твердо убежден, что простой народ, в первую очередь в сельской местности, верен королю и не поддерживает либеральных говорунов, которые якобы заботятся о его интересах. Мысль о союзе консервативной власти с простыми подданными впоследствии красной нитью прошла сквозь всю его политическую деятельность. Бисмарк во многом позаимствовал ее у Шталя, переведя из теоретической плоскости в практическую и значительно развив и дополнив.

В конце июня Соединенный ландтаг, не оправдавший надежд монарха, был закрыт. К этому моменту Бисмарк уже был довольно хорошо известен в Пруссии. И политические друзья, и политические противники считали его сторонником крайней реакции, заядлым монархистом, готовым защищать свои убеждения до последнего и неспособным на какой бы то ни было компромисс. Эта репутация, не слишком соответствовавшая реальности, закрепилась за Бисмарком на следующие полтора десятилетия. Лишь встав во главе прусского правительства, он, к единодушному изумлению окружающих, повел себя совсем не так, как от него ожидалось.

Весьма показательным являлось отношение к Бисмарку прусского короля. Фридрих Вильгельм IV тоже обратил внимание на молодого оратора, но, дорожа остатками своей репутации либерала, избегал встречи с ним на людях. Однако 20 июня он дал Бисмарку аудиенцию, а спустя несколько недель, встретившись в Венеции с молодоженами, совершавшими свое свадебное путешествие, пригласил их к своему столу. Сам Бисмарк, несмотря на эти милости, был о короле довольно невысокого мнения, резко осуждая его за слабование, нерешительность и склонность к драматическим эффектам. Приверженность монархическому принципу не мешала молодому консерватору высказывать довольно резкие суждения о личности монарха.

¹ Ibid. S. 155.

* * *

Выступления на заседаниях Соединенного ландтага были не единственными риторическими шедеврами Бисмарка, сочиненными им в эти месяцы. Иоганна, оставшаяся в Померании, довольно тяжело переживала разлуку. Ей нездоровилось, настроение молодой невесты тоже оставляло желать лучшего. Не имея возможности (или желания) вырваться из Берлина, Бисмарк писал ей длинные нежные письма, рассказывая обо всем происходившем в прусской столице в своей обычной ироничной манере. Кроме того, в этой переписке он стремился добиться большей душевной близости со своей избранницей. Ведь во многих вопросах — в частности, религиозных — между ними имелись существенные расхождения. Иоганна изначально имела все задатки для того, чтобы стать для Бисмарка идеальной женой — но для их развития необходимо было приложить серьезные усилия. Впоследствии, на склоне лет, канцлер написал в одном из своих личных писем: «Трудно поверить, какого труда мне стоило сделать из девицы фон Путткамер госпожу фон Бисмарк; окончательно это удалось мне только после смерти ее родителей»¹.

Как только Соединенный ландтаг закрылся, жених тут же вернулся в Померанию, где и вступил в законный брак. После свадьбы молодые отправились в свадебное путешествие за границу. Через Дрезден, Прагу, Вену и Зальцбург они прибыли в Венецию, а обратно на родину вернулись через Швейцарию и Рейнскую область. Путешествие произвело огромное впечатление, в первую очередь, на Иоганну, которая впервые отправилась в столь дальнюю поездку. Ее супругу очень понравилась Венеция. Восхищаясь красотами города дождей, он одновременно отметил большое число австрийских войск (северо-восточная Италия входила на тот момент в состав Австрийской империи). Ощущение напряженности витало в воздухе, чувствовалось приближение больших потрясений.

Новобрачные вернулись в Шёнхаузен в октябре. К этому моменту Бисмарк уже осознал, что политика является его призванием. Понимал он и то, что ситуация в стране стремительно меняется, и необходимы новые средства для сохранения старой политической системы.

Возможности продемонстрировать это на практике появились у него очень скоро. В конце февраля 1848 года всю Германию всколыхнуло пришедшее с запада известие — во Франции произошло восстание, король свергнут! Немецкие либералы и демократы увидели возможность осуществить свои мечты. На повестку дня встали

¹ Engelberg E. Op. cit. S. 242.

вопросы германского единства и конституционной монархии. Пруссию быстро захлестнуло революционной волной. В первых числах марта начались волнения в Рейнской провинции, а 18-19-го произошло восстание в Берлине. Консервативные силы потерпели поражение: король вынужден был вывести из города войска, обнажить голову перед телами погибших повстанцев, отменить цензуру и привести к власти либеральное министерство Кампхаузена. Был обещан созыв народного представительства и скорое принятие конституции. Так началась германская революция 1848-49 годов, которая оказала определяющее воздействие на дальнейшую судьбу Бисмарка.

О событиях в Берлине молодой помещик узнал, находясь в Шён-хаузене. Его реакция была вполне однозначной и крайне жесткой: существующий порядок необходимо защитить, бунт должен быть подавлен любыми способами. Опыт Великой Французской революции показывал: если не уничтожить восстание в зародыше, не проявить достаточно твердости, все происходящее довольно быстро обернется властью толпы и безостановочной работой гильотины. Необходимо было действовать быстро и активно.

20 марта к Бисмарку явилась делегация из близлежащего городка, потребовавшая поднять на башне его усадьбы национальный черно-красно-золотой флаг — символ революции. Отправив делегатов восвояси, «бешеный юнкер» призвал местных жителей дать отпор смутьянам и поднял на башне знамя прусской монархии — черный крест на белом фоне. Бисмарк решил сформировать отряд из крестьян, чтобы двинуться на Берлин для защиты короля. Однако, поразмыслив немного, отправился в прусскую столицу в одиночку, чтобы ознакомиться с ситуацией.

21 марта он прибыл в Потсдам — королевскую резиденцию, находящуюся в паре часов езды от мятежного Берлина. Здесь он, в первую очередь, встретился с военными, в числе которых был его давний знакомый, майор Альбрехт фон Роон, впоследствии ставший сподвижником и близким другом «железного канцлера». Бисмарк призвал офицеров активно вмешаться в происходящее в столице — первой его идеей было «отправить эскадрон гусар по деревням во все стороны от Берлина, чтобы призвать крестьян защитить короля от городских»¹. Надежда на единение земледельцев и короны не покидала его. Военные заявили в ответ, что могут и сами справиться с восстанием, но не хотят действовать без приказа.

Тем не менее, генералу фон Приттвицу помещик-энтузиаст пришелся как нельзя более кстати, поскольку с его помощью было воз-

можно выполнить некоторые щекотливые миссии, оставаясь при этом в тени. Приттвиц сам был далеко не против разгромить мятежников, однако ему нужно было, чтобы кто-нибудь взял на себя ответственность. Бисмарк по его просьбе встретился с одним из младших братьев короля, принцем Фридрихом Карлом, находившимся в Потсдаме. Принц, однако, предпочел занять выжидательную позицию.

Затем Бисмарк отправился в Берлин, но эта поездка тоже не принесла результата. Дворец монарха охраняли патрули гражданской гвардии, сформированной восставшими и не пропустившими молодого помещика внутрь. Не сумев встретиться с королем, Бисмарк 23 марта добился аудиенции у принцессы Аугусты — жены Вильгельма Прусского, младшего брата монарха. Вильгельм, пользовавшийся репутацией ярого реакционера, выступал за подавление восстания самыми жесткими методами, за что получил от народа прозвище «карточный принц» и вынужден был бежать в Англию. Аугуста, отличавшаяся от супруга весьма либеральными взглядами, осталась вместе с сыном в Пруссии — возможно, рассчитывая на отречение Фридриха Вильгельма IV, которое автоматически сделало бы ее регентшей при малолетнем сыне. По крайней мере, именно такой точки зрения придерживался впоследствии Бисмарк, который только в ходе аудиенции понял, что обратился совершенно не по адресу.

Существуют две совершенно разные версии состоявшегося 23 марта разговора. Сам Бисмарк впоследствии заявлял, что хотел получить от Аугусты сведения о месте пребывания ее супруга, чтобы привлечь последнего к подавлению восстания в Берлине. «Она приняла меня на антресолях, в комнате для прислуги, сидя на сосновом стуле, отказалась дать мне просимые сведения и заявила в большом возбуждении, что ее долг оберегать права своего сына»¹. Принцесса же утверждала, что Бисмарк пытался побудить ее объявить короля недееспособным, сместить его и возглавить подавление мятежа. Судя по всему, ни одна из двух версий не соответствует действительности в полной мере. В любом случае, можно с уверенностью предположить, что Бисмарк требовал от принцессы содействия в деле подавления революции, она же наотрез отказалась, считая своего собеседника опасным реакционером, который ввергнет королевскую семью в еще большие бедствия. В итоге неудачных переговоров Бисмарк и Аугуста стали смертельными врагами и оставались ими до конца своих дней. Впоследствии они попортили друг другу немало крови.

Конец усилиям Бисмарка положил сам король, который 25 марта прибыл в Потсдам и заявил под недовольное ворчание офицеров,

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 33.

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 22.

что никогда не чувствовал себя более свободным, чем под защитой берлинцев. Если до этого у Бисмарка еще оставались какие-то иллюзии по поводу того, что король находится в плену у восставших, откуда его необходимо вызволить, то теперь они рассеялись. Разочарованный контрреволюционер убедился в том, что монарх слишком мягок и слаб волен для того, чтобы дать отпор бунтовщикам. Ему не оставалось ничего иного кроме как вернуться в Шёнхаузен. Однако Бисмарк вовсе не собирался складывать оружие: если потребуются, он будет защищать монархическую систему даже вопреки воле монарха. Тем не менее, у него было и определенное чувство растерянности; простая картина мира, в которой необходимо защищать короля от мятежников, на поверку оказалась несостоятельной.

В начале апреля в Берлине вновь собрался Соединенный ландтаг. Единственной его задачей было закрепить уступки, сделанные королем в марте, и принять решение о созыве прусского Национального собрания. Несмотря на то, что ландтагу был отмерен весьма короткий век, Бисмарк успел произнести речь, в которой подчеркнул свои убеждения. «Я прощаюсь с прошлым как с покойным, которого искренне любил; в печали, но без надежды вновь пробудить его после того, как сам король бросил горсть земли на его гроб» — заявил он с трибуны¹.

Совершенно очевидно, что в условиях революционного подъема, охватившего Пруссию и Германию, подобные фразы звучали резким диссонансом с настроением большинства даже в таком довольно консервативном собрании, каким являлся Соединенный ландтаг. И все же эта речь не вполне оправдала ожидания покровителей Бисмарка, группировавшихся вокруг Герлаха. Дело в том, что в отличие от предыдущих своих выступлений, молодой депутат был гораздо менее резок и категоричен в осуждении происходящего. «Если действительно получится на новом пути, на который мы сейчас вступили, достичь единства германского отечества, прийти к более счастливому или даже просто законодательно упорядоченному состоянию, тогда наступит момент, когда я выскажу свою благодарность создателю нового порядка; однако сейчас это невозможно» — таким почти примирительным заявлением завершил Бисмарк свою речь².

Впоследствии он оправдывал свою умеренность тем, что не чувствовал за собой морального права критиковать действия монарха и назначенного им правительства. На самом деле он, вполне воз-

можно, пытался нащупать почву для действий в изменившихся обстоятельствах или, как предполагают некоторые его биографы, сам толком не знал, к чему стремиться в новых условиях. В оставшейся неопубликованной статье, написанной спустя несколько недель — ее текст Бисмарк включил в свои мемуары — он выражался еще более определенно: «Дворяне-помещики, как и любой разумный человек, полагают, что было бы бессмысленно и невозможно остановить поток времени или заставить его повернуть вспять»¹. Публично развивать эту мысль он, однако, не мог, не рискуя одновременно утратить расположение Герлаха и других своих покровителей. В каком-то смысле Бисмарк сам стал заложником того образа, который он сконструировал.

На выборах в прусское Национальное собрание, открывшее свои заседания 22 мая 1848 года, шансов у Бисмарка не было. Поэтому он даже не стал выставлять свою кандидатуру. Но это вовсе не заставило его отказаться от активной деятельности. Характерной чертой, во многом определявшей политическую карьеру Бисмарка, была способность плыть против течения, отстаивать свои идеи даже тогда, когда все, казалось, были на стороне его противников. В биографии «железного канцлера» есть два эпизода, когда он с небольшим числом сподвижников, едва ли не в одиночку, почти демонстративно действовал вразрез с господствовавшими в стране настроениями — и в итоге выходил победителем. Первый эпизод пришелся на революцию 1848–49 годов, второй начался полтора десятилетия спустя, после назначения Бисмарка главой прусского правительства. Особенно примечателен тот факт, что его упорство не было бездумным упрямством, а скорее сознательной линией человека, уверенного в своей правоте на основе постоянного анализа происходящего и рассмотрения альтернативных вариантов. Это подтверждается тем обстоятельством, что Бисмарк и в первом, и во втором случае предпринимал попытки найти компромисс с большинством, не отказываясь в то же время от своих основных устремлений.

На первых порах, однако, казалось, что Бисмарк окажется не у дел. Он вернулся в Шёнхаузен, где много времени проводил сидя на диване, куря сигары и мрачно размышляя о происходящем в стране. Его волосы к тому моменту уже начали редеть, а талия терять стройность. Еще весьма молодой мужчина в эти месяцы, по свидетельству очевидцев, любил надевать костюмы покойного отца, подходившие ему по размеру — не столько из экономии, сколько из протеста против всего нового, чему он противопоставлял старый до-

¹ WIA. Bd. I. S. 171.

² Ibid.

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. I. С. 31.

брый мир сельского юнкера. Встретивший Бисмарка летом 1848 года Койделл вспоминал, что за последний год тот, казалось, постарел на несколько лет: «Печальная серьезность в его чертах, светлые волосы поредели (...) Я узнал, что он всего на девять лет старше меня — а казалось, что нас разделяет целое поколение»¹.

Однако попытка отгородиться от происходящих событий стала лишь кратким эпизодом. Для Бисмарка это было время определенного переосмысления своей позиции. Ранее он выступал в защиту короля, но король, по всей видимости, уступил революции. Чьи же интересы следовало защищать теперь? Ответ был прост — того сословия, к которому принадлежал сам Бисмарк. В действиях победивших либералов он видел, в первую очередь, стремление ущемить права крупных землевладельцев, а также отобрать их собственность. Против этого он намерен был бороться всеми своими силами.

В условиях революции консерваторам все же пришлось позаимствовать методы политических противников и основать собственный печатный орган для широкой пропаганды своих идей. С 4 июля начала регулярно выходить «Новая прусская газета». На самом верху первой полосы почетное место занимал Железный крест — и в результате издание получило широкую известность под именем «Крестовой газеты». На выпуске такого издания Бисмарк начал настаивать еще до революционных событий — в частности, свой проект он обсуждал с Леопольдом фон Герлах в июне 1847 года — однако услышан был далеко не сразу. Впрочем, и теперь он не получил в свои руки руководство газетой — то ли из-за своей одиозной репутации, то ли из-за апрельской речи, которую ему еще не простили его политические покровители, то ли из-за молодости. Главным редактором стал Герман Вагнер, который потом еще долгие десятилетия являлся одним из лидеров прусских консерваторов. Вагнер также являлся одним из тех людей в консервативном лагере, с которым Бисмарк тесно сотрудничал на протяжении практически всей своей дальнейшей карьеры.

Бисмарк выступал в роли одного из главных авторов статей «Новой прусской газеты», во многом определявших лицо издания. Точное число текстов, принадлежавших его перу, не установлено по сегодняшний день — в соответствии с обычаями публицистики XIX века, имя журналиста часто не указывалось. Несомненно, что их количество исчислялось десятками. Перо молодого консерватора отличал тот язвительный и полемичный тон, который был характерен

и для его устных выступлений. Бисмарк участвовал и в обсуждении вопросов, связанных с обликом газеты — в частности, выступал за публикацию в ней объявлений и биржевых новостей, чтобы охватить как можно более широкий круг читателей.

Журналистской деятельностью он, однако, не ограничивался. Бисмарк принимал участие в создании «Союза за короля и отечество» в июле, причем изначально рассматривал его как некую тайную структуру, члены которой должны внедряться во всевозможные общественные организации и собирать информацию об их деятельности. Концепция не была принята — «Союз» стал головной организацией для локальных консервативных объединений — однако эта работа помогла Бисмарку преодолеть охлаждение, наступившее между ним и Герлахом после его апрельского выступления в Соединенном ландтаге.

В конце июля Бисмарк принял участие в формировании «Союза защиты интересов крупного землевладения», в рамках которого доминировали консервативные юнкеры, хотя были — больше для вида — представлены и крестьяне. Заседания Союза, прозванного «юнкерским парламентом», прошли 18-19 августа в Берлине — явный знак того, что у Национального собрания появился опасный конкурент. Бисмарк придавал ему большое значение: «Речь идет не только буквально о существовании большей части консервативной партии, но и о том, бросятся ли король и правительство, стоящие на распутье, в объятия революции, объявят ли ее перманентной и перенесут ли ее в сферу социальных отношений»¹. Он еще весной с трибуны Соединенного ландтага активно выступал в защиту сельского хозяйства, интересы которого, по его словам, были ущемлены в ходе революции в пользу промышленности.

Бисмарк особенно подчеркивал при этом единство интересов помещиков и крестьян, которые равным образом заинтересованы в благоприятной рыночной конъюнктуре, и яростно выступал против любых попыток внести разлад в отношения этих двух социальных групп, «опорочить в глазах сельского населения тех из его представителей, которые по своему образованию и развитию с успехом могли бы защищать в Национальном собрании интересы земли; с этой целью стараются искусственно возбудить недовольство против помещиков-дворян (...) Крестьянина обманывают, отрицая, что у него с дворянином-помещиком общие интересы сельского хозяина и общий противник в лице добывающейся исключительного положения промышленной системы, которая протягивает свою руку к

¹ Keudell R.v. Op. cit. S. 20.

¹ WIA. Bd. 1. S. 190.

власти в Прусском государстве»¹. Те же идеи он высказывал и в августе. Революция в его текстах оказывалась все чаще противостоянием не монарха и бунтовщиков, а «села» и «города».

Все это говорилось вполне искренне — Бисмарк до конца своих дней считал, что землевладельцы образуют стеновой хребет государства и общества. Именно они, а не горожане, способствуют процветанию страны — дворяне, помимо всего прочего, еще и тем, что бескорыстно служат своему отечеству, для чего им, естественно, требуется независимый источник доходов. К большим городам и процессам урбанизации Бисмарк до самого конца своей жизни относился с настороженным подозрением. Иногда он подчеркнуто вел себя как сельский житель, не признавая зонтика и не надевая галоши².

Как писал Эрнст Энгельберг, «организационные и агитаторские заслуги Отто фон Бисмарка при становлении «юнкерского парламента» неоценимы»³. Этой же точки зрения придерживались, по всей видимости, и лидеры прусских консерваторов. В то же время заметны были расхождения между Бисмарком и его покровителями. Молодой депутат был сторонником «нового» консерватизма, который опирался бы на широкую социальную базу и учитывал интересы разных слоев населения. Вряд ли в его голове уже тогда сформировалась законченная концепция; скорее речь могла идти о наборе идей, некоторые из которых казались традиционалистами весьма нестандартными. Ганс-Ульрих Велер сравнивает Бисмарка того времени с двуликим Янусом: «железный консерватор и одновременно современный профессиональный политик с беззащитной гибкостью»⁴.

Укрепление позиций Бисмарка совпало по времени с новым этапом германской революции. Внешне казалось, что перемены идут полным ходом. В Берлине заседало прусское Национальное собрание, обсуждавшее вопросы государственного устройства королевства Гогенцоллернов; во Франкфурте-на-Майне — общегерманское Национальное собрание, рассматривавшее проблему объединения страны. И в том, и в другом парламенте тон задавала либеральная интеллигенция, проходили жаркие дебаты, принимавшие иногда отвлеченно-теоретический характер, и ощущался явный дефицит конкретных

решений на злобу дня. При этом оставалось совершенно без внимания то обстоятельство, что никаких инструментов реальной власти в руках у собраний не было, и единственной их поддержкой являлось общественное мнение, которое не могло долго кормиться спорами об идеальном государстве.

Пока революция буксовала, шок от восстаний у германских монархов постепенно проходил. Вокруг Фридриха Вильгельма IV сформировался кружок военных и консервативных политиков, получивший название «камарильи» и представлявший собой нечто вроде «теневого правительства». Во главе стоял генерал-адъютант короля Леопольд фон Герлах. Последний вновь был главным покровителем Бисмарка, а его брат Людвиг называл молодого консерватора «весьма деятельным и интеллигентным адъютантом главной квартиры нашей камарильи»¹. Пока что только адъютантом — о том, чтобы молодой политик вошел в «руководящее звено», никто не говорил.

Осенью 1848 года противники революции смогли перейти в наступление. На смену либеральным министрам пришел консервативный кабинет графа Бранденбурга. 14 ноября в прусской столице было введено военное положение. Фактически это был государственный переворот. Прусское Национальное собрание, так и не вышедшее из стадии теоретических дебатов, было сначала отправлено из столицы в провинцию, а затем распущено 5 декабря. Одновременно от монаршего имени была опубликована конституция Пруссии. В соответствии с ней, в стране вводился двухпалатный парламент (ландтаг), причем члены верхней палаты (палата господ) назначались королем пожизненно, а нижней (палаты депутатов) — избирались населением на основе всеобщего и равного избирательного права. Ландтаг участвовал в законодательной деятельности (правда, король мог наложить абсолютное вето на его решения), но не мог влиять на формирование правительства, которое являлось прерогативой монарха. Сам факт существования парламента был существенным шагом вперед по сравнению с дореволюционными временами и предоставлял Бисмарку возможность продолжить свою политическую карьеру.

Это было тем более важно, что и король, и лидеры прусских консерваторов всерьез заблуждались в отношении молодого политика. Когда в конце 1848 года встал вопрос о назначении Бисмарка министром в новом, консервативном кабинете Бранденбурга, Фридрих Вильгельм IV категорически отверг эту идею. Согласно одной

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 32.

² Keudell R.v. Op. cit. S. 480.

³ Engelberg E. Op. cit. S. 304.

⁴ Wehler H.U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3. Von der „Deutschen Doppelrevolution“ bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges 1849-1914. München, 2008. S. 267.

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 36.

версии, его вердикт гласил «Использовать только при неограниченном господстве штыка», согласно другой — «Красный реакционер, пахнет кровью, использовать позднее»¹. То, что перед ними — не твердолобый юнкер, а достаточно гибкий и прагматичный реалист, не понимали ни друзья, ни враги. Впрочем, осознал ли это сам Бисмарк?

Герлах и другие лидеры «камарильи» относились к Бисмарку в тот период как к адъютанту, способному исполнителю, которого, однако, не привлекали к обсуждению и принятию серьезных решений. Именно поэтому он старался обеспечить себе поддержку не только «сверху», со стороны покровителей в Берлине, но и «снизу», активно контактируя с юнкерами округа Ерихов. «С сентября месяца я словно челнок между здешними местами, Берлином, Потсдамом и Бранденбургом, так что уже не могу видеть Гентинское шоссе» — писал он в декабре брату из Шёнхаузена². Влияние молодого политика медленно, но верно росло, и он в целом был доволен происходящим. «Что касается политики, то там у меня все развивается в соответствии с моими пожеланиями, — писал он Иоганне, — и я благодарен Господу за то, что он доверил мне неоднократно и значительно послужить доброду делу»³. Во время ноябрьского переворота его активность достигла пика. Бисмарк учился вращаться в придворных кругах, постигал сложную науку политики, балансирования между различными силами и группами интересов.

* * *

Начало 1849 года Бисмарк провел в предвыборной борьбе. Поскольку в родном округе шансов у него практически не было, ему пришлось выставить свою кандидатуру в более консервативном Бранденбурге. Здесь ему была обеспечена поддержка родственников жены, пользовавшихся в городе большим авторитетом. Однако и тут ему пришлось приложить немалые усилия, чтобы хоть немного смягчить закрепившуюся за ним репутацию твердолобого реакционера. «Мы консервативны, да, очень, но все же не как Бисмарк» — описывал он настроения местных жителей в письме Иоганне⁴.

5 февраля ему удалось, с трудом собрав необходимое большинство голосов, стать депутатом нижней палаты ландтага. Консерва-

¹ Ibid. S. 38.

² WIA. Bd. 1. S. 198.

³ Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin. S. 110.

⁴ Kolb E. Op. cit. S. 29.

торы составляли в ней явное меньшинство — лишь 53 из 352 мест. Палата депутатов открыла свои заседания 26 февраля, однако уже два месяца спустя оказалась распущена, когда конфликт между либеральным большинством и короной оказался слишком серьезным. Непосредственным поводом для роспуска стало принятие резолюции об отмене военного положения в Берлине.

Чтобы избежать дальнейшего противостояния с парламентом, король внес серьезные изменения в процедуру выборов. В Пруссии было установлено так называемое «трехклассовое избирательное право», просуществовавшее вплоть до 1918 года. Суть этой системы заключалась в том, что все избиратели были разделены на три категории в зависимости от величины уплачиваемых ими налогов. Наиболее крупные налогоплательщики, уплачивавшие треть от общей суммы поступавших в казну налогов, составляли первый класс, а масса мелких налогоплательщиков, также в общей сложности платившие треть всех налогов — третий класс. Каждый класс налогоплательщиков выбирал треть от общего числа выборщиков, которые, в свою очередь, избирали депутатов. Пропорции при этом были таковы, что один голос избирателя из первого класса равнялся голосам трех избирателей из второго класса и двадцати — из третьего. В таких условиях консерваторы, пользовавшиеся значительной поддержкой среди имущих слоев населения, смогли на июльских выборах значительно усилить свои позиции в палате.

Бисмарк также оказался в числе депутатов. Его политическое кредо осталось неизменным — как писала одна из газет, в правой стене зала заседаний следовало бы сделать нишу, чтобы он мог сесть еще правее. К существующему парламенту он относился скептически, ему было бы больше по душе сословное представительство, в котором, однако, должны быть представлены люди из всех слоев общества, в том числе малоимущих. Бисмарк полагал, что «простой народ» в массе своей консервативен и верен королю. Он выступал против любых соглашений и компромиссов с либералами, на которые была готова часть консервативной партии. Осенью, посетив вместе с сестрой могилы павших в ходе берлинских уличных боев 18-19 марта 1848 года, он писал Иоганне: «Даже мертвым я не мог простить, мое сердце было полно горечи по поводу поклонения могилам этих преступников, на которых каждая надпись кричит о «свободе и праве» — насмешка над Богом и людьми»¹.

Бисмарк уже окончательно порвал с карьерой сельского помещика — вслед за Книпхофом Шёнхаузен был в июле сдан в аренду.

¹ Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin. S. 144.

В распоряжении семьи остался только господский дом, но и он использовался нечасто. Бисмарк даже задумывался о продаже имения, поскольку финансовое положение было не блестящим; однако такой шаг поставил бы под угрозу его социальный статус, что было недопустимо.

К этому моменту Бисмарк уже стал отцом — 21 августа 1848 года родилась его дочь Мария. «Я рад, что первый ребенок — девочка, но даже если бы это была кошка, я благодарил бы Господа на коленях в тот момент когда Иоганна разрешилась от бремени» — писал он свекру¹. Осень Иоганна и Мария провели в Шёнхаузене. Отто даже пытался в какой-то момент привлечь жену к своей деятельности, поручив ей небольшую агитационную работу, однако потерпел неудачу. Значительную часть времени Иоганна находилась в Рейнфельде, в имении своих родителей.

Весной 1849 года семейство переехало в Берлин. Правда, жить им приходилось в довольно стесненных условиях. Половину съемной квартиры занимала Мальвина со своим мужем Оскаром фон Арнимом, который также являлся депутатом ландтага. Три комнаты, которые достались семейству Бисмарков, имели отдельный вход. Тем не менее, Иоганну угнетала жизнь в одной квартире с сестрой мужа — тесная связь между Мальвиной и Отто, несмотря на свой родственный характер, заставляла ее ревновать. Как и всегда в дальнейшем, она не показывала своей ревности, отчего, вероятно, страдала еще больше.

Летом Иоганна уехала в Шёнхаузен, а Бисмарк жил у своего друга Ганса Клейст-Ретцова. Осенью он снова снял для семьи небольшую квартиру на Беренштрассе. 28 декабря 1849 года у супругов родился сын Герберт. Иоганне жизнь в большом городе с маленькими детьми окончательно пришлась не по вкусу, и она в начале 1850 года уехала к родителям в Рейнфельд. И она, и дети часто болели; Бисмарк ходил к врачам, а потом в письмах передавал жене их советы.

После отъезда Иоганны Бисмарк снял меблированную комнату, а затем маленькую квартиру на той же Беренштрассе. До лета 1851 года супруги виделись лишь эпизодически. Один из современников описывал Бисмарка в те дни как высокого грузного мужчину с рыжими бакенбардами, приплюснутым носом, насмешливой улыбкой над тяжелым подбородком и ясными умными глазами².

¹ WIA. Bd. I. S. 187.

² Richter W. Op. cit. S. 59.

* * *

К лету 1849 года на первый план в Пруссии вышла германская политика. Это было связано, в первую очередь, с кризисом общегерманского Национального собрания, заседавшего во Франкфурте-на-Майне. Здесь столкнулись две точки зрения на объединение страны. Так называемое «великогерманское» решение предусматривало создание единого государства с участием Австрии, в границах которого оказались бы все немцы, жившие в Германском союзе, однако также и многочисленные народы, населявшие Габсбургскую монархию — венгры, хорваты, итальянцы, словаки... Получавшееся в итоге государственное образование превращалось в огромного неповоротливого монстра, который с трудом мог претендовать на то, чтобы считаться национальным государством немцев. Единственным способом избежать этого мог стать распад Австрийской империи, при котором к Германии отошли бы ее территории, населенные немцами, а балканские владения оказались бы предоставлены самим себе. Однако это представлялось маловероятным из-за позиции австрийских политиков. Поэтому большинство заседавших во Франкфурте депутатов являлись сторонниками так называемого «малогерманского» варианта — объединения Германии без Австрии.

Именно такое решение было принято во франкфуртском Национальном собрании в 1849 году, когда наконец завершились многомесячные прения по вопросу о будущем страны. Однако у первого общегерманского парламента уже отсутствовали ресурсы для того, чтобы провести его в жизнь. Разработанная и принятая в конце марта конституция единой Германии была в таких условиях не более чем клочком бумаги. В этой ситуации Национальное собрание предложило императорскую корону прусскому королю Фридриху Вильгельму IV — по сути, это был жест отчаяния, попытка в последний момент спасти мечту о едином немецком отечестве.

Прусский король в апреле 1849 года высокомерно отверг предложенную корону, заявив, что с удовольствием принял бы ее из рук германских монархов, а не деятелей революции. 21 апреля предложение франкфуртского Национального собрания стало предметом обсуждения в прусском ландтаге. Бисмарк, взяв слово, четко и недвусмысленно обозначил свою позицию, совпадавшую со взглядами большинства консерваторов. Пруссия, заявил он, не имеет права растворяться в Германии, она должна в первую очередь сохранить себя. Прусская и общегерманская конституции в их нынешнем виде сосуществовать не могут; пожертвовать первой ради второй значило бы пойти наперекор интересам монарха и всей страны. «Герман-

ского единства хочет каждый, кто говорит по-немецки, — завершил он свою речь, — но я не желаю его при такой конституции». Пруссия должна «быть в состоянии диктовать Германии законы, а не получать их от других»¹. Завершение речи звучало весьма эффектно: «Франкфуртская корона может быть весьма блестящей на вид, однако золото, которое придаст ей истинный блеск, она может приобрести только за счет того, что в нее будет вплавлена корона прусская. Однако я не верю, что переплавка в форму этой конституции будет удачной».

Фактически это и были основы концепции Бисмарка в германском вопросе: объединение страны должно происходить под главенством Пруссии, в соответствии с прусскими интересами и по инициативе прусской монархии. Летом 1849 года в одном из писем жене он заявил: «Этот вопрос будет решен не в парламентах, а дипломатией и оружием. Все, что мы обсуждаем и решаем по этому поводу, имеет не больше значения, чем ночные мечтания sentimentalного юноши, который строит воздушные замки и думает о том, что некое неожиданное событие сделает его великим человеком»².

Бисмарк был немецким националистом в гораздо меньшей степени, чем прусским патриотом. Это не значит, что идея германского единства была ему совершенно чужда, однако она однозначно уступала государственным интересам Берлина. Германия виделась ему, по сути, увеличенной в своих размерах Пруссией; достичь же этой цели следовало либо на основе соглашений с другими германскими монархами, либо — при благоприятных к тому обстоятельствах — силой оружия. Вопрос о том, в какой мере Бисмарк вообще на данном этапе своей карьеры считал объединение Германии важной задачей, остается спорным. По его собственным более поздним рассказам, еще в студенческие годы он поспорил с однокашником на 25 бутылок шампанского, что через двадцать лет Германия станет единой; однако современные биографы сомневаются в правдивости этого рассказа³.

В сентябре 1849 года, выступая в парламенте, Бисмарк заявил: «То, благодаря чему мы удержались — это как раз специфическое пруссачество. Это — остаток многократно поносившегося закоренелого пруссачества, который пережил революцию, прусская армия, прусская казна, плоды многолетнего разумного управления и та живая связь, которая существует в Пруссии между королем и

народом. Это приверженность прусского населения к своей династии, это старые прусские добродетели — честь, верность, послушание и храбрость — которые пронизывают армию от ее основы, офицерского корпуса, до самого юного рекрута. (...) Мы — пруссаки и хотим остаться пруссаками. Мы не хотим видеть прусское королевство растворенным в прогнившем южногерманском уюте»⁴. И, взяв слово еще раз: «Уважаемый оратор назвал меня заблудшим сыном Германии. Я думаю, это замечание носит глубоко личный характер. Господа! Моя Отчизна — Пруссия, я не покинул ее и не собираюсь покидать»⁵. В сложившихся условиях необходимо в первую очередь выботиться об укреплении позиций Пруссии на европейской арене, а это значит — избегать любых авантюр. Бисмарк не мог не понимать, что усиление его страны вряд ли будет благожелательно воспринято другими державами и призывал к осторожности в данном вопросе.

И все же такая авантюра была предпринята. Мысль о создании единого государства под главенством Пруссии была вовсе не чужда Фридриху Вильгельму IV. В этом его поддерживал один из его ближайших советников, Иосиф Мария фон Радовиц. Венгр по происхождению, он был по сути своей увлекающимся мечтателем, имевшим большое влияние на столь же увлекающегося и романтического монарха. Король был его единственной опорой, отношение к Радовицу со стороны других представителей политической элиты было более чем скептическим. Его обвиняли в бездарности, нежелании и неумении видеть реальные обстоятельства происходившего и злоупотреблении доверием короля. «Он приносит несчастье всему, до чего затрагивается» — так характеризовал его Бисмарк⁶.

В любом случае, момент для того, чтобы выступить с инициативой реформы Германского союза, был выбран на первый взгляд довольно удачно. Революция уже пошла на спад, но внушенный ею ужас заставлял правителей малых и средних германских государств стремиться к сближению с сильной прусской монархией, которая гарантировала бы им короны. Австрия, со стороны которой можно было ожидать основное сопротивление реформе, была занята собственными проблемами — восстанием в Венгрии, которое грозило разрушить монархию Габсбургов.

Проект Радовица предусматривал создание конфедерации германских государств, во главе которой должен был стоять прусский

¹ WIA. Bd. I. S. 213.

² Ibid. S. 228.

³ Nonn C. Bismarck. Ein Preuße und sein Jahrhundert. München, 2015. S. 81.

⁴ Gall L. Op. cit. S. 103.

⁵ Bismarck O.v. Die politischen Reden des Fürsten Bismarck. In 14 Bd. Stuttgart, 1892-1905. (PR). Bd. I. S. 117.

⁶ Kolb E. Op. cit. S. 30.

король, с единым парламентом, выборы в который проходили бы на основе трехклассового избирательного права по прусскому образцу. Эта конфедерация не должна была включать в себя Австрию, однако предполагался союз с монархией Габсбургов для совместной борьбы против революции. В мае 1849 года Пруссия, Саксония и Ганновер договорились совместно продвигать прусский проект. Малые германские государства присоединились к последнему довольно быстро, однако такие крупные игроки, как Бавария и Вюртемберг, традиционно опасавшиеся прусского доминирования, решительно воспротивились формированию конфедерации под эгидой Берлина.

Бисмарк оказался в достаточно сложной ситуации. С одной стороны, он был убежденным противником проекта, в котором видел опасное заигрывание с силами революции. С другой, он не мог открыто выступить против монарха и правительства, интересы которых последовательно защищал на протяжении всей своей парламентской деятельности. В итоге молодой депутат был вынужден лавировать.

Его статьи в «Крестовой газете», критикующие проект конфедерации, появлялись анонимно и вызвали большое недовольство короля — как говорил впоследствии Герлах, если бы Фридрих Вильгельм узнал, кто был автором текстов, на дальнейшей карьере молодого консерватора был бы поставлен крест. В ландтаге Бисмарк выступил 6 сентября с речью, в которой пытался пройти между двух огней, одновременно критикуя действия правительства и в то же время не давая повод заподозрить себя в нелояльности к монарху. Он говорил о том, что прусский парламент должен играть большую, если не решающую роль в определении внутреннего устройства будущей конфедерации — так, чтобы на общегерманском уровне не были приняты решения, не соответствующие интересам Пруссии. Любую политику в германском вопросе необходимо проводить исходя из существующего соотношения сил, чтобы не превратиться в заложника чужих интересов. В своем выступлении Бисмарк обратился к образу Фридриха Великого, который, по его мнению, выбрал бы один из двух вариантов поведения — либо в союзе с Австрией восстановил бы прежний порядок, либо подчинил бы себе Германию, если необходимо, с применением силы. Какой из этих вариантов кажется лично ему более предпочтительным, оратор не уточнил, однако было очевидно, что проект конфедерации он не считал оптимальным.

Как писал Лотар Галл, «эта речь значительно изменила положение Бисмарка не только внутри политической группировки, к которой он принадлежал, но и за ее пределами. Раньше его считали в первую очередь радикалом в вопросах внутренней политики (...) Теперь он неожиданно появился в образе человека, который

мог формулировать аргументы против определенной политики с точки зрения разумного реализма, обращался не только к своим единомышленникам, но к различным группировкам, который мог рассматривать альтернативы»¹. Фактически эта речь открыла Бисмарку дорогу к дипломатической карьере, которая начиналась менее чем через два года. Она стала первым шагом к изменению сложившегося имиджа твердолобого реакционера, укорененного в своих принципах и неспособного к какой-либо гибкости. Тем не менее, до полного преодоления укоренившихся представлений о Бисмарке было еще очень далеко, особенно если речь шла о его политических противниках.

Пока прусский проект буксовал, международная ситуация стремительно менялась. Австрия при помощи России потушила венгерский пожар и — опять-таки с российской поддержкой — готовилась восстановить свои позиции в Германии. Фридрих Вильгельм IV и Радовиц, однако, упорно не желали принимать во внимание изменившиеся реалии. Компромиссные предложения Вены были отвергнуты. В январе 1850 года были проведены выборы в парламент конфедерации, который собрался 20 марта в Эрфурте, чтобы принять конституцию. Работа палаты продлилась чуть больше месяца и окончилась вполне успешно, но уже не имела реального значения — к этому моменту Австрия начала активные действия в германском вопросе, и недавние союзники один за другим откалывались от Пруссии.

Бисмарк вошел в число депутатов Эрфуртского парламента и даже являлся его делопроизводителем, принадлежа к консервативному меньшинству и открыто высказывая свое скептическое отношение к проекту конфедерации. В первую очередь он критиковал положение, которое занимала Пруссия в центральных органах власти, явно несоразмерное, по его мнению, реальному соотношению сил. В верхней палате парламента ей, например, принадлежал один голос из шести, хотя население страны составляло 80% населения конфедерации. Правители малых государств могли тем самым «вынудить короля Пруссии против своей воли следовать их решениям и исполнять их, так что этот могущественный монарх окажется исполнителем чуждой воли в своей собственной стране» — заявил Бисмарк с парламентской трибуны 15 апреля². Учитывая реальную расстановку сил, эти соображения выглядели довольно надуманными и использовались только для того, чтобы каким бы то ни было способом торпедировать опасный проект.

¹ Gall L. Op. cit. S. 117.
² WIA. Bd. I. S. 287.

Летом 1850 года австро-пруссский конфликт разгорелся в полную силу. Еще в мае по инициативе главы австрийского правительства Шварценберга, стремившегося нанести Пруссии ощутимое дипломатическое поражение, был созван конгресс по восстановлению Германского союза. 2 сентября во Франкфурте-на Майне собрался бундестаг. Пруссия и государства, входившие в конфедерацию, фактически бойкотировали оба этих органа. В Германии началось противостояние двух сил, которое достигло своего пика в ходе кургессенского кризиса.

Кургессен, одна из небольших северогерманских монархий, имел важное стратегическое значение, поскольку находился между основной частью Прусского королевства и Рейнской провинцией. Противостояние между курфюрстом, стремившимся сделать свою власть абсолютной, и общественностью достигло здесь такой остроты, что монарх попросил Германский союз ввести свои войска на территорию герцогства. Однако Кургессен являлся одновременно частью созданной пруссаками конфедерации, причем идею последней поддерживала именно оппозиция. Берлинские политики оказались в исключительно сложной ситуации. С одной стороны, они вовсе не желали безучастно наблюдать за тем, как австрийские части окажутся на жизненно важных коммуникациях. Кроме того, отказ от вмешательства фактически означал бы полное крушение конфедерации. С другой стороны, ввод войск означал бы по сути поддержку либеральной оппозиции в конфликте с законным монархом, что тоже было недопустимо.

В итоге прусские войска все-таки вошли в герцогство, что вызвало решительный протест Австрии, которая 21 сентября провела через бундестаг решение ввести в Кургессен контингенты Германского союза. Возникла угроза военного столкновения двух держав. При этом Пруссия находилась в международной изоляции — Россия, которая видела в любых внутригерманских переменах опасное нарушение установленного порядка, всецело поддерживала Австрию. Фактически к осени 1850 года прусская политика оказалась в тупике, из которого невозможно было выбраться без войны или серьезного дипломатического поражения.

Пруссия провела мобилизацию своей армии, однако всерьез о военном столкновении не думал практически никто из правящей элиты. Исключение составлял Радовиц, ставший 26 сентября министром иностранных дел и готовый идти до конца. Однако его влияние неуклонно падало. В середине октября министр-президент (глава правительства) Пруссии граф Бранденбург отправился в Варшаву, где встретился с российским и австрийским монархами и заверил их в готовности отказаться от конфедеративных планов и вернуться к дореволюционному устройству Германского союза. Это

было отступление по всей линии, однако отступление в тех условиях спасительное. 3 ноября Радовиц был отстранен от должности — как писал Бисмарк, «от радости я верхом на стуле проскакал вокруг стола (...) Словно камень свалился с сердца»¹.

29 ноября в Ольмюце было подписано знаменитое соглашение, в соответствии с которым Пруссия полностью отказывалась от конфедерации, обязалась провести демобилизацию армии и впустить контингент Германского союза в Кургессен. Шварценберг предпочел бы нанести противнику более серьезное дипломатическое, а лучше военное поражение, однако ему пришлось проявить умеренность под давлением из Петербурга. Николай I вовсе не был заинтересован в изменении баланса сил и чрезмерном усилении позиций Вены. Это позволяет некоторым историкам рассматривать Ольмюц едва ли не как тактическую победу Пруссии — при тогдашнем соотношении сил свести все к дореволюционному «статус-кво» было успехом. Тем не менее, современниками все произошедшее было воспринято как унижение, словосочетание «позор Ольмюца» прочно закрепилось в прусском политическом лексиконе. Действительно, Берлин потерпел серьезное внешнеполитическое поражение и, по большому счету, даже не смог сохранить лицо. Многие политики, особенно либерального направления, считали, что следовало начать войну, призвав на помощь германское национальное движение — однако именно этого больше всего хотел бы избежать прусский король.

Необходимо сказать, что сначала Бисмарк был совсем не против возможной кампании. В ноябре он писал: «Пусть разразится война, где и с кем угодно, и все прусские клинки радостно засверкают на солнце»². Очевидно, молодой депутат полагал, что кампания мобилизует общественное мнение в поддержку монархии и позволит покончить с любыми проявлениями революционной заразы. Во всяком случае, он считал необходимым добиваться полного равенства с Австрией в германских делах — в опубликованной 19 ноября в «Крестовой газете» статье Бисмарк писал, что «пока Пруссии, черной-белой Пруссии, не обеспечено повсеместно равное с Австрией и возвышающееся над всеми остальными положение в Германии, мы тоже хотим войны»³. Кроме того, в это же время он выступал категорически против вывода войск из Кургессена, из-за чего даже вступил в серьезную перепалку с Леопольдом фон Герлахом. Однако вскоре Бисмарк пересмотрел свою точку зрения, приняв во внима-

¹ Ibid. S. 325.

² Pflanze O. Op. cit. Bd. I. S. 84

WIA. Bd. I. S. 328.

ние реальное соотношение сил и шансы на успех, и приветствовал Ольмюц как победу здравого смысла над эмоциями.

В палате депутатов ландтага Ольмюцское соглашение вызвало оживленные дебаты. Бисмарк не мог не принять в них участия. Оставшись верным своей линии, он выступил с речью, идея которой шла вразрез с настроением большинства присутствовавших. Подписание соглашения он рисовал вполне логичным и оправданным шагом. В своем выступлении Бисмарк фактически сформулировал свое политическое кредо, которому будет следовать на протяжении всей своей жизни: «Единственным здоровым основанием большого государства — и этим оно существенно отличается от маленькой страны — является государственный эгоизм, а не романтика. Недостойно большой страны вступать в схватку из-за чего-то такого, что не соответствовало бы ее собственным интересам»¹. Говоря о вопросе национальной чести, Бисмарк провел резкую грань между интересами всего общества, выразителем которых является государство, и интересами отдельных партий и групп. «Честь Пруссии заключается, на мой взгляд, не в том, чтобы играть повсюду в Германии роль Дон Кихота, защищая обиженных депутатов, считающих, что их местная конституция в опасности (...) Я вижу честь Пруссии в том, чтобы она воздерживалась от любых позорных связей с демократией, чтобы она ни в одном вопросе не допускала того, чтобы в Германии что-либо происходило без ее согласия».

В сложившейся ситуации Пруссия не должна идти на большой конфликт с двумя другими великими европейскими державами без достойной цели. «Государственному мужу легко, последовав за популистским порывом, выступить в кабинете или палате за войну, греясь у камина или произнося с трибуны громовые речи, предоставив истекающему кровью на снегу пехотинцу добывать победу и славу. Нет ничего легче, но горе тому государственному мужу, который прежде не найдет причины войны, которая выглядела бы достойно и после ее окончания. Я убежден — вы будете совершенно иначе смотреть на те вопросы, которые занимают нас сегодня, год спустя, имея позади длительную череду полей сражений и пожаров, нищеты и стонов, сотен тысяч трупов и многомиллионных долгов. Найдется ли у вас тогда мужество подойти к крестьянину, стоящему на пепелище своего дома, к израненному в бою инвалиду, к потерявшему своих детей отцу и сказать им: вы много страдали, но ликуйте, конституция конфедерации спасена (...) Если у вас будет мужество сказать это людям, тогда начинайте войну»².

¹ Ibid. S. 333.

² Ibid. S. 335.

Насколько искренними были эти слова? Бисмарку, безусловно, не нравилось то, что Пруссия вынуждена была сдать свои позиции и отступить. Однако достигнутое вскоре соглашение, по всей видимости, он считал максимумом возможного в сложившихся условиях. Кроме того, он не мог не поддерживать позицию короля и своих покровителей из рядов «камарильи», в противном случае успешная карьера оказалась бы под угрозой. Искусству идти на компромиссы, несмотря на свою бескомпромиссную риторику, Бисмарку пришлось научиться довольно рано. При ином раскладе у него не было бы шансов добиться успеха.

Речь Бисмарка была отпечатана в двадцати тысячах копий и разослана по всей стране. Она значительно улучшила его позиции в «камарилье», неформальным спикером которой он фактически стал. Братья Герлах, с одобрением взиравшие на молодого «адъютанта», еще не замечали глубокого расхождения их позиций. Если прусские консерваторы были сторонниками монархической солидарности и союза «трех черных орлов» — России, Австрии и Пруссии — направленного против революции и на сохранение существующих порядков, то Бисмарк придерживался иной точки зрения на внешнюю политику. Основной целью для него было доминирование Пруссии в Германии, и достичь ее можно было только с помощью трезвого, холодного и лишённого всяких эмоций расчета. Государственный эгоизм был для Бисмарка основой внешнеполитического курса, соотношение сил и интересы — главными факторами, определяющими отношения с другими игроками на европейской арене. Цель стоит выше ценностей и принципов и определяет средства. Впоследствии этот комплекс представлений получит название «реальполитик» — сам термин, как и его определение, принадлежит публицисту Людвигу фон Рохау, опубликовавшему в 1853 году книгу «Основы реальной политики, примененные к условиям германского государства». Однако в историю понятие «реальполитик» войдет в первую очередь в сочетании с именем Бисмарка, положившего эту концепцию в основу своей политической деятельности.

«Принципов придерживаются до тех пор, пока они не подвергаются испытанию на прочность; однако, как только это происходит, их отбрасывают так же, как крестьянин скидывает ботинки, чтобы бежать на тех ногах, которые дала ему природа» — так писал Бисмарк невесте еще весной 1847 года¹. Собственно говоря, ничего нового в этом не было — цинизмом и скепсисом по отношению ко всему романтическому он отличался еще в студенческие годы. Впоследствии

¹ Ibid. S. 122.

Бисмарк просто положил черты, присущие ему как личности, в основу своей политической деятельности. Стоит ли осуждать его за это? В конечном счете, практически все успешные политики действовали так же. Бисмарк был честнее многих из них, поскольку довольно часто прямо заявлял о своем прагматизме. А сам «железный канцлер» говорил о себе: «Я всегда играл с открытыми картами. Я противопоставлял мнимой хитрости шокирующую откровенность. То, что мне зачастую не верили, а затем чувствовали себя глубоко задетыми и разочарованными, это не моя вина»¹. Откровенность была не просто важным тактическим приемом, но и возможностью выпустить наружу свои эмоции, в чем Бисмарк часто испытывал острую необходимость.

«История одарила Бисмарка революцией 1848 года» — пишет один из современных биографов «железного канцлера» Христиан фон Кроков². Действительно, революционные события сыграли решающую роль в судьбе Бисмарка. Именно они позволили ему самореализоваться, найти свое призвание и стезю. В этом можно усмотреть определенную иронию истории — если бы жизнь Пруссии была спокойной, если бы монархическому порядку и дворянским привилегиям, защитником которых выступил Бисмарк, ничего не угрожало, он с высокой долей вероятности остался бы все тем же неуравновешенным помещиком, терзаемым ощущением пустоты и бессмысленности собственного существования.

Отто Пфланце, развивая эту мысль, говорит о трех событиях, которые положили конец прежней жизни Бисмарка и дали ему смысл дальнейшего существования: религиозное обращение, женитьба и начало политической карьеры. «Обращение к пиетистскому лютеранству освободило его от ощущения, что жизнь пуста и бесплодна, и открыла ему источник духовной силы. Брак обеспечил его постоянной, надежной и дающей силы семейной жизнью, в которой он был безусловным главой, мог не бояться возражений и конфликтов. Парламентская и дипломатическая деятельность давала ему возможность влиять на окружающий мир. Кроме того, она приблизила его к тем источникам власти, которые однажды позволят ему заполнить чашу своего самолюбия до краев»³. На самом деле, именно политическая деятельность позволила Бисмарку выбраться из внутреннего тупика, преодолеть терзавший его кризис.

В течение трех лет Бисмарк превратился из никому не известного провинциального юнкера в человека, имя которого было знакомо

всем, кто хотя бы в небольшой степени интересовался прусской политикой. Из «адъютанта камарильи» он стал одним из наиболее влиятельных деятелей консервативной партии. Однако само по себе это было недостаточно. Бисмарк стремился получить официальный пост, о чем уже довольно давно намекал своим покровителям, ссылаясь, в первую очередь, на финансовые затруднения. Более того, этот пост должен был предоставить ему пространство для самостоятельных действий. Это было далеко не самой простой задачей — в прусской бюрократической машине появление человека со стороны, не прошедшего все ступени чиновничьей карьеры, было несчастным явлением. В начале 1851 года возник ряд возможностей, однако они выглядели не слишком привлекательно. Одной из них было назначение на пост главы правительства маленького северогерманского герцогства Ангальт-Бернбург, целиком зависящего от Пруссии. Второй — должность ландрата в одной из прусских провинций.

Лишь в апреле 1851 года, когда на повестку дня встало назначение прусского посланника в бундестаг, Бисмарк получил в свои руки достойный шанс. Бундестаг (Союзный сейм) был единственным центральным органом Германского союза. В нем заседали представители государств — членов союза, которые обсуждали насущные вопросы и принимали решения в соответствии с инструкциями своих правительств. Сфера компетенции бундестага не была четко очерчена, и ограничение суверенитета отдельных государств могло происходить только с их согласия. Представитель Австрии был постоянным председателем, в целом монархия Габсбургов занимала в бундестаге лидирующие позиции. Решения по небольшим вопросам принимались «узким советом», где было достаточно простого большинства. Более важные решения принимались пленумом, в котором каждый член Германского союза имел от одного до пяти голосов в зависимости от своих размеров и влияния. Больше всего голосов имела Австрия, Пруссия — вместе с еще несколькими королевствами — располагала четырьмя голосами. Решения в пленуме принимались квалифицированным большинством. Наиболее важные вопросы, касавшиеся основ устройства Германского союза, должны были решаться единогласно. В реальности продуктивность работы бундестага во многом зависела от сотрудничества между Австрией и Пруссией, каждая из которых обладала достаточным влиянием для того, чтобы блокировать неудобное ей решение.

8 мая 1851 года кандидатура Бисмарка была утверждена. Мечта сбылась — он стал дипломатом.

¹ Gall L. Op. cit. S. 168.

² Krockow C.v. Op. cit. S. 62.

³ Pflanze O. Op. cit. Bd. 1. S. 63.

ГЛАВА 4

НА БЕРЕГАХ МАЙНА

Сам Бисмарк в письме к супруге назвал должность прусского посланника в бундестаге «в настоящий момент важнейшим постом нашей дипломатии»¹. Невольно встает вопрос о том, каким образом на этом посту оказался человек, не только не являвшийся профессиональным дипломатом, но и не имевший серьезного опыта государственной службы вообще и пользовавшийся довольно скандальной известностью.

Значительную роль сыграло стремление монарха назначить во Франкфурт политика, который будет заботиться о хороших отношениях с Австрией и в то же время учитывать прусские интересы. Для «камарильи» во главе с Герлахами первое было даже важнее второго — в роли главного противника для них выступала революция, и борьба с ней была основной задачей, которую можно было решить только в тесном сотрудничестве с Веной. Союз консервативных монархий — «трех черных орлов» — являлся для них абсолютной ценностью. После так называемой «Ольмюцской речи» имелись все основания полагать, что Бисмарк разделяет эту точку зрения. По своим воззрениям он в результате оказывался вполне подходящей кандидатурой. Кроме того, резко контрреволюционная позиция Бисмарка должна была послужить дополнительной «верительной грамотой» в глазах Вены.

Однако это была не единственная причина назначения. В конце концов, среди прусской правящей элиты имелись люди, которые придерживались той же точки зрения на отношения с Австрией, однако имели богатый опыт дипломатической работы. Бисмарк же, казалось, гораздо больше подходил на роль спикера консерваторов в нижней палате ландтага. Потребовались весьма значительные усилия самого кандидата, чтобы эти соображения ушли на задний план.

В течение первых месяцев 1851 года Бисмарк вел активную и очень напряженную деятельность, направленную на то, чтобы при-

нудить к своей особе внимание монарха и европейских дипломатов. Он регулярно посещал светские мероприятия, выступал в палате с речами в защиту прерогатив короны. Так, в своей речи 24 февраля Бисмарк заявил, что в случае, если палата не утвердит бюджет, король может править и без него, поскольку такое развитие ситуации никак не регулируется законодательством. 11 марта он выступил против сокращения военных расходов, заявив, что армия не может зависеть от мнения штатских дилетантов из ландтага. Оба выступления были весьма высоко оценены монархом, который благожелательно наблюдал за деятельностью молодого парламентария. Фридрих Вильгельм IV по-прежнему избегал каких-то публичных выражений своей симпатии к Бисмарку, однако был о нем достаточно высокого мнения и даже в какой-то степени считал себя его покровителем.

Тем не менее, кандидатуру Бисмарка на пост прусского представителя в бундестаге стали всерьез рассматривать только в конце апреля, после того, как ряд других претендентов был отвергнут. Король, поколебавшись, в итоге дал свое согласие. Назначение во Франкфурт значительно усилило позиции Бисмарка внутри «камарильи» — если раньше он был скорее «адъютантом», то теперь ему был поручен самостоятельный фронт работ.

Когда эта информация стала достоянием общественности, германская пресса разразилась целой серией скептических публикаций. Бисмарка называли «политическим младенцем», который своей деятельностью похоронит еще оставшийся в немецких государствах авторитет Берлина. Принц Вильгельм Прусский скептически предположил, что «этот лейтенант ландвера» не справится с поставленной задачей¹. Даже покровитель молодого консерватора, Людвиг фон Герлах, в какой-то момент усомнился в правильности идеи назначать на ответственный пост человека, «административная карьера которого ограничилась неудачной работой референтариум»².

Сам Бисмарк был весьма обрадован новым назначением, но одновременно понимал, насколько трудными будут первые шаги на дипломатическом паркетe. «Полностью самостоятельный пост я, по моему мнению, не смогу сразу же принять» — писал он Иоганне 25 апреля, одновременно опасаясь, что такая нерешительность заставит короля изменить свои планы³.

¹ Engelberg E. Op. cit. S. 367.

² Wehler H.U. Op. cit. S. 268.

³ WIA. Bd. I. S. 372.

¹ WIA. Bd. I. S. 375.

Проблема была решена за счет прусского посла в Петербурге Теодора фон Рохова, который прибыл во Франкфурт одновременно с Бисмарком и остался там до середины июля, чтобы ввести последнего в курс дела. Рохов сам с удовольствием остался бы во Франкфурте и лишь с большой неохотой сдал лакомый пост новичку, которого называл не иначе как «спившимся студентом» и «померанским свинопасом».

Бисмарку нужно было убедить в правильности назначения не только короля, но и собственную жену. Ей было вовсе не по нраву покидать тихий Рейнфельд и перебираться в большой шумный город. Молодой жене нравилась сельская идиллия, и ее мужу пришлось свалить ответственность за предстоящие перемены на высшие силы: «Я не искал этот пост так решил Господь, и я должен его принять и не могу отказаться от этого» — писал Отто Иоганне в конце апреля¹. «Я солдат Господа, и куда Он посылает меня, я должен идти, и я верю, что Он направляет меня туда и организует мою жизнь так, как Ему это нужно» — повторял он несколько дней спустя².

«Иоганна, любимая Иоганна, мы не можем оставаться детьми, которые играют и резвятся, мы должны становиться серьезными людьми (...). Это было прекрасно, но цветок цветет только в определенную пору, и когда он отцвел, необходимо дать созреть плодам» — писала молодой жене в эти дни одна из ее подруг³. Бисмарк, со своей стороны, старался стимулировать перемены в супруге со всем возможным тактом и заботой. «Поверь мне, я люблю тебя как частичку самого себя, без которой я не могу и не хочу жить; боюсь, что из меня не вышло бы ничего приятного Господу, если бы у меня не было тебя; ты — мой якорь на хорошем берегу, и если канат оборвется, то пусть Господь смилостивится над моей душой» — высказывался он в одном из своих писем в начале января⁴. «Я женился на тебе, чтобы любить тебя перед Господом и по велению моего сердца, и чтобы иметь в этом чуждом мире пристанище для моего сердца, где его не заморозят холодные ветра и в котором я найду тепло родного камина, к которому я приникаю, когда снаружи штормит. (...) Нет ничего, за исключением милости Господа, что было бы мне дороже, роднее и нужнее, чем твоя любовь и родной очаг, который с нами даже на чужбине, если мы вместе» — писал он

¹ Ibid. S. 375.

² Ibid. S. 376.

³ Engelberg E. Op. cit. S. 369.

⁴ WIA. Bd. I. S. 345.

Иоганне в мае 1851 года¹. Его письма той поры красноречиво свидетельствуют о той нежной привязанности, которую он испытывал к своей супруге и которую всячески стремился подчеркнуть, чтобы укрепить отношения, все еще находившиеся в состоянии развития.

8 мая Бисмарк получил ранг тайного советника. В этот же день он встретился с королем, который на прощание дал ему продолжительную аудиенцию. Фридрих Вильгельм IV отметил, что новый посланник, по всей видимости, человек весьма мужественный, поскольку согласился заняться совершенно незнакомым ему делом. Сам свежее испеченный дипломат не закрывал глаза на предстоящие сложности и не страдал излишней самоуверенностью. «Предвижу, что это будет неблагоприятная и полная опасностей служба, на которой я при всем старании утрачу расположение многих людей» — писал он жене². Не исключено, что, перекладывая ответственность на высшие силы, он стремился успокоить не только супругу, но и себя самого. Понимая все риски и трудности, Бисмарк, тем не менее, активно добивался своего назначения; будущий «железный канцлер» понимал, что путь вверх подразумевает готовность брать на себя непростые задачи. Более того, он собирался решать эти задачи так, как считал нужным сам.

От нового прусского посланника ожидалось, в первую очередь, конструктивное сотрудничество с Австрией. Это не означало, что он должен был следовать указаниям из Вены, однако, как пишет Лотар Галл, «от него ждали, что он будет соблюдать определенные границы и постоянно учитывать главный интерес — консервативную солидарность»³. По всей видимости, изначально Бисмарк не только не возражал против этого открыто, но и сам в значительной степени разделял подобные взгляды.

Окончательное назначение состоялось 15 июля. «Человек, которого в нашей стране многие почитают, а некоторые ненавидят за его рыцарственную преданность и за его непримиримость к революции. Он мой друг и верный слуга и прибывает со свежим и живым воплощением основ моей политики, моего образа действий, моей воли, и, добавлю, моей любви к Австрии и Вашему Величеству» — так прусский король позднее отрекомендовал Бисмарка в письме к молодому австрийскому императору Францу-Иосифу⁴. Известно, насколько искренним был прусский монарх и пони-

¹ Ibid. S. 383.

² Ibid. S. 375.

³ Gall L. Op. cit. S. 150.

⁴ Schmidt R. Op. cit. S. 54.

мал ли он, как далека от истины данная им характеристика. Новый посланник имел свое видение прусской политики в германском вопросе и вовсе не был настроен на безоговорочное сотрудничество с монархией Габсбургов — впрочем, как и на однозначное противостояние.

Учитывая его взгляды на интересы Пруссии, Бисмарк был просто обречен в недалеком будущем оказаться костью в горле австрийской внешней политики. Как вспоминал впоследствии он сам, в момент приезда во Франкфурт он вовсе не был настроен против монархии Габсбургов; однако в течение первых четырех лет пребывания там убедился в том, что столкновение с Австрией неизбежно¹. Германский союз, похоже, с самого начала не вызывал у нового посланника никаких симпатий. Бисмарк считал его шахматной доской, полем соперничества между Австрией и Пруссией, которое должно быть либо разделено между обеими по справедливости, либо стать военной добычей одной из них. Этим он отличался от многих немцев, видевших в Германском союзе своеобразный заменитель «общего отечества».

В момент назначения Бисмарка главой венского кабинета был все тот же Шварценберг, который нанес Пруссии тяжелое дипломатическое поражение меньше года назад. Революция 1848 года показала, насколько непрочной является конструкция «лоскутной монархии» Габсбургов в условиях расцвета национальной идеи. Шварценберг стремился не только подавить революцию, но и придать стране новый облик, который позволил бы ей выдержать грядущие бури. Внутри страны его политика заключалась в попытке создания унитарного государства, каждый гражданин которого чувствовал бы себя в первую очередь не немцем, чехом или венгром, а подданным Австрийской империи. В области внешней политики основная задача сводилась к тому, чтобы оставаться сильным и не допускать усиления противников, к числу которых относилась в первую очередь Пруссия. Для этого было необходимо как минимум сохранять существующее «статус-кво», как максимум — усиливать австрийское влияние в Германском союзе.

Задача Шварценберга облегчалась тем, что политическая элита многих средних и малых государств, особенно в Южной Германии, считала Пруссию потенциальным агрессором и видела в Австрии гаранта сохранения существующего положения вещей. Действительно, из двух великих германских держав именно Пруссия была в наибольшей степени заинтересована в изменении сложившегося

баланса сил и наращивания своей мощи. Поэтому в своих действиях Австрия могла опереться на обширную «клиентуру» из числа монархов малых германских государств.

Однако у Пруссии в этой игре тоже были неплохие карты. 1850-е годы стали для страны временем спокойствия во внутренней политике и быстрого экономического развития. Средние и малые государства Северной Германии в большинстве своем находились в зависимости от нее. Достаточно сдержанная и осторожная внешняя политика способствовала укреплению ее позиций на международной арене. Основным пространством для прусской внешней политики была Германия, и поэтому ее успех во многом зависел от действий посланника в бундестаге.

* * *

Бисмарк с самого начала стремился действовать самостоятельно, исходя из собственного понимания принципов и задач германской политики Пруссии. Естественно, что он находился в постоянной переписке с королем, министром иностранных дел и своим покровителем Леопольдом фон Герлахом. Однако это не мешало ему чем дальше, тем в большей степени проводить собственную линию — особенно по мере того, как рос его дипломатический опыт.

В первый год своей работы во Франкфурте Бисмарк продолжал оставаться депутатом нижней палаты ландтага и частенько ездил на поезде в Берлин, чтобы принять участие в ее заседаниях. Это было личным пожеланием короля, который разрешил ему отказаться от мандата лишь осенью 1852 года. Согласно закону, после своего назначения депутат должен был, сложив полномочия, баллотироваться повторно — и Бисмарк выиграл выборы с большим перевесом. В марте 1852 года он произнес речь, вызвавшую большой резонанс — в ней он в духе своих прежних выступлений заявил, что не следует путать обманутое демагогами население больших городов с прусским народом в целом и, если горожане вновь восстанут, крестьяне вынудят их к покорности. «Я хочу назвать причину, по которой дворяне занимают большинство постов в армии: это занятие почетное, но не такое удобное, как основание фабрик и руководство ими с королевской поддержкой, в качестве благодарности за которую правительство получает нападки. Поскольку предшествующий оратор заявил, что правительство не доверяет народу, я могу ответить ему, что также не доверяю населению больших городов, пока оно позволяет руководить собой честолюбивым и лживым демагогам, однако я не вижу в них прусского народа. По-

¹ Klemm M. Was sagt Bismarck dazu? Bd. 2. Berlin, 1924. S. 105.

следний, если большие города снова поднимут мятеж, сможет принудить их к покорности, даже если придется для этого стереть их с лица земли»¹.

Совмещая работу в Берлине и Франкфурте, Бисмарк находил достаточно времени для того, чтобы совершать длительные конные прогулки и путешествия по региону. И, конечно, время от времени отправляться на охоту, которая была одним из его любимых видов отдыха. Долина Рейна, конечно, не принадлежала в то время к числу лучших охотничьих угодий Европы, однако Бисмарк довольствовался тем, что имелось. Если ему выпадала возможность поохотиться в более богатых дичью краях, он с радостью ею пользовался. В 1857 году он ездил на охоту в Швецию, в том же году впервые посетил Россию, побывав в Курляндии у своих знакомых из числа балтийских немцев². «Охота — естественный для человека образ жизни, — заявлял Бисмарк. — Даже проведя один день в лесу, домой возвращаешься заметно окрепшим»³.

В октябре 1851 года к мужу приехала Иоганна — это был практически первый опыт длительной совместной жизни супругов. Именно во Франкфурте они окончательно приспособились друг к другу и стали одним целым. Здесь окончательно сформировалась та модель отношений между супругами, которая сохранится до конца их жизни. Отто — лидер, который защищает семью от всех внешних опасностей, заботится о жене и старается сделать ее жизнь как можно более комфортной, но слово которого имеет силу закона. Иоганна — хранительница семейного очага, хозяйка дома, любящая и преданная, не интересующаяся политикой и не имеющая в этой сфере собственного мнения, но искренне ненавидящая врагов своего мужа. Жизнь с таким супругом, как Бисмарк, была не самой легкой задачей, и все же она говорила, что не хочет попасть в рай, если там не будет ее Отто. «Время во Франкфурте-на-Майне было приятным, — вспоминал Бисмарк впоследствии. — Молодой супруг, здоровые дети, три месяца отпуска в году. Бундестаг означал во Франкфурте все — но вокруг были Рейн, Оденвальд, Гейдельберг»⁴. 1 августа 1852 года в семье родился третий ребенок — Вильгельм, которого в семье обычно называли на английский манер Биллом.

¹ PR. Bd. 1. S. 413.

² Нольде Б.Э. Петербургская миссия Бисмарка 1859-1862. Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага, 1925. С. 33.

³ Keudell R.v. Op. cit. S. 89.

⁴ Kolb E. Op. cit. S. 35.

Франкфурт, вольный город с 70-тысячным населением, одна из столиц европейской дипломатии, светское общество которого носило отчетливо космополитичный характер, пришелся Бисмарку по нраву. «Я жил здесь с 1851 по 1859 год и уже не верил, что буду жить где-нибудь в другом месте. На прекрасном кладбище я даже отыскал место, где хотел бы покоемиться когда-нибудь, много позже» — так писал Бисмарк о вольном городе на Майне в конце своей жизни¹.

По приезде во Франкфурт свежеепеченный дипломат изначально поселился в гостинице «Английский двор», однако уже вскоре арендовал дом с небольшим садом. Всего за восемь неполных лет его деятельности в качестве прусского посланника в бундестаге он сменил три дома. Это были сравнительно небольшие здания, плохо годившиеся для организации балов и приемов, но прекрасно подходившие на роль семейного гнезда. К скромности вынуждало и сравнительно небольшое жалованье в 18 тысяч талеров, не позволявшее жить на широкую ногу. Мотли, побывавший в гостях у Бисмарка летом 1855 года, вспоминал: «Это один из тех домов, где каждый делает то, что считает нужным. Салоны, где проходят официальные встречи, расположены вдоль фасада здания. Жилая часть состоит из гостиной и столовой, которые обращены к саду. Здесь рядом обитают стар и млад, старики и дети и собаки, они едят, пьют, курят, играют на пианино и стреляют в саду из пистолетов, и все это одновременно. Одна из тех квартир, где имеются все земные яства и напитки — портвейн, содовая, пиво, шампанское, бургундское или красное в наличии почти всегда — и каждый курит лучшие гаванские сигары»².

Частная жизнь Бисмарка не слишком отличалась от жизни помещика в померанской глубинке. Это импонировало ему самому, а главное — Иоганне, для которой переезд во Франкфурт был связан с радикальным изменением окружающей обстановки. По настоянию мужа ей пришлось учить французский — международный язык того времени — чтобы не выглядеть откровенной провинциалкой в светских кругах. Бисмарк старался уделять жене как можно больше внимания, не уставая подчеркивать, что она значит в его жизни. «Она очень дружелюбна, умна, естественна и относится ко мне как к старому другу» — писал Мотли об Иоганне³. По-прежнему избегавшая светских мероприятий, супруга прусского посланника могла быть душой небольшой компании и образцово гостеприимной хозяйкой. Она при необходимости исполняла представительские функции.

¹ Klemm M. Op. cit. Bd. 1. S. 302.

² Krockow C.v. Op. cit. S. 85.

³ Engelberg E. Op. cit. S. 372.

Однажды, получив в отсутствие мужа приглашение на прием, она в письме спрашивала его, следует ли ей идти: «Это было бы ужасно, но если я должна, то так и быть»¹.

В начале 1855 года в письме Койделлу Иоганна с удовольствием говорила об отсутствии светских мероприятий: «Я так радуюсь этой тишине, поскольку я гораздо больше могу заниматься моими маленькими спутниками. Мы ведем такую спокойную домашнюю жизнь, какая возможна разве что в уединенном Шёнхаузене. Как Вы знаете, мне это всегда нравилось гораздо больше, чем вечная суета среди множества чужих людей, которая не несет с собой ничего, кроме поверхностных фраз в лучшем случае и бесчисленных сплетен и дрызг в худшем»².

Стиль работы Бисмарка разительно отличался от деятельности его коллег — представителей других германских государств. Последние редко утруждали себя напряженной работой, вели главным образом светскую жизнь, а вникать в дела предоставляли своим подчиненным. В отличие от них Бисмарк, при всей своей любви к элегантной светской жизни, работал достаточно напряженно. Иногда он сидел над документами по семнадцать часов в день. Кроме того, он с самого начала придерживался той точки зрения, что дипломатический представитель является не слепым исполнителем инструкций своего правительства, а лицом, которое активно участвует во внешней политике. Это делало его весьма неудобным как для коллег, так и для начальства. «Я мог бы сделать свою жизнь такой же легкой, как мой предшественник Рохов, и, подобно большинству моих коллег, путем умеренного и внешне малозаметного предательства интересов своей страны обеспечить себе спокойное течение дел и репутацию славного товарища» — с горечью писал он позднее³. Бисмарк кривил душой: поступи он так, ему пришлось бы вступить в серьезный внутренний конфликт с самим собой, поскольку в таком виде его роль не слишком отличалась бы от той, которую он не в состоянии был играть, находясь на государственной службе полутора десятилетиями ранее.

* * *

«Что за шарлатанство и преувеличенная важность сидят в этой дипломатии!» — писал он жене вскоре после прибытия во Франкфурт⁴. Первый важный вывод, который Бисмарк сделал для себя на

новом посту, гласил: никто не ведет здесь политику, основанную на принципах, как того хотят его берлинские покровители. Представители всех государств произносят красивые слова, но защищают исключительно свои прагматичные интересы. Соответственно, нет ничего зазорного в том, чтобы также отстаивать государственные интересы Пруссии, а не абстрактные ценности.

Главной задачей, которую ставил перед собой Бисмарк с момента вступления в должность, было сохранить существующее положение дел, отразить все попытки австрийцев достичь гегемонии в Германском союзе и обеспечить Пруссии равноправие с монархией Габсбургов. Его основными оппонентами были, разумеется, австрийские посланники в бундестаге. На момент назначения Бисмарка таковым являлся граф Фридрих Тун фон Гольштейн, представитель венской аристократии. К новоявленному дипломату он относился свысока и считал его «грубым сельским помещиком». «Во всех принципиальных вопросах, которые касаются консервативного принципа, господин фон Бисмарк совершенно корректен. (...) Однако, насколько я могу судить, он принадлежит к той партии, которая видит только специфические интересы Пруссии и не придает большого значения тому, что может быть достигнуто в бундестаге»¹. Сам Бисмарк, понятное дело, мог рассматривать это только как комплимент. Своим поведением он доводил престарелого аристократа едва ли не до нервных срывов, при любом удобном случае демонстрируя ему, что Пруссия отнюдь не является младшим партнером.

Биографы Бисмарка любят пересказывать почти анекдотичные истории о том, как именно свежеспеченный дипломат выводил из равновесия австрийского посланника. Сам канцлер впоследствии вспоминал: «Во время заседания военной комиссии, когда на сейме представителем Пруссии был Рохов, Австрия курила только одна. Рохов, как страстный курильщик, вероятно, с охотой сделал бы то же, но удерживался. Когда я туда пришел, мне сильно захотелось сигары, и так как я не видел, почему бы не курить, то я попросил председателя одолжить мне огня, на что с неудовольствием и удивлением обратили внимание как он, так и другие господа. Видимо, для них это составляло событие. Теперь курили еще только Австрия и Пруссия. Но остальные, очевидно, считали это настолько важным, что послали запросы домой, как им быть. Дело требовало зрелого обсуждения, и в продолжение полугода курили только две державы. Затем начал и баварский посланник выставлять важность своего положения и стал покуривать. Саксонский имел, вероятно, тоже боль-

¹ Hoffmann G. Op. cit. S. 129.

² Keudell R.v. Op. cit. S. 48.

³ Engelberg E. Op. cit. S. 398.

⁴ WIA. Bd. I. S. 386.

¹ Engelberg E. Op. cit. S. 387.

шое желание затянуться, но еще не получил надлежащего разрешения от своего министра. Но когда на следующий раз он увидел, что ганноверский посланник курит, он (...) обнажил меч, и сам задымил. Теперь остались только вюртембергский и дармштадтский, но те вообще не курят. Тем не менее честь и важность их мест необходимо требовали этого, и вот один из них достал сигару (...) и докурил ее до половины, совершив, таким образом, нечто вроде всеожжения за отечество»¹. К слову сказать, история с сигарой во Франкфурте стала поводом для дуэли в Берлине — на одном из заседаний нижней палаты прусского ландтага либеральный депутат фон Винке высказался в том смысле, что курение есть единственное известное ему качество Бисмарка как дипломата. Последний не остался в долгу, заявив, что подобные высказывания выходят за рамки приемлемого. Дуэль, впрочем, завершилась вничью — оба противника, по всей видимости сознательно, промахнулись. Любопытно то, что десять лет спустя Винке, один из наиболее авторитетных лидеров левых либералов, стал главным оппонентом Бисмарка, занявшего пост главы правительства.

Другая история, широко распространенная в свое время в Берлине, рассказывала о том, как Тун однажды в присутствии Бисмарка снял сюртук — ранее это было привилегией председательствующего, однако прусский посланник со словами «Вы правы, здесь очень душно» последовал его примеру. При этом нельзя говорить только лишь о хладнокровной и рассчитанной до мелочей тактике; подчеркивание австрийским представителем своего привилегированного статуса действительно задевало Бисмарка за живое, и многие его выходки, несомненно, носили эмоциональный характер.

Было бы ошибкой полагать, что основным предметом конфликта являлось курение сигар и тому подобные мелочи. Основная борьба разворачивалась по значительно более серьезным вопросам. Как писал Бисмарк главе прусского правительства Мантойфелю в декабре 1851 года, главная задача Австрии заключается в «реализации далеко идущих планов», нацеленных на то, чтобы стать «повелительницей Германии»². Поскольку в этом ее поддерживало большинство членов Германского союза, Бисмарку оставалось проводить политику, направленную на ослабление союзных органов власти, чтобы обеспечить как можно большую свободу действий Пруссии. «Если Австрия запрягает лошадь спереди, мы должны немедленно запрячь другую сзади» — так сформулировал сам Бисмарк суть своей страте-

гии¹. Впоследствии он любил рассказывать историю о том, как один австрийский эрцгерцог спросил его, получены ли его ордена в бою. «Да, здесь, во Франкфурте» — нашелся Бисмарк².

Первым примером такого рода действий стали события вокруг законодательства о прессе. Проект нового закона, который должен был действовать на территории всего Германского союза, представила Австрия. Он предусматривал обязательство всех государств запрещать публикацию текстов, которые признал недопустимыми хотя бы один из членов союза. Фактически это позволяло австрийской стороне устанавливать цензурные ограничения для других германских монархий, в том числе и для Пруссии. Это было явно невыгодно последней, и Бисмарк резко воспротивился подобному ограничению прав отдельных государств. При этом он выступал с откровенностью, шокировавшей многих слушателей. «В наших интересах сохранять видимость свободомыслия по отношению к прессе, особенно других государств (...) Мы не понимаем, почему мы должны поддерживать меры, которые будут нас стеснять. Давайте возьмем нынешнее состояние торгового и таможенного вопроса. К примеру, в Лейпциге или Мюнхене может появиться посвященная этим вопросам брошюра, которая входит в противоречие с позицией саксонского или баварского правительства. Соответствующее правительство ее запрещает, но для нас она весьма благоприятна, почему в таком случае мы должны ее запрещать?»³ После долгих и трудных переговоров закон был принят в 1854 году в значительно смягченной редакции, которая давала членам Германского союза весьма широкие возможности его толкования. Самостоятельность в вопросах цензуры сохранялась.

Вторым вопросом, по которому между Туном и Бисмарком возникли серьезные разногласия, была проблема германского флота. Созданный в период революции на Северном море, он теперь влачил довольно жалкое существование, поскольку его финансирование являлось предметом споров в бундестаге. Дело дошло до того, что денег не было даже на выплату жалованья матросам. В связи с этим Тун в отсутствие Бисмарка запросил заем у банковского дома Ротшильдов от имени Германского союза. Прусский посланник, узнав об этом, понял, что ему представляется блестящая возможность нанести удар авторитету Австрии. Он отправил протест Ротшильду и пригрозил даже тем, что Пруссия выйдет из состава бундестага.

¹ Буш М. Так говорил Бисмарк! М., 2014. С. 170.

² WIA. Bd. I. S. 444.

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 60.

² Braune R. Aus Bismarcks Hause. Bielefeld-Leipzig, 1919. S. 57.

³ Engelberg E. Op. cit. S. 391.

Необходимо упомянуть, что Бисмарк находился с еврейским банкиром в достаточно хороших отношениях, искренне уважал его и доверил ему управление своим счетом. Именно Ротшильд впоследствии познакомил Бисмарка с Герсоном Бляйхредером, который стал личным финансовым советником «железного канцлера». Но в данном случае прусский посланник раздул незначительной по своей сути конфликт до таких размеров, что забеспокоился даже российский император, который уполномочил своего представителя во Франкфурте князя Горчакова выступить посредником. Так Бисмарк и Горчаков, которым в дальнейшем придется еще не раз встречаться на политической арене, впервые познакомились друг с другом.

Тун вынужден был пойти на попятный. «Как могло дойти до того, — писал австрийский аристократ Бисмарку, — что одно из немецких правительств оказалось заинтересовано в том, чтобы втоптать в грязь авторитет Германского союза (...), обратившись с протестом против действий бундестага к еврею, который к тому же подчинен союзным органам в экономическом отношении! (...) При воспоминании об этом я буду краснеть до конца жизни. Вечером, когда тайный советник Венцель принес мне этот протест, я мог лишь плакать, подобно ребенку, над позором нашего общего отечества!»¹ Возвышенные помыслы были не единственной причиной слез Туна — в Вене были весьма недовольны его действиями, позволившими прусскому новичку унижить могущественную Австрию. В любом случае, Бисмарка мало трогала патетика. Итогом всей этой истории стала ликвидация общегерманского флота в апреле 1852 года. На последовавшей распродаже Пруссия смогла выкупить лучшие корабли.

Значительно важнее, чем два этих вопроса, была борьба вокруг Таможенного союза. Это объединение было создано в 1834 году под эгидой Пруссии и включало в себя подавляющее большинство средних и малых немецких государств, заинтересованных в беспопылинной торговле внутри Германии. Австрия по ряду причин не вошла в число его членов. Однако с момента своего создания Таможенный союз рассматривался в Вене как инструмент прусского влияния, который необходимо либо разрушить, либо присоединиться к нему. В начале 1850-х годов Шварценберг выступил с идеей центральноевропейской таможенной унии, которая включала бы в себя всю территорию Германского союза, а также владения Габсбургов, лежащие за ее пределами. Объективно это было не слишком выгодно германским государствам, поскольку

создание единого таможенного пространства с Австрией с ее слаборазвитой промышленностью, высокими покровительственными пошлинами и дешевыми сельскохозяйственными продуктами нанесло бы серьезный ущерб их экономическому развитию. Для Пруссии реализация проекта Шварценберга была неприемлема еще и по политическим соображениям, поскольку она означала бы закрепление австрийского доминирования в Германии и оттеснение Берлина на вторые роли.

Бисмарк прилагал огромные усилия к тому, чтобы сорвать планы австрийцев. В переговорах с Туном он характеризовал действия Вены как «агрессивную политику», которая повлечет за собой «неизбежные и печальные последствия». Когда австрийский дипломат заявил, что Пруссия напоминает человека, «который однажды выиграл 100 тысяч талеров в лотерею и теперь строит свой бюджет исходя из предположения, что это событие будет повторяться ежегодно», Бисмарк весьма жестко ответил: «Если в Вене придерживаются такого же мнения, то я предвижу, что Пруссия вынуждена будет еще раз сыграть в известную лотерею; выиграет ли она, решит Господь»¹. Это была вполне недвусмысленная угроза.

Деятельность Бисмарка в этом вопросе не ограничивалась переговорами с австрийским представителем. В июне 1852 года он был отправлен королем в Вену для ведения переговоров, однако серьезного успеха эта миссия не принесла. Впрочем, монарх изначально считал ее чем-то вроде командировки в «высшую школу дипломатии»; Фридрих Вильгельм задумывался и о назначении своего любимца послом в австрийской столице на постоянной основе, однако Бисмарк решительно воспротивился этому. Визит прусского дипломата пришелся на время поездки молодого австрийского императора в Венгрию, и Бисмарк сопровождал его в этой поездке, получив возможность познакомиться с новым для него регионом Центральной Европы.

В Вене он завязал немало полезных связей, получил важный опыт, однако по существу дела вперед не продвинулся. Перед дипломатом стояли две трудно совместимые задачи — укреплять отношения с Веной и защищать интересы Берлина. По итогам поездки в прусских правящих кругах сложилось мнение, что Бисмарк слишком усердствовал в решении второй задачи в ущерб первой. Кроме того, Бисмарк принимал активное участие в обработке общественного мнения и политиков южногерманских государств, которые были в наибольшей степени склонны поддержать австрийский проект. При

¹ WIA. Bd. I. S. 452.

¹ Ibid. S. 463.

этом он достаточно широко задействовал прессу — опыт, который пригодился ему в дальнейшем.

Разумеется, Бисмарк был не одиноким воином, каким любил себя изображать он сам и каким его впоследствии представляли некоторые биографы. Отражение австрийской атаки на Таможенный союз стало едва ли не главной задачей прусской внешней политики в целом. Лидирующую роль в этом играло министерство торговли в Берлине, а в рамках этого ведомства — Рудольф Дельбрюк, который впоследствии стал одним из ближайших помощников «железного канцлера». Именно Дельбрюк настаивал на проведении жесткой политики, заявляя, что другие немецкие государства настолько зависимы от сложившейся торговой системы, что не рискнут противоречить Пруссии ценой распада Таможенного союза. В конечном счете он оказался прав. Однако заслуга Бисмарка в успешном решении этой задачи также заметна. В итоге Таможенный союз был сохранен в своем прежнем виде, а Австрии пришлось довольствоваться в 1853 году торговым договором с ним. Такое положение дел соответствовало объективным экономическим интересам германских государств, и даже в Южной Германии политические соображения отошли на задний план. По мнению Христиана фон Крокова, этот результат значительно перекрывал то дипломатическое поражение, которое Пруссия понесла в Ольмюце¹.

Было бы ошибкой представлять дело так, что Пруссия и Австрия находились в постоянном противоборстве по всем без исключения вопросам. Там, где не было прямой угрозы интересам Берлина — к примеру, в вопросах создания центрального полицейского ведомства Германского союза или законодательства об общественных организациях — обе великие державы действовали совместно. Смысл противостояния заключался для Бисмарка не в конфронтации как таковой. Кроме того, ему довольно быстро наскучило бесконечное отражение австрийских атак; он считал, что только обороняться в данном случае нельзя, что нужно занять активную, наступательную позицию. Однако далеко не все в Берлине разделяли эту точку зрения.

В 1852 году в рядах противников Бисмарка произошли серьезные перестановки. Скоропостижно скончался Шварценберг, выдающийся политик, являвшийся самым опасным врагом Пруссии в Вене. На его место пришел граф Буоль, значительно менее способный государственный деятель. Язвительный Бисмарк говорил по этому поводу, что Шварценберг, почувствовав недомогание, поста-

рался подыскать себе самого бездарного заместителя, чтобы тот не подсел его за время болезни, и остановился на кандидатуре Буоля. Но болезнь окончилась летальным исходом, и заместитель неожиданно для всех оказался в роли преемника¹. Как бы то ни было, в германском вопросе Буоль продолжал линию Шварценберга, хотя и с меньшим искусством.

В конце 1852 года Франкфурт покинул граф Тун. Будучи довольно пожилым человеком, он еще годом ранее просил о своей отставке, заявляя, что состояние здоровья не позволяет ему достойно защищать австрийские интересы. Расстроенные нервы страдали еще больше, когда Туну приходилось вступать в противостояние с более молодым и уверенным в себе Бисмарком. Новым австрийским посланником стал Антон фон Прокеш-Остен, который до этого представлял монархию Габсбургов в Берлине и снискал себе ненависть прусской политической элиты.

Весьма образованный человек, интересовавшийся науками и литературой, профессиональный дипломат, Прокеш-Остен был в то же время тщеславным и самовлюбленным интриганом. И без того не отличавшийся излишней любезностью по отношению к своим политическим противникам Бисмарк давал ему убийственные характеристики, называя мерзавцем и комедиантом, скверно пахнущим и вызывающим тошноту во всех смыслах. «Этот человек лгал даже тогда, когда в его интересах — в интересах Австрии — было говорить правду, до такой степени лживость стала его второй природой. Его единственной положительной чертой была толстокожесть; когда я выходил из себя в разговоре с ним, то позволял себе иногда такие выражения, которые не стал бы терпеть в свой адрес даже берлинский уличный бродяга, он же проглатывал их спокойно»². Прокеш-Остен, впрочем, тоже не оставался в долгу, характеризуя Бисмарка как «самолюбивую, подлую натуру, полную спеси и чванства, без правового сознания, ленивую, без серьезных знаний и уважения к ним; искусный софист и извратитель слов, с мелочными и грязными приемами; полон зависти и ненависти к Австрии»³.

Положение Бисмарка осложнялось тем, что его расхождения с берлинскими покровителями постепенно нарастали. Пока речь шла об отражении австрийских атак на прусские права, о сохране-

¹ Krockow C.v. Op. cit. S. 88.

¹ Tiedemann C.v. Aus sieben Jahrzehnten. Bd. 2. Sechse Jahre Chef der Reichskanzlei unter dem Fürsten Bismarck. Leipzig, 1909. S. 26.

² Schmidt R. Op. cit. S. 65.

³ Ibid. S. 55.

нии существующего положения, прусский посланник пользовался полной поддержкой начальства. Тем более что в своих донесениях в Берлин он неизменно изображал себя обороняющейся стороной. Однако и Фридрих Вильгельм, и «камарилья» рассматривали в качестве основной задачи сохранение статус-кво и сотрудничество с Австрией против революции. Бисмарк же считал главной целью увеличение влияния и мощи Пруссии. Кроме того, сотрудничество двух держав представлялось ему попросту невозможным, поскольку Германия была слишком мала для обеих. Следовательно, полагал Бисмарк, необходимо вытеснить Австрию, при необходимости опершись на поддержку других европейских держав, решить внутригерманский конфликт, сделав его европейским; в глазах же лидеров «камарильи» обе немецкие великие державы должны выступать единым фронтом по отношению к любой внешней силе. Корень противоречий, однако, заключался в том, что Бисмарк постоянно пытался влиять на принятие внешнеполитических решений в Берлине, часто выходя за рамки своих формальных полномочий.

В конце 1853 года Бисмарк писал Леопольду фон Герлаху: Австрия стремится «к гегемонии в Германском союзе; мы стоим у нее на пути, и мы можем сколько угодно пытаться прижаться к стенке, но Пруссия с ее 17-миллионным населением остается слишком толстой для того, чтобы оставить Австрии столько пространства, сколько она хочет. У нашей политики по чисто географическим причинам нет иного пространства, кроме Германии, а именно его Австрия стремится использовать в своих целях; для обеих здесь нет места (...). Мы конкурируем за воздух, которым дышим, один должен уступить или быть вытесненным, до того момента мы останемся противниками. Я считаю это непреложным фактом, каким бы неприятным он не выглядел»¹. Следовательно, необходимо действовать исходя из эгоистических прусских интересов, не давая увлечь себя разного рода идеалистическими теориями, которые работают на пользу Австрии. «Мы не должны попасть в сети своих или чужих фраз о «германской политике», они работают только против нас и никогда в нашу пользу, мы должны проводить специфически прусскую политику» — говорил он в том же письме. «Австрия использует Германский союз как средство нейтрализовать наше влияние в Германии, (...) он служит не нашим, а австрийским целям, и каждая попытка Пруссии воспротивиться этому фарисейски называют предательством немецкого дела. (...)

¹ WIA. Bd. I. S. 556.

Мы постоянно совершаем ошибку глупого юнца, которого превосходящий его в высокомерии и хитрости компаньон способен убедить, что он поступит неправильно, если не пожертвует собой ради него» — убеждал Бисмарк Герлаха в другом письме¹. При этом он выступал за то, чтобы улучшить отношения с Францией и играть на противоречиях между Парижем и Веной.

Эти идеи шли вразрез с точкой зрения лидеров «камарильи» и внушали им сомнения в том, что Бисмарк был подходящей кандидатурой для столь ответственного поста. Особенно не нравились им идеи о сотрудничестве с Парижем — Франция в представлениях прусской элиты была не только «извечным врагом», жаждавшим немецкой земли, но и постоянным источником европейских революций. Не всегда гладко складывались и отношения с главой прусского правительства Отто фон Мантойфелем, которого благодаря его фамилии (в переводе с немецкого «человек-черт») в берлинских кругах называли Фра Дьяволо. Мантойфель, который был ближе всего к посланнику по своим взглядам на внутреннюю и внешнюю политику, подозревал Бисмарка в намерении занять его место, тем более что слухи о подобной кадровой перестановке периодически циркулировали в придворных кругах.

Отношения с Фридрихом Вильгельмом IV тоже были предметом постоянной заботы молодого дипломата. Как писал Бисмарк в своих мемуарах, «он видел во мне яйцо, которое сам снес и высиживал, и при любом расхождении во взглядах ему казалось бы, что яйцо хочет учить курицу. Мне было ясно, что цели прусской внешней политики, как они представлялись мне, не вполне покрывались взглядами короля; так же ясны были мне и те затруднения, которые пришлось бы преодолевать ответственному министру этого монарха при свойственных ему приступах самовластия и изменчивых взглядах, при его деловой беспорядочности и подверженности пропикавшим с заднего крыльца непрошеным влияниям политических интриганов»². Время от времени у монарха возникали мысли переместить Бисмарка на другую должность. В 1853 году зашла речь о назначении Бисмарка министром ганноверского правительства. Год спустя все более явственным становилось намерение монарха ввести его в состав прусского кабинета. Сам дипломат относился к подобным проектам негативно, предпочитая оставаться во Франкфурте, чем вызывал временами серьезное недовольство короля.

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 66.

² Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. I. С. 74.

К этому моменту отношения между Австрией и Пруссией вступили в новую стадию. Поводом стала Крымская война, в ходе которой монархия Габсбургов поддержала англо-французский альянс против Российской империи. Несмотря на то, что от прямого вмешательства в боевые действия Вена воздержалась, австрийский ультиматум заставил Россию вывести войска из Дунайских княжеств и постоянно считаться с угрозой открытия нового фронта. При этом Буоль рассчитывал убить сразу двух зайцев. С одной стороны, он намеревался существенно поколебать позиции России, которая к тому моменту превратилась в основного соперника Австрии на Балканах. С другой, он планировал использовать напряженность в качестве повода для усиления позиций монархии Габсбургов в Германии. В течение всего 1854 года австрийские дипломаты настойчиво пытались вовлечь Пруссию и Германский союз в целом в антироссийские действия. Первым успехом стал заключенный 20 апреля 1854 года австро-пруссский союзный договор, который гарантировал территориальную целостность обоих партнеров. Однако этим дело и ограничилось.

Политическая элита Пруссии оказалась расколота на несколько лагерей. «Партия еженедельника», названная так по имени выражавшего ее точку зрения периодического издания и группировавшаяся вокруг брата короля, наследника престола принца Вильгельма Прусского, выступала за проведение антироссийской линии. Эту группировку, возглавляемую графом Робертом фон дер Гольцем и Морицем фон Бетманн-Гольвегом, называли также «либеральной камарильей», поскольку она ратовала за сотрудничество с либералами и открыто критиковала консервативный курс правительства. Во внешней политике «партия еженедельника» ориентировалась главным образом на Англию. Огромную роль в ее деятельности играла принцесса Аугуста, во многом под влиянием которой ее супруг отошел от своих прежних ультраконсервативных представлений и превратился в надежду умеренных либералов. Значение этой группировки постепенно росло, по мере того как укреплялась уверенность в том, что именно Вильгельм взойдет на трон после своего бездетного брата. «Партия еженедельника» сформировалась в 1851 году, и Бисмарк изначально относился к ней скептически: «Консервативная оппозиция может существовать только вместе с королем и под его руководством», писал он Мантойфелью¹. Однако определенные контакты с этой группировкой он все же поддерживал.

¹ WIA. Bd. I. S. 438.

Противниками «партии еженедельника» были покровители Бисмарка — «камарилья» Герлаха, симпатизировавшая России и выступавшая в ее поддержку. В ходе Крымской войны ее участники получили за это насмешливое прозвище «шпрейское казачество». При этом Герлах считал необходимым сохранять хорошие отношения с Австрией. В мае 1854 года между двумя этими группировками вспыхнул серьезный конфликт, вызванный разногласиями между королем и его братом. В этот конфликт был вовлечен и Бисмарк, игравший в это время роль посредника. В итоге победу одержала именно «камарилья», однако окончательного разгрома своих оппонентов ей добиться не удалось. Более того, время явно работало не на нее.

В роли третьей силы выступал Мантойфель, который считал необходимым сохранение строгого нейтралитета — глава правительства резонно полагал, что ни победа, ни поражение России не соответствуют интересам Берлина. Вмешавшись на любой стороне, можно запросто оказаться между молотом и наковальней, что было явно нежелательно. А вот Фридрих Вильгельм, как всегда, колебался. Он считал все три варианта действий одинаково опасными и не мог отдать предпочтение ни одному из них. В итоге внешнеполитический курс Пруссии выглядел даже не как лавирование, а как хаотичные метания между различными лагерями. Австрийский посланник в Берлине писал в эти дни о короле: «Мы снова и снова видим, что он бессилен и духовно, и физически. Стоит ему принять какое-либо решение, как он тут же делает шаг навстречу противоположной стороне, который аннулирует или по меньшей мере ослабляет эффект предыдущего действия»¹. Единственным положительным итогом такого поведения стало то, что Пруссия все-таки воздержалась от открытой поддержки какой-либо из сторон конфликта, сохранив значительную свободу действий.

Бисмарк, как и всегда, рассматривал все происходившее исключительно с позиции государственных интересов. Он считал одинаково опасным вмешательство Берлина в войну и на той, и на другой стороне. Если королевство Гогенцоллернов поддержит Австрию, то тем самым оно испортит важные для него отношения с Россией. Этим обязательно воспользуется Франция, которая давно с воодушевлением смотрит на левобережье Рейна и ради этого готова даже пойти на примирение и союз с Петербургом. Если же Пруссия примет сторону России, то окажется вовлеченной в тяжелый конфликт с Австрией, Великобританией и Францией одновременно, что также не сулит ей ничего хорошего. «Это все представляется мне настолько

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 80.

математически ясным, что я совершенно не понимаю, как мы можем ослепнуть настолько, чтобы из страха смерти совершить самоубийство» — писал Бисмарк Леопольду фон Герлаху в апреле 1854 года¹. «Наша внешняя политика плоха, потому что она боязлива» — высказывался он полгода спустя в письме к своему другу Клейст-Ретцову².

Что же делать в данной ситуации? Сохранять вооруженный нейтралитет, извлекая из него при этом все возможные выгоды и назначая высокую цену за свое участие в конфликте. Свою программу Бисмарк изложил в послании министру-президенту Мантойфелю еще в феврале 1854 года: «Меня пугают попытки найти прибежище против возможного шторма, привязав наш нарядный и крепкий фрегат к источенному червями старому австрийскому галеону. Из нас двоих мы лучше умеем плавать и являемся желательным союзником для любого, если захотим отказаться от своей изоляции и строгого нейтралитета и назвать цену нашей поддержки (...) Большие кризисы создают условия, благоприятные для усиления Пруссии, если мы будем бесстрашно, возможно, даже безоглядно их использовать»³.

Преимущества сложившейся ситуации Бисмарк видел в первую очередь в том, что Крымская война создала серьезный конфликт между Австрией и Россией, которые совместными усилиями нанесли Пруссии дипломатическое поражение в Ольмюце. В перспективе Вена в своем противостоянии с Берлином уже не сможет рассчитывать на поддержку Петербурга, скорее наоборот. Это значительно увеличивает возможности Пруссии в германском вопросе. Любая поддержка Австрии в настоящий момент возможна только в ответ на далеко идущие уступки с ее стороны, в частности, раздел Германии на сферы влияния, при котором Пруссия окажется гегемоном на территории к северу от Майна. Идея «двойной гегемонии» стала в дальнейшем одним из любимых проектов Бисмарка.

Помимо писем и докладных записок, которыми Бисмарк бомбардировал берлинских политиков, он лично старался сделать на своем посту все для того, чтобы Германский союз не пошел в фарватере Австрии. Объективно его усилия соответствовали интересам других германских государств и во многом именно поэтому увенчались успехом. Пиком противостояния стал 1855 год, когда Австрия потребовала мобилизации армии Германского союза, состоявшей из контингентов отдельных государств. По инициативе прусского посланника мобилизация была проведена так, что утратила свою одностороннюю на-

правленность против России. Прусские части, входившие в общегерманские вооруженные силы, были, в частности, сконцентрированы таким образом, что позволяли начать наступление как в восточном направлении, так и в южном, против Австрии.

Срывая замыслы Буоля и изолируя своего оппонента в бундестаге, Бисмарк добивался решения и еще одной важной задачи. Общественность и политическая элита средних и малых германских государств постепенно отходили от своей проавстрийской ориентации, не желая быть втянутыми в совершенно чуждый им конфликт из-за балканских амбиций венского двора. Для достижения своих целей Бисмарк не стеснялся сотрудничать с российским посланником Глинкой — естественно, держа это в секрете даже от собственных покровителей в Берлине. Прусский дипломат практически открыто говорил о том, что пора разрешить австро-прусское противостояние силой оружия и что Берлин ни в коей мере не может довольствоваться сложившимся в Германии положением. Эти высказывания доходили как до австрийской, так и до прусской столицы, вызывая в обеих негативные эмоции.

Весной 1856 года Крымская война завершилась, вызвав значительные изменения в расстановке сил в Европе. На лидирующие позиции выдвинулась Франция, Австрия оказалась практически в полной изоляции, а Россия на некоторое время ослабила свою внешнеполитическую активность. «Европейский концерт» — система сотрудничества великих держав, направленная на сохранение стабильности в системе — практически распался. Образовалось «окно возможностей» для серьезных изменений европейского баланса, и именно этими возможностями несколько лет спустя воспользовался Бисмарк. Однако для этого ему предстояло пройти долгий путь.

* * *

В апреле 1856 года Бисмарк отправил в Берлин так называемое «Большое послание» («Обзор современного политического положения в свете истории»), в котором изложил свою точку зрения на сложившееся международное положение и внешнюю политику Пруссии. Он вновь призывал встать на позиции здорового прагматизма и поддерживать хорошие отношения с Францией, не связывая в то же время себя какими-либо прочными союзами, держать открытыми все пути. Основным противником для него является Австрия. «Венская политика делает Германию слишком маленькой для нас двоих; пока не достигну честное соглашение по поводу сферы влияния каждого из нас, мы обрабатываем один и тот же спорный участок, и

¹ WIA. Bd. 2. S. 13.

² Gall L. Op. cit. S. 187.

³ WIA. Bd. 2. S. 3.

Австрия остается единственным государством, которому мы можем проиграть и у которого можем выиграть в долгосрочной перспективе (...) У нас огромное число конфликтующих интересов, от которых ни одна сторона не может отказаться, не отрекшись одновременно от той миссии, которую считает своей (...) Я ни в коем случае не хочу сделать из этих утверждений вывод, что мы должны ориентировать всю свою политику на то, чтобы вызвать решительное столкновение с австрийцами при наиболее благоприятных для нас условиях. Я лишь хочу высказать свою убежденность в том, что в не слишком отдаленной перспективе мы вынуждены будем воевать с Австрией за свое существование, и не в нашей власти избежать этого, поскольку развитие событий в Германии не оставляет иного выхода»¹.

Эта точка зрения во многом расходилась с убеждениями берлинских покровителей Бисмарка. Начиная с середины 1850-х годов прусский посланник все больше попадал в изоляцию. Лидеров «камарильи» особенно возмущали его симпатии к Франции. В Париже в результате революции 1848 года к власти в конечном итоге пришел Наполеон III, племянник знаменитого императора. Консервативные дворы Европы относились к нему как к опасному выскочке, который своим возвышением обязан революции. По мнению Бисмарка, это совершенно не должно было мешать хорошим отношениям с Парижем. В августе 1855 года он впервые посетил французскую столицу, избрав в качестве повода проходившую там Всемирную выставку. Здесь он встретился с императором Наполеоном, к личности и политике которого проявлял живой интерес. Французский монарх «в разговорах на различные темы дал мне тогда понять лишь в общих выражениях о своих желаниях и намерениях в смысле тесного франко-прусского сближения. Он говорил о том, что эти два соседних государства, по своей культуре и внутренним порядкам стоящие во главе цивилизации, нуждаются во взаимной поддержке»². Очевидно, Наполеон тоже посчитал нужным установить контакт с прусским дипломатом.

Интерес к «логову революции» вызвал гневные упреки со стороны Герлаха, и Бисмарку пришлось оправдываться: «Вы упрекаете меня в том, что я побывал в Вавилоне, но Вы не можете требовать от любознательного дипломата политического целомудрия (...). На мой взгляд, я должен лично познакомиться с теми элементами, среди которых я должен вращаться, если мне представляется возможность для этого. Не бойтесь за мое политическое здоровье; в моей

природе многое от утки, у которой вода стекает с перьев»¹. Два года спустя, в апреле 1857 года, Бисмарк снова посетил Париж, найдя для этого первый подвернувшийся повод. Он смог еще более тесно пообщаться с императором, который демонстрировал по отношению к молодому дипломату весьма значительную откровенность. По всей видимости, Наполеон понимал, как к нему относятся при берлинском дворе, и стремился через Бисмарка повлиять на позицию Пруссии. Своему собеседнику он заявил, что собирается в обозримом будущем воевать с Австрией и хотел бы рассчитывать на прусскую поддержку. Тот, в свою очередь, ответил, что является, по всей видимости, единственным прусским дипломатом, который не станет использовать эту информацию во вред Наполеону.

Интонации Бисмарка в письмах Герлаху становились более жесткими. В мае 1857 года он написал серию посланий, в которых уже открыто заявлял о несогласии со своим бывшим покровителем. Разрыв с «камарильей» начинал обретать зримые черты. «Я не могу согласиться с Вашими взглядами на внешнюю политику, которые заслуживают упрека в игнорировании реальности, — писал Бисмарк. — Вы исходите из того, что я приношу принцип в жертву человеку, который импонирует мне (...) Если Вы подразумеваете Францию и принцип легитимности власти, то я признаю, что полностью подчиняю этот принцип моему прусскому патриотизму; Франция интересуется меня постольку, поскольку она реагирует на ситуацию в моем Отечестве, и мы можем вести политику лишь с учетом той Франции, которая есть в наличии, но не исключать ее из комбинаций. (...) Подчинять интересы Отечества чувству любви или ненависти к чужаку, на это не имеет права даже король, по моему мнению, хотя в этом он несет ответственность перед Богом, а не передо мной». Представлять себе Наполеона как воплощение революции по меньшей мере целепо, на деле он является абсолютным властителем, который мало чем отличается от других монархов Европы. Идея о том, что Пруссия является извечным врагом Франции, глупа и вредна, она недопустима в международной политике: «Я определяю свое отношение к иностранным правительствам, основываясь не на stagnирующей антипатии, а на их пользе или вреде для Пруссии».

«Я не требую, — продолжал Бисмарк, — чтобы мы заключили союз с Францией и замыслили заговор против Германии. Однако не было бы более разумным придерживаться дружеских, а не холодных отношений с французами, пока они оставляют нас в покое?» Противостояние с Францией является не только бессмысленным,

¹ Ibid. S. 106.

² Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 131.

¹ WIA. Bd. 2. S. 76.

но и опасным, поскольку выгоду из него извлекают другие державы. Гораздо более опасным противником является Австрия: «Я хочу спросить Вас, есть ли в Европе кабинет, который имеет в большей степени естественную и врожденную заинтересованность в том, чтобы Пруссия не стала сильнее, а ее влияние в Германии упало; кабинет, который преследует эту цель более активно и умело?»

И далее прусский посланник перешел к резким упрекам в адрес внешней политики Пруссии в целом. «Можете ли Вы назвать мне цель, которую ставит перед собой наша политика, или хотя бы план на несколько месяцев вперед? Знает ли кто-нибудь, чего он хочет? Знает ли это кто-нибудь в Берлине, и верите ли Вы в то, что у руководителей других больших государств также отсутствуют позитивные цели и идеи? Далее, сможете ли Вы назвать мне хотя бы одного союзника, на которого Пруссия могла бы рассчитывать, если сегодня начнется война, или который вступился бы за нас при оказии, или сделал бы что-нибудь для нас, потому что рассчитывает на нашу помощь или боится нашей вражды? Мы — самые добродушные, безопасные политики, и все же в нас никто не верит, нас считают ненадежными товарищами и неопасными противниками»¹. И в завершение этой мысли, в следующем письме: «Пассивную безыдейность, которая счастлива тому, что ее оставляют в покое, мы не можем позволить себе в центре Европы. Она опасна для нас сегодня так же, как и в 1805 году, и мы станем наковальней, если не сделаем ничего ради того, чтобы стать молотом»².

Идеи, высказывавшиеся Бисмарком, были вполне разумны. На протяжении всего предшествующего десятилетия в Европе в сфере международных отношений постоянно происходили значительные потрясения. Революция 1848 года, встряхнувшая практически весь континент, попытки объединения Германии и Италии, Восточный вопрос, Крымская война, целый ряд кризисов и конфликтов более мелкого масштаба — европейская система государств находилась в подвижном состоянии, где соотношение сил менялось едва ли не каждый год. Такая обстановка давала в руки каждому из игроков шансы, но одновременно создавала массу угроз. Политика «камарильи», заключавшаяся в том, чтобы сознательно отказаться от всех представлявшихся шансов, была в этой ситуации едва ли не самой худшей стратегией из возможных.

Эта переписка, по всей видимости, окончательно убедила лидеров «камарильи» в том, что их протезе вышел из-под контро-

¹ Ibid. S. 147.

² Ibid. S. 169.

ля. Беспринципный авантюризм, предательство общенемецких интересов, карьеризм — вот далеко не полный перечень грехов, в которых упрекали прусского посланника. «Бисмарк постоянно использует и злоупотребляет своими соратниками, — писал в эти дни один из видных консервативных деятелей граф Пурталес. — Они для него почтовые лошади, на которых он едет до следующей станции»¹. Упрек, который трудно признать совершенно необоснованным — отношение Бисмарка к своим сподвижникам как к инструментам, с помощью которых он достигал своих целей, впоследствии отмечали многие.

Отсутствие четкой цели и плана прусской политики, на которое жаловался Бисмарк, имело по крайней мере одно позитивное последствие для него. В условиях, когда пропасть между ним и его покровителями расширялась с каждым месяцем, это давало ему необходимую свободу действий для того, чтобы проводить собственную политику, по-прежнему направленную на жесткое противостояние с Австрией. Его оппонентом весной 1855 года стал граф Иоганн Бернгард фон Рехберг-унд-Ротенлёвен, шваб по происхождению. Маленький человек в очках и с аккуратной прической, Рехберг был профессиональным дипломатом, отличавшимся, однако, достаточно бурным темпераментом. Уже вскоре после своего прибытия он вызвал Бисмарка на дуэль. Хотя последняя по инициативе австрийского посланника и не состоялась, отношения остались весьма напряженными. Как пишет Райнер Шмидт, «фактически Бисмарк не упускал ни одной возможности действовать наперекор, злить Австрию и выставлять Германский союз на посмешище»². К примеру, когда Рехберг решил отправить на заслуженный отдых двух пожилых чиновников, Бисмарк употребил массу усилий для того, чтобы доказать, что оба они большую часть жизни находились на австрийской службе, а значит, пенсию им должна платить именно Австрия.

В июне 1857 года дело дошло до прямого ультиматума: прусский посланник, не имея на то никаких полномочий из Берлина, заявил своему австрийскому коллеге, что если тот и дальше будет проводить антипрусскую линию в бундестаге, то это приведет к конфронтации. В частности, заявлял Бисмарк, в случае войны Пруссия не придет на помощь монархии Габсбургов. Чтобы усилить моральное давление на Рехберга, он часто показывался на людях с послами Франции, России и Сардинии, у каждой из которых были свои счета к Австрии.

¹ Gall L. Op. cit. S. 185.

² Schmidt R. Op. cit. S. 87.

Самодетельность прусского посланника не могла не вызвать новую волну недовольства в Берлине. Получив из Вены официальную жалобу на действия Бисмарка, Мантойфель заявил: «Я готов подписаться под всем, что граф Буоль пишет в этом письме. Возня во Франкфурте жалка и отвратительна»¹. Сам дипломат, чувствуя сгущающиеся над его головой тучи, писал в декабре 1857 года Герлаху: «В первые годы моего пребывания здесь я был любимцем, сияние королевского расположения ко мне отражалось от лиц придворных. Все изменилось; то ли король понял, что я такой же обычный человек, как и все остальные, то ли услышал обо мне плохое, возможно, правду, потому что на каждом можно найти пятна. Короче говоря, Его Величество реже имеет потребность видеть меня, придворные дамы улыбаются мне прохладнее, господа пожимают мне руку более вяло, мнение о моей пригодности изменилось в худшую сторону (...). Я не испытываю потребности нравиться многим людям, я не страдаю современной болезнью, стремлением к признанию, а расположение двора и людей, с которыми я общаюсь, я изучаю скорее с точки зрения антропологической науки, нежели личных эмоций. Такое хладнокровие не умножает число моих друзей, а жизнь за рубежом ослабляет мои связи с ровесниками и людьми моего круга, с которыми я был в хороших отношениях до тех пор, пока не подался в политику»². Одному из друзей Бисмарк со вздохом заявил: «Если бы можно было самостоятельно распоряжаться всем! Но тратить силы под руководством человека, которому меня заставляет повиноваться лишь религия...»³

Однако расположение короля к тому моменту уже мало что значило. Осенью 1857 года у Фридриха Вильгельма стали очевидны признаки помрачения рассудка. Прусская столица утопала в интригах. Как писал Вернер Рихтер, «весь политический Берлин напоминал термитник, в боковых ходах которого ориентировались лишь посвященные, где все кишело шпиками и шпионами и агенты Мантойфеля, например, вскрывали конверты с депешами, которые курсировали между королем и министрами. Это была запутанная игра в передних и на черных лестницах»⁴. Имя Бисмарка, который стал к этому моменту самостоятельной величиной, постоянно всплывало в ходе этих интриг, увеличивая число противников дипломата даже без его непосредственного участия.

¹ Ibid. S. 88.

² WIA. Bd. 2. S. 191.

³ Keudell R.v. Op. cit. S. 57.

⁴ Richter W. Op. cit. S. 77.

Заместителем короля, а год спустя регентом стал его младший брат, принц Вильгельм Прусский. Ставший в 1850-е годы носителем надежд умеренно-либеральной оппозиции, он открыто заявлял о своей готовности учитывать требования времени. Начало его правления связывалось многими с надеждами на перемены в прусском государстве. И действительно, Вильгельм на первых порах оправдывал ожидания. Осенью 1858 года он провозгласил «Новую эру» и сформировал весьма либеральное министерство во главе с дальним родственником короля Карлом Антоном фон Гогенцоллерн-Зигмарингеном, которое 8 ноября выступило с программой достаточно масштабных преобразований. В их число входили отмена ряда сословных привилегий, ограничение влияния церкви, расширение свободы прессы и образования. Во внешней политике акцент делался на «моральных завоеваниях» в Германии — Пруссия должна была в первую очередь создать себе имидж современного и прогрессивного государства, который привлекал бы к ней немецкую общественность. Казалось, что в Берлине подул ветер перемен. Далеко не сразу выяснилось, насколько поверхностным являлся либерализм нового правителя. Воспитанный как солдат, Вильгельм был известен своими пристрастиями к армии и полагал наилучшей формой правления просвещенный абсолютизм в стиле Фридриха Великого.

Все эти перемены не радовали Бисмарка. Вместе с Вильгельмом к власти пришли его противники — «партия еженедельника». Как бы сложно ни складывались отношения с Герлахами, Бисмарк все же считался их сподвижником, человеком «камарильи». Поэтому вполне понятен тот негатив, с которым он относился к новому правительству. Особенно резкую реакцию вызвало назначение на пост министра иностранных дел графа Шлейница, любимца принцессы Аугусты, которого Бисмарк называл «гаремным министром». В запальчивости он писал сестре: «Если меня отправят в отставку к радости охотников за должностями, я уеду под защиту пушек Шёнхаузена и полюбуюсь на то, как они будут управлять Пруссией, опираясь на левое большинство (...) Надеюсь, что почувствую себя на десять лет моложе, оказавшись на тех же позициях, что и в 1848/49 годах»¹.

В реальности Бисмарк вовсе не собирался сдаваться без боя. Наладить контакты с Вильгельмом он старался еще в первой половине 1850-х годов. В сентябре 1853 года он писал принцу, предостерегая его от излишнего увлечения либеральными взглядами: «Пруссия стала великой не благодаря либерализму и свободомыслию, а усилиями череды могучих, решительных и мудрых правителей (...).

¹ WIA. Bd. 2. S. 244.

Эту систему мы должны сохранить и в дальнейшем, если хотим укрепить монархию. Парламентский либерализм может быть временным средством для достижения цели, однако он не может быть целью нашей политики»¹. В том же документе он защищал позиции традиционного юнкерства против профессионального чиновничества, которое называл «самой опасной заразой, которая есть в организме Пруссии».

Весной 1858 года Бисмарк предпринял еще одну попытку, направив Вильгельму обширный — около сотни страниц — меморандум по вопросам внешней политики, озаглавленный «Некоторые замечания о положении Пруссии в Германском Союзе». В нем он развивал свои идеи о необходимости проведения Берлином самостоятельной линии, ориентированной на защиту собственных интересов. Описывая попытки Австрии добиться гегемонии в Германии, Бисмарк отмечал: «В этой системе для Пруссии, если она не хочет отказаться от своего положения европейской державы, места нет. Большое государство, которое хочет и может вести свою внутреннюю и внешнюю политику самостоятельно, опираясь на собственные силы, может пойти навстречу централизации Германского союза лишь постольку, поскольку само будет участвовать в руководстве последним». Более того, по мнению Бисмарка, Пруссия вообще не заинтересована в существовании Германского союза, в котором она изолирована. Однако это вовсе не значит, что ее противником является Германия. «Прусские интересы полностью совпадают с интересами большинства стран Союза, исключая Австрию, однако не с интересами их правительств. Нет ничего более немецкого, чем развитие правильно понятых прусских интересов (...). Пруссия получит полную свободу для выполнения своей миссии в Германии только в том случае, если перестанет придавать большое значение симпатиям правительств малых государств».

И здесь Бисмарк предлагал обратить внимание на национальное движение, которое может стать естественным союзником прусской монархии. «Пруссия может без всякого риска предоставить своему парламенту и прессе больше пространства для действий, в том числе в решении чисто политических вопросов. (...) Королевская власть покоится в Пруссии на столь надежных основах, что правительство может, не подвергая себя опасности, активизировать работу парламента и тем самым получить очень действенный инструмент влияния на ситуацию в Германии. (...) Необходимая Пруссии политика может только выиграть через свою публичность и общественные

дискуссии». Помимо всего прочего, активная и целеустремленная внешняя политика будет способствовать решению внутренних проблем — «Пруссия в обмен на рост своего самосознания легко забудет о том, что его беспокоит во внутренних делах»¹. По сути своей это был революционный план, предлагавший прусской монархии вступить в союз с прежним противником во имя укрепления своих позиций в Германии и Европе. Несомненно, Бисмарк учитывал при этом взгляды самого Вильгельма, однако столь же несомненно, что все его рекомендации носили вполне искренний характер и давались всерьез.

Однако принц оставил текст без внимания, а при дворе его иронично называли «Маленькой книгой господина Бисмарка» и сочили попыткой карьериста выслужиться перед новым господином. Уже в январе 1859 года Бисмарк узнал, что его отзыв из Франкфурта является решенным делом. Новая прусская политика «моральных завоеваний» требовала нового лица, и твердолобый реакционер, каковым многие продолжали считать Бисмарка, здесь не годился. Однако просто отправить его в отставку было уже невозможно. Это был не тот молодой депутат ландтага, которому доверили ответственный пост восемь лет назад. Несмотря на то, что Бисмарк стоял фактически вне каких-либо группировок внутри прусской политической элиты, он стал величиной, имевшей самостоятельное значение. К тому же опытный дипломат, хорошо известный в европейских столицах, представлял во все времена значительную ценность. В начале марта 1859 года он был назначен «чрезвычайным послом и полномочным министром при петербургском дворе».

Годы, проведенные во Франкфурте, стали весьма важным этапом в жизни Бисмарка — в первую очередь, его политической биографии. В период революции он сделал первые шаги, выступил в роли дебютанта, который при не слишком благоприятных условиях мог исчезнуть с политической арены столь же быстро, как появился на ней. Должность прусского посланника в бундестаге, которую он занимал в течение достаточно длительного по тем временам срока, превратила его не только в опытного и искушенного дипломата, но и в государственного служащего высокого ранга. Теперь с Бисмарком можно было не соглашаться, но сложно игнорировать. С этого времени он входил в состав политической элиты Пруссии и уже мало зависел от покровительства кого бы то ни было, за исключением монарха. У него были политические друзья, но не менторы и не наставники. Во время его пребывания во Франкфурте с завидной регу-

¹ WIA. Bd. 1. S. 542.

¹ WIA. Bd. 2. S. 231.

лярностью возникали слухи о его возможном повышении, вплоть до назначения министром иностранных дел или главой правительства, что само по себе говорит о многом.

* * *

Если подводить итог деятельности Бисмарка на своем посту, то он окажется на первый взгляд не слишком впечатляющим. Прусскому посланнику не удалось всерьез поколебать позиции Австрии и добиться для своей страны равноправного положения рамках Германского союза. Все, что он сумел — это отразить посягательства Австрии на гегемонию в Германии. Был бы результат принципиально иным, если бы на месте Бисмарка находился другой человек, менее одаренный и хуже сознающий интересы Пруссии дипломат? Ответ окажется скорее отрицательным; политика Австрии, нацеленная на достижение гегемонии и сохранение своей позиции по всем азимутам — в Германии, Северной Италии, на Балканах — была изначально обречена на поражение.

Однако это не значит, что усилия Бисмарка пропали даром. В первую очередь потому, что в процессе деятельности в бундестаге у него самого сформировалось более четкое представление о действительных интересах своей страны. В процессе работы он получил огромный опыт дипломатической деятельности, который существенно помог ему в дальнейшем. Весьма полезными оказались и контакты с политической элитой европейских государств, которые он приобрел за время своей работы во Франкфурте.

Впрочем, некоторые биографы Бисмарка видят в этом и свою отрицательную сторону. Так, Эдвард Крэнкшоу писал: «Недостатком этого франкфуртского назначения, если рассматривать его как важный этап становления государственного деятеля, было то, что Бисмарк слишком рано сконцентрировался на внешней политике, занимаясь исключительно ею. Он немного знал о финансах, но почти ничего о промышленности и торговле. Он вообще не имел представления об огромной мощи, которую придаст прусскому государству развитие железных дорог, горного дела и фабрик, в первую очередь угольной, сталелитейной и химической промышленности»¹.

Согласиться с упреком английского историка довольно сложно. В конечном счете, лишь немногие государственные деятели — исключая монархов — могли похвастаться тем, что их долго, целена-

правленно и всесторонне готовили к занятию высших должностей. «Железный канцлер», действительно, в течение всей своей жизни считал внешнюю политику важнее и интереснее внутренней — однако это объясняется в первую очередь особенностями его личности, тем, что он предпочитал дипломатическую игру с ее риском, обилием вызовов и вариантов действий спокойному и планомерному государственному строительству. «Его полем была неопределенность», — писал о Бисмарке автор самой знаменитой его биографии Лотар Галл¹.

Во Франкфурте Бисмарк нередко соприкасался с миром экономики, причем в самых разных его ипостасях. Он активно участвовал в переговорах по Таможенному союзу, общался с франкфуртскими банкирами, в первую очередь с Ротшильдом. Это привело к постепенному изменению его взглядов на экономику. Если в эпоху революции он был активным защитником землевладельцев, считая современную промышленность едва ли не болезнетворным наростом (он выступал даже с мыслью о воссоздании цеховой системы для ремесленников), то в 1850-е годы он стал уделять должное внимание современным тенденциям в экономике, развитию индустрии и финансового капитала. В своей последующей деятельности он также демонстрировал достаточно адекватное понимание экономических факторов в государственной политике.

Во Франкфурте произошли изменения во взглядах Бисмарка и на внешнюю политику. Изначально ориентированный на защиту прусских интересов, он, тем не менее, во время своего назначения считал возможным компромисс с Австрией. К концу 1850-х годов Бисмарк все чаще склонялся к выводу, что австро-прусское столкновение неизбежно. «Моя почти семилетняя деятельность здесь, — подводил он итог в марте 1858 года, — есть непрерывная борьба против всевозможных атак, против неустанных попыток использовать Союз как инструмент для возвышения Австрии и ослабления Пруссии»². Изменились и воззрения Бисмарка на либеральное и национальное движение — в тогдашней Германии эти понятия были во многом идентичны. Если раньше это движение и его представители были для него врагами, опасными революционерами, с которыми можно только бороться не на жизнь, а на смерть, то теперь он считал возможным заключать с ними тактические союзы для достижения целей, которые ставила перед собой Пруссия.

¹ Crankshaw E. Bismarck. München, 1990. S. 85.

¹ Gall L. Op. cit. S. 158.

² Ibid. S. 173.

Более того, именно в 1850-е годы складывался стиль Бисмарка как политика. Этот стиль находил свое явное выражение в документах, которые он направлял из Франкфурта в Берлин. Суть его заключалась в отказе от любых теорий и построении политики на основе чисто прагматических соображений, не учитывающих ничего иного, кроме реально существующих сил и интересов. Как писал Лотар Галл, «под маской дипломата, занимающегося внешней политикой и решительно возражающего против того, чтобы рассматривать международные отношения через призму отдельных аспектов внутренней политики, скрывалась важная перемена. Произошел переход от консервативного политика к особому виду политического деятеля, который возник не только в Пруссии в условиях движения от монархически-бюрократического абсолютизма к партийно-парламентской системе. Это был тип балансирующего между обеими упомянутыми системами, относительно самостоятельного министра»¹.

И действительно, Бисмарк, начавший свою политическую карьеру с борьбы на стороне «старого» строя против «нового», вряд ли смог бы выдвинуться, не будь угрозы со стороны этого «нового». Кроме того, он быстро научился использовать элементы новой системы — парламент, партии, прессу, общественное мнение — для достижения собственных целей. Это была политика постоянного баланса между различными силами и интересами, которую Бисмарк рекомендовал для Пруссии на международной арене и придерживался сам на прусской политической сцене. Удастся ли ему получить в свои руки достаточно полномочий, чтобы самостоятельно проводить эту политику? В 1859 году этот вопрос оставался открытым.

Именно во Франкфурте сложился характерный для Бисмарка стиль политического мышления и действия. Как считает Эрнст Энгельберг, его базовая политическая концепция сложилась самое позднее к 1858 году². Политику он воспринимал как шахматную игру, где есть игроки и есть фигуры — об этом свидетельствует множество его высказываний, относящихся к самым разным проблемам. Это позволяло ему просчитывать различные варианты, изобретать альтернативы, оценивать расстановку сил, а главное — понимать необходимость четкой стратегии, в отсутствие которой он упрекал прусскую политику. При этом Бисмарк умел учитывать различные факторы — экономические, военные, конфессиональные, особенности принятия политических решений и общественное мнение — и

мастерски использовать их в своих комбинациях. Его главной стратегической задачей, которой было подчинено все остальное, являлось сохранение и усиление позиций монархии и юнкеров внутри Пруссии, а самой Пруссии — в Германии и на европейской арене.

Для этого годились все средства, что часто становилось поводом для обвинений Бисмарка в беспринципности. Использование слабостей других людей, игра на их эмоциях и убеждениях, тонкая интрига, стремление изолировать и уничтожить своего противника — все это входило в арсенал тех приемов, с помощью которых он проводил в жизнь свою политическую линию. Однако было бы ошибкой представлять Бисмарка чем-то вроде равнодушного компьютера, хладнокровно просчитывающего комбинации; не чужды ему были и эмоции, в частности, личная неприязнь ко многим политическим противникам, которая заставляла его порой совершать не вполне обдуманные поступки в стремлении их уничтожить. Будучи прекрасным стратегом и тактиком, Бисмарк тем не менее совершал и ошибки, и неверные шаги. Последние, однако, не имели для его карьеры в конечном счете фатального значения — во многом потому, что он лучше, чем большинство его современников, умел улавливать требования времени и подчинять им свои действия. Впоследствии он сказал, что максимум того, что может сделать хороший политик — это уловить общее течение и плыть, сообразуясь с ним; эти слова можно, без сомнения, отнести и к самому Бисмарку.

¹ Ibid. S. 206.

² Engelberg E. Op. cit. S. 454.

ГЛАВА 5

НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

Решение об отправке Бисмарка прусским послом в Петербург до сих пор не получило однозначной оценки. Формально это было повышение, однако сам он считал его чем-то вроде опалы, удалением неугодного дипломата от центра событий. В своих мемуарах Бисмарк приводит диалог, состоявшийся между ним и регентом 26 января 1859 года:

«Я сожалею о предполагаемом моем перемещении, потому что во Франкфурте, этой лисьей норе бундстага, я изучил все входы и выходы вплоть до малейших лазеек и полагаю, что мог бы быть там полезнее любого из моих преемников, которому придется заново осваиваться с очень сложным положением, обусловленным взаимоотношениями со множеством дворов и министров. (...) Каждый немецкий государь, каждый немецкий министр знаком мне лично точно так же, как придворные круги в княжеских резиденциях союзных государств, и я пользуюсь в сейме и при немецких дворах всем тем влиянием, которое только возможно для представителя Пруссии. В случае отзыва меня из Франкфурта этот капитал, накопленный и завоеванный прусской дипломатией, будет бесцельно утрачен. (...) Регент: «Я не понимаю, почему это вас так огорчает; место посланника в Петербурге всегда считалось высшим постом для прусского дипломата, и вы должны видеть знак высокого доверия в том, что я посылаю вас туда». В ответ я: «Коль скоро это является выражением доверия вашего королевского высочества, я должен, естественно, молчать, но при той свободе выражать мои взгляды, которую ваше королевское высочество всегда предоставляли мне, я не могу не сказать, как я озабочен нашим внутренним положением и его влиянием на германский вопрос»¹. Иоганна в эти дни писала: «Бисмарк в Берлине заболел от злости, узнав, что все было сделано за его спиной»².

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. I. С. 175.

² Keudell R.v. Op. cit. S. 69.

Досаду Бисмарка можно понять — ему хотелось и дальше находиться на острие внешней политики Пруссии, своими действиями влиять на позиции Берлина в германском вопросе. Однако, если мы отвлечемся от системы координат и приоритетов самого Бисмарка, новое назначение трудно было назвать опалой, скорее перемещением опытного дипломата туда, где, как считалось, он может принести максимальную пользу. В германском вопросе Вильгельм рассчитывал проводить иной курс, нежели Бисмарк, поэтому его отзыв из Франкфурта выглядел вполне логично. Однако регент не обманывал своего собеседника, говоря о большом значении, которые имели для Пруссии отношения с Петербургом.

После Наполеоновских войн контакты с Россией играли в прусской политике особую роль. И дело было отнюдь не только в родственных связях между династиями Гогенцоллернов и Романовых. Российская империя рассматривалась прусской политической элитой в качестве гаранта стабильности существующих порядков, мощного бастиона против революционной угрозы. В обмен на эту защиту Гогенцоллерны были готовы признать себя в некотором смысле младшими партнерами. Разумеется, утверждение известного публициста Себастьяна Хаффнера о том, что отношения между Россией и Пруссией в 1850-е годы были примерно такими же, как между СССР и ГДР в 1950-е¹, содержит серьезное преувеличение, однако совсем безосновательным его назвать нельзя. И тем более трудно согласиться с мнением Л. Галла, считающего, что с приходом к власти Вильгельма значение отношений с Россией резко упало. В условиях перманентной, как считалось в Берлине, угрозы со стороны бонапартистской Франции и весьма неопределенных отношений с Веной «нить в Петербург» играла большую роль. Для выполнения ответственной задачи — укрепления отношений между двумя державами — следовало назначить дипломата, во-первых, опытного, а во-вторых, настроенного дружественно по отношению к России. Поскольку Бисмарк на тот момент продолжал считаться — особенно за рубежом — членом пророссийской «камарильи», он удовлетворял обоим этим условиям. Именно такими обстоятельствами и объясняется его назначение в Петербург.

Для Бисмарка, однако, оно стало тяжелым ударом. До этого способный похвастаться богатырским здоровьем, он теперь слег на несколько недель из-за того, что сам называл «желчной лихорадкой из-за Петербурга». На самом деле, новое назначение стало лишь последней каплей — постоянная дипломатическая борьба во

¹ Haffner S. Von Bismarck zu Hitler. München, 2001. S. 74.

Франкфурте, особенно в последние годы, когда ее пришлось вести фактически на два фронта, истощала нервы дипломата. Отнюдь не отличавшийся спокойствием и уравновешенностью, Бисмарк весьма эмоционально реагировал на все происходившее, в первую очередь на невозможность проводить казавшуюся ему правильной политику в германском вопросе. Когда эмоции приходилось подавлять, они постепенно подтачивали его нервную систему.

К этому моменту ему стало понятно, что достижение Пруссией гегемонии в Германии требует новых путей. В конце своего пребывания во Франкфурте Бисмарк вновь осторожно намекал в своих донесениях в Берлин на необходимость прозондировать возможность союза с германским национальным движением. И здесь, и в дальнейшем он руководствовался принципом «враг моего врага — мой друг». В середине марта 1859 года он встретился в берлинской гостинице с одной из видных фигур национального движения — Виктором фон Унру. Как вспоминал последний, Бисмарк начал разговор с того, что эффектным жестом отшвырнул свежий номер «Крестовой газеты», заявив, что это издание лишено даже капли прусского патриотизма. Далее он долго говорил о той враждебной политике, которую по отношению к Берлину проводит Вена, и о проавстрийских симпатиях правителей малых германских государств. «По его твердому убеждению, Пруссия полностью изолирована. У нее есть лишь один союзник, если она сможет привлечь его на свою сторону. Я с интересом спросил, какого союзника имеет в виду Бисмарк. Он ответил: «Немецкий народ!» Видимо, у меня было ошарашенное выражение лица, поскольку Бисмарк рассмеялся. Я объяснил ему, что меня изумила не мысль сама по себе, а то, что я слышу ее из его уст. «Ну, что Вы думаете, — возразил Бисмарк, — я все тот же юнкер, что и десять лет назад, когда мы познакомились в парламенте, но я должен был бы не иметь ни глаз, ни рассудка, если бы не осознавал реального положения дел»¹. В ответ Унру заверил Бисмарка, что, если тот говорит искренне, то он с удовольствием видел бы дипломата прусским министром.

Контуры союза между Бисмарком и немецким национальным движением начинали обозначаться. В дальнейшем Унру стал одним из лидеров основанного летом 1859 года «Национального союза», общегерманского объединения умеренных либералов, ставившего перед собой задачу способствовать единству страны. Лидеры «Национального союза» на первых порах рассматривали Бисмарка как

своего возможного союзника в стане политической элиты. «Мы бы весьма обрадовались, если бы состоялось Ваше назначение министром иностранных дел. Пруссия нуждается сейчас более чем когда-либо в ясной, прочной и смелой политике. Самое смелое в нынешних условиях есть самое безопасное», — писал Унру Бисмарку в сентябре того же года¹.

В начале марта 1859 года назначение Бисмарка в российскую столицу состоялось, и он в одиночестве отправился в долгое путешествие на восток. Прямое железнодорожное сообщение между Берлином и Петербургом тогда еще отсутствовало. Поездом удалось добраться только до Кенигсберга, а путь оттуда до Пскова, где начиналась линия российской железной дороги, пришлось проделать на санях. Путешествие оказалось достаточно утомительным. Однако прием, оказанный Бисмарку в Петербурге, с лихвой окупил дорожные неудобства. 29 марта он прибыл в столицу России, разместившись в гостинице Демидова на Невском проспекте, а уже 1 апреля был удостоен аудиенции у императора, продолжавшейся необычайно долго — два часа. «Общество приятно и хорошо воспитано, — писал он брату 8 мая, — и после франкфуртской грызни это настоящий отдых, иметь дела по службе с приятными людьми»².

В Российской империи, только начавшей восстанавливать свои силы после Крымской войны, настойчиво искали возможность выхода из внешнеполитической изоляции. Австрийцам, которые отплатили черной неблагодарностью за великодушную помощь в период революции, никто не верил. В своих воспоминаниях Бисмарк рассказывал о том, как во время своей поездки в Москву в первой половине июня 1859 года он «получил возможность убедиться, как велика была ненависть русских к Австрии. В то время как московский губернатор князь Долгорукий водил меня по одной библиотеке, я увидел на груди служителя в числе многих военных орденов также и Железный крест. На мой вопрос, по какому случаю он получил его, служитель отвечал: «За битву при Кульме» (...) Я поздравил старого солдата с тем, что у него и через 46 лет такой бодрый вид, и услышал в ответ, что он и сейчас пошел бы на войну, лишь бы позволил государь. Я спросил его, с кем бы он пошел — с Италией или с Австрией, на что он, вытянувшись в струнку, с энтузиазмом заявил: «Всегда против Австрии (...) Честный враг лучше неверного друга». Этот невозмутимый ответ привел князя Долгорукого в такой восторг, что не успел я оглянуться, как генерал и унтер-офицер заключили друг

¹ WIA. Bd. 2. S. 257.

¹ Gall L. Op. cit. S. 223.

² WIA. Bd. 2. S. 281.

друга в объятия и горячо облобызались»¹. «Ненависть безгранична и превосходит все мои ожидания. С тех пор как я тут, я верю в войну, поскольку вся русская политика не имеет, кажется, иной цели, кроме как осложнить жизнь Австрии» — писал он жене из Петербурга в апреле 1859 года².

Оставалось лишь два пути: сближения с недавним противником, бонапартистской Францией, и старым соратником, Прусским королевством. За первый из них ратовал Горчаков, ставший к тому моменту канцлером Российской империи. Однако при дворе была сильна и другая группировка, с подозрением относившаяся к «гнезду революций» и выступавшая за сближение с «родственной» Пруссией. Поэтому Бисмарку был оказан весьма радушный прием. Его всячески выделяли знаками внимания из череды других дипломатических представителей. Прусский посланник стал неперенным участником придворных мероприятий, он часто удостоивался аудиенции у императора, молодого Александра II. Покровительницей Бисмарка стала вдовствующая императрица Александра Федоровна, которая была сестрой Вильгельма Прусского и в девичестве носила имя Шарлотта. Описывая в одном из донесений парад в Петербурге, Бисмарк подчеркивал: «Император во время всей церемонии держал меня подле себя и называл мне по-немецки каждую воинскую часть — небывалая милость для лейтенанта. (...) Его Величество сказал мне самые лестные слова относительно наших войск и учреждений и обратил мое внимание на то, что они переняли у нас»³. В своих посланиях в Берлин Бисмарк, естественно, несколько преувеличивал то внимание, которое ему оказывалось в России, однако в наличии особого отношения к прусскому посланнику сомневаться не приходится.

Достаточно близкие отношения сложились у Бисмарка и с министром иностранных дел Александром Михайловичем Горчаковым. Общение двух будущих «железных канцлеров» стало впоследствии благодатной темой не только для отечественных историков, но и для беллетристов, иногда изображавших дело так, что «учитель» Горчаков обучал дипломатической грамоте «ученика» Бисмарка. Возможно, российский дипломат, который был старше прусского посла на 17 лет и, соответственно, гораздо дольше находился на государственной службе, действительно позволял себе время от времени тон более опытного наставника, тем более что его самолюбие, пере-

ходившее в тщеславие, было известно и друзьям, и врагам. Однако в основе их взаимоотношений лежал общий интерес — ослабление позиций Австрии в Европе. Именно поэтому общение Бисмарка и Горчакова довольно быстро стало настолько доверительным, что русский министр порой показывал прусскому гостю депеши, официально не предназначенные для посторонних глаз. Каждый из них вел при этом свою игру, о какой-то личной симпатии речь не шла. Бисмарк весьма скептически относился к талантам Горчакова еще в период их франкфуртского знакомства, да и Горчаков был не настолько наивен, чтобы считать Бисмарка пешкой в своих руках. Тем не менее, они встречались чуть ли не ежедневно, предметом их бесед становились как текущие дела, так и общие тенденции международных отношений в Европе. «Мы планировали и обсуждали, как будто собирались жить вечно» — иронично писал Бисмарк жене¹.

* * *

В весенние месяцы 1859 года, когда Бисмарк только-только начал осваиваться в Петербурге, прусская внешняя политика вновь оказалась перед весьма серьезным испытанием. Оно было связано с Итальянской войной.

Объединение Италии, как и объединение Германии, являлось одной из крупнейших европейских проблем XIX века. Эти два процесса были во многом похожи. Обе страны были расколоты на мелкие государства, в обеих в первой половине столетия начался национальный подъем и были предприняты попытки достичь единства в ходе революции 1848-1849 годов, которые потерпели поражение. Препградой для обеих во многом стала Австрия — в Италии она владела весьма значительными территориями, в первую очередь Венецией и Ломбардией на севере страны. «Итальянская Пруссия» — Пьемонт (Сардинское королевство) — находилась на северо-западе Апеннинского полуострова. Обеспечив себе союзника в лице Франции, которая таким образом рассчитывала усилить свое влияние в Европе, Сардиния начала готовиться к войне с Австрией. Решив упредить противника, держава Габсбургов 29 апреля 1859 года объявила войну Пьемонту. Франция немедленно вступилась за своего союзника.

В верхах прусского государства образовались две партии. Одна, более влиятельная и многочисленная, считала необходимым «защищать По на Рейне» и ударить по Франции в союзе с Австрией. Вступление в войну — считали эти государственные деятели — уме-

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 198.

² Klemm M. Op. cit. Bd. 2. S. 251.

³ WIA. Bd. 2. S. 278.

¹ Klemm M. Op. cit. Bd. 1. S. 364.

рит пыл Наполеона III, позволит укрепить авторитет Пруссии в Германии и улучшить отношения с империей Габсбургов. Такую позицию высказывали, в частности, лидеры «камарильи». Кроме того, большая часть общественности разделяла эту точку зрения. Противники этой партии считали необходимым придерживаться политики нейтралитета. Спор Австрии с Францией не касается Пруссии, обе эти державы стоят на пути объединения Германии, и в этом между ними нет существенной разницы — считали они. К их числу относился ряд видных деятелей «партии еженедельника». Вильгельм, которому предстояло сказать решающее слово, колебался. В этом он был похож на своего старшего брата, с которым в остальном у него было не так уж много общих черт. Как всегда в те минуты, когда ему приходилось чувствовать на себе весь груз ответственности, он не мог принять четкого и однозначного решения. В середине мая он предложил австрийскому императору Францу-Иосифу «вооруженное посредничество» при условии верховного командования всеми неавстрийскими войсками Германского союза. Это предложение было отклонено.

Бисмарк, находясь в Петербурге, пытался оказывать посильное влияние на внешнюю политику Берлина. Собственно, этим он занимался в течение всего своего пребывания в городе на Неве. Бисмарка можно было сравнить с двуглавым орлом: одна голова смотрела на российские дела, взгляд второй был неизменно направлен в сторону Центральной Европы.

В Итальянской войне он увидел очередную благоприятную возможность для усиления Пруссии в Германии. Выступая категорически против того, чтобы таскать каштаны из огня в интересах Австрии, он посылал в Берлин донесение за донесением. При этом опытный дипломат подчеркивал вероятность возможного русско-французского сближения, в результате которого Пруссия, вступившая за Вену, может в очередной раз оказаться в изоляции. Он умело использовал страхи, существовавшие на этот счет в прусской правящей элите. «Россия, пока она сохраняет хоть какую-то боеспособность, не допустит того, чтобы Австрия вышла победительницей из текущего конфликта, — писал он Шлейницу в начале мая. — Австрия делает очень высокие ставки, рискуя большой войной, но если она выиграет, то приз будет также исключительно велик. Если ей удастся победоносно возглавить возникшее на основе австрийских импульсов и окрашенное в австрийские цвета германское движение против Франции, возможно даже привести его в Париж, то Австрия (...) приобретет в Германии, несмотря на все прошлые и будущие государственные банкротства, столь доминирующие позиции, что

Пруссия на долгое время окажется в тени и на вторых ролях. Если даже мы примем участие в австрийских победах, более того, обеспечим их нашей мощной помощью, это лишь (...) создаст нам репутацию державы, которая не дает импульсы германской политики, а лишь пассивно принимает их. (...) Мы не можем допустить, чтобы Австрия триумфально выполнила задачу, которую она поставила себе в текущей войне». В конце донесения Бисмарк делал вывод: «Мы должны избегать участия в войне, если не сможем или не захотим использовать его для выгодного нам изменения нашего положения в Германском союзе; мы заинтересованы в том, чтобы не допустить ни победы Австрии над Францией, ни захвата Францией части немецкой территории»¹.

Одновременно Бисмарк писал Густаву фон Альвенслебену, новому генерал-адъютанту регента, пользовавшемуся полным доверием последнего. Здесь он выступал против пассивного нейтралитета, лишённого всякой позитивной цели и способного принести лишь убытки. Бисмарк намечал два возможных варианта действий. Оптимальным было бы воспользоваться ситуацией для того, чтобы одним быстрым ударом закрепить гегемонию Пруссии в Германии. Австрия и Франция, занятые войной, не смогут этому помешать, а Россия будет настроена скорее благожелательно. «Двинуть все наши армии на юг, прихватив в ранцах пограничные столбы и вновь вкопав их в землю на берегах Боденского озера или там, где заканчивается доминирование протестантской веры. Есть ли другое европейское государство, между плохо пригнанными друг к другу составными частями которого проживают (...) 14 миллионов человек, которые хотят только стать его подданными? Все эти люди спустя 24 часа после того, как окажутся в нашей власти, будут сражаться за нас лучше чем за своих прежних господ, особенно если принц-регент доставит им удовольствие и переименует королевство Пруссию в королевство Германию. Нам не надо будет производить никаких перестановок, никого сгонять с земли, только ввести другое федеративное устройство, по которому таможня и армия будут в руках прусского председателя». Это был весьма смелый и рискованный план. С позиций сегодняшнего дня он выглядит слишком оптимистичным. Сознывая, что прусскому правительству вряд ли хватит мужества последовать его совету, Бисмарк предложил в том же письме более умеренный вариант — «использовать этот благоприятный момент, чтобы освободиться или видоизменить нынешнее устройство Германского союза, которое не

¹ WIA. Bd. 2. S. 272.

обеспечивает нам ни достойного положения, ни соответствующих нашему вкладу и нашей мощи прав»¹.

Насколько реалистичными были эти рекомендации? Принесли бы решительные действия успех в ситуации, когда значительная часть германской общественности рассматривала бы предложенную Бисмарком активность как удар в спину «единокровной» Австрии? Видел ли сам Бисмарк определенную долю авантюризма в своих предложениях? По мнению ряда исследователей, он вел достаточно тонкую игру, предлагая смелые альтернативы исключительно для того, чтобы дискредитировать находившихся у власти людей из «партии еженедельника» и тем самым проложить себе дорогу к ответственному посту. На самом деле, если отбросить существующий в умах многих историков тезис о безошибочности действий Бисмарка, можно предположить, что его оценки текущей ситуации были не совсем реалистичными, он переоценивал силу австро-французских и русско-австрийских противоречий, а также мощь немецкого национального движения, позиции которого на юге Германии были далеко не доминирующими.

В любом случае, Бисмарк весьма болезненно реагировал на происходившее в Пруссии. В письме Иоганне он высказывался следующим образом: «Наша политика приводит меня в дурное настроение; мы остаемся челноком, который бесцельно носится по собственным волнам под порывами чужих ветров; и это грубые и дурно пахнущие ветра. Как редки все же самостоятельные люди в столь примечательной нации, как наша»². В свою очередь, противники Бисмарка жаловались на то, что он слишком своевольно ведет себя в Петербурге. В итоге Шлейниц вынужден был в конце июня направить ему пожелание «во внеслужебных разговорах и отношениях по возможности оставаться на позициях своего правительства»³. То есть, попросту говоря, не критиковать действующее министерство за его спиной.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, но события развивались слишком быстро. 4 июня при Мадженто австрийская армия была разбита франко-итальянскими войсками. 24 июня последовало аналогичное по своим результатам сражение при Сольферино. Пруссаки сначала мобилизовали 14 июня шесть армейских корпусов, затем всю свою армию и в начале июля двинули ее на Рейн. Одновременно в бундестаг было внесено предложение о создании союзной обсервационной армии из контингентов южногерманских государств.

¹ Ibid. S. 275.

² Ibid. S. 514.

³ Engelberg E. Op. cit. S. 475.

Но было уже поздно. Активного вмешательства Пруссии не хотел никто — ни французы, ни австрийцы. Против войны выступал и прусский министр иностранных дел Шлейниц. 8 июля на коронном совете в Берлине разгорелись горячие споры. Они оказались беспредметными: в тот же день было подписано перемирие в Виллафранке, согласно которому Австрия отказывалась от Ломбардии.

Пруссия вновь оказалась не у дел — затратив большие средства на мобилизацию, не оправдав надежд немецких патриотов, не используя положение в своих государственных интересах. Рекомендации Бисмарка остались гласом вопиющего в пустыне. Как писал Лотар Галл, в обоих случаях «он всеми силами пытался заставить прусскую политику использовать происходящие изменения, не обращая внимания на краткосрочные цели и интересы, не беспокоясь о том, что ее действия могут разрушить благоприятную для контрреволюции расстановку сил в Европе. Оба раза ему это не удалось. Напротив, он существенно увеличил число своих политических противников и по общему мнению свел практически к нулю надежду занять пост, который позволил бы ему решающим образом влиять на внешнюю политику Пруссии. Его репутация — не только реакционера, но и беспринципного авантюриста, не знающего меры и, возможно, даже не имеющего четкой цели — значительно укрепилась. Но в то же время он прошел суровую школу аутсайдера, от провала и неудачи к новому и новому обдумыванию и совершенствованию своей концепции»¹. Этот опыт пригодился ему в дальнейшем, когда он был назначен главой прусского правительства.

Однако пока что Бисмарку было не до политики. В июне 1859 года он сильно простыл в сравнительно холодном и сыром петербургском климате и некоторое время страдал от ревматических болей. Кроме того, напомнила о себе старая рана на ноге, полученная в 1857 году на охоте в Швеции в результате падения со скалы. Очевидно, что причиной недомоганий было в большей степени все то же нервное напряжение, чем какие бы то ни было внешние факторы. Дипломат и сам отдавал себе в этом отчет. «Болезнь, ревматически-гастро-нервная, — писал он сестре, — поселилась в районе печени, и врачи боролись с ней кровососными банками и шпанскими мушками и горчицей по всему телу, однако в итоге мне удалось, после того как я уже наполовину переселился в иной мир, убедить медиков, что мои нервы были ослаблены непрерывной напряженной деятельностью и раздражением в течение восьми лет,

¹ Gall L. Op. cit. S. 178.

и дальнейшие кровопускания попросту сделают меня слабоумным (...) Но моя крепкая натура быстро справилась, особенно с тех пор как мне в умеренных дозах прописали игристое вино»¹.

Сложнее было с ногой, из-за которой Бисмарк чуть не отправился на тот свет. Приложив рекомендованный немецким врачом пластырь к больному месту на ноге, он вскоре почувствовал сильную боль. Прибывший медик попытался осуществить легкое хирургическое вмешательство, которое окончилось тем, что оказалась повреждена вена. Одно время Бисмарк даже подозревал, что стал жертвой коварства австрийцев, которые подкупили врача. Как оказалось впоследствии, врач был на самом деле сыном кондитера, который никогда не сдавал экзаменов и являлся по существу нахальным самозванцем. В июле дипломат отправился на корабле в Берлин, чтобы продолжить лечение. Несмотря на прогнозы российских медиков, которые предрекали ампутацию ноги, ему удалось поправиться, однако на это потребовалось около двух месяцев. Это время Бисмарк провел в основном на водах.

В сентябре он встретился с регентом в Баден-Бадене и принял участие в совещаниях монархов Германского союза. Кроме того, был продолжен диалог с Унру, который выразил готовность от имени национального движения сотрудничать с прусским государством, однако предупредил, что «мы ничего не будем делать в прусско-германских интересах, если прусское правительство бросит нас на произвол судьбы»². Бисмарк довел эту точку зрения до сведения министра иностранных дел Шлейница. Однако последний, хотя и приветствовал доброжелательный настрой либералов, к самой идее сотрудничества с национальным движением отнесся настороженно. Шанс не был использован. С этого момент авторитет Бисмарка среди деятелей «Национального союза» начал неуклонно падать.

Поздней осенью 1859 года Бисмарк отправился к месту службы, в Петербург. Однако проблема с ногой вновь напомнила о себе. На пути в российскую столицу вместе с семьей он в начале ноября навестил своего друга Александра фон Белов в его имении Хоэндорф. Здесь у Бисмарка оторвался тромб, закупоривший ранее поврежденную вену. К этому добавилось воспаление легких. «Врачи считали мою болезнь смертельной, но я выздоровел, прохворав несколько месяцев»³. На самом деле, боли были настолько сильными, что Бисмарк в какой-то момент воспринимал возможную смерть

как желанное избавление от страданий. Однако могучий организм одержал победу, хотя она далась ему нелегко. Иоганна всячески помогала ему в этой борьбе, при этом весьма своевольно; однажды она просто выкинула в окно склянки с йодом, прописанным врачами. Видимо, с этого времени берет свое начало ее глубокая неприязнь и недоверие к медикам и их советам. Окончательное выздоровление произошло весной 1860 года, причем только в марте семья смогла покинуть Хоэндорф.

Однако уже вскоре Бисмарк включился в активную политическую деятельность, принимая участие в заседаниях палаты господ прусского ландтага. Он всячески откладывал свой отъезд в Петербург, рассчитывая получить пост в правительстве. Однако Вильгельм не хотел вводить явного реакционера в состав кабинета «Новой эры»: «Не хватало еще взять в министерство человека, который поставит все с ног на голову»¹. Тем не менее, в апреле он вызвал к себе Бисмарка и Шлейница и попросил их высказать свои взгляды на внешнюю политику. Посол заявлял, что необходимо сотрудничество с Россией и немецким национальным движением против Австрии, министр защищал взаимодействие с Австрией против французской угрозы. Выслушав обоих, регент заявил, что в министерстве иностранных дел все останется по-прежнему, чем весьма расстроил Бисмарка, метившего в кресло своего начальника. По свидетельству Теодора фон Бернгарди, дипломат в тот момент активно искал контакта с либералами и «заявлял каждому, кто был готов его слушать, что его не поняли, даже оклеветали — по сути он настроен либерально»².

Из этой попытки тоже ничего не вышло. За Бисмарком к тому моменту закрепилась репутация «бонапартиста», которая вредила ему одинаково как среди консерваторов, так и в лагере их противников. Он постепенно попадал в изоляцию, и в то же время пытался восстановить контакты как с национальным движением, лидерам которого заявлял, что идет с ними одним и тем же курсом, и с окружением регента, где он предпринимал значительные усилия, чтобы развеять слухи о своих симпатиях к Франции.

* * *

Летом 1860 года Бисмарк вернулся в Петербург. Иоганна предпочла бы, чтобы он покинул службу и удалился в родовое поместье, где, как она полагала, его здоровье мигом восстановится, но вынуж-

¹ WIA. Bd. 2. S. 298.

² Pflanze O. Op. cit. Bd. 1. S. 147.

³ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 200.

¹ Kolb E. Op. cit. S. 50.

² Pflanze O. Op. cit. Bd. 1. S. 148.

дена была покориться воле мужа. «Ему нужен покой, но для этого он слишком беспокоен и чувствует себя в высшей степени несчастным без дела», — писала она Койделлу¹.

Во время отсутствия Бисмарка дела вел второй секретарь посольства Курт фон Шлёцер. Профессиональный дипломат, отличавшийся твердостью характера, далеко не сразу нашел общий язык со своим шефом, который был старше его на семь лет и привык руководить весьма авторитарно. В апреле 1859 года, вскоре после прибытия Бисмарка в российскую столицу, Шлёцер писал: «Мой новый шеф — человек, который действует безоговорочно, человек силы, любящий театральные эффекты, который хочет нравиться, который знаком со всем, хотя многого даже не видел, который знает все, хотя очень многого не знает. Он привык к молоденьким атташе во Франкфурте, которые при его появлении вставали навытяжку и дрожали»². Действительно, Бисмарк все в большей степени вырабатывал свой личный стиль руководства, авторитарный, базирующийся на уверенности в собственной правоте и нетерпимый к чужой критике. Однако после первой фазы «притирки» друг к другу два дипломата нашли общий язык. Более того, Шлёцер стал доверенным лицом Бисмарка, который оценил способности и самостоятельность своего подчиненного и позволял ему спорить с собой, что, вообще говоря, терпел лишь от очень немногих людей. «Он — воплощенная политика. Все кипит в нем, стремится к деятельности» — характеризовал секретаря своего шефа в конце 1860 года³.

В столице России прусский посол разместился во дворце графини Стенбок на Английской набережной, окна которого выходили на Большую Неву. Дворец был сравнительно невелик, однако вполне вместителен. «В доме есть большие и удобные жилые комнаты, а также достаточно места для канцелярии, — вспоминал Койделл, посетивший чету Бисмарков летом 1860 года. — Красивый рабочий кабинет посланника находился на северной стороне; из двух окон открывался вид на реку, мост и леса вдалеке»⁴.

В любом случае, жалованье в 30 тысяч талеров не позволяло жить на более широкую ногу, особенно учитывая петербургскую дороговизну. Здесь Бисмарк провел последующие два года, занимаясь активной дипломатической деятельностью. Помимо всего прочего, прусское посольство должно было выполнять консульские функ-

ции — в Российской империи проживало около 40 тысяч прусских подданных. Это позволило Бисмарку достаточно близко познакомиться с положением дел в России, в том числе за пределами столицы.

Летом семейство Бисмарков часто гуляло на островах в устье Невки, зимой совершали выезды на санях и катались на катке. Глава семьи в теплое время года купался прямо в Неве. Большое внимание он уделял обучению своих сыновей, для которых был нанят домашний учитель, и регулярно устраивал им экзамены. По воскресеньям семья посещала богослужения в лютеранской кирхе святого Михаила на Васильевском острове.

В обязательную программу входило большое количество светских визитов, что несколько угнетало Иоганну. Как всегда, все хозяйственные заботы легли на ее плечи. Стремясь сэкономить, а заодно тоскуя по родным краям, она выписывала из Померании картофель и овощи. Некоторые обычаи чужой страны шокировали ее. Бисмарк впоследствии рассказывал историю, как извозчик потребовал от него удвоить и без того щедрое вознаграждение за свои услуги. «Я схватил его за шиворот и дал пинка. Моя жена, которая еще не привыкла к здешним нравам, спросила меня испуганно, не сошел ли я с ума. Я успокоил ее, сказав, что такое обращение является в России нормой, а мой гнев объясняется целесообразностью»¹.

Бисмарк всерьез взялся за изучение русского языка, наняв в качестве репетитора студента по фамилии Алексеев. «Я знаю, насколько чертовски сложно говорить на Вашем языке, — заявил он своему учителю, — но я должен освободиться от рати переводчиков (...) я сыт ими по горло»². Вечера семейство обычно проводило дома, за чтением, причем Бисмарк часто читал русские книги. Иногда приходили друзья — например, Александр Кейзерлинг, на тот момент ставший уже известным российским ученым и государственным деятелем. Частыми гостями в прусском посольстве были и другие российские немцы, служившие Романовым, но ощущавшие тесную связь с германской культурой. К их числу принадлежали, например, Родерих (Родриг Федорович) фон Эркерт и Иоганн (Иван Федорович) фон Бреверн³.

Лето 1861 года Бисмарки провели в Померании и на побережье Балтики. В европейских столицах того времени летние месяцы были «мертвым сезоном», когда политическая элита разъезжалась на ев-

¹ Keudell R.v. Op. cit. S. 77.

² Krockow C.v. Op. cit. S. 123.

³ Ullrich V. Otto von Bismarck. Reinbek, 2008. S. 54.

⁴ Keudell R.v. Op. cit. S. 78.

¹ Klemm M. Op. cit. Bd. 2. S. 252.

² Ibid. S. 250.

³ Keudell R.v. Op. cit. S. 91.

ропейские курорты — в Спа, Биарриц, Ниццу, Баден-Баден, Эмс, Гаштейн, Карлсбад... Если на горизонте не маячил масштабный кризис, дипломаты тоже могли отдохнуть.

Прусский посланник активно вращался в придворных кругах, часто ездил на охоту, выучил значительное число русских фраз, некоторые из которых употреблял до конца жизни (например, знаменитое «авось» на полях дипломатических донесений). В районе Любани он охотился на медведя. Современный историк называет эти поездки «высшей точкой его охотничьей биографии»¹. С одной из таких охот он вернулся с двумя маленькими медвежатами. Звери некоторое время жили в его особняке; однажды Бисмарк выпустил их на стол, за которым обедали прибывшие из Пруссии гости, объяснив, что таков русский обычай. Подросшие медвежата отправились в германские зоопарки².

Однако глубокой симпатии к стране пребывания Бисмарк не испытывал. Как справедливо отмечает В.С. Дударев, «было бы неверным считать Бисмарка русофилом»³. Во многом «железный канцлер» разделял стереотипы, господствовавшие в Западной Европе. К примеру, в 1868 г. в ходе одной из бесед он заявил: «Русские ничего не могут без немцев. Они не умеют работать, но ими легко руководить. У них нет воли к сопротивлению, они следуют за своими господами»⁴. То же самое он повторил и восемь лет спустя: «Хорошие, толковые русские все имеют в своей крови иностранную, в первую очередь немецкую примесь»⁵. «Ненависть русских является следствием зависти, — рассуждал Бисмарк в 1880 году, в период обострения отношений двух стран. — При этом русские едят только немецкий хлеб и немецкие колбасы и покупают лекарства только в немецких аптеках»⁶.

Не следует забывать, что именно на этот период пришлась отмена в России крепостного права, с которой фактически началась эпоха реформ. Бисмарк пристально наблюдал за происходившим в стране и считал возможным даже масштабное крестьянское восстание. По мере знакомства с положением дел укреплялось его убеждение в том, что «внутренние сложности, в первую очередь финансовые, будут удерживать здешний кабинет от активного участия в европейской

политике в еще большей степени, чем прежде»¹. Он одобрял отмену крепостного права, однако в то же время критиковал целый ряд аспектов проводимой крестьянской реформы.

Много лет спустя в своих «Мыслях и воспоминаниях» Бисмарк описывал Россию как страну, в которой царят коррупция и чиновничество, перлюстрация писем является вполне обычным явлением, которого даже не стесняются, а бюрократия превосходит все разумные пределы. «Был такой случай, когда прусских офицеров, долго живших в одном из императорских дворцов, откровенно спросили их русские добрые приятели — действительно ли они поглощают столько вина и прочего, сколько на них требуют; если так, то остается позавидовать их способностям и озаботиться их дальнейшим удовлетворением. Оказалось, что люди, к которым был обращен откровенный вопрос, отличались умеренностью; с их согласия обыскали занимаемые ими апартаменты и обнаружили в стенных шкафах, о которых они не знали, большие запасы ценных вин и разных деликатесов»².

Классической стала история о солдате, охранявшем цветок. «В первые весенние дни принадлежавшее ко двору общество гуляло по Летнему саду, между Павловским дворцом и Невой. Императору бросилось в глаза, что посреди одной из лужаек стоит часовой. На вопрос, почему он тут стоит, солдат мог ответить лишь, что «так приказано»; император поручил своему адъютанту осведомиться на гауптвахте, но и там не могли дать другого ответа, кроме того, что в этот караул зимой и летом отряжают часового, а по чьему первоначальному приказу — установить нельзя. Тема эта стала при дворе злободневной, и разговоры о ней дошли до слуг. Среди них оказался старик-лакей, состоявший уже на пенсии, который сообщил, что его отец, проходя с ним как-то по Летнему саду мимо караульного, сказал: «А часовой все стоит и караулит цветок. Императрица Екатерина увидела как-то на этом месте гораздо раньше, чем обычно, первый подснежник и приказала следить, чтобы его не сорвали». Исполняя приказ, поставили часового, чтобы его не сорвали». Рассказав этот анекдот, Бисмарк завершает: «Подобные факты вызывают у нас порицание и насмешку, но в них находят свое выражение примитивная мощь, устойчивость и постоянство, на которых зиждется сила того, что составляет сущность России в противовес остальной Европе»³. Не ощущая особой любви к России, Бисмарк все же испытывал к ней

¹ Engelberg W. Das private Leben der Bismarcks. München, 2014. S. 65.

² Braune R. Op. cit. S. 41.

³ Дударев В.С. Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. С. 244.

⁴ Odenwald-Varga S. „Volk“ bei Otto von Bismarck. Eine historisch-semantische Analyse anhand von Bedeutungen, Konzepten und Topoi. Berlin, 2009. S. 343.

⁵ Klemm M. Op. cit. Bd. 2. S. 247.

⁶ Ibid. S. 248.

¹ Engelberg E. Op. cit. S. 494.

² Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 193.

³ Там же. С. 194.

уважение и не поддерживал существовавшее среди многих жителей Западной Европы представление о «Московии» как дикой варварской стране. В своих письмах на родину Бисмарк высоко оценивал старшее поколение российских дворян, которых называл настоящими сливками европейского общества, воспитанными в лучших традициях галантного века. Молодое поколение, напротив, заражено бациллой национализма в форме панславизма, включавшего в себя отрицание всего немецкого.

В октябре 1860 года Бисмарк вместе с Александром II и его свитой отправился в Варшаву на встречу российского императора с прусским регентом и австрийским императором. Однако свидание трех монархов стало лишь бледной тенью было союза «трех черных орлов». Никакие важные договоренности достигнуты не были; австро-российские отношения по-прежнему находились рядом с точкой замерзания.

Внимание Бисмарка было сосредоточено на событиях, происходивших в Западной Европе и Германии. Он по-прежнему отправлял в Берлин донесения, в которых давал свою оценку ситуации. Большие надежды Бисмарк возлагал на Сардинское королевство, под эгидой которого в 1861 году произошло объединение Италии. «Говоря между нами, я считаю Пьемонт нашим естественным союзником, против Франции как и против Австрии» — писал он Шлейницу¹. Обе упомянутые державы он считал естественными противниками Берлина — в письме графу Бернstorфу Бисмарк говорил, что «Франция и Австрия, каждая на свой лад, призваны быть врагами Пруссии, и это определяется не волей их сегодняшних властителей, а силой долговременных исторических тенденций»². «Я убежден в том, что если бы королевство Италия не появилось на карте, нам следовало бы его изобрести» — писал он годом позднее³. Такие взгляды еще больше укрепляли при дворе уверенность в том, что прусский посланник в Петербурге является на деле замаскированным «демократом». Подобные опасения не были лишены почвы — в это время Бисмарк все больше возлагал свои надежды на сотрудничество с национальным движением. Других возможных долговременных союзников у Пруссии он не наблюдал. В итоге то, что было для него изначально всего лишь тактикой, стало стратегией.

Летом 1861 года он отправился в Берлин. Поездка была принята им в надежде на министерский пост — в Пруссии нарастал

внутренний кризис, и кабинет министров в полном составе ушел в отставку. Хотя его надежды снова не сбылись, по указанию Вильгельма, ставшего в январе королем Пруссии, он составил мемуарandum, посвященный решению германского вопроса. В нем он в основном повторил свои прежние тезисы. Новым было то, что Бисмарк обращал внимание Вильгельма на немецкий народ как потенциального союзника прусской монархии. «Во всем населении Германии растет недовольство унижительным ощущением того, что большая и могучая нация из-за недостатков своей внутренней организации вынуждена не только отказаться от достойного положения в Европе, но и жить в постоянном страхе перед нападением соседей, которое она в других обстоятельствах могла бы легко парировать». Это недовольство будет неизбежно обращаться против действующих правительств немецких государств. Однако в рамках нынешнего Германского союза изменить сложившееся положение — крайне невыгодное и для Пруссии — невозможно. И Бисмарк делал революционное предложение, выдвигая идею создания общегерманского парламента, который дал бы Пруссии возможность привести свое влияние в Германии в соответствие со своей действительной мощью: «Возможно, национальное представительство немецкого народа при центральных органах Германского Союза стало бы тем связующим средством, которое создаст противовес центробежным тенденциям политики отдельных династий». Сформировать его в нынешних условиях не представляется реальным; возможно, более эффективным стало бы постепенное вовлечение малых государств в политическое объединение под эгидой Пруссии, как это произошло с Таможенным союзом, созданным на основе системы двусторонних соглашений. Однако сначала необходимо открыто предложить реформу Германского союза — «такое объявление в качестве первого шага к лучшему положению дел произвело бы глубокое впечатление в Германии и особенно облегчило бы прусскому правительству решение внутренних задач с выборами и парламентом»⁴. Фактически Бисмарк намечал тот путь, по которому — с определенными изменениями — пошел сам пять лет спустя.

Гораздо более откровенно он высказывался в своем письме военному министру Альбрехту фон Роону, с которым его связывала старая дружба. «Мне кажется, наша главная ошибка заключалась в том, что мы действовали либерально в Пруссии и консервативно за рубежом. (...) Только изменения нашей внешнеполитической ли-

¹ WIA. Bd. 2. S. 312.

² Ibid. S. 315.

³ Pflanze O. Op. cit. Bd. 1. S. 155.

⁴ WIA. Bd. 2. S. 388.

нии могут, на мой взгляд, защитить позиции короны внутри страны от натиска, который он в длительной перспективе не сможет выдержать» — писал он. Решение внутривластных конфликтов должно быть осуществлено путем активной политики в германском вопросе. И далее — слова, которые, несомненно, глубоко потрясли бы прежних покровителей Бисмарка: «Из монарших домов от Ганновера до Неаполя ни один не поблагодарит нас за наши симпатии, и мы практикуем по отношению к ним чисто евангельскую любовь за счет безопасности собственного трона. Я верен своему князю вплоть до Вандеи, но по отношению ко всем остальным я не чувствую ни в единой капле своей крови даже тени желания пошевелить пальцем во имя их спасения»¹.

В октябре 1861 года Бисмарк присутствовал на коронации Вильгельма в Кенигсберге. «Король избегал говорить со мной о политике, опасаясь, вероятно, прослыть реакционером, имея дело со мной. (...) Он считал меня фанатичнее, нежели я был на самом деле», — писал Бисмарк много лет спустя в своих воспоминаниях². Ощущение, что события чем дальше, тем больше развиваются без его участия, усугублялось продолжающимися недугами. То ли болотистый климат Петербурга, то ли постоянное нервное напряжение, то ли не до конца покинувшие прусского посла болезни способствовали тому, что его здоровье находилось не в лучшем состоянии. Хронические боли в желудке, бессонница, ослабленный иммунитет — все это вызывало депрессию.

В январе 1862 года Бисмарк писал сестре: «Для меня уже все слишком поздно, и я просто продолжаю выполнять свой долг (...) Моя болезнь сделала меня внутренне столь изможденным, что у меня нет больше необходимой энергии для действий в меняющейся обстановке. Три года назад я еще был годен на то, чтобы стать министром, теперь я думаю об этом как больная скаковая лошадь, которая должна перепрыгивать препятствия. Еще несколько лет я должен буду оставаться на службе, если проживу этот срок. Через три года закончится аренда Книпхофа, через пять Шёнхаузена, но я пока не знаю, где буду жить, если уйду в отставку (...) Перед министерским постом у меня страх как перед холодной ванной»³. В течение всех трех неполных лет своего пребывания в Петербурге он время от времени играл с мыслью вернуться к образу жизни сельского юнкера, покончив с государственной службой. В одном из своих писем

Бисмарк говорил о том, что его склонность к политике не столь уж и велика, и он готов расстаться с ней без особого сожаления.

Однако это были лишь временные перепады настроения. На самом деле Бисмарк стремился к активной деятельности, пребывание в Петербурге казалось ему слишком скучным. Фридрих фон Гольштейн, на тот момент младший чиновник в прусском посольстве, впоследствии ставший одной из самых влиятельных фигур германской внешней политики, вспоминал, что его шеф производил впечатление крайне неудовлетворенного человека: «Он не смеялся, даже если рассказывал комические истории (...) В его высказываниях чувствовалось, что деятельность и жизнь для него — одно и то же»¹. На тот момент Бисмарк уже предполагал, что ему предстоит новый пост — летом 1861 года ему сказал об этом лично министр иностранных дел. К тому же внезапно для себя он оказался в центре внимания петербургского придворного общества — до российской столицы дошли слухи о скором назначении Бисмарка главой правительства. Через некоторое время эти слухи наконец-то стали реальностью, но до того момента дипломату пришлось пережить еще несколько довольно напряженных месяцев.

¹ Ibid. S. 382.

² Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 212.

³ WIA. Bd. 2. S. 416.

¹ Richter W. Op. cit. S. 81.

ГЛАВА 6

НА БЕРЕГАХ СЕНЫ

Пока Бисмарк находился в столице Российской империи, в Пруссии разворачивались драматические события, которые в конечном итоге проложили ему путь к власти. Речь идет о так называемом «военном конфликте».

В 1814–1815 годах в Пруссии была проведена реформа, позволявшая в случае войны мобилизовать большую армию. Действующая армия состояла из двух половин — линейных частей и ландвера (по сути, ополчения). Важное преимущество заключалось в том, что в мирное время эта система обходилась недорого. Однако как военная эффективность, так и политическая надежность ландвера вызывала у прусского руководства растущую озабоченность. В конце 1850-х годов под руководством Роона, ставшего в 1859 году военным министром, был составлен проект радикальной реформы. Он предусматривал увеличение числа линейных полков, а также ежегодного призывного контингента. Ландвер оттеснялся на сугубо вспомогательную роль.

Проблема заключалась в том, что на реорганизацию (и последующее содержание новых полков) были нужны деньги. Согласно конституции, парламент — ландтаг — обладал бюджетным правом, то есть должен был утверждать государственные расходы. Составлявшие большинство в нижней палате прусского парламента либералы были согласны с необходимостью военной реформы, однако видели в ландвере воплощение «народной армии» и не хотели с ним расставаться. Во всяком случае, они требовали от правительства уступок — хотя бы в виде сокращения срока службы с трех до двух лет.

Однако Вильгельм, воспитанный в солдатском духе и считавший армию сферой исключительной компетенции монарха, уступать не собирался. Поэтому, когда в феврале 1860 года военный законопроект был внесен на рассмотрение ландтага, все усилия достичь компромисса провалились. Конфликт удалось отсрочить, предоставив правительству на год дополнительные средства в обмен на обещание дальше проводить согласованную с ландтагом полити-

ку. В течение этого года военная реформа была проведена явочным порядком.

Летом 1861 года представители различных либеральных группировок, недовольные действиями правительства в военном вопросе, образовали Прогрессивную партию. Именно она стала главным оппонентом правительства в разгоравшемся конфликте. В конце 1861 года прогрессисты одержали убедительную победу на парламентских выборах. Почувствовав свои силы, они решительно отказались принять предложенный правительством проект бюджета на следующий год, пока не будет достигнут компромисс в военном вопросе.

В 1862 году кризис достиг своего пика. За роспуском ландтага и отставкой либеральных министров последовала новая, еще более оглушительная победа прогрессистов на выборах. Новая попытка добиться компромисса на переговорах к успеху не привела. Депутаты требовали сокращения срока службы в армии до двух лет, ограничения военных расходов и сохранения прежней роли ландвера. Роон был готов пойти на частичные уступки, но король был несгибаем. Он скорее отрекся бы от престола, чем капитулировал в вопросе, связанном с армией. К середине года ситуация практически зашла в тупик.

«Большие кризисы формируют погоду, которая способствует росту Пруссии» — писал Бисмарк еще в 1854 году¹. То же самое можно сказать и о нем самом. Первым кризисом, который вынес его на поверхность прусской политики, стала революция 1848–49 годов. Теперь назревал второй, и Бисмарк внимательно следил за его развитием. Он прекрасно знал, что его друг Роон понемногу склонял монарха к тому, чтобы назначить его главой правительства. «Если б мои противники знали, какое благодеяние они совершают мне своей победой и как искренне я желаю им этой победы!» — писал Бисмарк в одном из своих писем².

В марте 1862 года Бисмарк был отозван из Петербурга. Симптоматично, что на первых порах место нового назначения оставалось неясным, о дальнейшей судьбе дипломата решение предстояло принять только после его возвращения в столицу. Бисмарк прибыл в Берлин 10 мая, в разгар кризиса. Слухи о том, что именно он возглавит правительство, множились с невероятной скоростью. «Во имя Господа, только бы он не стал министром!» — писала в эти дни продолжавшая глубоко и искренне ненавидеть Бисмарка королева Аугуста. — Ошибается в своих расчетах тот, кто верит, что такой

¹ Klemm M. Op. cit. Bd. 1. S. 488.

² WIA. Bd. 2. S. 429.

человек может послужить нашей стране, ведь он готов рисковать всем и является всеобщим кошмаром»¹.

Сам «железный канцлер» в своих «Мыслях и воспоминаниях» писал о том, что вовсе не стремился окунуться в водоворот борьбы. «Не скажу, чтобы эта перспектива была мне приятна и настраивала меня на деятельный лад, — писал он. — Меня угнетало сознание, что мне предстоит трудное и ответственное дело взамен приятного и не обязательно ответственного поста влиятельного посланника. При этом я не мог составить себе точного представления о степени и характере поддержки, на которую я мог рассчитывать со стороны короля, его супруги, моих коллег и в стране для борьбы с надвигавшимися волнами парламентского господства»². Однако любой мемуарист склонен задним числом приукрашивать реальность, и к Бисмарку это относится еще в большей степени, чем ко многим другим. Разумеется, он прекрасно понимал, что занимать пост главы правительства в самый разгар внутривнутриполитического кризиса — дело крайне сложное и рискованное. Но только так у него мог появиться шанс претворить в жизнь свою политическую концепцию, получить возможность действовать самостоятельно. Поэтому, как бы сильны ни были на самом деле его сомнения, Бисмарк в любом случае стремился возглавить прусское правительство.

«Относительно Лондона и Парижа не принято никакого решения. По степени вероятности варианты в настоящий момент выстраиваются так: Берлин, Париж, Лондон. Возможно, в ближайшие дни это снова поменяется» — писал он 15 мая Шлёцеру³. Но время шло, а определенности не прибавлялось. Вильгельм колебался. Проведя в Берлине две недели, Бисмарк обратился к королю с практически ультимативным требованием: или отправить его в отставку, или принять, наконец, решение о новом назначении.

Однако Вильгельм не решался на данном этапе поставить во главе правительства человека, который явно будет стремиться обострить ситуацию. По его мнению, назначение Бисмарка министром-президентом окончательно перекрыло бы дорогу к компромиссу с парламентом. «Бешеного юнкера» стоило пока придержать в резерве. 26 мая Бисмарк, награжденный в ознаменование своих прежних заслуг орденом Красного орла первой степени, был направлен в качестве посла в Париж. На прощальной аудиенции король попросил его не обу-
страиваться слишком капитально, одновременно заметив в разговоре

с Гогенлоэ: «Думаю, его надо отправить еще в Париж и Лондон, чтобы он повсюду познакомился с влиятельными людьми, прежде чем стать министром-президентом»¹. Роон также сообщал своему протезе, что тот вряд ли надолго задержится во французской столице.

Уже 1 июня Бисмарк вручил свои верительные грамоты в Тюильрийском дворце. На самом деле, его назначение в Париж было весьма удачным решением. Французская правящая элита, в первую очередь император, была в курсе того, что новый посол являлся сторонником франко-прусского сближения, поэтому отношение к Бисмарку было весьма благоприятным. В то же время, находясь во Франции, Бисмарк мог в случае необходимости быстро прибыть в прусскую столицу — по крайней мере, быстрее, чем из Петербурга. В Париже он, следуя указанию короля, не стал обустриваться капитально и перевозить сюда семью. «Посреди большого Парижа я более одинок, чем ты в Рейнфельде, и сижу здесь как крыса в пустом доме (...) Я ложусь в большую кровать с балдахином, длина которой равна ее ширине, и остаюсь единственным живым существом на всем верхнем этаже» — писал он Иоганне вскоре после прибытия².

В июне Бисмарк активно действовал сразу по двум линиям. С одной стороны, он вел активную переписку со своими берлинскими покровителями, в первую очередь с Рооном. В своих посланиях он демонстрировал жесткую позицию по вопросу о вхождении в прусский кабинет. Стать главой правительства, причем в короткие сроки — такую задачу ставил перед собой Бисмарк. «Я спокойно ожидаю, будет ли решено и как что-нибудь относительно меня. Если в течение ближайших недель ничего не выяснится, то я буду просить об отпуске, чтобы привезти сюда жену; но в таком случае мне необходимо знать определенно, как долго я тут пробуду» — писал он Роону уже на следующий день после прибытия в Париж. «Надеюсь, в высших сферах не возникнет мысль назначить меня министром без портфеля (...) Это невыгодное положение: ничего не скажи и за все отвечай, всюду будь непрощеным гостем, а когда захочешь действительно заявить свое мнение, тебя оборвут»³. «Слишком долго неизвестность не может продолжаться, подожду до 11-го, — писал он несколько дней спустя, продолжая оказывать давление на Роона, а через него на короля. — Если до тех пор ничего не произойдет, то я напишу его величеству, что позволяю себе считать свое теперешнее назначение окончательным и устроить свои домашние дела в расчете

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 110.

² Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. I. С. 213.

³ Kolb E. Op. cit. S. 52.

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 111.

² WIA. Bd. 2. S. 429.

³ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. I. С. 214.

на пребывание здесь до зимы и далее. Мои вещи и экипажи находятся еще в Петербурге, мне нужно куда-нибудь девать их; кроме того, мне свойственны привычки заботливого отца семейства и, между прочим, потребность иметь определенное место жительства»¹.

Одновременно Бисмарк воздействовал на Вильгельма, однако в несколько другом направлении. Прекрасно зная, что король не вполне доверяет ему, он стремился в своих донесениях рассеять существующие подозрения. Бисмарк подробно разъяснял свои взгляды, причем иногда делал это опосредованно. Вторым направлением стала активная дипломатическая деятельность. Пользуясь представившейся возможностью, Бисмарк стремился узнать точку зрения государственных деятелей различных европейских стран на германский вопрос и завязать полезные контакты.

Основным его собеседником стал, конечно же, Наполеон III. В начале 1860-х годов именно Франция претендовала на то, чтобы выступать в роли ведущей державы Европы, и для проведения активной политики в германском вопросе необходимо было заручиться согласием Парижа. Бисмарк проводил аккуратный зондаж позиции Наполеона, а французский император, в свою очередь, видел в нем дружественного своей стране дипломата и охотно шел навстречу. В начале июня Бисмарк писал Вильгельму, что Франция будет согласна с любым решением германского вопроса, кроме объединения страны под скипетром Габсбургов. Он рассказывал о своей беседе с Наполеоном, в которой французский император высказался в том смысле, что «общественное мнение оценивает любое правительство по общему итогу его деятельности, и если оно симпатично нации, то необходимость и справедливость отдельных шагов не подвергается строгой оценке», и в Пруссии «правительство, которое даст пищу и надежду национальному направлению общественного мнения, обеспечит себе положение, в котором оно будет стоять над борьбой партий и будет иметь по отношению к палатам такую меру власти и свободы действий, которая необходима монархии». Эрнст Энгельберг, цитируя эти строчки, предполагает, что Бисмарк вложил в уста французского императора свою собственную политическую концепцию². Во всяком случае, сказанное полностью соответствовало реальным взглядам обоих собеседников. «Я был в положении Иосифа у жены Потифара, — вторил Бисмарк в письме к министру иностранных дел Бернstorфу в конце июня. — У него на языке были самые неприличные предложения союза, и если бы я пошел им на-

встречу хоть немного, он выразился бы гораздо яснее. Он пылкий сторонник планов объединения Германии, имеются в виду планы малогерманские, без Австрии»¹.

Бисмарк стремился подтолкнуть прусское руководство к активной политике в германском вопросе, одновременно умалчивая о том совершенно очевидном факте, что любовь французского императора к Пруссии была отнюдь не платонической — взамен он рассчитывал получить немецкие территории на левобережье Рейна, которые являлись объектом притязаний Парижа на протяжении многих десятилетий, если не веков. Естественно, Бисмарк не собирался заключать союз без смысла и цели, который связал бы прусскому правительству руки, не давая ничего серьезного взамен. Тем более он не собирался предоставлять Франции компенсации, на которые она рассчитывала. Поэтому в беседах с императором дипломат предпочитал говорить как можно меньше, внимательно слушая своего собеседника.

В конце июня Бисмарк отправился в Лондон на открывшуюся там Всемирную выставку. Это дало ему прекрасный повод для того, чтобы пообщаться с британскими политиками. В течение недели он встретился с главой правительства лордом Пальмерстоном, министром иностранных дел лордом Расселом и главой консервативной оппозиции Бенжамином Дизраэли. Из этих разговоров он вынес ощущение того, что английская политическая элита не заинтересована ни в активной прусской политике в германском вопросе, ни в появлении на континенте новой державы. Одновременно он был разочарован тем прохладным приемом, который ему оказали — казалось, прусского дипломата вообще никто не принимает особенно всерьез. Российский посол в Англии граф Бруннов писал в эти дни Горчакову: «Отстраненность, которую встретил господин фон Бисмарк в Лондоне, его поразила тем сильнее, что он полагал, что вскоре сменит графа Бернstorфа в Берлине. Он думал, английские министры придадут больше значения тому, чтобы завязать с ним личное знакомство. Разочарованный в своих ожиданиях, он был почти зол на них из-за их отношения»².

Это свидетельство тем более ценно для нас, что сам Бисмарк в своих донесениях королю намеренно сгущал краски по поводу отсутствия перспектив взаимодействия с Лондоном. Продиктовано это было чисто политическими соображениями — противники Бисмарка при прусском дворе были сторонниками тесного сотрудничества с Британией, и, докладывая в Берлин о симпатиях

¹ Там же. С. 215.

² Engelberg E. Op. cit. S. 515-517.

¹ WIA. Bd. 2. S. 439.

² Krockow C.v. Op. cit. S. 138.

английских политических деятелей к прусским либералам, он набирал себе очки. Британские политики на страницах его донесений беспардонно вмешивались во внутренние дела Берлина, причем в наиболее неприятной Вильгельму форме. Лорд Пальмерстон, писал Бисмарк, плохо разбирается в государственном устройстве Пруссии, но уверен, что король должен сформировать министерство из числа деятелей парламентской оппозиции, как будто дело происходит в Англии¹.

Имеется и еще одно интересное свидетельство, касающееся этого визита. Оно приводится в воспоминаниях саксонского дипломата графа Вицтума фон Экштедта, опубликованных в 1886 году, и поэтому вполне может оказаться апокрифичным. Если верить Вицтуму, в беседе с лидером оппозиции Бенджамином Дизраэли Бисмарк развернул программу объединения Германии — практически в том виде, в котором оно затем и произошло. «Вскоре я буду вынужден взять на себя руководство прусским правительством, — откровенно заявлял будущий канцлер. — Моей первой заботой будет реорганизовать армию, с помощью ландтага или без нее. Король поставил здесь правильную задачу, но со своими нынешними советниками не в состоянии ее реализовать. Как только армия будет приведена в должное состояние, я использую первый же предлог, чтобы объявить войну Австрии, взорвать Германский Союз, подчинить малые и средние государства и дать Германии национальное единство под прусским руководством»². По словам саксонца, ему об этом разговоре рассказал лично Дизраэли. «Бойтесь этого человека; он говорит то, что думает» — завершил англичанин свой рассказ.

Тем временем вопрос с назначением Бисмарка главой прусского правительства продолжал висеть в воздухе, чем сам он был весьма недоволен. Временное назначение затягивалось, и вставал вопрос о том, что делать дальше — приводить в исполнение свою угрозу рассматривать его как постоянное или дальше ждать у берегов Сены известий о переменчивой берлинской погоде. Бисмарк выбрал третий вариант — он запросил длительный отпуск, который мог бы позволить ему восстановить силы перед возможным назначением главой правительства. «Я действительно нуждаюсь в подкреплении сил горным и морским воздухом; если мне суждена каторжная работа, то необходимо запастись здоровьем, а Париж действует на меня пока что плохо, при той собачьей жизни бездомного холостя-

ка, какую мне приходится вести» — писал он Роону 15 июля¹. Помимо всего прочего, пребывание в Париже теряло на ближайшие недели всякий смысл, поскольку большая часть представителей политической элиты отправилась на курорты, и прусскому послу было элементарно не с кем контактировать.

В том же письме Бисмарк проводил подробный анализ сложившейся ситуации и разворачивал целую программу действий прусского правительства, включая собственное назначение министром-президентом: «Министерство будет твердо и спокойно возражать против каких-либо ограничений военного бюджета, но не доведет дела до кризиса, а предоставит палате возможность всесторонне обсудить бюджет. (...) Чем больше затянется это дело, тем более потеряет палата в общественном мнении, так как, придираясь к сущим мелочам, она уже допустила ошибку и будет допускать ее и далее, и так как у нее нет ни одного оратора, который не нагонял бы тоски на публику. (...) Когда она совсем размякнет, почувствует, что надоела стране, и будет нетерпеливо ждать уступок со стороны правительства, чтобы выпутаться из двусмысленного положения, тогда, по-моему, наступит момент показать ей моим назначением, что не может быть и речи об отказе от борьбы, а лишь о продолжении ее со свежими силами. Появление нового батальона в боевом строю кабинета произведет тогда, быть может, такое впечатление, какого теперь не достичь; если же предварительно еще и пошумят немного на тему об октроировании и государственном перевороте, тогда моя старая репутация человека безрассудной жестокости пригодится мне как нельзя более, и люди подумают: «вот оно, начинается», — и тогда все центровики и половинчатые охотно пойдут на переговоры. (...) Если спросят моего мнения, то я скажу, что меня следует поддержать еще несколько месяцев за кулисами. Быть может, я говорю все это впустую, быть может, его величество никогда не решится назначить меня, ибо я не знаю, почему бы это произошло теперь, если не произошло шесть недель тому назад»².

Произведенный Бисмарком анализ ситуации во многом был основан на опыте революции 1848–49 годов. Тогда парламент, пошумев несколько месяцев, в конце концов лишился общественной поддержки и был спокойно разогнан. Тактика, предлагаемая Бисмарком, предполагала схожее развитие событий и основывалась на допущении, что время работает на правительство. Однако лидеры либералов тоже помнили уроки революции и сделали из них определенные выводы.

¹ Gall L. Op. cit. S. 265.

² Vitzthum von Eckstädt C.F. St. Petersburg und London in den Jahren 1852–1864. Bd. 2. Stuttgart, 1886. S. 159.

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 218.

² Там же. С. 220.

В отличие от прусского Национального собрания, нижняя палата ландтага стремилась сохранить тесный контакт с обществом и добиваться его поддержки, что ей в значительной степени удалось.

Прения в палате, развернувшиеся с особой силой с 11 сентября, быстро обнажили истинную подоплеку конфликта, гораздо более глубокую, чем простой вопрос о численности армии и военных расходов. Кто обладает властью в стране — король или парламент? Кому должна быть верна армия — монарху или народу, является ли она «королевской» или «парламентской»? По мнению прогрессистов, военный вопрос являлся «пробным камнем» всей конституции, «в нем обнаруживается, является ли конституционный строй в Пруссии действительностью, или же конституция представляет собой лишь ширму для абсолютизма»¹. Вопрос о военной реформе перерос свои рамки и стал принципиальной политической проблемой власти в королевстве, «военный конфликт» превратился в «конституционный».

16 сентября палата вычеркнула из бюджета расходы на реорганизацию армии. В правящих кругах усиливались колебания — Роон настаивал на уступках, король упирался и твердил об отречении. Неделью спустя палата депутатов на окончательном голосовании по вопросу постановила в дополнение к отказу от экстраординарных расходов сократить обычные расходы почти на 15 процентов.

* * *

Бисмарк в этот момент находился далеко от эпицентра событий. 25 июля он отправился в отпуск на юг Франции. Через Блуа, Бордо и Байонну он приехал на знаменитый курорт Биарриц, где сполна наслаждался заслуженным отдыхом. Ежедневно два морских купания, длительные прогулки по горам, минимум информации из мира политики — все это способствовало отдыху и тела, и души. «Я весь в солнце и морской соли. (...) Сегодня мы гуляли с 7 до 10 часов утра, по скалам и лугам, потом я в одиночестве до полудня карабкался по обнажившимся при отливе утесам, затем 3 часа лежал лениво на диване, читал и дремал. Около трех часов дня я в воде, из которой с удовольствием не вылезал бы вообще; я оставался там полчаса, и потом чувствовал себя так, словно для полета мне не хватает только крыльев. После еды мы катались верхом, в лунном свете при отливе вдоль побережья, а затем я снова продолжил свой путь в одиночестве. Сейчас десять, я ложусь спать, встану в шесть и дважды

выкупаюсь с утра. Как видишь, я говорю только о себе, как старый ипохондрик; но что еще рассказывать о происходящем здесь, кроме того, что воздух и вода словно бальзам», — писал он жене 11 августа¹. С каждым днем он, по собственному признанию, чувствовал себя на год моложе.

Здесь же, в Биаррице, Бисмарк встретил супружескую чету Орловых. Муж, ветеран Крымской войны, российский дипломатический представитель в Швейцарии, был значительно старше своей жены, 24-летней Екатерины, урожденной Трубецкой. Русская графиня стала, видимо, последней серьезной влюбленностью Бисмарка за всю его жизнь. Красивая, живая и естественная, она напомнила ему Марию фон Тадден. «Рядом со мной прекраснейшая из женщин, которую ты бы очень полюбила, если б познакомилась с ней, — писал Бисмарк жене. — Оригинальная, веселая, умная и любезная, красивая и молодая»². В письмах сестре дипломат высказывался более прямо, говоря о том, что «с тех пор как приехали Орловы, я живу с ними, как будто мы одни в мире, и в некоторой степени влюбился в хорошенькую принцессу. Ты знаешь, как у меня случается такое, без того, чтобы это повредило Иоганне»³.

Судя по всему, Бисмарк вовсе не считал свою склонность чем-то предосудительным, поскольку никакой измены в прямом смысле слова не происходило. Иоганна смотрела на вещи несколько иначе, признавая в одном из писем друзьям, что, будь у нее хоть малая склонность к ревности, он была бы уже переполнена ею⁴. Насколько искренне это говорилось, неизвестно, учитывая, что госпожа фон Бисмарк была вполне склонна к сильным негативным эмоциям, просто умела при необходимости их подавлять. Однако, судя по всему, мимолетный роман несколько не повлиял на отношения внутри семьи. К тому моменту, после долгих лет совместной жизни, роли были не только распределены, но и прочно закреплены: он был безусловным лидером, слово которого имело силу закона, а действия не обсуждались.

У самого Бисмарка влюбленность в Орлову не вызвала никакого внутреннего конфликта, никак не повлияла на его отношение к Иоганне. Благодаря русской графине он окунулся в мир беззаботной юности, мир, где не было политических игр и стратегических планов, а лишь красота природы и радости сегодняшнего дня. Ека-

¹ WIA. Bd. 2. S. 461.

² Ibid. S. 463.

³ Ibid. S. 464.

⁴ Krockow C.v. Op. cit. S. 141.

¹ Ревуненков В.Г. Приход Бисмарка к власти. Л., 1941. С. 96.

терина Орлова стала для Бисмарка символом молодости, наслаждения жизнью, легкости и беспечного счастья. Для почти 50-летнего дипломата, который лишь на несколько недель вынырнул из бурлящего моря политики, эти ощущения были бесценны.

Вместе с Орловыми Бисмарк покинул Биарриц и отправился на Пиренеи, самовольно продлив свой отпуск, — правда, поставив об этом в известность министерство иностранных дел. Внимательный читатель мог бы провести аналогию между этой поездкой и юношескими вояжами, которые в свое время стоили Бисмарку карьеры в Аахене. Действительно, путешествуя по южным районам Франции, он практически лишился возможности оперативно узнавать новости и получать корреспонденцию из Берлина. Однако внешним сходством дело и ограничивалось. В августе 1862 года у Бисмарка уже не было никаких сомнений относительно правильности избранного им магистрального пути. Он позволил себе небольшой отдых, короткое забытие перед решающим боем. При этом, по мнению Лотара Галла, Бисмарк тщательно рассчитывал момент, когда может понадобиться его участие, и практически не рисковал опоздать к решающим в своей жизни событиям. «Биарриц и Пиренеи помогли ему сменить обстановку, дали ему возможность расслабиться, позволили отвлечься от мучительных раздумий на единственную тему, но ничего более»¹.

В дальнейшем Бисмарк будет поддерживать переписку с Екатериной Орловой, а после ее ранней смерти — с овдовевшим мужем. Он называл ее «племянницей», она его — «дядей». «Я утешаюсь тем, — писал он ей в разгар политических баталий осенью 1863 года, — что открываю свой портсигар и нахожу там рядом с одной из Ваших иголок маленький желтый цветок, сорванный в Супербаньере, мох из Порт-де-Венаск и оливковую ветвь с террасы в Авиньоне. Немецкая сентиментальность, скажете Вы, но однажды я смогу показать Вам эти напоминания о радостном времени, о котором я мечтаю как о потерянном рае»². Этот потерянный рай он вспоминал с ностальгией еще спустя много лет.

Но вернемся в 1862 год. Письмо Роона, датированное 31 августа, Бисмарк получил только 12 сентября. В ответном послании Бисмарк вновь жаловался на неопределенность своего положения: «Я должен воспользоваться случаем добиться ясности. Я ничего так не желаю, как остаться в Париже, но я должен знать, что переезжаю и устраиваюсь не на несколько недель или месяцев, — ведь мой дом постав-

лен на широкую ногу. (...) Если бы Его Величество сказал мне, что я буду назначен 1 ноября, или 1 января, или 1 апреля, — я знал бы, что делать. (...) При такой неопределенности я теряю всякий вкус к делам и буду вам от души благодарен за всякую оказанную вами дружескую услугу, которая покончит с этой неопределенностью. Если это не удастся в ближайшее же время, то придется примириться с существующими фактами, сказать себе, что я — посланник короля в Париже, поселиться там с 1 октября с чадами и домочадцами и устроиться окончательно. Коль скоро это совершится, Его Величество сможет уволить меня в отставку, но уже не принудить сразу же вновь переезжать куда-то; я предпочту уехать к себе в имение и буду тогда знать, где живу. (...) Я так доволен положением посланника Его Величества в Париже, что не просил бы ничего другого и желал бы только знать наверно, сохранию ли я этот пост по меньшей мере до 1875 года. Дайте мне эту или какую угодно другую уверенность, и я подпишу ангельские крылья к вашей фотографии»¹. Идея Бисмарка вполне недвусмысленна: ясность, и как можно скорее! Совершенно очевидно, что слова об удовлетворенности дипломатическим постом в Париже нужны были только для того, чтобы оказать давление на собеседника; оставаться на этой должности до конца карьеры было бы для деятельного Бисмарка скорее наказанием. В любом случае, он немедленно прервал свое турне и отправился в Париж.

Именно там он получил 18 сентября от Роона телеграмму с условной фразой: «Промедление опасно. Спешите». На самом деле, еще за два дня до этого послание с приглашением прибыть в прусскую столицу отправил Бернсторф, однако не вполне ясно, дошло ли оно до адресата. В любом случае, это означало, что резерв должен выдвигаться как можно ближе к месту сражения — Бисмарку следовало отправиться в Берлин, и даже король, который еще 7 сентября отвергал кандидатуру «бешеного юнкера», дал на это свое разрешение.

К тому моменту конфронтация дошла до крайней точки. Палата депутатов твердо настаивала на своем, правительство разрывалось в поисках компромисса, который удовлетворил бы обе стороны, а монарх, не настроенный уступать, подумывал об отречении. Вильгельм чувствовал себя покинутым всеми, даже министрами, которые 17 сентября практически в ультимативной форме заявили ему о необходимости идти на уступки, угрожая в противном случае коллективной отставкой. Он заявил о необходимости вызвать в Берлин своего старшего сына, кронпринца Фридриха Вильгельма, находившегося в Тюрингии, и заготовил текст отречения, на кото-

¹ Gall L. Op. cit. S. 270.

² Orloff N. Bismarck und die Fürstin Orloff. Ein Idyll in der hohen Politik. München, 1936. S. 107.

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 223.

ром отсутствовали только дата и подпись. Неизвестно, насколько искренним было намерение короля; некоторые историки видят в нем только тактический ход, которому сам Вильгельм не придавал серьезного значения, намереваясь просто оказать давление на окружающих. В любом случае, именно в это время монарх решил обратиться к своему «последнему доводу» — назначить Бисмарка главой правительства.

Сопrotивление этому решению, даже в королевской семье, было огромным. Придерживавшийся либеральных взглядов кронпринц записал в своем дневнике: «Его Величество хочет назначить Бисмарка-Шёнхаузена !!! министром-президентом (...) Я почти не спал ночью от огорчения»¹. Что касается Аугусты, то она развила невероятную активность, чтобы убедить супруга в гибельности назначения «бешеного юнкера» главой правительства. В устной и письменной форме она доказывала Вильгельму, что Бисмарк — беспринципный авантюрист с реакционными убеждениями, который является сторонником союза с Францией и Россией в ущерб общегерманскому делу. Приход Бисмарка к власти, по мнению Аугусты, приведет к краху прусского государства.

Возможно, Вильгельм прислушался бы к мнению супруги, которая в целом имела на него очень большое влияние. Однако проблема заключалась в том, что Аугуста была не в состоянии предложить ему альтернативу, которая устраивала бы короля. Заявление об отречении, лежавшее на столе у Вильгельма, сыграло роль великолепного инструмента давления и на жену, и на сына, которые по понятным причинам не хотели, чтобы оно было пушено в ход.

20 сентября Бисмарк прибыл в Берлин. «Совершенно случайно» оказавшийся в столице дипломат практически сразу был приглашен к кронпринцу, беседа с которым, однако, не получилась — обе стороны предпочитали не раскрывать своих карт. Правда, Вильгельм, который подозревал сына в стремлении занять престол, отреагировал довольно болезненно, сочтя, что Бисмарк рассматривает отречение как дело решенное и пытается втереться в доверие к кронпринцу. Роону стоило определенного труда переубедить его. Два дня спустя состоялась аудиенция у короля. Вильгельм, принявший Бисмарка в окрестностях Потсдама, в замке Бабельсберг, первым делом продемонстрировал ему пресловутое заявление об отречении, попутно заявив, что не хочет править по указке ландтага вопреки собственной воле. Дальнейшее сам Бисмарк описывает в своих воспоминаниях следующим образом:

«Я ответил, что его величеству уже с мая известно о моей готовности вступить в министерство; я уверен, что вместе со мною останется при нем и Роон, и не сомневаюсь, что нам удастся пополнить состав кабинета, если мой приход побудит других членов кабинета уйти в отставку. После некоторого размышления и разговоров король поставил передо мною вопрос, согласен ли я выступить в случае назначения меня министром в защиту реорганизации армии, и, когда я ответил утвердительно, задал второй вопрос — готов ли я пойти на это даже против большинства ландтага и его решений? Когда я снова ответил согласием, он, наконец, заявил: «В таком случае мой долг попытаться вместе с вами продолжать борьбу, не отрекаясь от престола». Уничтожил ли он лежавший на столе документ или сохранил **на память**, я не знаю. (...) Мне удалось убедить его величество, что для него дело идет не о консерватизме или либерализме того или другого оттенка, а о том, быть ли королевской власти или парламентскому господству, и что последнее во что бы то ни стало следует предотвратить, хотя бы даже установив на некоторый период диктатуру. Я сказал: *«Если при таком положении ваше величество повелите мне сделать что-либо с моей точки зрения неправильное, то я, правда, откровенно выскажу вам свое мнение, но если вы все же будете стоять на своем, я предпочту погибнуть вместе с королем, нежели покинуть ваше величество в борьбе с парламентским господством»*. Это умонастроение было во мне в ту пору сильно и имело для меня решающее значение, так как я считал, что перед лицом национальных задач Пруссии голое отрицание и фраза тогдашней оппозиции пагубны в политическом отношении, и так как я питал к личности Вильгельма I столь глубокое чувство любви и преданности, что мысль погибнуть вместе с ним казалась мне, по тем обстоятельствам, вполне естественным и привлекательным завершением жизни»¹.

Насколько верно это описание, судить сложно — других свидетелей той встречи не было. Однако вполне очевидно, что фразы о любви и преданности королю маскируют изящное решение весьма важной для Бисмарка задачи. Король во время встречи поставил его в затруднительное положение, протянув уже готовую программу действий правительства. Если бы Бисмарк ее отверг, он продемонстрировал бы тем самым, что с самого начала собирается действовать наперекор монарху. Принять ее он тоже не мог, поскольку связал бы себе руки, даже не приступив еще к деятельности главы правительства. Единственным возможным решением было сделать так,

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 115.

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 226.

чтобы монарх сам отказался от своей программы, и это ему блестяще удалось.

Мечта Бисмарка осуществилась. Он стал главой прусского правительства. Этот день Лотар Галл, оглядываясь на последствия прихода Бисмарка к власти, назвал «датой всемирно-исторического значения»¹. Хотя это высказывание содержит известное преувеличение, с ним можно согласиться. Формальное назначение Бисмарка министром-президентом и министром иностранных дел состоялось 8 октября. К тому моменту он уже погрузился в пучину политических баталий.

По мнению того же Лотара Галла, все, что Бисмарк делал в предшествующие месяцы вплоть до своего назначения министром-президентом, было четко рассчитанной стратегией. Однако никакой гарантии того, что эта стратегия в конечном счете приведет к успеху, не существовало. «В течение всего времени Бисмарк действовал в рамках тщательно скалькулированного оперативного плана. Ничто не было спонтанным решением, как считали многие при романтизированном прочтении его «эскапад». Приведет ли этот план к желаемой цели, мало зависело от Бисмарка, и последний знал это слишком хорошо. Положенный в основу стратегии расчет обстоятельств и поведения участников мог оказаться неверным в любой момент. Настоящей альтернативы в этот раз, в отличие от многих решающих ситуаций более поздней поры, у него не было. Если бы одна из сторон уступила, если бы король отрекся и прекратил борьбу, Бисмарк бы проиграл, вероятно навсегда»².

Однако Галл, скорее всего, несколько драматизирует ситуацию. Вне всякого сомнения, план, которому следовал опытный дипломат, был тщательно рассчитан. Но в сложившейся ситуации не требовалось экстраординарных усилий для того, чтобы он увенчался успехом. Логика противостояния практически исключала возможность компромисса, и рано или поздно фигура Бисмарка должна была появиться на сцене. Королю нужен был человек из консервативного лагеря, не связанный ни с «камарильей», ни с «партией еженедельника», а таких имелось в наличии откровенно немного. Гораздо сложнее, чем получить власть в свои руки, было удержать ее в дальнейшем.

Впоследствии историки неизменно задавались вопросом о том, как разворачивались бы события, если бы назначение Бисмарка не состоялось? По мнению одних, в этом случае стало бы неизбежным

отречение короля, а либеральный кронпринц пошел бы на уступки парламенту. Это привело бы к демократизации политического строя Пруссии, которая стала бы «поворотным пунктом в новой германской истории»¹. Когда и на какой основе произошло бы в этом случае объединение Германии — и произошло бы оно вообще — остается под вопросом. Другие исследователи утверждали, что серьезных изменений бы не случилось; либеральный кронпринц вскоре стал бы консервативным монархом, а либеральное правительство не с меньшим усердием и силой оружия стремилось бы к объединению страны. «Большого, чем точечные уступки либерализму, не следовало ожидать даже в случае победы палаты представителей в конституционном конфликте» — считает, например, Кристоф Нонн². Не будем углубляться в этот спор, который ведется в сослагательном наклонении. Важный рубеж в жизни Бисмарка оказался пройден; однако впереди были весьма сложные задачи.

¹ Gall L. Op. cit. S. 285.

² Ibid. S. 273.

¹ Wehler H.U. Op. cit. S. 264.

² Nonn C. Op. cit. S. 137.

ГЛАВА 7

САМЫЙ ТРУДНЫЙ ГОД

Биографии Бисмарка можно при желании насчитать немало переломных моментов и судьбоносных решений. Однако совершенно особое место занимает в его жизни и карьере первый год пребывания на посту главы прусского правительства. Этот период — с осени 1862 по осень 1863 года — можно без преувеличения назвать временем самых тяжелых испытаний, выпавших на долю «железного канцлера».

Никогда ни до, ни после этого у него не было так много врагов и так мало друзей. Никогда его положение не было настолько шатким. В ландтаге его, по сути, не поддерживала ни одна фракция, милость короля была весьма ненадежной величиной. Являясь объектом практически всеобщей ненависти, находясь в жестком противостоянии с парламентским большинством, имея множество противников при дворе и будучи вынужденным постоянно бороться за доверие нерешительного короля, от которого всецело зависел, Бисмарк упрямо проводил ту политику, которую считал необходимой. Можно спорить о том, насколько правильной она оказалась в исторической перспективе. Однако трудно не восхищаться тем упорством, поддержкой и искусством политика, которые проявил Бисмарк в эти судьбоносные для него и для Пруссии месяцы.

Уже сам факт прихода Бисмарка к власти вызвал бурю негативных эмоций в самых различных кругах. «Бедная мама, каким горьким станет для нее назначение ее смертельного врага!» — записал в своем дневнике 23 сентября кронпринц¹. Вильгельм счел даже нужным отправить супруге длинное письмо, в котором почти извиняющимся тоном сообщал: «Я знаю, что ты будешь очень недовольна тем, что я выбрал Бисмарка, но мой внутренний голос говорит мне, что я должен действовать так, если не хочу поставить страну на карту. (...) Я прошу тебя спокойно переждать ближайшее время и, вернувшись сюда, подробно переговорить с Бисмарком, чтобы лично убедиться в

том, что он совершенно правильно смотрит на вещи и оценивает их в соответствии с моими указаниями. Он ни в коем случае не упрям, не слеп и не своеволен, признает огромную сложность момента, но вместе со мной полагает, что только определенность, последовательность и твердость смогут удержать нас на поверхности бушующего моря. (...) С тех пор как я принял решение, я впервые с момента моего возвращения из Бадена спокойно заснул ночью. Предыдущие ночи были ужасны — таких не пожелаешь и врагам»¹. Прежний друг и покровитель, Людвиг фон Герлах, признававший всю существующую между ними пропасть, писал в эти же дни о Бисмарке: «Пусть Господь защитит его от него самого, от искушений его честолюбия и эгоизма, и позволит ему понять, что катехизис актуален и для государственных мужей»². Практически весь дипломатический корпус был настроен против нового министра иностранных дел.

Волна возмущения поднялась и среди прусских либералов. В назначении на пост главы правительства человека, который пользовался репутацией твердолобого юнкера и закоренелого реакционера, они увидели стремление монарха прибегнуть к любым средствам, чтобы не следовать воле парламента. «Использование этого человека — это выстрел последним, самым мощным снарядом из всех, которые только есть у реакции, — писала одна из еженедельных газет, близких к «Национальному союзу». — Даже если он чему-то и научился, он ни в коем случае не является полноценным государственным мужем, а всего лишь авантюристом самой обычной масти, который заботится только о сегодняшнем дне»³. Примечательно, что автором этой статьи был уже упоминавшийся Рохау. Впрочем, даже значительная часть консерваторов настороженно встретила назначение Бисмарка.

Не менее категоричными были и отклики из-за рубежа. Одно из самых авторитетных изданий в тогдашней Германии, «Аугсбургская всеобщая газета», писала о Бисмарке как о человеке, который прячет униформу под гражданской одеждой⁴. Особенно негативно назначение было воспринято в Австрии и малых германских государствах. Новому главу прусского правительства называли «ужасным юнкером», «авантюристом», который установит внутри страны кровавую диктатуру и немедленно начнет войну с кем-нибудь. Венский сатирический журнал «Фигаро» опубликовал карикатуру, на которой

¹ Ibid.

² Richter W. Op. cit. S. 100.

³ Kolb E. Op. cit. S. 55.

⁴ Gall L. Op. cit. S. 292.

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 116.

Бисмарк пытается заставить женщину, символизирующую Пруссию, надеть «юнкерский наряд», который ей явно мал и тесен.

Все это не было для Бисмарка неожиданностью. Он прекрасно понимал, в какой сложной ситуации находился. Кредит доверия со стороны общественности, которым он пользовался с момента вступления в должность, был изначально даже не нулевым, а глубоко отрицательным. Это серьезно ограничивало свободу его действий — новый министр-президент напоминал канатоходца, балансирующего на тонкой веревке над ущельем, полным хищников, готовых его растерзать. С другой стороны, пространство для маневра было ограничено монархом, от расположения которого Бисмарк всецело зависел и идти вразрез с пожеланиями которого не мог. Впоследствии, уже оказавшись на гребне успеха, глава правительства мог горячо спорить с Вильгельмом и под угрозой своей отставки заставлять его поступать по-своему; однако осенью 1862 года этот час был еще весьма далек. От Бисмарка требовалось все его искусство игрока, чтобы четко просчитывать каждый свой шаг и не давать противникам объединиться. Фактически он мог двигаться только по довольно узкому коридору, в конце которого, как считали многие, был тупик. Потребовалось не только искусство и талант, но и значительная удача для того, чтобы политика Бисмарка увенчалась успехом.

Новому министру-президенту было довольно трудно даже сформировать новое правительство — мало кто соглашался идти работать под его руководством. В итоге первый кабинет Бисмарка был, по сути, сборищем посредственностей. По мнению Лотара Галла, Бисмарк мог наслаждаться полной свободой действий, однако только в том случае, если бы ему удалось решить две крайне трудновыполнимых задачи: добиться согласия парламента на военную реформу в полном объеме и в течение короткого времени достичь каких-либо очевидных всем успехов. Время после назначения на пост главы правительства Галл называет «годами учения» Бисмарка. Новый министр-президент активно осваивал новые правила игры и корректировал свои представления в соответствии с реалиями текущего момента. Именно это стало основой его успеха¹. Если бы он действовал иначе, его дальнейшая карьера оказалась бы недолгой. Сочетание редкого упорства с гибкостью и открытостью всему новому стало тем секретным оружием, которое принесло Бисмарку победу. И, конечно же, ему во многом повезло.

Бисмарк страстно желал стать главой правительства, но одновременно осознавал всю сложность задачи и нервничал из-за этого.

¹ Ibid. S. 284.

На следующий день после своего назначения, 24 сентября, он писал Иоганне: «Все это не радостно, и я пугаюсь каждый раз, когда просыпаюсь утром. Но так должно быть. Я не в состоянии написать тебе сейчас больше этих нескольких строчек, я окружен со всех сторон самыми разнообразными делами и не смогу в ближайшие недели покинуть Берлин. (...) Я прошу тебя приехать, как только первый шквал минует и будет немного спокойнее»¹.

В середине октября супруги поселились в служебной квартире в здании министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе, 76. Это двухэтажное здание было построено в 1737 году в стиле барокко. Между двумя флигелями находился небольшой двор со старым дубом. На первом этаже находились служебные помещения, на втором — салон, рабочий кабинет и приватные комнаты семейства Бисмарк. Особой роскошью помещения не отличались, но их новым обитателям она и не была нужна. Здесь Бисмарку предстоит проработать много лет, однако в тот момент мало кто готов был поверить в такую перспективу.

Изначально новый глава правительства не планировал идти на обострение конфликта. Не склонный к уступкам в принципиальном для прусской монархии вопросе, он, тем не менее, рассчитывал на некоторую разрядку напряженности. Планы влиятельного главы военного кабинета короля Эдвина фон Мантойфеля, считавшего необходимым государственный переворот и разгон ландтага, он решительно отвергал. Вместо этого Бисмарк планировал сделать депутатов уступчивее, продемонстрировав им перспективу решения германского вопроса. Уже в первые дни после назначения он провел беседы с несколькими депутатами оппозиции, обладавшими большим авторитетом. Он зондировал возможность компромисса; правда, было не вполне ясно, что он сам может им предложить взамен.

Первым его шагом на политической арене стал отзыв проекта бюджета 1863 года из парламента. Сам Бисмарк в речи 29 сентября заявил, что это — жест примирения. Правительство идет навстречу пожеланиям депутатов, которые считают, что военные статьи бюджета можно обсуждать только одновременно с военным законом. Однако поскольку последний невозможно подготовить до конца текущего года, обсуждение бюджета продолжится в следующем. Это вызвало решительный протест депутатов, утверждавших, что до конца года еще полно времени и, если правительство действительно хочет примирения, оно вполне может поторопиться. Кроме того,

¹ WIA. Bd. 3. S. 1.

начать 1863 год без утвержденного бюджета означало бы нарушить конституцию.

Дискуссия продолжилась в бюджетной комиссии ландтага 30 сентября. Именно здесь Бисмарк допустил серьезную ошибку. Начало его выступления было проникнуто духом разрядки — он даже принес с собой оливковую ветвь, которую продемонстрировал депутатам. «Правительство ищет взаимопонимания; оно в любой момент готово протянуть руку для примирения» — сказал он¹. По поводу отсутствия утвержденного бюджета Бисмарк пояснил, что «правительство не оспаривает принцип, никто не собирается сбрасывать с рельс конституционный поезд», однако тут же в достаточно осторожной форме озвучил свою «теорию пробела», разработанную еще одиннадцать лет назад. В статье 99 конституции, заявил министр-президент, говорится о том, что бюджет должен быть в обязательном порядке утвержден парламентом; однако там ни слова не сказано о ситуации, когда правительство и ландтаг не приходят к единому мнению, и к началу года страна остается без бюджета. В такой ситуации невозможно остановить работу государственного механизма, поэтому правительству придется волей-неволей собирать и тратить деньги вне рамок бюджета. «Конституция не предлагает здесь никакого выхода, одна интерпретация противоречит другой». С формальной точки зрения эта теория была безупречна, однако по сути она подрывала саму основу власти парламента, поэтому вызвала закономерный протест присутствующих. В этой ситуации Бисмарк попытался объяснить депутатам, что сильная королевская власть в Пруссии будет способствовать решению национального вопроса, объединению страны. Сама по себе мысль была хороша, но слова были выбраны не слишком удачно, по крайней мере, для того момента.

В дальнейшем эта фраза станет самым известным, самым цитируемым изречением Бисмарка. «Не на либерализм Пруссии смотрит Германия, а на ее мощь, — заявил он. — Пруссия должна сконцентрировать свои силы и держать их готовыми для благоприятного момента, который уже был упущен несколько раз. Границы Пруссии, установленные Венским конгрессом, неблагоприятны для здоровой государственной жизни. Не речами, не постановлениями большинства решаются великие вопросы времени — это было большой ошибкой 1848 и 1849 годов — а железом и кровью»².

Репутация Бисмарка способствовала тому, что депутаты — а также широкая общественность, которая прочла выдержки из высту-

пления главы правительства в газетах — услышали только два последних слова. Железо и кровь — это как раз именно то, чего ждали от Бисмарка! Оливковая ветвь была предана забвению. Поднялась буря возмущения, мало кто из политических противников упустил случай метнуть камень в министра-президента. «Когда я слышу такого плоского юнкера, как этот Бисмарк, говорящего про кровь и железо, которыми он хочет поработить Германию, то мне кажется, что он не менее жалок, чем подл» — писал Генрих фон Трейчке, либеральный историк, ставший несколько лет спустя горячим поклонником «железного канцлера»¹.

Не дремала и Аугуста, что было уже гораздо опаснее. К несчастью, король в тот момент как раз находился вместе с супругой на курорте Баден-Баден и должен был вернуться поездом в Берлин. Чтобы монарх не принял поспешного решения, Бисмарк выехал ему навстречу и дожидался поезда, в котором ехал Вильгельм, на станции Ютербог. В своих мемуарах он так описывал последовавшую встречу:

«Сидя в темноте на опрокинутой тачке, ожидал его на недостроенном вокзале, переполненном ремесленниками и пассажирами третьего класса. Я искал случая увидеть Его Величество с намерением как можно скорее успокоить его насчет одного заявления. (...) Роон, слышавший мою речь, выразил мне на обратном пути неодобрение по поводу сказанного мною, заметив, между прочим, что считает такого рода «остроумные экскурсии» не слишком полезными для нашего дела. Сам я колебался между желанием завербовать депутатов в пользу энергичной национальной политики и опасением возбудить недоверие к себе и к своим намерениям со стороны короля, по натуре осторожного и не расположенного к насильственным мерам. Навстречу ему в Ютербог я отправился с тем, чтобы своевременно помешать возможному влиянию на него прессы.

Мне не сразу удалось узнать у неразговорчивых кондукторов следовавшего по обычному расписанию поезда, в каком вагоне едет король; он сидел совершенно один в простом купе первого класса. Под влиянием свидания с супругой он был явно в подавленном настроении, и, когда я попросил у него позволения изложить события, происшедшие в его отсутствие, он прервал меня словами: *«Я предвижу совершенно ясно, чем все это кончится. На Оперной площади, под моими окнами, отрубят голову сперва вам, а несколько позже и мне»*. (...). Когда он умолк, я отвечал коротко: *«А затем, государь?»* — *«Что ж, затем нас не будет в живых»*, —

¹ PR. Bd. 2. S. 22.

² Ibid. S. 30.

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 123.

возразил король. «Да,— продолжал я, — нас не будет в живых, но ведь мы все равно умрем рано или поздно; а разве может быть более достойная смерть? Сам я умру за дело моего короля, а Ваше Величество запечатлеете своею кровью ваши божией милостью королевские права; на эшафоте ли или на поле брани, не все ли равно, где доблестно отдать жизнь за права божией милостью? Ваше Величество не должны думать о Людовике XVI; он был слаб духом при жизни и перед лицом смерти и как историческая фигура — не на высоте. Но возьмите Карла I, — разве не останется навеки одним из благороднейших явлений в истории тот факт, что, обнажив меч в защиту своих прав и проиграв сражение, он гордо скрепил собственной кровью свои королевские убеждения? Ваше Величество стойте перед необходимостью бороться, вы не можете капитулировать, вы должны воспротивиться насилию, хотя бы это и было сопряжено с опасностью для жизни». Чем долее я говорил в этом духе, тем более оживлялся король, тем более входил он в роль офицера, борющегося с оружием в руках за королевскую власть и отечество. (...) Он почувствовал себя офицером, которого схватили за портупею и которому дан приказ удержать цену жизни определенную позицию. Это ввело его в привычный ему круг мыслей, и он в несколько минут обрел ту уверенность, которой его лишили в Бадене, и даже свойственную ему веселость»¹.

Бисмарку удалось достаточно быстро найти подход к монарху, который он успешно использовал и в дальнейшем. Вильгельм был не слишком сильным и решительным человеком, однако он чувствовал себя солдатом и преклонялся перед армейскими ценностями. Сыграть на романтических струнах в душе короля, заставить его почувствовать себя офицером, который будет опозорен, если отступит со своей позиции — в этом заключалась тактика Бисмарка. Обладая прекрасным ораторским талантом, он поместил Вильгельма в такую систему координат, которая исключала для последнего какой-либо маневр. Тем самым он укрепил свое положение и мог продолжать только что начатую работу.

Проблема заключалась в том, что эта же самая риторика ограничивала и его собственное пространство для маневра. Любые попытки добиться компромисса с парламентом могли быть восприняты как бегство с поля боя и лишить Бисмарка поддержки короля — его единственной опоры. Он был обречен проводить жесткую линию. Теперь только серьезные внешнеполитические успехи могли бы разрешить в его пользу патовую ситуацию, сложившуюся внутри

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 241.

страны. Однако для достижения таких успехов необходима была благоприятная возможность, которой еще предстояло дожидаться. До того момента Бисмарку требовалось продержаться на своем посту.

13 октября сессия прусского ландтага была закрыта. Бюджет так и не был принят. Суть возникшей ситуации прекрасно обрисовал юрист Рудольф Гнейст, писавший: «Либо корона уступит одностороннему праву палаты на утверждение бюджета: тогда большинство в нижней палате станет абсолютным властителем государства и может в любой момент в одностороннем порядке отменить любой параграф конституции и любой закон. Либо корона не уступит, и тогда остается выбор между параличом государства и уничтожением конституции»¹. Бисмарк пытался найти компромисс, вступив в конце года в переговоры с лидерами либералов относительно возможного сокращения срока службы до двух лет — однако это был, судя по всему, просто зондаж. Король никогда не позволил бы главе правительства пойти на такую уступку; подобного рода соглашение он мог легко заключить и без Бисмарка.

Стремясь укрепить свое положение, глава правительства в конце октября направился в Париж. Официально — чтобы попрощаться с императором, оставляя пост прусского посла, неофициально — чтобы прозондировать почву для франко-прусского диалога. Маневр оказался в целом достаточно удачным — в ходе беседы с Наполеоном Бисмарк понял, что Бонапарт рад его назначению и по-прежнему делает ставку на сотрудничество с Берлином. Однако на положение свежее испеченного главы правительства в собственном государстве это повлияло мало. Даже император почувствовал это, высказав опасение, что в Пруссии вскоре может произойти революция. «У нас народ не строит баррикад, и революции в Пруссии делают только короли» — мгновенно отозвался Бисмарк. При всей пророческой силе этого высказывания в тот момент оно казалось свидетельством излишней самоуверенности министра-президента, и Наполеон отметил затем в своем кругу, что этого человека вряд ли стоит принимать всерьез².

Еще одной попыткой наладить диалог с либералами стало вмешательство в кургессенский конфликт. В этом небольшом княжестве в ноябре 1862 года вспыхнула очередная ссора между авторитарным курфюрстом и либеральным парламентом. Бисмарк потребовал от монарха соблюдать конституцию, угрожая в противном случае применить силу. Главе местных либералов он заявил, что и в Пруссии

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 124.

² Richter W. Op. cit. S. 105.

«честно стремится к компромиссу» с его единомышленниками¹. Однако единственным непосредственным результатом этого маневра стала негативная реакция российских политиков, внимательно следивших за происходящим в Центральной Европе.

* * *

Новый 1863 год стал временем обострения внутривнутриполитического кризиса. Собранный в середине января на очередную сессию ландтаг вновь занялся вопросами бюджета. Либеральное большинство выступило с жесткой критикой правительства. В ответ Бисмарк начал горячо защищать свою «теорию пробела», говоря о том, что правительство не имеет морального права прекращать функционирование государственного механизма только потому, что не в состоянии договориться с палатой о бюджете. При этом он постарался отвести удар от себя, представив дело так, что депутаты сопротивляются не правительству, а монарху. 27 января он подчеркнул, что речь идет не о противостоянии правительства и парламента, а о противостоянии парламента и короны. «Вы адресуете упрек в нарушении конституции министерству, а не короне, в том, что последняя верна конституции, Вы совершенно не сомневаетесь. Этой трактовке я противился уже на заседаниях комитета. Вы, как и каждый человек в Пруссии, знаете, что министерство действует от имени и по приказу Его Величества. (...) Я отказываюсь признавать разделение короны и министерства не потому, что, как говорилось здесь с трибуны, хочу превратить авторитет короны в щит, прикрывающий правительство. Мы не нуждаемся в щите, мы стоим на почве права. Я отказываюсь признавать это разделение, потому что оно скрывает тот факт, что вы находитесь в борьбе за власть с короной, а не с министерством»².

Бисмарк умело пользовался тем, что многие депутаты вовсе не хотели доводить конфликт до прямого противостояния с монархией, что могло иметь совершенно непредсказуемые последствия вплоть до революции в стране. Министр-президент заявил, что уступить парламенту в данном вопросе — значит признать его абсолютное главенство в государственном механизме. Однако этого не будет, это противоречит конституции, которая предусматривает разделение властей. «Прусская монархия еще не выполнила свою миссию, она еще не готова к тому, чтобы стать чисто декоративным украшением

вашего конституционного здания, не готова превратиться в мертвую деталь в механизме парламентского правления» — воскликнул Бисмарк под громкий ропот депутатов. В то же время министр-президент подчеркнул готовность правительства к компромиссу, перечислил все шаги, сделанные в этом направлении, и, отвечая на упрек со стороны одного из депутатов, добавил: «При отсутствии компромиссов возникают конфликты, конфликты становятся вопросами власти; а поскольку жизнь государства не может замереть ни на мгновение, то, в чьих руках власть, вынужден ее использовать»¹.

Риторика главы правительства, как и следовало ожидать, депутатов не убедила. Нижняя палата ландтага приняла подавляющим большинством голосов адрес к прусскому королю, в котором обвиняла министерство в нарушении конституции. 17 февраля 1863 года депутаты возложили на министров личную имущественную ответственность за расходы, противоречащие действующему законодательству. Либеральная пресса развернула масштабную кампанию, говоря о «неугасимом отвращении, невыразимой тошноте перед лицом негодного берлинского правительства, которое представляет собой противоестественного монстра, противного европейским порядкам»².

При этом следует отметить, что и правительство, и парламент не прекращали текущую деятельность. Депутаты не пытались ни бойкотировать работу исполнительной власти, ни предпринимать каких-либо других радикальных мер, которые резко обострили бы конфликт и перевели бы его на следующую, значительно более опасную для обеих сторон стадию. Либералы хотели революции еще меньше, чем король. В эти месяцы много говорилось о покушении на основы конституционного правления, о ползучем государственном перевороте, о нарушении всех мыслимых норм, однако на практике ни Бисмарк, ни его оппоненты, несмотря на громкую риторику, не совершали резких движений, которые привели бы к развалу сложившейся системы органов власти в целом. Ставка делалась скорее на изоляцию и истощение противника. И в этой игре у каждой из сторон были свои козыри: у Бисмарка — поддержка короля, у парламента — общественного мнения.

Жизнь Бисмарка в эти месяцы целиком и полностью определялась его политической деятельностью. «Я его вообще не вижу, — писала Иоганна в начале 1863 года. — Лишь пять минут утром, за завтраком, пока он пролистывает газеты в полном молчании. Потом

¹ Nonn C. Op. cit. S. 141.

² WIA. Bd. 3. S. 59.

¹ Ibid. S. 64.

² Schmidt R. Op. cit. S. 125.

он исчезает в своем кабинете, затем к королю, в совет министров, к парламентскому чудовищу. В пять часов он обычно ест у какого-нибудь дипломата, в восемь он мимоходом желает мне доброго вечера и погружается в свои жуткие бумаги. К половине десятого он отправляется на какой-нибудь прием, после которого работает до часу ночи, а потом, конечно же, плохо спит. И так день за днем!»¹

Весной 1863 года противостояние продолжалось. Накал борьбы в прессе достиг такой остроты, что Бисмарк вынужден был возбудить десятки процессов об оскорблении его чести и достоинства различными либеральными газетами. Успех неизменно оказывался более чем спорным: судьи, в большинстве своем либерально настроенные, вынуждены были признавать правоту истца, однако назначали ответчикам чисто символические наказания. В мае нижняя палата ландтага отвергла бюджет 295 голосами против пяти. 22 мая был принят новый адрес, обращенный к королю и на сей раз уже недвусмысленно требовавший отставки правительства — возникший между министерством и страной конфликт «можно прекратить лишь заменой личностей, и более того, смелой системы»². Возможно, требовать не только отставки Бисмарка, но и масштабной реформы было ошибкой. Во всяком случае, Вильгельм получил лишнее подтверждение тому, что его министр прав — прогрессисты покушаются не на личность министра-президента, а на монаршие prerogatives. Король отказался принять делегацию депутатов, ответив, что «мои министры пользуются моим полным доверием, их действия совершаются с моего одобрения, и я благодарен им за то, что они противодействуют антиконституционному стремлению ландтага к расширению собственных полномочий»³.

Ответный удар со стороны Бисмарка не заставил себя долго ждать. 1 июня, после завершения очередной сессии ландтага, чрезвычайным распоряжением правительства была введена жесткая цензура. Теперь власти могли закрыть любую газету, не утруждая себя серьезными обоснованиями, просто на основе ее «общей направленности», враждебной существующей системе. В итоге под запрет попал даже самый популярный в стране журнал для семейного чтения «Гартенлаубе», лишь иногда позволявший себе высказываться на политические темы.

Одновременно было усилено давление на государственных служащих. Бисмарк с детства отрицательно относился к либеральному

чиновничеству, теперь пришла пора закручивать гайки. Еще в декабре 1862 года министр внутренних дел граф Ойленбург специальным указом напомнил служащим, что они должны быть опорой трона и не должны использовать «авторитет, который дает им их должность, для пропаганды политических устремлений, противных воззрениям и воле правительства»¹. В бюрократическом аппарате были произведены перестановки. Вильгельм заявил, что враждебное отношение к правительству несовместимо с присягой, принесенной королю. Таким образом, перед чиновниками самых различных рангов встала дилемма: молча повиноваться или уходить со службы. Естественно, подавляющее большинство выбрало первый вариант.

Однако все эти меры не приносили решающих перемен. Положение Бисмарка было довольно шатким — он вел «отчаянную борьбу за политическое выживание»². Параллельно усиливалась оппозиция главе правительства при дворе. Ее центром стали королева и кронпринц. Супруга последнего писала в эти дни своей матери, британской королеве Виктории: «Мы страшно обозлены положением дел. Эту страну уже невозможно назвать монархией, ею правит всемогущий мажордом Бисмарк, который использует свою власть так глупо и легкомысленно, как это только возможно. (...) Этот жалкий Бисмарк, видимо, не хочет завершать свою безумную карьеру, не принеся своему королю несчастья, а своей стране — опаснейшие проблемы». В письме свекрови кронпринцесса высказывалась похожим образом: «Этот человек — недоразумение мирового масштаба и глубочайшее унижение Пруссии. Если бы последствия его действий обрушились только на его собственную голову, можно было бы утешаться, однако из-за него пропадем мы все»³. Сложившийся вокруг Фридриха Вильгельма «Кобургский кружок» подталкивал кронпринца к более решительным действиям. 5 июня, спустя несколько дней после ужесточения цензуры, Фридрих Вильгельм выступал с речью на приеме в ратуше Данцига, в которой публично дистанцировался от политики, проводившейся королевским правительством.

Сообщение об этом произвело в стране эффект разорвавшейся бомбы. Конфликт между монархом и наследником престола мог значительно углубить существующий кризис и ослабить позиции правительства, тем более что последствия речи кронпринца могли быть самыми плачевными. Так, фельдмаршал Врангель, старший по званию и самый авторитетный офицер в прусской армии, зая-

¹ Keudell R.v. Op. cit. S. 117.

² Kolb E. Op. cit. S. 58.

³ Krockow C.v. Op. cit. S. 165.

¹ Engelberg E. Op. cit. S. 532.

² Gall L. Op. cit. S. 328.

³ Schmidt R. Op. cit. S. 126.

вил о необходимости предать Фридриха Вильгельма военному суду, поскольку тот был генералом. Видимо, старый вояка вспомнил о добром примере прусского короля Фридриха Вильгельма I, который за попытку побега в Англию посадил своего сына — будущего короля Фридриха Великого — в тюрьму. Однако за полтора века многое изменилось, и подобное отношение к кронпринцу могло вызвать в Пруссии бурю возмущения. Это прекрасно понимал Бисмарк, который вовсе не был заинтересован в дальнейшем развитии конфликта.

Сделать это оказалось не так-то просто. Буквально пару недель спустя в британской газете «Таймс» была опубликована статья, автор которой демонстрировал прекрасное знакомство с секретной перепиской между Вильгельмом и его старшим сыном. Судя по всему, утечка информации произошла при посредничестве принцессы Виктории и ее венценосной матери. Однако расследование, проведенное под руководством прусского короля, не смогло добиться каких-то конкретных результатов, тем более что Бисмарк приложил массу усилий к тому, чтобы инцидент как можно быстрее забылся.

Фридрих Вильгельм, подстегиваемый своим либеральным окружением, продолжал, однако, линию на конфронтацию. 30 июня он направил Бисмарку письмо, в котором осуждал всю проводимую политику в целом и заключал: «Тех, кто ведет моего отца, Его Величество короля, по такому пути, я считаю опаснейшими советниками короны и отечества»¹. Кронпринц отказывался принимать участие в заседаниях министерства (обычная практика, направленная на то, чтобы наследник престола был в курсе правительственной политики) до тех пор, пока у власти находится Бисмарк. Неоднократные указания Вильгельма не заставили его сына отказаться от своего намерения.

Тем не менее, инцидент с кронпринцем закончился в целом благоприятно для Бисмарка. Ему удалось предотвратить конфликт между монархом и престолонаследником, который неизбежно ослабил бы позиции королевской власти и превратил бы Фридриха Вильгельма в «мученика за правду». Поскольку кронпринц со своей стороны не пошел на обострение ссоры с отцом, на что рассчитывала значительная часть либералов, он предстал перед последними слабой фигурой, на которую не приходилось рассчитывать. Один из противников Бисмарка был, таким образом, временно нейтрализован.

Тем не менее, почва под ним колебалась. По Берлину волнами расходились слухи о предстоящей отставке главы правительства.

Многие считали, что он не справился со своей задачей. Сам Бисмарк стремился излучать бодрость и оптимизм, однако его сотрудники знали, что на самом деле он страдает от мигрени и хронической бессонницы, вызванных нервным напряжением. Позднее его жена говорила, что он не может спать, потому что постоянно злится, а потом постоянно злится, потому что не может спать¹. Запас здоровья, накопленный в Биаррице, оказался практически полностью растрочен. Давний и близкий друг семьи Бисмарков, Роберт фон Койделл, рассказывал, что в преддверии годовщины своего назначения министр-президент жаловался ему: «Я чувствую себя так, словно за один этот год постарел на пятнадцать лет. Люди все же еще намного глупее, чем я о них думал»².

* * *

2 сентября 1863 года палата депутатов была окончательно распущена и назначены новые выборы. Состоявшиеся 28 октября, они привели к дальнейшей радикализации парламента. Левые либералы с союзниками получили более двух третей мандатов, умеренные либералы понесли достаточно серьезные потери. 9 ноября начались заседания палаты депутатов в новом составе. Первым делом депутаты отменили чрезвычайное распоряжение по вопросам прессы от 1 июня. Военный законопроект и проект бюджета были отклонены подавляющим большинством голосов.

Для того, чтобы изменить расстановку сил, Бисмарку следовало лишить либералов их главной опоры — общественного мнения. Сделать это можно было двумя путями. Первый вариант основывался на том обстоятельстве, что основной электоральной базой либералов был прусский «средний класс». Буржуазия и представители свободных профессий голосовали за прогрессистов практически в полном составе. При этом цензовая «трехклассовая» избирательная система, существовавшая в Пруссии, благоприятствовала им, поскольку обеспечивала более выгодные позиции по сравнению с рядовыми налогоплательщиками. Крестьяне и городская беднота практически не принимали участия в выборах — в октябре 1863 года на избирательные участки явилось менее трети имевших права голоса. Либеральное большинство палаты было избрано полумиллионом человек из приблизительно 20-миллионного населения страны. Бисмарк не без основания считал, что «простой народ» настроен враждебно по

¹ Ibid. S. 127.

¹ Tiedemann C.v. Op. cit. S. 18.

² Richter W. Op. cit. S. 120.

отношению к либералам и в целом лоялен монарху. Он стремился разыграть эту карту, продемонстрировав, что прусская монархия заботится о нуждах рядовых подданных, в то время как «денежные мешки» думают лишь о том, чтобы прорваться к власти. Для этого он планировал использовать два инструмента: всеобщее избирательное право и социальную политику.

Идея всеобщего избирательного права как средства борьбы с либералами пришла Бисмарку в голову, по всей видимости, еще за несколько лет до этого. Она позволяла уравнивать голос либерального профессора и сельского бедняка, главными авторитетами для которого были бог и король. Опасность этой системы понимали и либералы, которых идеи Бисмарка ставили в исключительно сложное положение: выступая за демократизацию государственной системы и за участие граждан в управлении страной, они с трудом могли протестовать против всеобщих и прямых выборов в парламент, которые создавали серьезную угрозу их позициям. Многие из них полагали, что введение всеобщего избирательного права станет «началом конца» парламентской системы¹.

Стремясь найти противовес оппозиции в ландтаге, Бисмарк летом 1863 года совершил маневр, который, будь о нем известно широкой общественности, стал бы настоящей сенсацией. Следуя древнему правилу «враг моего врага — мой друг», он обратил внимание на созданный в мае того же года адвокатом Фердинандом Лассалем Всеобщий германский рабочий союз — одну из первых социалистических организаций в Германии. Узнав о враждебности новой организации к либералам, многие из которых выступали в роли эксплуататоров немецких рабочих, Бисмарк немедленно приложил усилия к налаживанию контактов с Лассалем. Несмотря на полную противоположность мировоззрения обоих участников переговоров, на состоявшихся между ними встречах они быстро нашли общий язык. Глава правительства называл впоследствии своего собеседника фантазером с утопичными взглядами, однако лучшим оратором, какого он когда-либо слышал².

Предложения Бисмарка заключались в том, чтобы монархия заключила союз с «простым народом», первым шагом к которому стало бы введение всеобщего избирательного права. Лассаль горячо поддержал эту инициативу, поскольку усмотрел в ней шанс усилить позиции своей организации. Продолжения у этой истории, однако, не было — Всеобщий германский рабочий союз был на тот момент

еще довольно слаб, его основатель погиб на дуэли спустя год после описываемых событий, да и флирт Бисмарка с «красными» вряд ли понравился бы королю. Именно последняя причина заставляла министра-президента держать в тайне свои встречи с Лассалем и отказываться от немедленной реформы избирательной системы, которая привела бы к резкому обострению кризиса. Однако в этом случае ярко проявила себя весьма характерная способность Бисмарка использовать все имеющиеся возможности, не стесняя себя ограничениями.

Инициативы в области социальной политики также на первых порах остались без серьезных последствий. Необходимо сказать, что в данном случае действия Бисмарка не выглядели настолько шокирующими, как его контакты с Лассалем. Идеология прусского консерватизма предусматривала определенную степень заботы о социально незащищенных слоях населения, поскольку трактовала государство как семью, в которой власть короля носит отеческий характер. Либералы же, напротив, исходили из личной ответственности каждого за свое благосостояние и выступали за невмешательство государства в экономику.

Одним из первых шагов Бисмарка в борьбе за симпатии «простого народа» стала его реакция на положение силезских ткачей, которые были затронуты волной массовых увольнений в связи с ограничением притока сырья из охваченных Гражданской войной Соединенных Штатов Америки. По настоянию министра-президента король принял делегацию ткачей, учредил специальную государственную комиссию по урегулированию конфликта и обещал материальную поддержку жертвам увольнений. В течение 1863 года Бисмарк выступил с рядом инициатив по созданию профсоюзов, зачатков системы социального страхования и ограничению детского труда. Кроме того, условия работы на фабриках должны были находиться под контролем государственных инспекторов. Эти инициативы в большинстве своем не были воплощены в конкретных решениях, поскольку столкнулись с серьезным сопротивлением бюрократии, экономической и политической элиты.

Итак, мерами внутреннего характера подорвать позиции либералов было в тот момент практически невозможно. Оставался второй путь — активная внешняя политика. Успехи на данном направлении могли бы обеспечить правительству поддержку общественного мнения, а также заставить самих либералов колебаться. Однако для того, чтобы предпринять успешные действия на международной арене, требовалась благоприятная ситуация, кризис, который позволил бы правительству быстро добиться победы. На

¹ Sheehan J. Der deutsche Liberalismus 1770-1914. München, 1983. S. 173.

² Keudell R.v. Op. cit. S. 178.

первых порах, однако, внешнеполитическая линия была вынужденно оборонительной.

«Обладал ли Бисмарк, когда он взял на себя руководство прусской политикой, мастерским планом по улучшению позиций Пруссии в Германии и Европе? — задается вопросом Эберхард Кольб. — Если подразумевается точный план действий, (...) то ответ будет отрицательным. Бисмарк был в большей степени оппортунистом, в том смысле, что он, ориентируясь на задачу увеличения мощи прусского государства и монархической системы, схватывал и использовал представлявшиеся возможности. Эти методы позволяли ему, постоянно удерживая в поле зрения стратегическую цель, действовать с высокой гибкостью и оставлять открытыми различные возможности. Эта черта — ясность в отношении стратегической цели, но гибкость в методах — характеризует его действия в «борьбе за господство в Германии» с 1862 по 1866 год»¹. С этим суждением сложно не согласиться. Здесь нужно подчеркнуть: стратегической целью Бисмарка являлось не создание немецкого национального государства, а усиление Пруссии и укрепление собственных позиций.

* * *

Первый год пребывания нового главы правительства у власти сопровождался рядом международных кризисов. Однако на данном этапе они не только не облегчали его положение внутри страны, но и создавали новые проблемы, решить которые удавалось только с большим трудом.

В начале 1863 года главной проблемой европейской дипломатии стал польский вопрос. В российской части Польши вспыхнуло очередное мощное восстание под лозунгом национального освобождения. Восставшие пользовались симпатиями практически всей Западной Европы. В роли их адвоката традиционно выступила Франция, требовавшая воссоздания польского государства. Британская политическая элита заняла похожие позиции. Среди прусских либералов дело поляков также пользовалось большой популярностью — Российскую империю они считали воплощением абсолютистской деспотии, темной силой, угнетающей маленький свободлюбивый народ, источником силы европейской реакции. Даже при императорском дворе в Петербурге существовала достаточно сильная партия, которая считала необходимым пойти на компромисс с восставшими и предоставить им широкую автономию.

¹ Kolb E. Op. cit. S. 59.

Что касается Бисмарка, то он смотрел на это дело совершенно иначе. В какой-то степени это объясняется отношением главы правительства к славянским соседям. Неприязнь к полякам «железный канцлер» сохранял от начала и до конца своей жизни. Очевидно, главным источником такого отношения был менталитет остальбского юнкера. Значительная часть восточных провинций Пруссии отошла к ней после разделов Речи Посполитой в XVIII веке и была заселена поляками, которые, если бы им удалось воссоздать национальное государство, могли потребовать эти территории обратно. В марте 1861 года Бисмарк писал сестре: «Бейте поляков до тех пор, пока они не испустят дух; я сочувствую их положению, но, если мы хотим продолжить свое существование, у нас нет другого пути, кроме как искоренить их. Волк тоже не виновен в том, что Господь создал его таким, и все же его убивают за это при первой возможности»¹. Каждый успех польского национального движения, считал он, является поражением Пруссии. Нужно подчеркнуть, что какой-то радикальной расовой ненависти к полякам у Бисмарка все же не было. Он считал польские земли неотъемлемой частью прусского государства, знал в определенном объеме польский язык и неоднократно советовал кронпринцу учить этому языку своих детей.

Неудивительно, что в сложившейся ситуации Бисмарк выступил в поддержку жесткого курса российского правительства. С таких позиций он выступал еще в период своего пребывания в Петербурге в качестве прусского посланника. Создание независимой Польши он считал катастрофой для Пруссии, поскольку последняя обрела бы в лице нового государства перманентного врага — «союзника для любого противника, который нападет на нас»². Кроме того, в сложившейся ситуации он увидел шанс положить конец российско-французскому сближению и выступить в роли единственного союзника Петербурга в Европе. В личном письме Горчакову Бисмарк заявил, что Россия и Пруссия должны действовать солидарно, как будто являются одной страной.

В конце января в Петербург был направлен генерал-адъютант короля Густав фон Альвенслебен. В его полномочия входило согласование с царским правительством мер, необходимых для противодействия восставшим. Кроме того, он должен был, как значилось в собственноручно составленной Бисмарком инструкции, сообщить Александру II, что «позиция обоих дворов по отношению к польской революции — это позиция двух союзников, которым угрожает

¹ WIA. Bd. 2. S. 358.

² WIA. Bd. 3. S. 105.

общий враг»¹. 8 февраля Альвенслебен подписал в Петербурге конвенцию, вошедшую в историю под его именем. В соответствии с ней, войска обоих государств должны были сотрудничать при подавлении восстания, получив право пересекать границу при преследовании повстанцев; поляков же, которые попытаются пересечь границу, следовало останавливать и отправлять обратно.

Подписание конвенции имело для Бисмарка два позитивных последствия. Во-первых, она значительно укрепила доверие к нему монарха, который воочию убедился, что новый министр-президент действует с позиций монархической солидарности, придерживаясь традиционной консервативной линии сотрудничества с Петербургом против революционной заразы. Во-вторых — и это было важно в долгосрочной перспективе — Бисмарк смог обеспечить себе благоприятное отношение со стороны российской правящей элиты и способствовал резкому охлаждению отношений между Петербургом и Парижем.

В своих воспоминаниях Бисмарк писал: «Военная конвенция, заключенная в Петербурге в феврале 1863 года генералом Густавом фон Альвенслебеном, имела для прусской политики скорее дипломатическое, нежели военное значение. Она олицетворяла собой победу, одержанную в кабинете русского царя прусской политикой над польской, которая была представлена Горчаковым, великим князем Константином, Велепольским и другими влиятельными лицами. (...) Конвенция была удачным шахматным ходом, решившим исход партии, которую разыгрывали друг против друга в недрах русского кабинета антипольское монархическое и полонизирующее панславистское влияния»². Однако на первых порах последствия заключенного соглашения были скорее негативными.

Во-первых, весьма болезненной оказалась реакция общественности внутри Пруссии. Если Бисмарку в предыдущие месяцы и удалось приблизиться к соглашению с либералами, то теперь это достижение было разом уничтожено. Главу правительства в палате депутатов и прессе обвиняли в том, что он поддерживает зверства русских варваров, стал слепым вассалом Романовых, опозорил свою страну.

Во-вторых, Пруссия вновь оказалась примерно в той же ситуации, что и во время Крымской войны, став объектом давления со стороны Франции, Великобритании и Австрии. Возникла опасность того, что по счетам Петербурга придется платить Берлину. В Париже продвигали идею совместного дипломатического демарша трех

держав в прусской столице. Оказавшись между молотом и наковальней, Бисмарк был вынужден лавировать. Уже спустя несколько недель после подписания соглашения были предприняты усилия для того, чтобы выхолостить его и сделать как можно более безобидным. Пункт о праве войск пересекать государственную границу был фактически исключен; ответственность за это решение стороны активно сваливали друг на друга. «Это не я, а Пруссия потребовала приостановить выполнение конвенции» — писал на донесении своего посланника Александр II¹. Затем Бисмарк и вовсе намекнул на желательность отмены конвенции. Когда 1 июня российский император предложил прусскому руководству военный союз, из Берлина последовал вежливый отказ.

Согласно более поздней легенде, именно поддержка Пруссии в ходе польского восстания обеспечила Бисмарку безусловную помощь России в объединении Германии. На самом деле, в Петербурге отношение к Берлину осталось довольно скептическим; проблема заключалась в том, что выбирать российскому руководству было особенно не из кого. Российская помощь Пруссии в дальнейшем не была ни безусловной, ни бескорыстной, а усиление западной соседки вызывало неподдельную тревогу.

Одновременно с участием в польском кризисе Бисмарк был вынужден отбивать атаки Австрии, которая возобновила свое наступление внутри Германского союза. Очередной акт в затянувшейся драме соперничества двух держав был открыт еще в августе 1862 года. Австрийский посланник во Франкфурте предложил созвать собрание представителей ландтагов отдельных государств, которое бы обсудило перспективы принятия единых законодательных актов в сфере гражданского права на всей территории Германского союза.

Для Бисмарка это было неприемлемо в двояком отношении. Во-первых, такая реформа представляла по сути вмешательство во внутренние дела Пруссии, против чего он неизменно и последовательно выступал на протяжении всей своей политической карьеры. Во-вторых, в условиях противостояния парламента и правительства в Берлине было бы большой ошибкой давать либеральным депутатам новое пространство для деятельности. Поэтому министр-президент оказал все возможное сопротивление проекту Вены.

В декабре 1862 года он несколько раз встречался с австрийским послом в Берлине Алоизом Каройи, которому высказал свои соображения по поводу дальнейшего развития австро-прусских отно-

¹ Ibid. S. 67.

² Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. I. С. 270.

¹ Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 года и европейская дипломатия. Л., 1957. С. 176.

шений. Причем сделал он это в достаточно категоричном, почти угрожающем тоне. Бисмарк прямо заявил, что северная Германия является сферой интересов Пруссии. «Для нас является жизненной необходимостью иметь возможность свободно действовать в нашей естественной среде, северной Германии. (...) Мы должны получить достаточно пространства для нашего политического существования». Пруссия с удовольствием поддержит Австрию на Балканах, если та, в свою очередь, не будет пытаться оттеснить Берлин на вторые роли в Германии. «Если Австрия будет продолжать свою нынешнюю политику и ограничивать нашу свободу и сферу деятельности, то вы вызовете катастрофы, которые в конечном счете приведут к войне» — резюмировал Бисмарк. Он откровенно признал, что нынешнее внутривластное положение не позволяет идти на какие-либо уступки: «Сегодняшнему правительству, вовлеченному в тяжелый конституционный конфликт, присущ жизненный интерес удерживать авторитет Пруссии за рубежом на максимально возможном уровне. Если оно откажется от этого, то не сможет удержаться у власти». Защищая свои интересы, Пруссия не остановится перед выходом из Германского союза, а это «поставит Германию на порог гражданской войны»¹. Инструкции, которые Бисмарк одновременно направил прусскому посланнику во Франкфурте Узедому, свидетельствуют о том, что он был действительно готов пойти на обострение отношений. Параллельно с этим прусское руководство оказало давление на зависимые от него малые германские государства, пугая их перспективой конфликта, от которого они пострадают в первую очередь.

В итоге 22 января 1863 года австрийский проект был отвергнут бундестагом. При этом прусский посланник выступил с заявлением, которое потрясло присутствующих: не собрание депутатов ландтагов, а общегерманский парламент, избранный на основе прямых и равных выборов, может представлять немецкую нацию как целое. Впервые идея, которую лелеял Бисмарк, была озвучена. Пока еще не оформленный в виде конкретного предложения, этот тезис обозначил тот путь, которым он собирался идти в германском вопросе. В памятной записке от 25 декабря 1862 года глава правительства четко изложил свою точку зрения — «конструкция Германского Союза стала источником не усиления, а ослабления мощи и значения Пруссии», следовательно, ее необходимо разрушить². Вопрос заключается в том, действительно ли Бисмарк готов был пойти на раздел сфер

¹ WIA. Bd. 3. S. 35.

² Ibid. S. 47.

влияния с Веной или это был тактический шаг, а основной целью изначально было полное вытеснение Австрии из Германии? Судя по всему, в критической внутривластной ситуации 1862–63 годов прусский министр-президент с радостью согласился бы на то, чтобы удовлетвориться свободой действий севернее Майна, поскольку это стало бы весьма значительным успехом, в котором он отчаянно нуждался. Однако в Вене пойти на такой шаг совершенно не были готовы.

Тем временем австрийская дипломатия предприняла еще одну, более опасную попытку переиграть Бисмарка. Понимая, что Германский союз в его нынешнем виде не полностью отвечает интересам Вены, Франц-Иосиф с помощью своих советников составил к лету 1863 года план масштабной реформы. Во главе Союза должна была теперь находиться директория из пяти членов, где у австрийского представителя были бы председательские полномочия. Пруссия оказывалась в такой директории в явном меньшинстве. Раз в три года должен был собираться союзный парламент, составленный из делегаций ландтагов отдельных государств. Изюминка плана, который до поры держался в строжайшем секрете, заключалась в том, что его должны были обсуждать не профессиональные дипломаты во Франкфурте, а непосредственно германские монархи. Для этой цели предполагалось созвать специальный конгресс немецких князей. Тем самым Бисмарк оказался бы вне игры.

3 августа Франц-Иосиф внезапно появился на курорте Гаштейн, где в это время отдыхал прусский король. Он в общих чертах обрисовал содержание австрийского проекта и пригласил Вильгельма принять участие в конгрессе, который должен был открыться во Франкфурте две недели спустя. Расчет строился на том, что прусский король не сможет проигнорировать приглашение. В своих мемуарах Бисмарк рассказывал о реакции Вильгельма: «Он не почувствовал сначала того унижения, которое заключалось для Пруссии во внезапности этого приглашения, этого вызова **с кратким сроком явки**. Австрийское предложение понравилось ему, возможно, из-за содержавшегося в нем элемента солидарности государей в борьбе против парламентского либерализма, который беспокоил тогда его самого в Берлине. (...) Если бы я перестал оказывать сопротивление стремлению короля ехать во Франкфурт и, согласно его желанию, сопровождал его туда ради того, чтобы превратить на съезде князей прусско-австрийское соперничество в совместную борьбу против революции и конституционализма, то Пруссия с внешней стороны осталась бы тем же, чем она была ранее; она имела бы, разумеется, возможность воспользоваться принятыми под председательством

Австрии решениями Союзного сейма, с тем чтобы добиться пересмотра своей конституции, подобно тому как были пересмотрены конституции Ганновера, Гессена, Мекленбурга, Липпе, Гамбурга и Люксембурга; но тем самым она закрыла бы перед собой национально-немецкий путь»¹.

Однако Бисмарк не собирался смиряться с поражением. Он заявил Вильгельму, что австрийский проект должен быть предварительно согласован с Берлином, кроме того, прусский король, как конституционный монарх, не может в данном вопросе действовать в обход своего правительства. Кроме того, министр-президент постарался внушить своему монарху, что австрийский император оскорбил Вильгельма, поставив его перед свершившимся фактом и почти не оставив времени на подготовку к конгрессу. В конечном счете Бисмарку удалось убедить короля проигнорировать встречу немецких монархов.

Однако кульминация драмы была еще впереди. Во второй половине августа открывшийся во Франкфурте конгресс единогласно постановил повторно пригласить прусского короля. К Вильгельму, находившемуся в этот момент в Баден-Бадене, был 19 августа отправлен саксонский король Иоганн. «Если б ко мне направили моего зятя (...), я бы устроил ему головомойку, но почтенный король Саксонии! Тридцать князей в роли приглашающей стороны и король в роли курьера, в такой ситуации дать отказ невозможно!» — стонал Вильгельм². Теперь ни о каком неуважении со стороны организаторов конгресса речь идти не могла. Бисмарку в первый — но далеко не в последний — раз за свою карьеру главы правительства пришлось прибегнуть к крайним мерам, пригрозив уйти в отставку в том случае, если король все-таки отправится на встречу. Беседа с монархом оказалась настолько трудной, что министр-президент, выйдя из его апартаментов, схватил со стола большой кувшин с водой и разбил его об пол. Тем не менее, главное было у него в руках — собственноручно написанное послание Вильгельма саксонскому королю. Прусский монарх мотивировал отказ приехать во Франкфурт плохим состоянием здоровья.

Поздно вечером того же дня Бисмарк отправился к главе саксонского правительства фон Бойсту, чтобы передать ему текст. Разочарование Бойста было нескрываемым — ведь Иоганн был настолько уверен в успехе, что приказал подготовить на следующее утро специальный курьерский поезд. Глава саксонского правительства

заявил, что его монарх завтра повторит попытку и не успокоится, пока не добьется своего. «Я даю Вам честное слово, что если завтра в шесть часов утра курьерский поезд с королем Иоганном не отправится обратно, то в восемь утра сюда прибудет батальон пруссаков из Раштатта, который займет дом моего короля прежде, чем тот успеет проснуться, и не впустит внутрь ни одного саксонца!» — отреагировал прусский министр-президент¹. По свидетельству одного из участников этого разговора с саксонской стороны, Бисмарк в запальчивости заявил даже, что, если Вильгельм все же отправится во Франкфурт, то сам он никогда больше не ступит на землю Пруссии, король которой совершил государственную измену². Защищая интересы прусского государства, Бисмарк не останавливался перед тем, чтобы оказывать грубое и весьма далекое от верноподданнических чувств давление на собственного монарха. Это ярко свидетельствует о том, до какой степени доходила его уверенность в собственной правоте и как далеко он способен был зайти, руководствуясь этой уверенностью.

Хитроумная австрийская комбинация была полностью разрушена. Конгресс князей принял все предложения Франца-Иосифа, однако с оговоркой, что для их вступления в силу необходимо согласие Пруссии. Которое, что было вполне очевидно, получить невозможно. На последовавших переговорах Бисмарк поставил три условия, при которых Берлин согласится на реформу: равное с Веной право председательства, право вето при объявлении Германским союзом войны и созыв национального парламента на основе прямого и равного избирательного права. С такими условиями Австрия согласиться не могла.

Практически одновременно глава прусского правительства выполнил еще одну важную задачу. В 1862 году был заключен франко-пруссский торговый договор. Однако, поскольку Пруссия была членом Таможенного союза, соглашение должны были принять и другие государства-члены. Кроме того, австрийцы вновь выступили с инициативой создания общегерманского таможенного пространства, поддержанной, в частности, в Мюнхене. Реакция прусских властей на открывшейся в марте 1863 года конференции государств Таможенного союза была жесткой: либо все принимают франко-прусское соглашение, либо Таможенный союз прекращает свое существование. Только после принятия соглашения и продления союза на 12 лет возможны какие-либо переговоры с австрий-

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 293.

² Schmidt R. Op. cit. S. 136.

¹ Ibid. S. 137.

² Krockow C.v. Op. cit. S. 173.

цами. Сам Бисмарк называл включение Австрии в Таможенный союз «невыполнимой утопией»¹.

В самой Пруссии, где министр-президент по-прежнему не пользовался доверием общественности, на его заявления, во многом совпадавшие с требованиями либералов, смотрели как на чисто тактические шаги. «Неуклюжая попытка министерства Бисмарка использовать страсть прусского народного духа, направленную против Австрии, чтобы подпереть свое шаткое существование, выглядит жалко» — писала либеральная пресса². Создавалось впечатление, что противников главы правительства не устроят никакие действия министра-президента, кроме его отставки. Однако доставлять своим противникам такое удовольствие он вовсе не собирался.

Первый, самый трудный год был позади. Несмотря на то, что положение главы правительства по-прежнему оставалось непрочным, пока ситуация складывалась в общем достаточно благоприятно для Бисмарка. Задачу-минимум он решил, избежав серьезных поражений и во внутренней, и во внешней политике и удержавшись на своем посту. Но многие по-прежнему оценивали его перспективы невысоко. Койделл впоследствии вспоминал: «Среди берлинских дипломатов господствовало мнение, что его нервы больны и он долго не проживет, поскольку не щадит себя»³. Конституционный конфликт продолжался, и для решающего перелома необходимо было благоприятное стечение обстоятельств. Такой момент наступил в конце 1863 года в связи с очередным обострением шлезвиг-гольштейнской проблемы.

¹ Wehler H.U. Op. cit. S. 287.

² Gall L. Op. cit. S. 237.

³ Keudell R.v. Op. cit. S. 124.

ГЛАВА 8

ПЕРЕЛОМ

Глава британского правительства лорд Пальмерстон говорил в конце 1863 года: *«Вопрос Шлезвига-Гольштейна настолько сложен, что только три человека в Европе вообще понимали его. Одним был принц Альберт, который умер. Вторым был немецкий профессор, который сошел с ума. Я третий, и уже вовсе забыл все, что знал о нем»*¹. Действительно, описать все тонкости правового положения двух самых северных немецких герцогств и связанной с ними проблемы в двух словах непросто. Суть конфликта заключалась в том, что и Шлезвиг, и Гольштейн, будучи неразрывно связаны друг с другом в соответствии с международными соглашениями, являлись владениями датского короля, при этом не будучи составной частью Датского королевства. С Данией их связывала лишь личная уния. Шлезвиг, населенный наполовину датчанами, был при этом традиционно ближе Копенгагену. Гольштейн, где проживали почти исключительно немцы, помимо всего прочего, входил в Германский союз. Такое положение дел, нормальное для седого средневековья, в эпоху национализма приводило к постоянной борьбе двух тенденций — стремлению датчан присоединить герцогства к основной территории страны и стремлению немцев сделать их составной частью единого германского отечества. Масла в огонь подливал династический кризис в Дании, который мог поставить под вопрос сохранение личной унии.

Первый крупный конфликт произошел в 1848—49 годах, когда под знаменами германской революции началась война с Данией за обладание Шлезвигом и Гольштейном. Кампания, которую вела в основном прусская армия, была успешной в военном отношении, однако великие державы Европы сочли необходимым вмешаться. Итогом стал подписанный в 1852 году семью государствами Лондонский протокол, авторы которого

¹ Krockow C.v. Op. cit. S. 176.

старались в максимальной степени закрепить сложившееся положение вещей. В соответствии с протоколом, герцогства должны были, во-первых, оставаться связанными с Данией личной унией даже после смены правящей династии. Во-вторых, должна была сохраняться их автономия и нераздельность — ни одно из них не могло стать частью датского государства, в отношении обоих должны были действовать равные нормы. Чтобы еще больше стабилизировать ситуацию, в 1853 году датская корона уплатила отступное претенденту на герцогства, имевшему на них после смерти короля Фредерика VII наибольшие права — Христиану Августу фон Зондербург-Аугустенбург.

Однако консервация противоречий, как это часто бывает, не привела к их исчезновению. С одной стороны, датская политическая элита стремилась как можно теснее привязать Шлезвиг, где датчане составляли значительную часть населения, к своему королевству. В 1855 году была предпринята первая попытка ввести общую конституцию для Дании и Шлезвига, однако жесткая реакция Германского союза заставила Копенгаген пойти на попятный. С другой стороны, сын Христиана Августа, Фридрих фон Аугустенбург, публично дезавуировал отказ своего отца от претензий на трон, заявив, что по-прежнему рассматривает себя в качестве наследника престола северных герцогств. В дополнение к этому сословные представительства в Шлезвиге и Гольштейне, где доминировали немецкие националисты, с конца 1850-х годов фактически находились в жестком противостоянии с правительством в Копенгагене. В свою очередь, в программе «Национального союза» в качестве одной из главных целей было записано возвращение герцогств в лоно Германии.

Очередная попытка датчан изменить ситуацию в свою пользу была предпринята 30 марта 1863 года. Король Фредерик VII подписал указ о том, что с нового, 1864 года Шлезвиг фактически присоединяется к Дании, а для Гольштейна вводится самостоятельное управление. Это постановление нарушало сразу два принципа, зафиксированных Лондонским протоколом 1852 года — автономии и нераздельности герцогств. Пойти на это датского монарха во многом заставило давление со стороны парламента, стремившегося объединить всех датчан в рамках единого государства. Протест Германского союза не замедлил себя ждать. Союзный сейм даже пригрозил Дании экзекуцией — вводом войск на территорию герцогств.

Еще больше обострило конфликт то обстоятельство, что 15 ноября Фредерик VII отошел в лучший мир, и на престол вступил Христиан IX

из династии Глюксбургов. Три дня спустя свежее испеченный монарх подписал так называемую «Ноябрьскую конституцию», которая действовала на территории Дании и Шлезвига, но не Гольштейна. В тот же день 34-летний Фридрих фон Аугустенбург предъявил наследственные права на герцогства и немедленно провозгласил себя Фридрихом VIII.

Нового претендента на трон поддержало немецкое общественное мнение, в первую очередь либеральные круги, к которым он был близок по своим убеждениям. Весьма популярной в Германии стала идея создания нового государства Шлезвиг-Гольштейн под скипетром Аугустенбурга. Молодой герцог, сформировавший в Готе правительство в изгнании, стал кумиром многих немцев.

* * *

Бисмарк не разделял этот энтузиазм. Его позиция заключалась в том, что необходимо строго придерживаться Лондонского протокола. Для этого у прусского министра-президента имелись две весьма серьезные причины. Во-первых, он вовсе не желал образования на северных границах Пруссии нового государства, которое явно проводило бы либеральную, а значит, антипрусскую политику. Создать себе собственными руками противника, который в значительной степени перекрыл бы выход к Северному морю — на такую глупость Бисмарк был не способен. Во-вторых, нарушение Лондонского протокола давало бы повод для вмешательства великим державам, подписавшим его — в частности, Великобритании и Франции, которые активно выражали свою готовность поучаствовать в урегулировании конфликта. Бисмарк ставил перед собой задачу удержать все внешние силы от вмешательства в происходящее.

Чего же добивался глава прусского правительства? На этот вопрос трудно дать определенный ответ. Бисмарк далеко не всегда раскрывал свои карты даже близким сотрудникам, зачастую он один знал и понимал смысл того, что он делает. Шлезвиг-гольштейнский кризис был одним из таких моментов. Впоследствии Герберт, старший сын Бисмарка, будет вспоминать: «Как он сам однажды сказал мне, о своих важнейших планах и путях, которыми надеялся их реализовать, он ни с кем не говорил и не мог говорить»¹. Это, безусловно, создавало ему определенные психологические сложности, однако позволяло избежать утечек информации и усыпить бдительность противников.

¹ Engelberg E. Op. cit. S. 554.

Вполне очевидно, что он собирался предотвратить невыгодное для Берлина развитие событий. Это была программа-минимум. Однако сложившаяся ситуация давала шанс расширить влияние в Германии — в том случае, если бы датская корона оказалась слишком упорной в нарушении Лондонского протокола, можно было попытаться прибрать герцогства к рукам. В мае 1864 года он писал одному из своих друзей: «Чтобы пролить свет на сложившуюся ситуацию, замечу, что прусская аннексия герцогств не является для меня высшей и неотложной задачей, а лишь наиболее приятным результатом, если получится достичь его, не рискуя разрывом с Австрией»¹. Лотар Галл в своей биографии «железного канцлера» говорит о его действиях так: «Политика Бисмарка в шлезвиг-гольштейнском вопросе представляется образцовым примером совершенно неортодоксальной, определяемой обстоятельствами и меняющимися факторами, короче говоря, прагматичной политики»². Еще одно важное соображение — каким бы ни был внешнеполитический итог, его следовало постараться использовать таким образом, чтобы изменить в свою пользу соотношение сил во внутреннем конфликте.

Однако на первых порах прусский министр-президент вновь оказался в изоляции — и в стране, и в правящей элите. Шлезвиг-гольштейнский кризис потребовал от него мастерства и везения канатоходца. Националистическая общественность была возмущена его отказом поддержать германского претендента на престол герцогств. Серьезные возражения он встретил и со стороны монарха, когда на заседании государственного совета в ноябре 1863 года выступил резко против признания прав Аугустенбурга на престол. Кронпринц с юности дружил с молодым герцогом, король также симпатизировал Фридриху, и с ними обоими Бисмарку пришлось вступить в спор. Министр-президент позволил себе высказываться так резко, что монарх приказал вычеркнуть его выступление из протокола заседания. «Разве Вы не немец?» — риторически спрашивал Вильгельм главу своего правительства³. Но Бисмарк стоял на своем: если Пруссия сейчас даст увлечь себя общественному мнению, как это случилось в 1848 году, то ее ждет такое же дипломатическое поражение под давлением великих держав.

Позиция Бисмарка шокировала многих — еще недавно заигрывавший с национальным движением, он, казалось, полностью вернулся к защите существующего порядка и монархической со-

лидарности. С особенно приятным удивлением за этим наблюдали в Вене, где далеко не сразу распознали суть замыслов прусского министра-президента, который, казалось, из опасного противника в одночасье превратился в союзника. И там, и в столицах других великих держав Европы эту метаморфозу в конечном счете приписали тому печальному опыту, который Бисмарк приобрел во внутренней политике за год своей деятельности во главе правительства. Но это было серьезное заблуждение.

«Вопрос сводится к тому, — писал Бисмарк в декабре 1863 года своему старому сопернику, послу в Париже Роберту фон дер Гольцу, — являемся ли мы великой державой или одним из союзных германских государств, и надлежит ли нам, в качестве первой, подчиняться самому монарху или же нами будут управлять профессора, окружные судьи и провинциальные болтуны, как это, конечно, допустимо во втором случае. Погоня за призраком популярности в Германии, которой мы занимаемся с сороковых годов, стоила нам нашего положения в Германии и в Европе. Нам не удастся восстановить его, если мы отдадимся на волю течения, надеясь в то же время управлять им; мы вернее достигнем цели, твердо встав на собственные ноги и будучи прежде всего великой державой, а потом уже союзным государством. (...) Вы полагаете, что в «германском общественном мнении», в палатах, газетах и т.п. заключено нечто такое, что может поддержать нас и помочь нам в нашей политике, направленной на достижение единства и гегемонии. Я считаю это коренным заблуждением, продуктом фантазии. Мы укрепимся не на основе политики, опирающейся на палаты и прессу, а на основе великодержавной политики вооруженной руки, мы не располагаем излишком сил, чтобы растранижировать их в ложном направлении на пустые фразы и Аугустенбурга»¹.

Для любых действий сперва необходимо было заручиться поддержкой Австрии — задача, требовавшая определенного искусства и везения. В конечном счете с ней удалось справиться. В Вене ситуация тоже выглядела весьма сложной. С одной стороны, проигнорировать германское общественное мнение было невозможно, не потеряв значительную часть своего престижа. С другой стороны, поддерживать национально-освободительное движение в ущерб существующей в Европе системе договоренностей, рискуя к тому же ввязаться в конфликт с другими великими державами — значило пилить ту самую ветку, на которой и так довольно шатко сидели Габсбурги. Поэтому позиция Австрии во многом совпадала с точкой

¹ WIA. Bd. 3. S. 286.

² Gall L. Op. cit. S. 348.

³ Schmidt R. Op. cit. S. 142.

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 2. С. 5.

зрения Бисмарка — необходимо придерживаться Лондонского протокола, защитив в то же время права герцогств от датских посягательств. Кроме того, в Вене хотели сохранить контроль над шагами Берлина в данном вопросе. В итоге в декабре 1863 года Бисмарку удалось договориться с австрийцами касательно дальнейших действий.

Тем временем во Франкфурте представители государств — членов Германского союза вели напряженные переговоры. Дело завершилось тем, что 1 октября 1863 года было принято решение об экзекуции; саксонским и ганноверским контингентам предстояло занять Гольштейн. В начале декабря они беспрепятственно вошли на территорию этого герцогства, радостно встреченные местным населением. Тем самым Германский союз вступил на довольно зыбкую с точки зрения международного права почву — он не подписывал Лондонского протокола и не являлся его гарантом, а статус Гольштейна практически не был затронут датчанами, поэтому повод для вмешательства был более чем спорным. Распространять же экзекуцию на Шлезвиг, не являвшийся частью Германского союза, было бы еще более опасным шагом.

В этой ситуации Австрия и Пруссия начали действовать самостоятельно. 28 ноября представители двух держав заявили в бундестаге, что придерживаются буквы и духа Лондонского протокола. Волна возмущения, прокатившаяся в этой связи по Германии, совершенно не повлияла на позицию Вены и Берлина. В середине января Дании был предъявлен ультиматум от имени Австрии и Пруссии с требованием не распространять конституцию на Шлезвиг. 16 января в Берлине была подписана двусторонняя конвенция, согласно которой обе державы договаривались защищать Лондонский протокол невзирая на позицию Германского союза по данному вопросу. В частности, в случае отклонения Данией ультиматума предусматривалось вторжение австро-прусского экспедиционного корпуса в Шлезвиг. В том, что датчане на сей раз пойдут до конца, Бисмарк практически не сомневался.

Если оценить это событие с точки зрения всего, что произошло позднее, то его можно назвать переломным моментом в политической карьере Бисмарка. Тринадцать лет спустя «железный канцлер» назвал эти события дипломатической кампанией, которой он гордится больше всего. «Еще никогда мир не видел, чтобы венская политика в такой степени была руководима и в целом, и в частности из Берлина» — писал он в конце декабря 1863 года¹. Действительно, подписанное соглашение отвечало в первую очередь интересам Пруссии. Мало того, что Бисмарк получил свободу рук в вопросе

северных герцогств, он еще и смог заручиться поддержкой своего давнего противника — венской дипломатии. Стратегический оппонент превратился в тактического союзника. Австрия играла роль своеобразного щита, придавая легитимность дальнейшим действиям пруссаков и в значительной степени страхуя их от вмешательства других великих держав. Помимо всего прочего, конвенция ослабляла Германский союз, практически полностью выключая его из игры и противопоставляя две великие немецкие державы малым государствам, в большинстве своем поддерживавшим Аугустенбурга. Другим великим державам соглашение было представлено в качестве единственного средства сохранить действующие правовые нормы и предотвратить масштабный конфликт в центре Европы. В беседе с английским послом Бисмарк заявлял, что ему приходилось выбирать между вторжением в Шлезвиг и революцией в Германии¹. Кроме того, Лондону, Парижу и Петербургу было трудно возражать против мер по восстановлению Лондонского протокола, гарантами которого они также являлись.

18 января Дания отвергла австро-пруссский ультиматум, запустив тем самым механизм военных действий. Бисмарк мог радоваться успеху, однако министр-президент прекрасно понимал, по какой тонкой веревке и над какой глубокой пропастью ему приходится балансировать. Внутри Пруссии ему приходилось бороться и со сторонниками Аугустенбурга при дворе, и с нижней палатой парламента, которая 22 января отвергла военный заем, связанный с шлезвиг-гоольштейнским кризисом. В пламенной речи Бисмарк бросил депутатам упрек в том, что они исходя из чисто эгоистических мотивов ставят палки в колеса прусской внешней политике. «Главная причина, по которой вы отвечаете отказом — это недостаток доверия к нынешнему министерству, здесь концентрируется все, это ключевой момент всей вашей аргументации. Поэтому я спрашиваю себя: что должны были бы сделать мы, прусский кабинет министров, чтобы приобрести ваше доверие? Мы должны были бы отказаться от прусской конституции, мы должны были бы отречься от прусских традиций, прусской истории, прусского народного духа. (...) Вы требуете, чтобы король по Вашей воле вел завоевательную войну, дабы приобрести Шлезвиг для герцога Аугустенбургского. Одним словом, господа, чтобы приобрести ваше доверие, необходимо пойти вам навстречу в такой степени, которая является невозможной для королевских прусских министров. Мы стали бы тогда не министрами короля, а министрами парламен-

¹ WIA. Bd. 3. S. 200.

¹ Engelberg E. Op. cit. S. 549.

та, вашими министрами, а до этого, я возлагаю свои надежды на Господа, дело не дойдет! (...) Народный дух в Пруссии полностью монархический, благодарение Богу, и останется таковым. (...) Вы думаете и чувствуете не так, как прусский народ»¹. Эта речь была рассчитана не только на депутатов, но и на колеблющегося монарха, который вскоре вновь публично выразил свое доверие и поддержку действующему кабинету министров.

И все же после года трудной и непрерывной политической борьбы нервы Бисмарка начинали временами сдавать. «Я далек от слишком поспешных и эгоистичных решений, но у меня такое чувство, что партия короны против революции проиграна, поскольку сердце короля в другом лагере, он больше доверяет своим противникам, чем своим верным слугам, — писал Бисмарк Роону в конце января. — Недавно я не смог всю ночь сомкнуть глаз и чувствовал себя жалким, и я не знаю, что можно сказать людям, после того, как выяснилось, что Его Величество, несмотря на угрозу порвать с Европой и пережить еще худший Ольмюц, собирается присоединиться к демократии (...), чтобы посадить на трон Аугустенбурга и создать новое малое государство. К чему дальше говорить и спорить? Без чуда свыше игра проиграна, и мы будем виновны в глазах окружающих и потомков. На все воля Божья. Ему ведомо, как долго суждено существовать Пруссии»².

Хотя драматизм письма был в значительной степени рассчитан на то, чтобы оказать давление на военного министра, а через него — на короля, вполне очевидно, что нервы у Бисмарка временами начинали сдавать, и он искал утешения в спасительной мысли о том, чтобы подать в отставку и вернуться к жизни сельского помещика. Трудно сказать, насколько серьезными были подобные намерения, однако само сознание того, что ему есть куда отступать, придавало главе правительства сил.

* * *

1 февраля 1864 года австро-пруссские войска пересекли реку Эйдер — естественную границу между Гольштейном и Шлезвигом. Ими командовал старый фельдмаршал Врангель, участвовавший еще в Наполеоновских войнах и не склонный обращать внимание на политиков. Будучи человеком весьма эксцентричным, он превращал в кошмар жизнь собственного штаба, делал невыносимым пребы-

¹ WIA. Bd. 3. S. 235.

² Ibid. S. 231.

вание при главной квартире иностранных дипломатов и открыто высказывал свое пренебрежение и недоверие к Бисмарку.

Вместо того, чтобы окружить и уничтожить датские войска на территории Шлезвига, Врангель допустил их отход на мощную фланговую позицию у Дюппеля на самом севере герцогства, возле границ собственно Дании. Секретное австро-пруссское соглашение предусматривало ограничение театра военных действий территорией Шлезвига, и ситуация в военном плане стала патовой. Трудно сказать, в какой степени это соответствовало интересам Бисмарка. С одной стороны, быстрый разгром датской армии до вмешательства других великих держав значительно уменьшал риск серьезного дипломатического поражения. С другой стороны, расчет главы прусского правительства строился в первую очередь на неуступчивости датских властей, не желавших возвращаться к положениям Лондонского протокола. Сохранение боеспособной армии лишь укрепляло их упорство. В любом случае, Бисмарк категорически возражал против продолжения наступления в Ютландию, пока этот вопрос не будет согласован с австрийскими союзниками.

Однако следующий ход сделали передовые части пруссаков, которые не были должным образом проинформированы о сути австро-пруссских соглашений. 18 февраля они пересекли границу и заняли Кольдинг. В соответствии с соглашениями, их следовало отозвать, но тут уж воспротивился Врангель: покрывать позором отступления свои седины он не собирался. Войска остались в Кольдинге до 6 марта, когда австрийцы и пруссаки наконец-то договорились о дальнейшем продвижении на датскую территорию, поскольку иного средства преодолеть патовую ситуацию ни в Вене, ни в Берлине не видели.

В Ютландию устремились, в первую очередь, австрийские войска, пруссаки в большинстве своем остались блокировать Дюппель. 18 апреля укрепления были взяты штурмом — в первую очередь исходя из политических, а не военных соображений — однако датчанам удалось отступить через пролив на остров Альс. Ввиду господства на море датского флота патовая ситуация возвращалась.

В такой обстановке 25 апреля 1864 года в Лондоне открылась конференция по проблеме герцогств. 12 мая на театре боевых действий было заключено перемирие. На конференции прусская сторона предложила восстановить статус-кво — личную унию герцогств с Данией при сохранении их полной самостоятельности в остальном. Механизм «Европейского концерта» со скрипом попытался сработать; однако великие державы были далеки от согласия. Французское предложение, заключавшееся в том, чтобы провести в Шлезвиге и

Гольштейне референдум, наткнулось на упорное сопротивление со стороны Австрии и России, не желавших лишней раз подкармливать гидру демократии. Все остальные планы раздела герцогств также не нашли единодушной поддержки участников конференции. Для Бисмарка стало очевидно, что ни Великобритания, ни Франция, ни Россия не готовы ввязываться в серьезный конфликт из-за возникшей проблемы. Единственный вариант, который находил общую поддержку — возврат к Лондонскому протоколу.

Однако парламент в Копенгагене, игравший в датской конституционной монархии весьма значительную роль, не мог согласиться на отступление в принципиальном вопросе. Не принимали датчане и различных вариантов компромисса, которые предлагали англичане и французы. Датская делегация в Лондоне отказалась вернуться к довоенному положению, поскольку это было бы воспринято в стране как явное поражение. Расчет датчан строился на том, что великие державы, в первую очередь Британия и Россия, не допустят отторжения герцогств. 25 июня конференция завершила свою работу, так и не придя ни к какому решению.

Необходим был поиск альтернативных вариантов. И в этот момент стал очевиден серьезный просчет австрийской дипломатии. Январское соглашение с Пруссией не включало в себя никаких договоренностей по поводу того, что делать с герцогствами в том случае, если Лондонский протокол канет в Лету. Конечно, наиболее подходящим для австрийцев было бы создание нового государства под скипетром Аугустенбурга. Формально Бисмарк не возражал, однако 1 июня, встретившись с принцем, выдвинул ему целый ряд условий, при которых Пруссия готова поддержать его кандидатуру на трон. Сюда входили создание консервативного министерства, организация прусской военно-морской базы в Киле, прусский гарнизон в крепости Рендсбург, вступление герцогств в Таможенный союз и подписание специальной военной конвенции, которая полностью подчиняла бы шлезвиг-гольштейнскую армию Берлину. Для Фридриха эти условия были, разумеется, неприемлемыми, поскольку они превращали его по сути в вассала Гогенцоллернов. Тем временем в Берлине — не без теневой поддержки со стороны правительства — активно обсуждались планы аннексии герцогств, приобретающие с каждым днем все больше сторонников.

Как только умолкли дипломаты, заговорили пушки. 26 июня истек срок перемирия, и уже три дня спустя прусские войска успешно высадились на острове Альс. Даже самым упорным противникам уступок в датской столице стало ясно, что полное поражение и оккупация страны — лишь вопрос времени. Господство датского флота стало

иллюзорным — в Северное море кружным путем прибыла из Средиземного мощная австрийская эскадра. 20 июля было заключено перемирие, 1 августа — подписан прелиминарный мир, а 30 октября в Вене заключен окончательный мирный договор. Согласно его условиям, король Дании полностью отказывался от своих прав на герцогства в пользу Пруссии и Австрии. Тем самым судьба герцогств перестала быть объектом международного урегулирования, превратившись в вопрос, касавшийся только Берлина и Вены.

Это была безусловная победа Бисмарка. Из всех возможных вариантов решения проблемы ему удалось добиться, пожалуй, наиболее выгодного. Северные герцогства формально находились в совместном владении обеих великих держав, однако в реальности позиции Пруссии уже в силу географического фактора были неизмеримо сильнее. Это значительно повышало шансы на аннексию Шлезвига и Гольштейна Берлином. Правда, для реализации такого замысла предстояло приложить еще немалые усилия. Как писал Бисмарк жене летом 1864 года, «во всех этих делах хорошо понимаешь, что ты можешь быть столь же умен как все мудрецы этого мира, и все же каждый шаг делаешь в неизвестность, словно ребенок»¹.

* * *

В конце августа Франц-Иосиф и австрийский министр иностранных дел граф Рехберг, который знал главу прусского правительства еще с франкфуртских времен, встретились с Вильгельмом и Бисмарком в Шёнбрунне. Предметом переговоров стало дальнейшее развитие австро-прусского взаимодействия. В Вене всерьез предполагали, что Бисмарк, опасаясь революции, наконец-то искренне встал на путь согласия с монархией Габсбургов. Предложение Рехберга заключалось в том, чтобы Пруссия получила оба северогерманских герцогства, поддержав Австрию при отвоевании Ломбардии у Италии. Такое решение поставило бы Берлин в зависимость от Вены и испортило бы франко-пруссские отношения, поэтому Бисмарк с ходу отверг его. Другой вариант — уступить австрийцам в обмен на их права в герцогствах часть Силезии, к примеру, графство Глац — был категорически отвергнут Вильгельмом, заявившим, что Пруссия не готова отдать ни пяди своей земли.

Впрочем, прусский министр-президент в ходе переговоров дал понять, что Пруссия готова сотрудничать с Австрией. Сам он в своих воспоминаниях рассказывал об этом так: «В ходе этого совеща-

¹ Ibid. S. 337.

ния я сказал австрийскому императору: «Будучи призваны историей действовать на политическом поприще сообща, мы устраиваем наши обоюдные династические и политические дела лучше, если держимся вместе и становимся во главе Германии, что нам будет всегда удаваться, пока мы едины. Если Пруссия и Австрия поставят себе задачей защищать не только свои общие интересы, но и взаимно поощрять интересы друг друга, в таком случае союз обеих великих немецких держав может достигнуть большого влияния и значения не только в Германии, но и в Европе. (...) Мне представляется, что выгодные результаты дружбы немецких великих держав не исчерпываются гольштейнским вопросом; если сейчас эти выгоды находятся далеко за пределами сферы австрийских интересов, то в другой раз они могут оказаться значительно ближе, и Австрии было бы полезно проявить на этот раз щедрость и предупредительность по отношению к Пруссии». Мне казалось, что нарисованная мною перспектива произвела некоторое впечатление на императора Франца-Иосифа. Он говорил, правда, что, учитывая общественное мнение в Австрии, трудно выйти из создавшегося положения без всякого возмещения, в то время как Пруссия делает такое крупное приобретение, как Шлезвиг-Гольштейн; закончил он, однако, вопросом, действительно ли мы твердо решили требовать эти владения и присоединить их. У меня создалось впечатление, что он все же не считал невозможным отказаться, в нашу пользу от притязаний на земли, уступленные Данией, если бы в дальнейшем ему были обеспечены виды на прочную солидарность с Пруссией и на поддержку с ее стороны подобных же стремлений Австрии»¹.

Фактически Бисмарк предлагал Австрии союз, намекая на прусскую поддержку при отвоевании Венной областей Северной Италии, потерянных в 1859 году. Он не хотел разрыва политического сотрудничества с дунайской монархией в тот момент, когда на экономическом фронте между ними продолжалось серьезное противостояние. Весной-летом 1864 года развернулся очередной акт борьбы Вены за вступление в Таможенный союз. Эта попытка была отражена. Прусским представителям удалось под угрозой роспуска существующего экономического блока заставить малые и средние германские государства отступить по всей линии. В конце 1864 года удалось подписать обновленный договор о Таможенном союзе, оставив Австрию за рамками объединения. Бавария и Вюртемберг, изначально выступавшие в роли верных союзников монархии Габсбургов, также пошли на это решение, объективно отвечавшее их экономическим

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 1. С. 297.

интересам. Лидирующую роль в этих процессах, как и в 1850-е годы, играло прусское министерство торговли. Отношение Бисмарка к торговому договору с Австрией было более неоднозначным, однако в данном случае он принял точку зрения Дельбрюка.

Своим доброжелательным выступлением в Шёнбрунне Бисмарк пытался не в последнюю очередь подсластить австрийцам пилюлю поражения в таможенном вопросе. На какое-то время это удалось. «Политическая часть встречи завершилась весьма удовлетворительно и укрепила наш благодатный альянс» — писал Франц-Иосиф матери¹. Однако вскоре стало очевидно, что Бисмарк переиграл австрийских политиков. Союз с Пруссией из желательной комбинации превратился в вынужденную — как писал в октябре австрийский император, «к сожалению, союз с Пруссией является в сложившейся ситуации единственно правильным, и нужно продолжить прилагать усилия к тому, чтобы сохранить Пруссию на верном пути»². Выступавший за сотрудничество двух держав Рехберг был отправлен в отставку. Венские политики все больше склонялись к конфронтационному курсу.

Здесь необходимо остановиться на одном достаточно важном моменте. Уже после смерти Бисмарка историки самых разных направлений — от восторженных почитателей до радикальных критиков «железного канцлера» — любили изображать вооруженные конфликты с Данией, а затем Австрией и Францией результатом едва ли не единоличных усилий главы прусского правительства. Бисмарк при таком раскладе оказывался либо гениальным стратегом, сумевшим загнать противников в ловушку, либо воинственным злодеем, раз за разом нарушавшим мир и спокойствие в Европе. При этом совершенно упускалось из виду то обстоятельство, что противники Пруссии вовсе не были невинными жертвами гениального политика. И в Копенгагене, и в Вене, и в Париже политическая элита, каждая в свой черед, также взяла курс на конфронтацию и внесла как минимум равноценный с Берлином вклад в развязывание вооруженного конфликта. Это в полной мере касается и политики австрийского кабинета после отставки Рехберга.

В какой мере сам Бисмарк целенаправленно стремился к развязыванию конфликта с Австрией? На этот счет также существуют различные точки зрения. К примеру, современный биограф «железного канцлера» Кристоф Нонн утверждает, что в 1864 году Бисмарк «был далек от того, чтобы провоцировать вооруженный конфликт с

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 148.

² Gall L. Op. cit. S. 378.

Австрией (...) В основе своей он, как и Рехберг, мечтал о возвращении эпохи Священного Союза (...) В 1865 году он по-прежнему считал приоритетной задачей согласие и сотрудничество с Австрией¹. Представляется весьма сомнительным, что Бисмарк действительно желал возрождения Священного Союза, который намертво блокировал бы любое изменение баланса в пользу Пруссии. Он действительно держал открытыми несколько путей, среди которых был и путь сотрудничества с Австрией. Однако этот вариант подразумевал согласие Вены на прусскую гегемонию, как минимум, к северу от Майна. Бисмарк вряд ли строил себе иллюзии по поводу того, что австрийское руководство легко согласится на такие условия. Для Вены даже равноправие с Берлином означало бы серьезную потерю влияния и престижа. Именно поэтому Бисмарк еще в 1850-е годы писал о высокой вероятности — и даже неизбежности — столкновения двух германских держав.

Северные герцогства были в этом плане для главы прусского правительства поистине бесценным приобретением. Находясь в совместном владении двух великих держав, они предоставляли прекрасную возможность в любой момент как обострить отношения между ними, так и осуществить разрядку напряженности — в зависимости от того, что было выгоднее главе прусского правительства. Таким образом, в руках у него оказались все инструменты, необходимые для того, чтобы существенно продвинуть вперед решение германского вопроса.

События вокруг герцогств оказали серьезное влияние на положение внутри Пруссии. Как известно, военная победа способна вызывать весьма серьезные перемены в общественном мнении, особенно если сама война популярна. Кампания против Дании, посягнувшей на немецкие земли, пользовалась широкой поддержкой в обществе, а ее успешный итог значительно увеличил популярность ее инициаторов. Хотя противостояние правительства и нижней палаты парламента продолжалось, и либеральное большинство твердо стояло на позиции неприятия Бисмарка и его политики, первые трещины в едином фронте противников министра-президента не заставили себя долго ждать. Как сказал бы Черчилль, это было не начало конца, но определенно конец начала.

В первую очередь это коснулось тех деятелей «Национального союза», которые считали первоочередной задачей не демократизацию, а объединение Германии. Иоганн Микель, ставший впоследствии одним из самых близких соратников «железного канцлера»,

писал в эти дни: «Кто погубил австрийский проект реформ? Господин фон Бисмарк. Кто освободил Шлезвиг-Гольштейн? Господин фон Бисмарк. Вы можете быть уверены, что я далек от того, чтобы венчать лаврами министерство Бисмарка. Все, что делал здесь господин фон Бисмарк, он, возможно, делал против своей воли, но он сделал это в интересах Пруссии и одновременно Германии, потому что во всех крупных вопросах прусские и германские интересы совпадают»¹. Совпадение прусских и германских интересов — та мысль, которую Бисмарк уже долгое время пытался внушить своим оппонентам. Либеральный историк и политик Теодор Моммзен, оставшийся на всю жизнь политическим противником Бисмарка, писал в те же месяцы о настроениях в палате депутатов: «Здесь сумасшествие вокруг Бисмарка нарастает с каждым днем. Уже никто не говорит и не размышляет о том, что справедливо и что соответствует прусским интересам, а лишь о том, что идет на пользу Бисмарку, а что нет, и тем самым мы поддерживаем его»².

Настроение и в парламенте, и в обществе постепенно стало меняться. Идея аннексии герцогств, постепенно приобретая все больше сторонников в прусском обществе, объективно работала на рост авторитета и влияния главы правительства. Бисмарк оказался прав — на внешнеполитическом поприще находился ключ к решению прусского «конституционного конфликта». Самый сложный год остался позади; впереди еще, однако, оставались весьма масштабные задачи, главной из которых по-прежнему являлось разрешение внутривнутриполитического кризиса в Пруссии.

* * *

Осенью 1864 года Бисмарк отправился в Биарриц. Ему, как и два года назад, удалось встретиться там с семейством Орловых. «Я как во сне; передо мной море, надо мной Катя трудится над Бетховеном, а погода такая, какой у нас не было все лето» — писал он жене³. Кажется, волшебство позапрошлого лета вернулось. Бисмарк снова был счастлив и мог отдохнуть от своих тревог. Почти три недели пролетели незаметно. В следующем октябре глава прусского правительства снова приехал на тот же курорт, на сей раз с женой (здоровье которой требовало поправки) и дочерью. Однако Орловы, напуганные новостями об эпидемии холеры, не явились. После этого Бисмарк

¹ Nonn C. Op. cit. S. 155.

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 146.

² Ibid.

³ WIA. Bd. 3. S. 386.

и Екатерина Орлова встречались и переписывались гораздо реже. Умерла она намного раньше своего «дяди» — в 1875 году, в возрасте всего лишь 35 лет.

В целом частная жизнь Бисмарков в этот период шла по накатанной колее. Иоганна выполняла свои обязанности жены министра-президента, ограничиваясь, однако, самым необходимым минимумом. Все попытки Мальвины придать ей светский лоск провалились. «Госпожа Бисмарк, немногим старше сорока, высокого роста, с темными волосами и красивыми карими глазами, одетая очень просто, встретила нас очень приветливо, — вспоминала молодая баронесса Шпитцemberг о своем знакомстве с семьей главы правительства летом 1863 года. — Она настолько проста и приятна в обращении, что мы вскоре почувствовали себя как дома. Позднее пришел ее муж, рослый, симпатичный мужчина с энергичным, почти упрямым выражением лица. Похоже, у них открытый дом»¹. Баронесса вскоре вошла в число друзей дома Бисмарков.

В этом же доме постоянно бывал и Койделл, который стал сотрудником министерства иностранных дел. Иоганна просила его не обижаться на Бисмарка, даже если будут возникать конфликты по работе; деловые отношения не должны влиять на личные. «У него нет ни одного настоящего друга — я им всем не доверяю — в серьезной ситуации все, я убеждена, бросят его в беде. Но Вы, пожалуйста, не делайте этого, выдержите, даже если он временами будет казаться Вам недружелюбным»².

5 сентября 1863 года скончалась мать Иоганны. Отношения Бисмарка с тещей никогда не были безоблачными. Однажды она в запале заявила в его присутствии дочери, что она поступила бы лучше, выйдя замуж за свинопаса. Бисмарк отшутился, заявив, что эта карьера всегда открыта для него. Тем не менее, между тещей и зятем со временем сложились отношения, основанные на взаимном уважении. Когда ее не стало, Иоганна была безутешна. «Для меня это — не меньшая потеря, — писал Бисмарк Екатерине Орловой. — Я был привязан к своей теще более тесной внутренней связью, чем это обычно бывает»³.

Здоровье самой Иоганны тоже временами оставляло желать лучшего. Она страдала от учащенного сердцебиения, бессонницы, отсутствия аппетита, обмороков. Жизнь с мужем, постоянно по-

груженным в высокую политику — не самая легкая участь. Бисмарк старался уделить ей максимум времени, испрашивал дополнительные дни отпуска, но надолго удалиться от дел он не в состоянии. Политическая борьба продолжалась и требовала максимум внимания.

Бисмарк по-прежнему много работал. Он стремился лично вникать во все дела. На предложение Койделла ограничиться только важнейшими вопросами глава правительства ответил: «Нет, если я не буду знакомиться со всеми приходящими бумагами, то потерю представление о том, что происходит в стране»⁴. Такой стиль работы требовал максимально быстрого принятия решений; и еще много лет спустя его сотрудники удивлялись тому, как стремительно глава правительства мог ухватить суть сложного вопроса и вынести свой вердикт. Текущие дела улаживались моментально. Однако тяжелый груз все сильнее давил на Бисмарка, подрывая его здоровье. Он все чаще жаловался на головные боли, боли в лице и левой ноге. Даже некоторые из его сподвижников опасались, что он может не протянуть ближайшие пару лет.

По вечерам в особняке главы правительства собиралась небольшая компания, состоявшая главным образом из друзей семьи. «Чаше всего это были господин фон Арним с супругой и дочерью, Бланкенбург, граф Эберхард Штольберг с женой, молодой Айзендегер и господин фон Девиц-Милицов, товарищ хозяина дома по геттингенскому студенческому корпусу, — вспоминал впоследствии Койделл. — Хозяин дома появлялся в одиннадцать на полчаса или час, съедал холодное блюдо и выпивал стакан пива или жирного молока. Чай или вино он по вечерам никогда не пил, чтобы не прогнать и без того тяжело шедший к нему сон. Он вел беседу весело, о политике не говорил или упоминал ее вскользь»⁵.

¹ Spitzemberg H.v. Das Tagebuch der Baronin Spitzemberg. Aufzeichnungen aus der Hofgesellschaft des Hohenzollernreiches. Göttingen, 1989. S. 50.

² Hoffmann G. Op. cit. S. 196.

³ Orloff N. Op. cit. S. 106.

⁴ Keudell R.v. Op. cit. S. 129.

⁵ Ibid. S. 132.

ГЛАВА 9

ГОРДИЕВ УЗЕЛ

Результат Шлезвиг-гольштейнского кризиса обеспечил Бисмарку исходные позиции для решения как внешне-, так и внутриполитических проблем. Однако «конституционный конфликт» продолжался, и депутаты ландтага пока не горели желанием идти на уступки. Нужны были новые успехи.

Анализируя давно произошедшие события с позиции современного наблюдателя, легко поддаться искушению рассматривать их как точное исполнение заранее продуманного гениального плана. Вопрос, стремился ли Бисмарк изначально и сознательно к тому, что получилось в итоге, на самом деле является весьма сложным и спорным. Действительно ли он упрямо вел дело к войне, готовясь развязать ее в первый же удобный момент?

Бисмарк считал войну вполне легитимным, однако все же крайним средством международной политики, к которому следует прибегать тогда, когда все остальные возможности уже исчерпаны. К тому же любой вооруженный конфликт таил в себе опасность вмешательства других великих держав, которое, как это неоднократно бывало, могло разом перечеркнуть все успехи на полях сражений. Риск такого вмешательства был бы гораздо меньше, если бы Бисмарку удалось добиться полюбовного соглашения с австрийцами. Объективные факторы, казалось, толкали Вену к компромиссу: Австрия явно не была готова к серьезной борьбе. Финансовое положение монархии Габсбургов было плачевным, государственный долг достиг рекордных размеров. Внутри империи нарастало национальное движение различных народов, в первую очередь венгров, требовавших себе широкой автономии. На южных рубежах молодое Итальянское королевство ждало только удобного момента, чтобы отхватить себе Венецию. На востоке, на Балканах, Австрия была вовлечена в постоянную борьбу за сферы влияния с Российской империей. В такой ситуации пойти на определенные уступки в Германии, обеспечив себе взамен поддержку Пруссии,

представлялось на первый взгляд разумным шагом. Именно такого курса придерживался Рехберг.

Однако далеко не все в австрийской столице считали возможным двигаться этим путем. Правящая элита в Вене опасалась эффекта домино — пойдя навстречу Пруссии, придется идти на уступки и всем остальным. Показать свою истинную слабость монархия Габсбургов боялась больше всего. К тому же маленькая победоносная война во все времена была прекрасным средством консолидировать общество, а полученная с побежденного контрибуция — поправить попавшиеся финансы. Последнее соображение, к слову, имело в Вене весьма большой вес. В итоге австрийская политика представляла собой метания между двумя направлениями — линией на уступки и линией на конфликт.

Бисмарк прекрасно понимал это. Ему тоже необходим был громкий и убедительный успех, который окончательно привлек бы общественное мнение на его сторону и вынудил бы либералов в парламенте пойти на уступки или оказаться в изоляции. Он видел, что Австрия не смирится с утратой своей доминирующей роли в Германии, а без этого — как и без разрушения Германского союза — прусская политика не могла добиться своих целей. Следовательно, оставалась война. Как справедливо полагает Лотар Галл, «после падения Рехберга Бисмарк (...) вряд ли видел шанс на то, чтобы при имеющихся условиях прийти к хотя бы временному компромиссу с Австрией»¹.

Однако просто развязать войну Бисмарк не мог. Необходима была, во-первых, благоприятная международная ситуация, чтобы никто не лишил Пруссию плодов победы. Во-вторых, нужен был повод к войне, причем такой, который выглядел бы убедительно в глазах прусской общественности. Бисмарк понимал, что политика «железа и крови», пока ее не увенчает успех, будет не слишком популярна, и многие выступят против «братоубийственной войны». Следовательно, желательно было выставить агрессором Австрию. Помимо всего прочего, глава прусского правительства прекрасно представлял себе, какую сложную задачу ему предстоит выполнить и как велик в данном случае риск не удержать ситуацию под контролем. Это в гораздо большей степени, чем стремление сохранить мир, объясняет его довольно умеренный курс в течение следующего года.

В октябре 1864 года австрийским министром иностранных дел стал граф Александр фон Менсдорф-Пулы, его ближайшим помощником по вопросам германской политики — Людвиг фон Бигелебен, выступавший за союз с Францией против Пруссии. Зимой

¹ Gall L. Op. cit. S. 380.

этот дуэт сделал первый ход, вытащив из небытия идею создания на севере Германии нового государства под скипетром Аугустенбурга. Реакция Бисмарка была предсказуемой — в феврале 1865 года он ответил согласием, однако обставил его такими условиями, которые превращали бы новую монархию в сателлита Пруссии. «Я согласился бы скорее выращивать картошку, чем стать правителем такого государства» — раздраженно отреагировал Бигелебен¹. Впрочем, на прусское согласие в Вене особенно и не рассчитывали. Инициатива носила скорее характер пробного шара, первого хода в очередной шахматной партии.

Со своей инициативой Австрия в апреле обратилась к малым и средним германским государствам, которые не замедлили поддержать ее. Пруссия оказалась в изоляции, однако Бисмарк вполне резонно заявил, что судьба герцогств не касается Германского союза. Кроме того, весной 1865 года в Киле была явочным порядком размещена прусская военно-морская база. На протест Австрии прусская дипломатия дала издевательский ответ, что не возражает против организации австрийской военно-морской базы на Балтике. Градус конфронтации нарастал.

Важной вехой с прусской стороны стал коронный совет в Берлине, состоявшийся 29 мая 1865 года. Коронный совет собирался для обсуждения наиболее важных проблем, его состав не был постоянным. В любом случае, в него входили король, наследник престола и глава правительства. Другие лица привлекались в зависимости от повестки дня. На сей раз обсуждать предстояло проблему герцогств и австро-пруссские отношения. Практически все участники совета выступали за аннексию герцогств. Единственным исключением стал кронпринц, рискнувший поддержать Аугустенбурга. Его главным оппонентом выступил Бисмарк, доказывавший, что реальных альтернатив аннексии не существует и война с Австрией все равно неизбежна, поскольку Вена вновь вступила на путь конфронтации. Сейчас для такой войны достаточно благоприятный момент, так как Австрия находится в международной изоляции да к тому же имеет латентного противника в лице Италии. Бисмарк наметил три пути к аннексии. Первый — в случае создания независимого государства Шлезвиг-Гольштейн провоцировать различные связанные с ним конфликты, что в конечном счете сделает аннексию необходимой. Второй — умиротворить Австрию компенсацией и присоединить герцогства на законных основаниях. Третий — «придерживаться существующих условий и ожидать момент для военного конфликта с

Австрией»¹. В поддержку этой точки зрения высказался и шеф прусского Большого генерального штаба Гельмут фон Мольтке.

Однако аннексия герцогств сама по себе не могла быть целью войны. Она не приносила ни кардинального изменения ситуации внутри Германии, ни достаточной мобилизации общественного мнения в пользу правительства. Благоприятного момента для начала конфликта еще предстояло дожидаться. Поэтому Бисмарк предпочитал тянуть время.

Летом 1865 года австрийцы предложили Пруссии уступить ей права на герцогства в обмен на территориальные компенсации. Однако Вильгельм вновь заявил, что не отдаст ни клочка прусской земли. В августе 1865 года Бисмарк встретился на курорте Гаштейн с австрийским послом графом Бломе и за карточной игрой предложил ему решить проблему герцогств, разделив их между Австрией и Пруссией: первой доставался Гольштейн, второй — Шлезвиг. На то, что дунайской монархии удастся эффективно удержать под своим контролем территорию на севере Германии, Бисмарк не рассчитывал. Не рассчитывали на это и в Вене, где предпочли говорить не о раздельном владении, а о раздельном управлении герцогствами. Это давало отсрочку, но не приносило окончательного решения проблемы. 14 августа была подписана Гаштейнская конвенция, по которой каждая из сторон получала под свое управление одно из герцогств, кроме того, в Киле на территории Гольштейна оставалась прусская военно-морская база, и оба герцогства включались в Таможенный союз.

Гаштейнская конвенция окончательно вывела из игры Аугустенбурга и давала Бисмарку возможность в любой момент спровоцировать конфликт вокруг герцогств, создав в то же время видимость сближения двух великих немецких держав. В малых германских государствах она вызвала бурю возмущения, направленного главным образом против Австрии. Монархия Габсбургов выступала в роли циничного хищника, поправшего общегерманские интересы. Пруссия, разумеется, выглядела не лучше, однако от нее ничего иного и не ожидали.

Конвенция была однозначной победой прусской дипломатии — Бисмарк иронично заявлял, что даже не мечтал найти австрийского политика, который подписал бы ему этот документ. Помимо всего прочего, глава прусского правительства смог вывести из игры одного из своих соперников, главу военного кабинета короля Эдвина фон Мантойфеля. Этот влиятельный генерал, пользовавшийся довери-

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 150.

¹ WIA. Bd. 3. S. 535.

ем Вильгельма, возглавлял ультраконсервативную группировку при дворе, мечтавшую о государственном перевороте и ликвидации парламентской системы как таковой. К Бисмарку Мантойфель относился с высокомерным недоверием и не прочь был бы сам однажды оказаться в кресле главы правительства. Его приход к власти был одной из возможных альтернатив в том случае, если бы Бисмарк потерпел поражение в борьбе с ландтагом и лишился доверия короля. После подписания Гаштейнской конвенции Мантойфель был назначен генерал-губернатором Шлезвига и тем самым удален от центра принятия решений в Берлине. Этот факт сам по себе свидетельствует о том, насколько упрочились позиции главы прусского правительства.

* * *

Бисмарк изначально рассматривал Гаштейнскую конвенцию в качестве временной меры. «Разногласия не устранены, и остается открытым вопрос о том, можно ли добиться этого мирным путем. (...) Решение главного вопроса лишь отсрочено» — писал он фон дер Гольцу в Париж¹. В это время прусский министр-президент занимался дипломатической подготовкой кампании. Он установил контакты с итальянским правительством, выступив с идеей совместных действий двух королевств против Австрии. На первых порах во Флоренции встретили прусское предложение настороженно, к тому же информация о нем просочилась в Вену, что стало для австрийцев дополнительным стимулом готовиться к вооруженному конфликту.

В октябре 1865 года Бисмарк отправился в Биарриц, где встретился с французским императором. Позиция Франции имела в назревавшем конфликте большое значение, от ее невмешательства зависел во многом успех всей кампании. У Бисмарка были все основания предполагать, что Наполеон III вряд ли будет заинтересован в победе Австрии, однако стремительное усиление Пруссии тоже мало соответствует французским интересам. В ходе длительной аудиенции Бисмарк заявил императору, что «приобретение герцогств есть лишь шаг на пути к выполнению задачи, которую поставила история перед прусским государством и для реализации которой мы нуждаемся в долговременных дружественных отношениях с Францией. Мне кажется, в интересах французской политики поддерживать честолюбие Пруссии в выполнении ею национальной задачи, поскольку такая Пруссия всегда будет придавать большое значение дружбе с

Францией, в то время как если ее лишить этого честолюбия, она будет искать защиты в оборонительных союзах против Франции»¹.

Бисмарк прекрасно понимал, что французы захотят определенного вознаграждения за свою доброжелательную позицию, и пытался прозондировать почву в этом направлении. Однако Наполеон пока предпочитал не раскрывать своих карт. Во всяком случае, он не высказал никаких возражений по поводу возможной аннексии герцогств Пруссией, настояв, однако, на том, чтобы населенная датчанами северная часть Шлезвига была после этого возвращена Дании.

Зимой 1865–66 годов подготовка войны вступила в новую стадию. Прусский генеральный штаб приступил к составлению планов кампании. Обострилась ситуация и в герцогствах. Прусские власти в Шлезвиге во главе с Мантойфелем установили достаточно жесткий режим, подавляя любые проявления либеральной оппозиции. Это резко контрастировало с положением, сложившимся в Гольштейне, где генерал Габленц вел себя весьма либерально и допускал агитацию в пользу Аугустенбурга. Подобный контраст не мог не сказаться на общественном мнении герцогств, которое становилось все более враждебным Пруссии. Последнее послужило поводом к многочисленным упрекам и претензиям с прусской стороны в адрес австрийцев.

Когда 23 января 1866 года в Альтоне состоялось собрание в поддержку «правомочного герцога Фридриха», в Вену немедленно был отправлен официальный протест. «Нынешнее поведение императорского правительства в Гольштейне имеет характер, который мы вынуждены назвать агрессивным. (...) Отрицательный или уклончивый ответ на нашу просьбу стал бы для нас основанием сделать вывод, что императорское правительство не желает в долговременной перспективе действовать совместно с нами. (...) У нас есть неотложная потребность привнести ясность в наши отношения»². Одновременно прусский посол по указанию Бисмарка сообщил, что если австрийцы и дальше намереваются поддерживать «интриги республиканской демократии», то в Берлине предпочитают подобному соперничеству открытый разрыв и намерены дальше действовать, оглядываясь только на собственные интересы. Это была фактически неприкрытая угроза, и австрийские политики приняли в феврале решение готовиться к предстоящей войне.

28 февраля 1866 года в Берлине состоялось еще одно важное заседание коронного совета, посвященное проблемам внешней

¹ Ibid. S. 585.

¹ Ibid. S. 601.

² Ibid. S. 630.

политики. Основным докладчиком снова стал Бисмарк, который обвинил Австрию в приготовлениях к войне и заявил о неизбежности военного конфликта. Пруссия предназначена самой историей встать во главе Германии, однако на ее пути стоит Австрия — заявил министр-президент. «Было бы унижением, если бы Пруссия сейчас отступила. Такого унижения необходимо избежать любой ценой. (...) Нынешний момент выгоден для Пруссии из-за позиции Италии, которая не сможет долго удерживать под ружьем свои собранные против Австрии силы, из-за существующих дружеских отношений с императором Наполеоном, из-за превосходства нашего вооружения. (...) Все историческое развитие германского вопроса, враждебная позиция Австрии толкают нас к войне. Было бы ошибкой избегать конфликта»¹. Бисмарк несколько приукрашивал международную обстановку — ни Италия, ни Франция не были столь однозначно на стороне Пруссии. Однако цели своей он добился. Фактически на заседании этого коронного совета было принято окончательное решение в пользу войны. Началась ее непосредственная подготовка — как военная, так и дипломатическая.

Первой задачей было заключение союзного договора с Италией. Итальянское королевство было естественным союзником Пруссии, поскольку претендовало на принадлежавшую Австрии Венецию. Однако это еще не означало автоматического сотрудничества между ними. В Берлине консервативные круги рассматривали итальянцев как выскочек и возмутителей европейского спокойствия, те, в свою очередь, не доверяли пруссакам и опасались военного столкновения с намного превосходившей их своей мощью Австрией. Лишь когда во Флоренции поняли, что получить Венецию мирным путем не получится, дело сдвинулось с мертвой точки.

В середине марта в Берлин прибыл итальянский эмиссар генерал Говоне, с которым у Бисмарка состоялись недолгие, но достаточно трудные переговоры. Итогом их стал тайный союзный договор 8 апреля, носивший весьма необычный характер. В соответствии с текстом этого документа, в случае, если в течение ближайших трех месяцев начнется австро-прусская война, итальянцы обязались выступить на стороне Пруссии. Обе стороны договорились не заключать перемирия или мира без обоюдного согласия. После победы Италии предстояло получить Венецию, Пруссии — равнозначную австрийскую территорию.

Таким образом, обратный отсчет был, по сути, включен — до 8 июля Берлин должен был начать войну против Вены, если хо-

¹ Ibid. S. 651.

тел рассчитывать на итальянскую поддержку. При этом договор не связывал Пруссию конкретными обязательствами, чему Бисмарк со свойственной ему гибкостью придавал особое значение. В инструкции переговорщикам он писал о соглашении, «которое не обязует обе державы начать войну при любых обстоятельствах (...) Для нас ситуация еще не созрела. Причины, побуждающие нас к конфликту между Пруссией и Австрией, пока находятся в развитии»¹.

Как писал Георг Кауфман, договор с Италией «как раз подходил под удивительно запутанное положение дел. Его значение заключалось, прежде всего, в том, что он самого короля Вильгельма толкнул дальше по избранному им пути»². Вильгельм, действительно, в течение всей весны продолжал колебаться, и Бисмарку стоило немалых усилий удержать его в границах уже принятого решения. Однако почему итальянцы согласились со столь неравноправным договором? Дело в том, что его заключение санкционировала Франция, с которой Итальянское королевство было по-прежнему тесно связано. Наполеон III, стремясь воскресить лучшие времена правления своего пресловутого дяди, мечтал о новых территориальных приобретениях. И очень кстати здесь пришлась прусская инициатива тесного сотрудничества между двумя государствами, с которой Бисмарк выступил в конце февраля. Глава прусского правительства заигрывал с французским императором, туманно намекая на возможные территориальные компенсации. В любом случае, война между центральноевропейскими державами давала возможность половить рыбку в мутной воде.

«Было ясно, что император выступил на стороне Пруссии, — пишут современные западные исследователи. — Наполеон III даже надеялся в период между апрелем и июнем 1866 года заключить собственный союз с Пруссией»³. Впрочем, этим надеждам не суждено было сбыться. В то же время французский император не хотел полной и убедительной победы Берлина. Он рассчитывал на длительную австро-прусскую войну, которая даст возможность Франции, выждав достаточное время, вмешаться в нужный момент. Это создавало для Бисмарка определенный риск и вынуждало делать ставку на молниеносную кампанию.

9 апреля Бисмарк сделал первый открытый шаг на пути к войне. В бундестаг было внесено предложение о созыве общегерманского парламента, сформированного на основе всеобщих и прямых вы-

¹ Kolb E. Op. cit. S. 72.

² Кауфман Г. Политическая история Германии в XIX веке. СПб., 1909. С. 563.

³ Poidevin R., Bariety J. Frankreich und Deutschland. München, 1982. S. 95.

боров. Это был шаг, рассчитанный на германское общественное мнение и явный вызов, брошенный Вене. «Немецкий парламент поможет нам больше, чем целый армейский корпус» — полагал глава прусского правительства¹. Однако общественность реагировала весьма скептически — многие не доверяли Бисмарку и полагали, что речь идет о чистой демагогии. Один из берлинских сатирических журналов прокомментировал прусское предложение, заявив, что если министр-президент будет дальше продолжать в том же духе, то выпуск издания придется остановить, поскольку оно просто не сможет конкурировать с главой правительства по части сатиры и юмора.

Тем не менее, Бисмарк не сдавался. В мае он при посредничестве Теодора фон Бернгарди установил контакт с умеренными лидерами «Национального союза», которым не уставал подчеркивать общность их внешнеполитических задач. Однако шаг, направленный на формирование союза с национальным движением, не принес немедленного успеха. Зато вновь всполошились в Петербурге, где считали, что от прусской инициативы веет ненавистным революционным духом. В разгоравшемся конфликте симпатии многих представителей российской правящей элиты были явно не на стороне Пруссии.

Австрийский же ответ не заставил себя долго ждать. 26 апреля монархия Габсбургов фактически перечеркнула Гаштейнскую конвенцию, заявив о намерении передать вопрос будущего северных герцогств в сферу компетенции Германского Союза. Наполеон, предложивший 24 мая созвать европейский конгресс по данной проблеме и сумевший привлечь на свою сторону Лондон и Петербург, получил категорический отказ с австрийской стороны. Попытка братьев Габленц, один из которых находился на прусской, а второй на австрийской службе, выступить в роли посредников также провалилась. Компромисс был более невозможен.

12 июня был заключен тайный франко-австрийский договор, согласно которому Австрия в любом случае соглашалась уступить Венецию в обмен на нейтралитет Парижа, не возражала против создания на западе Германии зависимого от Франции государства и получала свободу компенсировать себя за счет Пруссии. Наполеон вел двойную игру, ободряя обоих противников и надеясь стать в их конфликте «третьим радующимся». Потребовалось все военное искусство прусской армии и дипломатическое искусство главы прусского правительства для того, чтобы этого в конечном итоге не произошло.

В этот период Бисмарку вновь пришлось столкнуться с массивным давлением как «справа», так и «слева». Эберхард Кольб

¹ Gall L. Op. cit. S. 409.

даже полагает, что «весна 1866 года была самым трудным временем, которое когда-либо переживал закаленный в политических баталиях министр-президент»¹. Ему вторит и Лотар Галл, говорящий о том, что «в 1866 году он, несмотря на все умные расчеты, несмотря на все искусство и способность выжидать, рисковал всем, поставил все на карту в игре, в которой помимо искусства и умелого использования правил в решающий момент определяющую роль играли случай и удача»².

Действительно, если внимательно посмотреть на развитие событий, то становится очевидным, что Бисмарк форсировал столкновение, не добившись одной из своих главных целей. Он не смог образовать Австрию агрессором, более того, именно Пруссия выступила в роли возмутителя спокойствия, внеся на рассмотрение бундстага явно провокационное предложение. Это создало министру-президенту немалые сложности. Почему Бисмарк не стал терпеливо дожидаться более благоприятного момента, чтобы спровоцировать своего противника на агрессивные действия? Он испытывал полную уверенность в успехе? Стремился побыстрее завершить внутренний конфликт? Скорее всего, главную роль сыграли все же военные соображения. Составленный Мольтке план был рассчитан в первую очередь на то, чтобы использовать преимущество Пруссии в скорости мобилизации и развертывания армии. Для этого ни в коем случае нельзя было предоставить австрийцам инициативу и дать им время на подготовку. Именно поэтому глава правительства вел дело к войне, не обращая внимания на возникающие побочные эффекты. В конечном счете, все должны были решить пушки.

А побочные эффекты, действительно, имелись. Предстоящий конфликт с Австрией был непопулярен в германском обществе, тем более что на стороне дунайской монархии собирались выступить многие малые и средние государства Германского союза. Война между немецкими государствами рассматривалась многими как гражданская, наносящая серьезный ущерб общему делу. Как писал в своих воспоминаниях Дельбрюк, «вся страна была против войны. Либеральная партия обвиняла глубоко ненавидимое ею правительство в том, что оно без необходимости ведет дело к кровопролитию»³. Хотя сессия ландтага была закрыта еще 22 февраля, и парламент не мог вмешаться в происходившее, имелись вещи более опасные, чем депутатская критика.

¹ Kolb E. Op. cit. S. 73.

² Gall L. Op. cit. S. 396.

³ Rostock C.v. Op. cit. S. 190.

7 мая 1866 года, когда Бисмарк шел по берлинской улице Унтер-ден-Линден, возвращаясь из королевского дворца в министерство иностранных дел, в него с близкой дистанции выстрелил из револьвера студент Фердинанд Кохен-Блинд. Две пули были выпущены в спину главе правительства, еще три — в схватке, после того, как Бисмарк обернулся и схватил нападавшего. Последние два выстрела были сделаны в упор, когда Кохен-Блинд смог приставить дуло револьвера к телу своего противника. Именно они оказались наиболее опасными: сам Бисмарк в первые секунды считал, что с ним покончено. В реальности он отделался сравнительно легкими ранениями; осматривавший его медик заявил, что может объяснить это только вмешательством высших сил: «У меня нет иного объяснения, кроме того, что здесь действовала рука Господа»¹. В реальности все было проще: револьвер был не слишком хорошим, а министр оделся весьма тепло: под толстым пальто находились еще четыре предмета гардероба. Пули, потеряв значительную часть своей и без того невысокой начальной скорости, срикошетили от ребра.

Инцидент вызвал неоднозначную реакцию общественности; во многих местах, особенно на юге Германии, открыто сожалели о том, что покушение провалилось. Одна из вюртембергских газет прославляла Кохен-Блинда как человека, «который посвятил свою жизнь тому, чтобы освободить Отечество от чудовища»². Сам Бисмарк воспринял промах студента, по свидетельству сотрудников главы правительства, как некое свидетельство своего божественного предназначения. Кроме того, он использовал покушение для того, чтобы изобразить себя жертвой революционеров, страдающей за свои консервативные убеждения. Именно в таком тоне он сообщил о произошедшем в Петербург.

Для Бисмарка представить себя мишенью республиканцев было важно еще и потому, что в это время участились упреки в его адрес из консервативного лагеря. На страницах «Крестовой газеты» Людвиг фон Герлах, окончательно разошедшийся в это время со своим прежним питомцем в политических взглядах, горько упрекал Бисмарка в том, что он проводит революционную политику, разрушая старинную дружбу между двумя великими державами: «Нужно беречься от чудовищного заблуждения, что заповеди Господни не охватывают сферы политики, дипломатии и войны, что в этих сфе-

рах нет высшего закона кроме патриотического эгоизма»¹. Бисмарк, всегда весьма чувствительно относившийся к критике в свой адрес, воспринял это очень остро и заявил Герлаху, что эта статья ранила его сильнее, чем Блинд. Герлах попытался спасти хотя бы личную дружбу между ними, однако во время встречи бывший ученик даже отказался пожать ему руку.

Однако упреки Герлаха нельзя назвать совершенно необоснованными. Министр-президент, следуя своей привычке использовать все имеющиеся под рукой инструменты, призвал себе в союзники не только немецкое, но и венгерское национальное движение. В борьбе против Австрии оно должно было сыграть роль своеобразной «пятой колонны». «Я со спокойной совестью преследую ту цель, которая кажется мне правильной для моего государства и для Германии. Что касается средств, то я использую те, которые имею в распоряжении при отсутствии иных» — говорил глава правительства позднее в беседе с журналистом². 9 и 10 июня Бисмарк встретился с лидерами венгерских националистов и обсудил с ними план создания «мадьярского легиона» и организации восстания в тылу австрийских сил. Одновременно планировалась высадка Гарибальди в Далмации с целью поднять на мятеж южных славян.

Бисмарка совершенно не пугало то обстоятельство, что реализация подобных замыслов могла положить конец существованию Австрийской империи. Естественно, что все эти планы держались в глубокой тайне как от общественности, так и от короля, который пришел бы в ужас, если бы узнал, какие инструменты не гнушается использовать его верный паладин.

О «братоубийственной войне», которая свергнет страну в пучину бедствий, много говорила и придворная группировка во главе с Аугустой и кронпринцем. Здесь мечтали о том, чтобы сместить Бисмарка и сделать его преемником прусского посла в Париже фон дер Гольца, заявляя, что нынешняя политика подвергает страну большим опасностям без серьезных надежд на успех. О «безумной политике Бисмарка» говорил и посол в Лондоне Бернstorф, вопрошая: «Как мы должны вести большую войну на уничтожение, не заключив мир в собственной стране, против воли подавляющего большинства народа?»³. В апреле Бисмарк даже заявил итальянскому послу графу Барралю, что все прусские дипломаты работают против его проектов.

¹ Ullrich V. Fünf Schüsse auf Bismarck. Historische Reportagen 1789–1945. München, 2003. S. 41.

² Schmidt R. Op. cit. S. 157.

¹ Richter W. Op. cit. S. 143.

² Krockow C.v. Op. cit. S. 192.

³ Engelberg E. Op. cit. S. 589.

Именно эта группа во многом была источником колебаний Вильгельма, который в нерешительности метался между необходимостью начать войну и желанием сохранить мир. «Вид монарха испугал меня до глубины души, — вспоминал князь Гогенлоэ. — Он был бледен как пепел. Лоб избороздили глубокие морщины. Ужасающая серьезность, глубокая печаль в чертах его лица показывали, что он был охвачен тяжелой внутренней борьбой»¹. Однако Бисмарку пришлось не легче — в борьбе за волю своего короля он тратил остатки так необходимых ему сил. В мае здоровье вновь изменило ему, и министр-президент вынужден был целые дни проводить в постели, страдая от болей в желудке и невралгии. Большую поддержку Бисмарку оказывал Мольтке — являясь в целом сторонником сотрудничества с Австрией, он после того, как решение о войне было принято, настаивал на его скорейшем исполнении исходя из чисто военных соображений. Никогда ни до, ни после этих событий сотрудничество между главой правительством и шефом генерального штаба не было настолько тесным.

Адъютант короля граф Лендорф вспоминал впоследствии, как в начале июня Роон и Мольтке делали доклад Вильгельму, настаивая на скорейшей мобилизации прусской армии. Однако монарх отвечал лишь, что он хочет сохранить мир как можно дольше. Последним в кабинет вошел Бисмарк. Лендорф, сидевший в приемной, слышал, как голоса из-за двери становятся все более громкими. Градус дискуссии явно повышался. Адъютант поспешил удалиться из помещения всех посторонних, и в этот момент из кабинета монарха вышел Бисмарк. Постояв немного, он попросил доложить о себе еще раз. Однако монарх наотрез отказался видеть своего министра. Услышав об этом от Лендорфа, Бисмарк попросту отодвинул адъютанта в сторону и ворвался в кабинет. Растерянный Лендорф остался в приемной. Беседа Бисмарка с Вильгельмом быстро перешла на крик, и адъютант уже боялся, что дело дойдет до рукоприкладства — министр-президент произвел на него впечатление совершенно обезумевшего человека. Когда Лендорф уже готовился прийти на помощь монарху, дверь кабинета вновь распахнулась, и вышедший из нее Бисмарк тяжело рухнул на диван. «Прикажите доставить меня домой, по возможности живым. Война объявлена» — сказал он².

Правда, на стороне Бисмарка все же был один могущественный союзник, о котором редко упоминается в его биографиях. Речь идет о значительной части немецких деловых кругов, заинтересованных

в том, чтобы Германия существовала как единое целое хотя бы с экономической точки зрения. В их глазах Бисмарк был гарантом сохранения единого таможенного пространства. Инициатива с созывом общегерманского парламента также была не в последнюю очередь сигналом, который прусский министр-президент передавал этой группировке, показывая, что традиционная политическая элита готова поделиться властными полномочиями с представителями финансового и промышленного капитала.

Одним из ближайших сподвижников Бисмарка стал в этот период еврейский банкир Герсон Бляйхредер. Обладая тесными связями с семейством Ротшильдов, он считался одним из богатейших и наиболее информированных людей Берлина. Связи Бляйхредера с главой прусского правительства начались еще в 1859 году и носили многосторонний характер. В 1863–64 годах они регулярно встречались один или два раза в неделю.

Во-первых, Бисмарк в значительной степени доверил ему управление своими личными финансами, которыми еврейский банкир распоряжался весьма эффективно. Сначала Бляйхредер обслуживал его текущий счет. В 1861 году Бисмарк впервые обратился к своему банкиру за советом по поводу принадлежавших ему акций пивоваренной компании «Тиволи». В дальнейшем Бляйхредер не раз предлагал ему выгодные, с его точки зрения, финансовые операции. Так, в октябре 1864 года Бисмарк по совету своего банкира купил акции Прусского банка на сумму 20 тысяч талеров; восемь месяцев спустя он продал их на 1100 талеров дороже¹. По мере того, как росли доходы главы государства, увеличивался и размах финансовых операций. В конце 1866 года Бляйхредер впервые осуществил для Бисмарка масштабную покупку иностранных ценных бумаг.

Во-вторых, глава правительства привлекал Бляйхредера в роли консультанта по всем вопросам, связанным с финансовой политикой, и получал от него ценную информацию о состоянии дел в европейской экономике. В данном случае большую роль играли связи берлинского банкира с Ротшильдами, благодаря которым он мог получать не только экономические, но и политические сведения большой важности.

В-третьих, наконец, банкир вместе со своими коллегами помогал финансировать различные действия прусского правительства. Бисмарк, не имея возможности получить дополнительные средства с помощью парламента, отчаянно искал обходные пути. Особенно

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 157.

² Ibid. S. 158.

¹ Stern F. Gold und Eisen. Bismarck und sein Bankier Bleichröder. München, 2008. S. 155.

актуально это было ввиду предстоявшего конфликта с Веной. В июле 1865 года именно Бляйхредер помог провести в жизнь соглашение между акционерами Кёльн-Минденской железной дороги и прусским государством о том, что последнее в обмен на материальную компенсацию отказывается от своих прав в отношении ценных бумаг железнодорожной компании. Эта сделка, которая принесла Пруссии 13 миллионов талеров, вызвала возмущение в ландтаге, но повлиять на нее парламентарии не могли. Деньги позволили финансировать подготовку к войне, не прибегая к займам, требовавшим одобрения со стороны ландтага.

* * *

1 июня Австрия вынесла вопрос о северных герцогствах на рассмотрение Германского союза, одновременно объявив о намерении созвать 11 июня голштейнские сословия. В ответ прусская сторона немедленно объявила это нарушением Гаштейнской конвенции. 4 июня Бисмарк отправил прусским дипломатическим представителям при европейских дворах циркулярное письмо, в котором заявлял, «что мы можем усмотреть в действиях австрийского правительства лишь прямую провокацию и намерение оказать давление и начать войну»¹.

Прусская армия приступила 9 июня к оккупации Гольштейна. Последняя прошла достаточно гладко, даже слишком гладко для Бисмарка, которому было выгодно кровопролитное столкновение. Мантойфель, располагавший примерно 12 тысяч солдат, позволил Габленцу с меньшими по численности австрийскими частями спокойно отойти на территорию Ганновера, чем вызвал нешуточный гнев главы правительства.

10 июня прусский министр-президент направил германским правительствам проект нового союзного договора, предусматривавшего созыв национального парламента, а заодно исключавшего Австрию из состава обновленного Германского союза. Подобную пощечину не смог бы вытерпеть и святой. 12 июня монархия Габсбургов разорвала дипломатические отношения с Пруссией. 14 июня Союзный сейм во Франкфурте принял в соответствии с австрийским предложением решение о мобилизации германской армии без прусского контингента. Бисмарк в ответ в тот же день охарактеризовал этот акт как грубейшее нарушение конституции, означающее фактическую ликвидацию Германского Союза, и даже как объявление войны.

¹ WIA. Bd. 3. S. 715.

Саксонии, Кургессену и Ганноверу 15 июня было в ультимативном порядке предложено примкнуть к Пруссии. После отказа всех трех государств прусские войска пришли в движение.

Вечером 14 июня Бисмарк пригласил к себе Мольтке и спросил его, возможно ли начать наступление уже через 2 дня. Шеф генерального штаба ответил утвердительно. 16 июня с вторжения прусских войск в малые государства, примкнувшие к Австрии, начались военные операции. 17 июня бундестаг принял решение силой принудить пруссаков прекратить вторжение. Мало кто в Европе мог сделать точный прогноз, на какой срок затянется кампания и каков будет ее итог. Австрия вынуждена была вести войну на два фронта — против Пруссии на севере и против Италии на юге. Однако большинство средних германских государств поддержали монархию Габсбургов, так что прусская армия тоже вынуждена была считаться с наличием двух театров военных действий.

Военные действия между Австрией и Пруссией начались 17 июня. А 22 июня Мольтке от имени короля приказал сконцентрированным на австрийской границе армиям начать вторжение в Богемию. В конце июня состоялись первые боевые столкновения, которые продемонстрировали полное превосходство прусской военной машины. Под их влиянием общественное мнение в Германии начало постепенно меняться. Берлинцы, изначально относившиеся к начавшейся кампании довольно холодно, вскоре уже искренне радовались успехам прусского оружия. Естественно, эта перемена шла на пользу Бисмарку.

Министр-президент отправился вместе с королем на театр боевых действий в последних числах июня. Судя по всему, в глубине души он был далек от спокойствия, осознавая весь масштаб риска, на который шел. Если бы Пруссия потерпела поражение, она оказалась бы отброшена назад на многие десятилетия, а глава ее правительства вошел бы в историю как безответственный авантюрист, азартный игрок, поставивший все на одну карту и проигравший.

Как сложилась бы в этом случае его дальнейшая судьба? По некоторым свидетельствам, Бисмарк всерьез подумывал о том, чтобы в случае поражения свести счеты с жизнью. Английскому послу он сказал: «Борьба будет серьезной. Если нас разобьют, я не вернусь сюда. Я погибну в последней атаке. Можно умереть лишь однажды, и когда терпишь поражение, лучше умереть»¹. Еще один любопытный эпизод — накануне похода он поручил Бляйхредеру снабдить его определенным количеством золотых монет разных

¹ Richter W. Op. cit. S. 148.

стран. Собирались ли Бисмарк в случае неудачи бежать с поля боя и скрываться в эмиграции, как предполагает его Христиан фон Кроков? Возможно, дело обстояло более прозаично — монеты нужны были главе правительства для того, чтобы иметь возможность при необходимости расплачиваться ими на занятой австрийской территории.

Бисмарк считал совершенно необходимым свое присутствие в главной квартире, потому что ход войны непосредственно определял развитие политических процессов. Министр-президент был полностью согласен с Клаузевицем в том, что война есть лишь продолжение политики другими средствами, и потому считал себя вправе вмешиваться в ход кампании. Этим он вызывал растущее недовольство военных. Первая стычка произошла еще в мае, когда Бисмарк попытался исходя из политических соображений остановить переброску одного из дислоцированных на Рейне корпусов к австрийской границе, опасаясь полного оголения западных рубежей страны. Мольтке смог отменить это распоряжение, поскольку корпус нужен был ему в Богемии для разгрома австрийцев. Однако основа соперничества между военными и гражданскими инстанциями была заложена.

Шеф Большого генерального штаба с уважением относился к главе правительства, однако считал его глубоко штатским человеком, которому не стоит вмешиваться в вопросы, в которых он не является специалистом. А все, что касается войны, прусские военные полагали сферой исключительно своей компетенции. Поэтому отношение, которое встретил Бисмарк на театре военных действий, было достаточно прохладным. 30 июня, когда главная квартира остановилась в Райхенберге, министр-президент, надевший по случаю войны униформу кавалерийского майора, прибежал к шефу генерального штаба с известием о том, что их защищают лишь несколько сотен солдат, а в непосредственной близости находятся шесть неприятельских кавалерийских полков. «Разве это не опасно?!» — вопрошал глава правительства. «Да на войне, знаете ли, вообще все опасно» — спокойно ответил Мольтке в своем излюбленном стиле¹.

Кампания оказалась короче, чем кто бы то ни было мог предположить. Уже 3 июля состоялось наиболее крупное сражение всей войны — битва при Кениггреце (Садовой). В определенной степени оно оказалось неожиданным для пруссаков; ранним утром Бисмарк еще жаловался на то, что господа генералы хотят для развлечения

короля дать арьергардное сражение, лишая тем самым его, главу правительства, жизненно необходимого сна¹.

Однако вскоре стало понятно, что на поле боя сошлись основные силы прусской и австрийской армии. Бисмарк вместе с королем и Мольтке находился на одной из окрестных высот, с которой можно было наблюдать за ходом сражения. Когда прусское наступление на какой-то момент захлебнулось, Вильгельм начал терять самообладание. «Мольтке, Мольтке, мы проигрываем сражение!» — запричитал он. «Ваше Величество выиграют сегодня не просто битву, а всю кампанию» — отозвался шеф генерального штаба. Глава правительства выбрал свой способ проверить Мольтке: протянул ему открытый портсигар, в котором оставались всего две сигары. Генерал спокойно и без колебаний выбрал лучшую из них, что Бисмарк счел несомненно хорошим признаком: уверенность начальника генерального штаба была не наигранной. Вскоре армия под командованием кронпринца, подоспевшая на поле сражения, нанесла австрийцам решающий удар во фланг, который привел к успеху.

Итогом битвы стала убедительная победа над австрийской армией, которая начала беспорядочное отступление на юг и юго-восток, открыв пруссакам дорогу на Вену. «Король подвергся 3-го большой опасности, — писал Бисмарк Иоганне, — и хорошо, что я был с ним, потому что все предупреждения от других лиц ничего не давали, и никто не рисковал говорить с ним так жестко, как я позволил себе сделать это в конце концов, (...) когда снаряды начали рваться в непосредственной близости от монарха. Упавший ближе всех, к счастью, не разорвался. Он все не может простить мне, что я лишил его удовольствия получить ранение; еще вчера он говорил о «месте, с которого вынужден был отойти по высочайшему приказу», показывая пальцем на меня. Но лучше так, чем если бы он нарушил меры предосторожности»².

Победа стала важной вехой в судьбе Бисмарка, который рисковал гораздо больше, чем многие другие высокопоставленные особы. Далеко не случайно стала знаменитой фраза, сказанная ему после сражения флигель-адъютантом фон Штайнекером: «Ваше превосходительство, теперь Вы — великий человек. Однако, если бы кронпринц подошел слишком поздно, Вы оказались бы величайшим злодеем»³. Объективно в этом было известное преувеличение — риск поражения был минимален при любом раскладе, и именно этим объясня-

¹ Herre F. Moltke. Der Mann und sein Jahrhundert. Stuttgart, 1984. S. 233.

¹ Keudell R.v. Op. cit. S. 281.

² WIA. Bd. 3. S. 757.

³ Keudell R.v. Op. cit. S. 292.

ется поражавшее всех спокойствие Мольтке. Однако субъективно многими участниками битвы, в том числе и Бисмарком, происходящее воспринималось именно так.

Успех на поле брани вызвал ликование и в армии, и в стране. Моральный подъем был огромен. Бисмарк также ликовал. 8 июля в беседе с венгерским аристократом он заявил: «Вы тоже считали меня юнкером, реакционером. Внешность обманчива. Я вынужден был играть эту роль, чтобы достичь моих целей. В королевском окружении меня подозревали в том, что я скрытый демократ. Я мог завоевать полное доверие монарха, только продемонстрировав ему, что не боюсь парламента в деле реорганизации армии, без которой невозможны ни война, ни даже обеспечение безопасности государства. Эта борьба стоит мне нервов и жизненных сил. Но я победил всех! Всех!»¹

Если это свидетельство верно, то глава прусского правительства заблуждался: до победы было еще далеко. Король и большинство военачальников мечтали о том, чтобы взять австрийскую столицу и пройти парадом по улицам Вены. Бисмарку пришлось призывать монарха к умеренности: в отличие от Вильгельма, он прекрасно понимал, что перегнуть палку в данном вопросе означало поставить под сомнение весь успех кампании. Цели войны, по мнению министра-президента, были достигнуты.

Большое впечатление на Бисмарка произвели и ужасы войны — поля сражений, заваленные трупами, крики и стоны раненых и умирающих. «Когда я думаю о том, что здесь мог бы лежать мой Герберт, мне становится плохо» — сказал глава правительства Койделлу при Садовой². Искренность этих слов не вызывает сомнений — как и то, что увиденное еще больше укрепило Бисмарка в убеждении, что войну нельзя начинать без достаточно солидных причин.

* * *

Быстрая победа пруссаков стала неожиданностью для всей Европы. Особенно болезненно она была воспринята в Париже, где Наполеон рассчитывал на затяжную кампанию. Теперь все его планы рухнули, как карточный домик. Французское общественное мнение воспринимало рост могущества Пруссии как угрозу и оказывало соответствующее давление на императора. Поэтому вскоре после битвы при Садовой Наполеон, используя обращение к нему

Франца-Иосифа, выступил с предложением посредничества между воюющими сторонами. Одновременно он постарался вывести из игры Италию, оказав на нее дипломатическое давление и приняв от австрийского императора Венецию, чтобы использовать ее в качестве козырной карты.

Бисмарк выразил готовность принять посредничество французов, чтобы не рисковать войной с западным соседом. В то же время министр-президент запросил Мольтке, как могла бы ответить на французскую угрозу прусская армия. «Его ответ гласил: оборонительная тактика против Австрии, ограничивающаяся линией Эльбы, а тем временем — ведение войны против Франции»¹. Шеф генерального штаба основывал свои слова на тщательных расчетах: по его мнению, война с Францией примет характер национальной, и южногерманские государства примкнут к монархии Гогенцоллернов. А это позволит сосредоточить на западной границе силы, вполне сопоставимые с французскими. Сам Бисмарк придерживался схожей точки зрения, считая возможным использовать в борьбе с Францией национальные лозунги. «Через несколько лет Луи наверняка пожалеет о том, что принял сейчас сторону наших противников; это дорого ему обойдется» — заявил глава правительства².

Однако сейчас войны против двух великих держав следовало по мере возможности избегать. Поэтому, как писал Бисмарк в своих воспоминаниях, «по моему совету его величество ответил императору Наполеону уклончиво, но все же отказываясь от какого бы то ни было перемирия без гарантий относительно мира»³.

С инициативой созыва европейского конгресса выступил и Петербург. Российское руководство с беспокойством следило за успехами прусской армии и планировало включить изрядно заржавевший механизм «Европейского концерта», чтобы не допустить существенного изменения баланса сил в Центральной Европе. Но Бисмарк вновь потянул за чувствительную для российского монарха струну, указав на угрозу революционных выступлений в самом сердце Европы. «Не спровоцировав революцию в Пруссии и Германии совершенно невозможно отказаться от плодов нашей победы, достигнутой с риском для нашего существования, и сделать устройство Германии зависимым от решений конгресса» — писал он⁴. В конечном счете ему удалось поставить Петербург перед свершившимися

¹ WIA. Bd. 3. S. 753.

² Keudell R.v. Op. cit. S. 291.

¹ Бисмарк О. Указ. соч. Т.2. С. 34.

² Gall L. Op. cit. S. 429.

³ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 2. С. 34.

⁴ WIA. Bd. 3. S. 775.

фактами, не дав российским политикам сыграть привычную роль арбитра в германских конфликтах и вынудив их сделать хорошую мину при плохой игре.

В то же время глава правительства четко понимал, что надолго удержать великие державы от вмешательства не получится. Следовательно, необходимо было как можно быстрее договориться с Австрией, возможно, на достаточно мягких условиях. Для Бисмарка было достаточно того, что дунайская монархия откажется от любого участия в германских делах. Демонстративно унижать ее или требовать территориальных уступок он не хотел, поскольку это могло осложнить переговорный процесс и привести к длительной и бессмысленной вражде с Веной. Однако монарх оставался глух к этим аргументам.

Сложилась парадоксальная ситуация — чуть больше месяца назад Бисмарку пришлось приложить массу усилий для того, чтобы убедить короля начать войну, теперь он никак не мог уговорить его завершить кампанию. Сам «железный канцлер» на склоне лет вспоминал, что у него были две главные сложности: «Сначала заманить короля в Богемию, а после выманить его оттуда»¹. «Если мы не будем ставить преувеличенные запросы и не поверим в свою способность завоевать весь свет, то мы получим мирный договор, достойный наших усилий. Однако мы так же легко воспаряем, как впадаем в уныние, и передо мной стоит неблагодарная задача лить воду в бурлящее вино и напоминать о том, что мы живем в Европе не в одиночку, а между тремя державами, которые относятся к нам с завистью и ненавистью» — писал Бисмарк Иоганне 9 июля². В пылу споров министр-президент язвительно предложил двинуть прусские войска после захвата Вены в Венгрию, откуда уже рукой подать до Константинополя. Поскольку коммуникации к этому моменту так или иначе оборвутся, на берегах Босфора можно будет спокойно основать новую Византийскую империю, предоставив Пруссии ее судьбе³. Военные же говорили о том, что любая передышка позволит австрийцам собраться с силами и создать эффективную оборону.

На военном совете 12 июля Бисмарку снова пришлось спорить и с королем, и с генералами. В своих воспоминаниях он писал об этом: «Для наших дальнейших отношений с Австрией мне было важно по возможности предотвратить оскорбительные для нее воспоминания, насколько это удавалось без ущерба для нашей германской поли-

тики. Победоносное вступление прусских войск в неприятельскую столицу, конечно, было бы весьма отрядным воспоминанием для наших военных, но для нашей политики в этом не было надобности: самолюбие Австрии было бы тем самым, как и уступкой нам любого их исконных владений, уязвлено. Не представляя для нас крайней необходимости, это причинило бы излишние затруднения нашим будущим взаимоотношениям. Я уже тогда не сомневался, что завоеванное в этом походе нам придется защищать в дальнейших войнах, как достижения двух первых силезских войн Фридриху Великому пришлось защищать в более жарком огне Семилетней войны. Что французская война последует за австрийской, вытекало из исторической логики даже в том случае, если бы мы могли предоставить императору Наполеону те небольшие компенсации, которые он ожидал от нас за свой нейтралитет. И в отношении России можно было сомневаться, какова будет реакция, если там ясно представят себе, какое усиление заключается для нас в национальном развитии Германии. Как сложатся дальнейшие войны за сохранение добытого, не поддавалось предвидению, но во всех случаях важно было следующее: будет ли настроение, в каком мы оставим наших противников, непримиримым и окажутся ли раны, которые мы нанесем их самолюбию, неисцелимыми. В этом соображении заключалось для меня политическое основание скорей предотвращать, нежели поощрять триумфальное вступление в Вену на манер Наполеона. В положениях, подобных тому, каким было в то время наше, политически целесообразно не ставить после победы вопроса, что можно выжать из неприятеля, но добиваться лишь того, что составляет политическую необходимость»¹.

В это же время в прусскую главную квартиру прибыл французский посол Бенедетти, который имел перед собой задачу довести до сведения главы прусского правительства точку зрения Наполеона. Она заключалась в том, что Пруссия не должна излишне усиливаться за счет своей победы. Бисмарк пообещал, что сфера влияния Берлина не выйдет за пределы северной части Германии, и государства к югу от Майна полностью сохраняют свою независимость. Франция, продолжал он в свою очередь, может компенсировать себя за счет территорий вне пределов бывшего Германского союза, к примеру, за счет Бельгии. Разумеется, Бисмарк не собирался поддерживать территориальные приращения Франции, но в сложившейся ситуации считал необходимым дать Бенедетти некоторые авансы, чтобы удержать Наполеона от вмешательства. С такими условиями в Париже

¹ Gall L. Op. cit. S. 428.

² WIA. Bd. 3. S. 757.

³ Craig G. Die preußisch-deutsche Armee 1640-1945. Düsseldorf. 1960. S. 224.

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 2. С. 37.

могли смириться, тем более что Бисмарк обрисовал французскому послу перспективу общенационального подъема в Германии, направленного против западной соседки в том случае, если последняя попытается диктовать свои условия. Тем не менее, глава прусского правительства понимал, что одними авансами французский император не удовлетворится, и нужно скорее завершать войну. Счет шел на дни.

21 июля между Австрией и Пруссией было заключено перемирие сроком на пять дней, которые были использованы для активных переговоров между противоборствующими сторонами. В первую очередь это касалось прусской главной квартиры, где конфликт между Бисмарком и королем достиг своего пика. Воспоминания «железного канцлера», связанные с этим моментом, пронизаны драматизмом. 23 июля состоялся военный совет, на котором глава правительства «твердо решил превратить принятие австрийских предложений в вопрос доверия кабинету. (...) Я изложил мое убеждение, высказавшись в том смысле, что необходимо заключить мир на предложенных Австрией условиях, но остался в одиночестве; король согласился с военным большинством. Нервы мои не выдержали овладевавших мною днем и ночью чувств, я молча встал, прошел в смежную спальню и разразился там судорожными рыданиями. Рыдая, я слышал, как военный совет в соседней комнате был прерван. Тогда я принялся за работу и письменно изложил доводы, которые говорили, по моему мнению, в пользу заключения мира. Я просил короля, в случае его нежелания последовать моему совету, сделанному со всей ответственностью, освободить меня от моих обязанностей министра при продолжении войны»¹.

На следующий день глава прусского правительства явился к королю с докладной запиской. «Мне представляется важным, чтобы нынешний благоприятный момент не был упущен, — писал Бисмарк. — Было бы политической ошибкой, попыткой потребовать немного больше территории или денег ставить под вопрос весь достигнутый результат и подвергать его риску на поле боя или испытывать счастье на переговорах, в которые не исключено вмешательство сторонней силы»². В докладной записке Бисмарк еще раз перечислял все аргументы внешнеполитического характера, толкавшие к скорейшему заключению мира, а также указывал на то, что в армии разразилась эпидемия холеры, затруднявшая продолжение операций.

¹ Там же. С 41.

² WIA. Bd. 3. S. 771.

Король, по всей видимости, находился под сильным давлением по крайней мере части представителей военной верхушки, поскольку в беседе с главой правительства пустил в ход все возможные аргументы. В частности, он заявил о необходимости наказать виновников войны, в первую очередь саксонцев и австрийцев. Бисмарк горячо возражал, подчеркивая, что речь идет не о судебном процессе, а о достижении поставленных целей.

О том, что произошло дальше, он с присущим ему драматизмом пишет в своих воспоминаниях: «Противодействие, которое, согласно моим убеждениям, я считал себя обязанным оказать взглядам его величества относительно использования военных успехов и его стремлению продолжать победное шествие, что его величество пришел в такое возбуждение, что дальнейший разговор между нами сделался немыслимым. Под впечатлением, что мой совет отвергнут, я вышел из комнаты с намерением просить короля разрешить мне в качестве офицера вступить в мой полк. Вернувшись в свою комнату, я был в таком настроении, что мне пришло на ум, не лучше ли броситься из открытого окна четвертого этажа. Я не обернулся, когда услышал, как отворили дверь, хотя и предполагал, что вошел кронпринц, мимо комнаты которого я прошел по коридору. Я почувствовал, что он положил мне руку на плечо и сказал: «Вы знаете, что я был против войны, вы считали ее необходимой и несете ответственность за это. Если вы теперь убеждены, что цель достигнута и что теперь следует заключить мир, я готов помочь вам и поддержать ваше мнение у отца». Затем он отправился к королю и вернулся полчаса спустя в том же спокойном и дружелюбном настроении, но со словами: «Это стоило мне большого труда, но все же отец согласился». Это согласие получило свое выражение в помете, примерно следующего содержания, начертанной карандашом на полях одной из последних поданных мною записок: «После того, как мой министр-президент покинул меня на виду у неприятеля, а я здесь не в состоянии заместить его, я обсудил этот вопрос с моим сыном, и так как последний присоединился к мнению министра-президента, то я вынужден, как это мне ни больно, после столь блестящих побед, одержанных армией, вкушать горьких плодов и принять столь постыдный мир». (...) Я с удовлетворением воспринял согласие короля на то, что признавал политически необходимым, не придавая особого значения не слишком обязательной форме, в которую это согласие было облечено»¹.

Возможно, «железный канцлер» в своих воспоминаниях несколько приукрашивал действительность, однако в том, что в эти дни ему

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 2. С. 44.

пришлось вести серьезную борьбу, сомневаться не приходится. Конечно, вел он ее не в одиночку — сначала его поддержал кронпринц, а потом и Мольтке. По мнению Эрнста Энгельберга, большинство военных на деле выступали за прекращение кампании, и это не Бисмарк, а Вильгельм находился в изоляции, однако этот вывод представляется не вполне корректным¹. В любом случае, Бисмарку вновь пришлось действовать вразрез с общей тенденцией, как это было уже не раз. Это свидетельствует о силе его воли и уверенности в собственной правоте, однако в то же время у главы прусского правительства усиливалась склонность не прислушиваться к чужому мнению и некритически относиться к собственным представлениям — то, что потом будут ставить ему в вину многие историки, рассматривая его деятельность в имперский период.

Однако на этот раз все завершилось благополучно. 26 июля в Никольсбурге был подписан австро-пруссский прелиминарный мир. 23 августа он был подтвержден в Праге. Германский союз ликвидировался, Австрия фактически устранялась от любого участия в германских делах. Кроме того, она выплачивала Пруссии контрибуцию и передавала Италии Венецию. Как это ни парадоксально на первый взгляд, поражение монархии Габсбургов открыло дорогу для нормализации австро-пруссских отношений. После того, как Вена согласилась уйти из Германии, обеим державам стало нечего делить. Правда, для того, чтобы это стало очевидным, потребовалось время. В Вене далеко не сразу отказались от идеи реванша, для которого у Австрии элементарно не было сил.

* * *

Пруссия фактически осталась гегемоном в Германии. Но эта гегемония была обставлена рядом условий. По настоянию Франции, рассматривавшей южногерманские монархии как своих клиентов, влияние Берлина ограничивалось линией Майна. Во многом поэтому государства, расположенные южнее этой реки, отделились сравнительно дешево — денежными контрибуциями. Кроме того, они заключили тайные оборонительные и наступательные союзы с Пруссией. Все это должно было, по мысли Бисмарка, теснее привязать их к Берлину и заложить основу для их позднейшего включения в состав единого государства.

Основной выигрыш Пруссия получила на севере Германии. «В политике нужно, имея много противников, сперва вывести из

игры сильнейшего, а затем уничтожить слабейших, что в обычной жизни выглядело бы весьма нерыцарственной подлостью. То, в чем мы нуждаемся, находится в северной Германии, и здесь мы будем расширяться» — писал Бисмарк 1 августа своему сыну Вильгельму¹. По настоянию главы правительства была произведена аннексия Шлезвиг-Гольштейна, Кургессена, Ганновера, Нассау и Франкфурта-на-Майне. Тем самым территория Пруссии не только значительно увеличилась, но и приобрела более выгодные очертания — разрыв между Рейнской областью и основной частью королевства наконец-то был уничтожен.

Нужно сказать, что и на этой мере Бисмарку пришлось долго и упорно настаивать как среди «своих», так и среди «чужих». Приращение прусской территории одновременно лишало корон нескольких германских монархов, что было грубым нарушением легитимистских принципов, столь дорогих сердцу прусского короля. Вильгельм предпочел бы отнять у своих противников часть территории, но не стирать их владения с географической карты целиком. Позиция Бисмарка была проста и понятна: отнимая у врага лишь часть, превращаешь его в долговременного противника, что крайне вредно для дальнейшего объединения страны; малые германские государства надо либо прощать, либо уничтожать полностью. Тем не менее, на его предложения Вильгельм согласился с крайней неохотой, тем более что окружение Аугусты и кронпринца категорически осуждало «пиратскую политику Отто Аннександровича»².

Достаточно негативно отнеслись к прусским аннексиям в Париже и Петербурге. В первую очередь при российском дворе были возмущены беспардонными действиями пруссаков в отношении монархов, некоторые из которых являлись родственниками царской семьи. С французами Бисмарк договорился заранее, туманно намекнув на возможность территориальных компенсаций. Что касается России, то в августе на берега Невы в качестве специального уполномоченного был направлен Мантойфель. Ему, известному своими ультраконсервативными взглядами, предстояло объяснить российскому императору причину столь грубых нарушений монархического принципа, а также намекнуть на то, что Пруссия, в свою очередь, не будет возражать против пересмотра Петербургом унизительных статей Парижского мира. Одновременно Бисмарк считал необходимым припугнуть Александра II революцией — «давление из-за рубежа заставит нас провозгласить германскую конституцию

¹ Engelberg E. Op. cit. S. 614.

¹ WIA. Bd. 3. S. 779.

² Schmidt R. Op. cit. S. 158.

образца 1849 года и принять действительно революционные меры. Если революции суждено быть, то лучше мы совершим ее сами»¹.

Эта фраза стала одним из самых знаменитых высказываний «железного канцлера» и часто используется для характеристики его политики в германском вопросе. Объединение Германии принято называть «революцией сверху» — этот термин появился практически сразу после победы над Австрией. Так, 28 июля 1866 Генрих фон Трейчке писал жене, что «революция, в состоянии которой мы сейчас находимся, пришла сверху»². Спустя пять лет объединение Германии назвал «немецкой революцией» Дизраэли. Впоследствии, уже в конце XX века, с легкой руки Лотара Галла за Бисмарком закрепилось прозвище «белый революционер» (восходящее, впрочем, еще к современнику «железного канцлера» Людвигу Бамбергеру). Это верно в том плане, что глава прусского правительства для реализации своих целей активно прибегал к методам из арсенала своих противников и совершал такие преобразования, которые, казалось, могли быть произведены только успешной революцией.

Однако его главные устремления кардинально расходились с устремлениями немецких революционеров. Бисмарк стремился объединить Германию не ради единства нации, а ради увеличения мощи и влияния Пруссии; он был готов сформировать в высшей степени демократичное по своей форме народное представительство не ради развития парламентаризма, а ради сохранения власти традиционной элиты и основ существовавшей политической системы. «Он понимал, что для сохранения своего внутреннего и внешнего устройства Пруссия должна выйти за его пределы, что ради сохранения своей сути она должна встать во главе преобразований»³. Ради достижения своих целей Бисмарк был готов использовать практически любые методы, цель для него неизменно оправдывала средства.

Из аннексированных территорий наибольшее сопротивление прусскому захвату оказал Ганновер. Слепой король Георг V бежал за рубеж и до конца жизни не отказывался от претензий на трон. Монарха поддерживало достаточно мощное партикуляристское движение, называвшее себя «вельфами» по имени свергнутой династии. Бисмарк, в свою очередь, конфисковал имущество ганноверского королевского дома и образовал из него секретный фонд, также получивший название «вельфского». Деньги этого фонда находились в личном распоряжении главы правительства и никак не контроли-

¹ WIA. Bd. 3. S. 797.

² Engelberg E. Op. cit. S. 619.

³ Gall L. Op. cit. S. 381.

ровались парламентом. «Вельфские» деньги Бисмарк активно тратил в том числе на подкуп журналистов, поэтому фонд вскоре получил прозвище «рептильного», а газеты, финансировавшиеся из его кассы — «рептильной прессы».

Сразу же после подписания прелиминарного мира главе прусского правительства пришлось скрестить шпаги на поле европейской дипломатии. Бенедетти вновь обратился к нему, заявив о желании Парижа получить компенсации за свое доброжелательное отношение к Пруссии в ходе войны. В частности, речь шла о Саарской области и Люксембурге. Поскольку последний принадлежал голландскому королю, Пруссия должна была передать последнему Остфризланд. Бисмарк в ответ заявил, что он и так уже заплатил по счетам, пойдя навстречу французскому императору в вопросе об условиях мира с Австрией. Уступка же прусской территории в ситуации выигранной войны невозможна.

Французская дипломатия решила повысить ставки — 5 августа в руки Бисмарку попал проект конвенции, составленной лично министром иностранных дел Друэн де Льюисом. В ней Франция претендовала не только на Саар и Люксембург, но и на другие территории по левому берегу Рейна. В случае, если Пруссия отклонит соглашение, Друэн грозил серьезными осложнениями в отношениях двух стран. Бисмарк отреагировал жестко — «Мы вооружены, вы нет»¹. Если Франция хочет войны, она ее получит — ради этого в Берлине готовы даже пойти на уступки Австрии и мобилизовать германское национальное движение. Это не было пустой угрозой — общественное мнение на юге Германии действительно склонялось к тому, чтобы в случае французской агрессии встать на сторону Пруссии. В итоге французскому императору пришлось дезавуировать своего министра иностранных дел и отправить его в отставку.

Однако Наполеон не собирался отказываться от идеи получить компенсацию. Теперь он намеревался прощупать, может ли Париж рассчитывать на помощь Пруссии в вопросе присоединения Бельгии. Бисмарк реагировал уклончиво, заявив, что Франция вряд ли может надеяться на большее, чем то, что предоставила в свое время сама — то есть на благожелательный нейтралитет. Впрочем, он попросил Бенедетти представить ему проект тайной конвенции, в которой Пруссия соглашалась бы на приобретение Францией Бельгии, а та в свою очередь не возражала бы против распространения прусского влияния на южную Германию. 19 августа 1866 года текст конвенции оказался в руках Бисмарка. Разумеется, глава

¹ WIA. Bd. 3. S. 784.

прусского правительства изначально не собирался ничего подписывать — текст нужен был ему в качестве компромата, который позволил бы в нужный момент продемонстрировать всей Европе агрессивную сущность французской внешней политики. Наполеон остался с пустыми руками и со своими иллюзиями, которые Бисмарк пока что старательно питал.

* * *

Победа над Австрией позволила Бисмарку, наконец, разрубить гордиев узел и во внутренней политике. Несмотря на то, что после войны с Данией острота противостояния правительства и парламента несколько уменьшилась, и законотворческая деятельность в Пруссии продолжалась, кризис в целом разрешен не был. Либеральное большинство по-прежнему отвергало проекты бюджетов и рассматривало действия правительства как противоречащие конституции. В начале 1865 года Бисмарк устами министра внутренних дел графа Ойленбурга предложил депутатам закончить конфликт на условиях статус-кво, вернувшись к нормальному функционированию государственного механизма без победителей и побежденных, однако либеральное большинство осталось глухо к этим призывам. К тому же на серьезные уступки глава правительства не мог пойти, не рискуя вызвать гнев монарха.

Предложенное сотрудничество в сфере внешней политики также не встретило понимания у депутатов. «Если бы мы могли заранее посвятить вас во все наши планы на будущее, вы бы одобрили их в гораздо большей степени, чем делали это до сих пор, — заявил Бисмарк 1 июня 1865 года, выступая в нижней палате ландтага. — У меня возникает тягостное впечатление, когда я вижу, что в большом национальном вопросе, который занимает общественное мнение уже двадцать лет, то самое собрание, которое считается в Европе средоточием прусского ума и патриотизма, не может подняться выше позиции импотентного отрицания»¹. В феврале 1866 года парламент вновь подчеркнул свою готовность продолжать борьбу, объявив недействительным решение правительства о продаже акций Кельн-Минденской железной дороги, средства от которой были использованы для подготовки кампании. Однако это, по меткому замечанию Эрнста Энгельберга, был уже «закатный блеск палаты депутатов»².

¹ Ibid. S. 537.

² Engelberg E. Op. cit. S. 562.

Выборы в нижнюю палату ландтага, состоявшиеся 3 июля 1866 года, значительно изменили расстановку сил в парламенте. По случайному стечению обстоятельств избиратели двинулись к урнам в тот же день, когда прусские полки двинулись на штурм австрийских позиций при Кениггреце. Это позволяет ряду историков говорить о том, что выборы прошли под знаком крупной победы на поле брани. Такая точка зрения не соответствует действительности хотя бы потому, что исход сражения стал известен в Пруссии только тогда, когда выборы уже состоялись.

Безусловно, успешное начало кампании и первые июньские бои оказали влияние на настроение избирателей. Однако можно предположить, что многие попросту устали от многолетнего противостояния правительства и парламента, и либеральное большинство, не делавшее никаких конструктивных шагов, стало постепенно утрачивать популярность. В новом составе палаты прогрессисты и их союзники потеряли около сотни мандатов, число консервативных депутатов, напротив, выросло с 35 до 136. Либералы сохранили большинство в палате, однако внутренне они были близки к расколу. Значительная часть прогрессистов, стоявшая на умеренных позициях, была готова поддержать политику Бисмарка в германском вопросе.

Пока же перед главой прусского правительства стоял вопрос о том, как именно закончить «конституционный конфликт». Бисмарк выбрал довольно изящное решение, напоминавшее то, которое было принято им в отношении побежденной Австрии. Либеральному большинству следовало дать возможность сохранить лицо и выйти из боя с минимальными потерями, несмотря на фактически понесенное им поражение. Только так можно было в дальнейшем сделать его своим союзником. В итоге появилось предложение об индемнитете — правительство признавало, что действовало в бюджетном вопросе в обход предусмотренной законом процедуры, и просило палату задним числом одобрить произведенные расходы, чтобы вернуться к предписанному конституцией порядку вещей.

Такая идея встретила резкое сопротивление как монарха, так и значительной части консерваторов, считавших необходимым настаивать на абсолютной правомочности и законности действий правительства и заставить либералов полностью сдать свои позиции. Большинство прусских министров также выступили в этом вопросе против главы кабинета. И даже его старый друг, Ганс фон Клейст-Ретцов, поддержавший и войну с Австрией, и августовские аннексии, был возмущен до глубины души — просить прощения у ландтага означало бы, по его мнению, опозориться перед всей Европой.

Однако Бисмарк был непреклонен: как и в случае с Австрией, он считал необходимым проявить умеренность, чтобы не ожесточать противника, а открыть путь к дальнейшему сотрудничеству с ним. В конце концов, немецкое национальное движение, представителями которого являлись прусские либералы, должно было стать важным союзником в дальнейшей политической борьбе.

5 августа открылась сессия вновь избранного ландтага. В своей тронной речи Вильгельм озвучил предложение Бисмарка. «Я надеюсь, — заявил король, — что недавние события помогут достичь необходимого согласия, и мое правительство получит индемнитет, касающийся периода, когда оно управляло без законно принятого бюджета. Тем самым конфликт будет закончен навсегда»¹.

1 сентября перед депутатами выступил Бисмарк, заявивший, что не собирается критиковать своих политических противников за их былые поступки и ожидает от них взаимности в этом вопросе. Необходимо подвести черту под конфликтом и посвятить себя делам будущего, а не прошлого. «Мы хотим мира, потому что, по нашему мнению, Отечество нуждается в нем сегодня больше, чем раньше; мы хотим и ищем его потому, что надеемся получить его в настоящий момент; мы искали бы его раньше, если бы могли раньше надеяться на его заключение; мы надеемся его найти, потому что Вы, должно быть, поняли, что королевское правительство решает задачи, близкие тем, к решению которых стремитесь вы в своем большинстве, во что вы ранее не верили. (...) Лишь вместе мы сможем решить их, поскольку с обеих сторон служим одной и той же Отчизне и одной и той же доброй воли, не сомневаясь в честности намерений друг друга! (...) Пока еще не решены все внешнеполитические задачи, блестящие успехи армии лишь повысили ставку, которая сейчас на кону, мы можем проиграть больше, чем раньше, игра еще не выиграна; чем теснее мы сплотимся внутри страны, тем легче будет выиграть ее»².

Пару лет назад такие слова вызвали бы у депутатов лишь саркастическую ухмылку и обвинения в демагогии. Однако теперь ситуация была принципиально иной. Многие либералы были готовы сотрудничать с Бисмарком в решении внешних и внутренних задач, оставаться в оппозиции представлялось им теперь контрпродуктивным доктринерством. 3 сентября депутаты ландтага абсолютным большинством голосов (230 против 75) приняли решение предоставить правительству освобождение от ответственности за наруше-

ние конституции. Это фактически означало победу правительства и послужило поводом к расколу как Прогрессивной (из ее состава выделилась группа так называемых национал-либералов, приобретавшая все большее влияние), так и Консервативной (от которой отделилась группа «свободных консерваторов», по всем позициям поддерживавших Бисмарка) партий. На этом «конституционный конфликт» был по сути исчерпан. Глава прусского правительства одержал убедительную победу.

Очередной раунд борьбы был завершен. Бисмарк мог гордиться достигнутым успехом. Он смог решить важную внешнеполитическую задачу, разрушив сковывавший Пруссию Германский союз и вытеснив Австрию за пределы Германии. Это был важный шаг на пути к тому, чтобы утвердить прусскую гегемонию в Германии и объединить ее вокруг Пруссии. Ему удалось справиться с внутриполитическим кризисом, на гребне которого он в свое время пришел к власти. Человек, который еще недавно мог считаться самым непопулярным политиком в стране, в одночасье стал национальным героем. В его честь называли корабли, улицы, новые сорта цветов и вин. Пресса прославляла его на все лады, историки начали работать над его биографиями. Недавние противники переходили в лагерь сторонников и начинали прославлять его. О Бисмарке заговорили как о великом государственном деятеле.

* * *

Заслуги главы правительства были отмечены и монархом. Еще 16 сентября 1865 года ему был пожалован графский титул. «Пруссия за четыре года, прошедших с тех пор, как я поставил Вас во главе правительства, — писал король, безбожно путая даты, — заняла положение, достойное ее истории и обеспечивающее ей счастливое и славное будущее»¹. На поле битвы при Кениггреце Бисмарк был произведен в генерал-майоры. А после окончания войны министру-президенту была пожалована дотация в размере 400 тысяч талеров. Примечательно, что эти деньги были выделены не королем, а ландтагом, то есть вчерашними противниками.

Впоследствии Бисмарк говорил, что некоторое время колебался, принимать ли такой подарок, однако в конечном счете искушение победило. На эти деньги глава правительства весной 1867 года приобрел поместье Варцин в Восточной Померании. Недостающие 22,5 тысячи талеров ему в качестве беспроцентного займа ссудил

¹ PR. Bd. 3. S. 48.

² WIA. Bd. 4. S. 5.

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 2. С. 18.

Бляйхредер. Площадь имения составляла 22 000 моргенов (около 6 тысяч гектар), половина которых была занята лесом. Это позволило Бисмарку вскоре основать на своих землях бумажную фабрику, ставшую одним из крупнейших промышленных предприятий региона.

Однако главным для него было не экономическое значение поместья. Глава правительства не случайно выбрал себе имение, находившееся в сельской глубинке, куда не доходила железнодорожная линия, а путь из прусской столицы занимал целый день. Для него Варцин был местом отдыха и уединения, той самой деревенской идиллией, которая была мила его сердцу с самого детства. Сюда он удалялся отдохнуть от политических битв и поправить свое здоровье, которое теперь уже постоянно оставляло желать лучшего. «Железный канцлер» заявлял, что, будь его воля, он вообще никогда не покидал бы Варцин.

Дом находился в запустении, и над его приведением в порядок пришлось немало поработать. Зато настоящим сокровищем был огромный парк. «Дом в довольно плачевном состоянии, — писала Иоганна о своих первых впечатлениях. — Старое чудовище с десятками тысячами уголков и каморок, с кривыми полами и потолками, где боишься сделать шаг и провалиться. Четыре комнаты наверху и четыре внизу в сносном состоянии, остальные ужасны. Зато парк чудесен, такой редко встретишь!»¹

В 1873 году к дому было пристроено новое крыло. «Железный канцлер» живо интересовался лесным хозяйством и не раз заявлял, что хотел бы стать лесником или солдатом². Он любил гулять в одиночестве среди деревьев и размышлять над важными проблемами вдали от ежедневной политической «текучки». Тем не менее, депеши из Берлина приходили каждый день и требовали принятия решений. Бисмарк, с одной стороны, сердился на неспособность своих подчиненных решать мелкие вопросы без его участия. С другой стороны, он сам не хотел выпускать из рук нити управления государством. Его пребывание в Варцине никогда не было отдыхом в полном смысле слова.

В дальнейшем Бисмарк докупил еще несколько окрестных владений, доведя общую площадь своего имения до 32 тысяч моргенов. Для этого ему пришлось продать Книпхоф своему племяннику Филиппу. Кейзерлингу, навестившему его вскоре после покупки Варцина, Бисмарк полушутя признался: каждый вечер у него появляется

страстное желание аннексировать соседние имения¹. Посетители, бывавшие в Варцине, отмечали, что внутреннее убранство усадьбы — как и весь образ жизни ее обитателей — выдержаны в старом, простом померанском стиле.

Кампания 1866 года стала серьезным испытанием для некогда могучего организма. Постоянное нервное напряжение, необходимость действовать на грани психологического срыва привели к тому, что еще в период подготовки войны глава правительства оказывался на целые дни прикован к постели. Каждая мелкая тактическая неудача, каждый спор с королем могли привести к резкому ухудшению его состояния. В дни войны здоровье Бисмарка также оставляло желать лучшего.

После подписания мира настала пора сделать перерыв. 20 сентября Бисмарк участвовал в победном параде в Берлине, следуя в одном ряду с Рооном и Мольтке позади короля. Сразу же после этого он отправился на балтийский курорт — остров Рюген. Там, среди меловых скал и морских волн, он надеялся отдохнуть от напряженной деятельности. «Лучшее для меня, — сказал он в это время Койделлу, — было бы взять отставку прямо сейчас. Я мог бы сделать это, сознавая, что принес стране пользу, и оставить после себя такое впечатление. Смогу ли я сделать что-либо еще из того, что предстоит сделать, я не знаю»².

Однако это были только слова, попытка хотя бы мысленно поиграть с возможностью отдохнуть от чудовищного груза забот и ответственности, которые давили на главу прусского правительства. Антракт не мог быть долгим. Бисмарку еще предстояло закрепить достигнутое и открыть новую главу в процессе объединения Германии.

Но пока главной задачей было поправить здоровье, состояние которого после напряжения предыдущих месяцев оставляло желать лучшего. Практически сразу же после прибытия у Бисмарка начался приступ сильной желудочной боли. Он был вынужден соблюдать постельный режим, отказаться от вина и курения — впрочем, ему и без того не хотелось ни первого, ни второго. «Он почти не спит ночами, выглядит жалко и чувствует себя очень плохо» — писала Иоганна 9 октября³.

Иоганна выступала в роли сиделки и секретаря одновременно. Прошедшие годы тоже дались ей нелегко; по свидетельству очевид-

¹ Keudell R.v. Op. cit. S. 373.

² Tiedemann C.v. Op. cit. S. 108.

¹ Engelberg W. Op. cit. S. 95.

² Richter W. Op. cit. S. 169.

³ Keudekk R.v. Op. cit. S. 316.

ца, она выглядела старше своих лет¹. Бисмарк в шутку называл ее единственным человеком (если не считать короля), которому повинуется глава правительства. С точки зрения современного человека очень забавной выглядит ее беспокойство по поводу того, что муж слишком мало курит и почти не пьет вина; однако для нее это были важные индикаторы здоровья супруга.

Князь Путтбус предоставил супружеской чете собственный летний домик, где было наспех организовано отопление. Некоторое время спустя Бисмарк уже мог предпринимать прогулки по парку. Однако лишь к концу октября его здоровье более или менее поправилось — он мог гулять по три часа и есть с прежним аппетитом.

С этого времени, однако, периодический — и довольно длительный — отдых стал для Бисмарка необходимостью. Со второй половины 1860-х годов мы имеем дело, по сути, с тяжело больным человеком. Лишь сильная воля и страсть к политике и власти позволяли ему удерживать в своих руках управление государством, проводить хитроумные комбинации, улаживать (или разжигать) политические кризисы. Однако его нервы находились в постоянном напряжении, а это непосредственно отражалось на состоянии всего организма. Нет никаких сомнений в том, что все болезни Бисмарка проистекали от постоянного стресса и нездорового образа жизни. Боли лицевых нервов, головные и желудочные боли стали непременными спутниками каждого конфликта, в котором принимал участие глава правительства. «Железный канцлер» был отнюдь не железным. Естественно, это далеко не в лучшую сторону сказывалось на его характере, а порой и на принимаемых им решениях.

¹ Hoffmann G. Op. cit. S. 225.

ГЛАВА 10

СЕВЕРОГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ

После победы над Австрией необходимо было в полной мере использовать ее итоги. В середине августа 1866 года, еще до заключения окончательного мирного договора с Австрией, государства, располагавшиеся к северу от Майна, подписали соглашение о создании конфедерации, окончательные черты которой следовало определить в течение года.

Тем самым была решена задача-минимум германской политики Бисмарка. Следующим этапом должно было стать объединение всей Германии, однако это грозило вызвать сопротивление других великих держав, в первую очередь Франции. 24 января 1867 года Бисмарк заявил кронпринцу, что создаваемый Северогерманский союз есть лишь переходная ступень на пути к немецкому единству.

Обычно формирование конфедерации считается не просто временным, а глубоко вынужденным решением, вызванным невозможностью объединить страну сразу. На самом деле, такая трактовка соответствует истине лишь отчасти. Создать союз из протестантских государств северной Германии, полностью зависимых от Пруссии, было гораздо легче, чем строить конфедерацию с участием католических южногерманских монархий, в которых отношение к державе Гогенцоллернов было традиционно скептическим. Северогерманский союз, который современники метко называли «союзом собаки и блох на ее спине» — пять шестых его населения были прусскими гражданами — позволял создать систему органов власти, в наибольшей степени отвечавшую интересам Берлина. А включить впоследствии южнонемецкие государства в рамки уже существующей интеграционной структуре было гораздо проще, чем изначально создавать что бы то ни было с их участием. Кроме того, Бисмарк вовсе не считал необходимым присоединять территории южнее Майна любой ценой — если они не согласятся на прусские условия, то в крайнем случае вполне можно обойтись и без них, считал министр-президент. Возникшая позднее легенда о Бисмарке как архитекторе, старательно и целенаправленно

возводившем здание германского единства, довольно далека от действительности.

Осенью 1866 года, находясь на Рюгене, глава прусского правительства написал два так называемых «Путбусских диктата», в которых изложил основы конституции новой конфедерации. Только набравшись сил за пару недель пребывания на свежем воздухе, Бисмарк счел необходимым вернуться к актуальным политическим делам. Подстегивало его и то обстоятельство, что король поручил одновременно разработку проекта конституции Карлу фон Савиньи, сыну выдающегося правоведа и опытному дипломату. В молодости Бисмарк и Савиньи дружили, однако с тех пор их пути разошлись все дальше, и в королевском поручении глава прусского правительства усмотрел интриги враждебной ему придворной группировки. Поэтому терять время было нельзя — министр-президент должен был создать свой, альтернативный набросок, чтобы оттеснить конкурента в сторону. Необходимо отметить, что в своем проекте глава правительства использовал наработки ряда единомышленников, таких, как Герман Вагенер и Лотар Бухер.

Перед Бисмарком стояли две основные задачи: с одной стороны, закрепить доминирование Пруссии в союзе, с другой — создать парламент, деятельность которого не будет представлять опасности для традиционных центров власти. Согласно проекту Бисмарка, президентом Северогерманского союза должен был стать прусский король, являвшийся одновременно главнокомандующим вооруженными силами. Кабинета министров как такового не существовало, зато создавался бундесрат (союзный совет), включавший в себя представителей всех 22 государств — членов союза. Всего в него входили 43 человека, в том числе 17 представителей Пруссии.

Бундесрат должен был стать во многом уникальным органом, наделенным полномочиями в сфере как исполнительной, так и законодательной власти. Он играл роль верхней палаты парламента, участвуя в законотворческом процессе, и одновременно «охватывающей 43 места министерской скамьи, противостоящей рейхстагу»¹. Члены бундесрата должны были действовать согласно инструкциям своих правительств. Тем самым подчеркивалось, что Северогерманский союз — конфедерация, возникшая не по воле ее жителей, а решением 22 суверенов. Такая форма была избрана не в последнюю очередь для того, чтобы не отпугнуть монархии южной Германии — будущий союз должен был стать, как подчеркивал Бисмарк, по существу федеративным государством, однако

по форме — федерацией государств. Кроме того, бундесрат должен был в максимальной степени напоминать бундестаг Германского союза — как писал Бисмарк, «чем больше опираешься на старые формы, тем легче будет сделать все дело, в то время как устремление родить совершенную Минерву из головы президиума заставит все дело утонуть в песке профессорских споров»¹. Глава правительства стремился избежать или, по крайней мере, ограничить таким способом масштабные дебаты по проекту конституции. Помимо всего прочего, столь аморфный заменитель кабинета министров, каким являлся бундесрат, было совершенно невозможно каким-либо образом контролировать со стороны народного представительства.

Третьим центром власти являлся рейхстаг — тот самый давно обещанный Бисмарком парламент, избираемый на основе всеобщих и прямых выборов и участвующий в законодательной деятельности, а также обладающий бюджетным правом. Рейхстаг должен был в определенной степени противостоять бундесрату, поскольку был воплощением единства нации против суверенитета отдельных правительств. Помимо всего прочего, на него глава правительства мог опереться при необходимости противопоставить «мнение нации» мнению монарха и придворной клики. «Большим государством необходимо управлять не с позиций какой-то одной партии. Необходимо иметь в виду всю совокупность партий, имеющихся в стране, и выявлять общую линию, которой и будет следовать правительство» — заявлял министр-президент в начале 1867 года в прусской палате господ, отвечая на запрос консерваторов².

Внутренняя противоречивость этой системы была заложена в нее сознательно, как система противовесов, позволявшая Бисмарку на посту главы прусского правительства эффективно проводить свою линию и по отношению к народному представительству, и по отношению к «местническим» устремлениям правительств малых германских государств. Соответствующим образом были распределены и полномочия между «центром» и отдельными субъектами конфедерации — в ведение союзных органов попали вопросы, связанные с армией, внешней политикой и внешней торговлей.

В декабре Бисмарк вернулся в Берлин. Состояние его здоровья было еще далеко от идеального, и Койделл посоветовал ему на всю зиму отправиться на французскую Ривьеру. Однако глава правительства ответил: «В Померании женщины, которым предстоит разрешиться от бремени, говорят — я должна встретить свою опасность.

¹ WIA. Bd. 4. S. 9.

¹ Ibid. S. 7.

² Ibid. S. 89.

Это как раз мой случай»¹. Это было не слишком большим преувеличением, учитывая, в какой мере новая конфедерация была детищем прусского министра-президента.

Проект конституции, которая являлась во многом личным творением Бисмарка, был представлен правительствам северогерманских государств в середине декабря. Затем он попал на рассмотрение Учредительному рейхстагу, избранному 12 февраля и открывшему свои заседания 24 февраля 1867 года. Итоги выборов были благоприятны для Бисмарка. Из 297 мест 106 получили консерваторы, в том числе 39 — представители Свободно-консервативного объединения, во всем поддерживавшие главу правительства. Либералам досталось более 150 мандатов, однако 80 из них выпали на долю национал-либералов — партии, отколовшейся от прогрессистов и выступавшей за широко-масштабное сотрудничество с Бисмарком. Сами прогрессисты смогли получить лишь 19 мест, что стало для них тяжелым поражением.

Учредительный рейхстаг внес в проект конституции ряд поправок. Во-первых, в депутаты парламента разрешалось баллотироваться государственным служащим — в проекте Бисмарка, всегда с недоверием относившегося к бюрократическому аппарату, существовал запрет чиновникам на парламентскую деятельность. Тем не менее, если депутат поступал на государственную службу, он должен был отказываться от мандата и повторно выставлять свою кандидатуру. Кроме того, парламентарии вынуждены были согласиться с тем, что за их деятельность в рейхстаге им не будет положено никакого вознаграждения — таким образом Бисмарк пытался предотвратить появление профессиональных политиков. «Никакого вознаграждения депутатам, никаких выборщиков, никакого ценза»² — эти сформулированные главой правительства принципы были приняты рейхстагом.

Во-вторых, были расширены права народного представительства — в частности, рейхстаг утверждал бюджет ежегодно, а не раз в три года, как предполагалось изначально. Военный бюджет, который изначально планировалось закрепить на неограниченный срок (численность армии — один процент населения, военные расходы — 225 талеров в год на солдата), был утвержден лишь на время до конца 1871 года.

В-третьих, расширялись права центральной власти — в ее сферу ответственности включались вопросы гражданского и уголовного права. Четвертое и, пожалуй, самое важное изменение касалось

должности союзного канцлера. В исходном проекте это был чиновник, не имевший самостоятельного значения и являвшийся простым исполнителем воли рейхстага и бундесрата. Поправка, внесенная лидером национал-либералов Рудольфом фон Беннигсеном, предусматривала превращение канцлера в ответственного министра, наделенного широкими полномочиями. Правда, ответственность понималась только в смысле обязательства давать ответ на запросы парламентариев; канцлер назначался главой конфедерации, и никакого влияния на этот процесс рейхстаг оказать не мог.

Для Бисмарка это означало необходимость пересмотреть свои планы. Изначально он собирался выдвинуть на канцлерский пост Савиньи, а самому остаться на должности прусского министра-президента и министра иностранных дел, управляя империей через бундесрат. Однако в данной ситуации он решил взять на себя дополнительно еще и этот пост. 14 июля он вступил в должность союзного канцлера. Соединение нескольких должностей в одних руках представлялось на тот момент вполне оправданным, однако привело к тому, что все нити государственной политики стекались к Бисмарку.

Все эти поправки, однако, не носили определяющего характера. В общем и целом предложенный Бисмарком проект был принят, что стало его очередной весьма серьезной победой. Конституция Северогерманского союза обеспечивала сохранение власти старой, традиционной прусской элиты, в то же время давая выход новым политическим и общественным силам, для которых была слишком тесна прежняя оболочка. Кто же в большей степени выиграл в результате «революции сверху»? Этот вопрос является спорным по сегодняшний день.

Многие исследователи считают, что Бисмарк смог удачно консервировать старые порядки в новой форме, остановив демократическое развитие Германии на долгие десятилетия, что впоследствии самым плачевным образом сказалось на ее судьбе в XX веке. Эта точка зрения содержит в себе значительную долю истины, однако нужно учесть, что даже такой крупный государственный деятель, как Бисмарк, не мог противостоять тенденциям своего времени. В противном случае созданная им конструкция не просуществовала бы несколько десятилетий. Как пишет Лотар Галл, Северогерманский союз «был политическим воплощением в высшей степени реалистического взгляда на ход экономического, социального и политического развития, то есть в большей степени реализацией того, что требовало время, чем индивидуальной манипулятивной конструкцией»¹.

¹ Richter W. Op. cit. S. 170.

² WIA. Bd. 4. S. 8.

¹ Gall L. Op. cit. S. 445.

Бисмарк отлично понимал это. Будучи в душе приверженцем «старых порядков», он в то же время сознавал, что их время прошло. Его уступки современным тенденциям происходили из понимания силы и влияния этих тенденций и носили глубоко вынужденный характер. «Стать молотом, чтобы не стать наковальней» — этот провозглашенный много лет назад принцип идеально подходит к описанию деятельности главы прусского правительства по формированию структур нового государственного образования, основанных на компромиссе между старым и новым.

* * *

16 апреля 1867 года Учредительный рейхстаг принял конституцию Северогерманского союза 230 голосами против 53. Документ вступил в силу 1 июля, и уже в августе прошли выборы в северогерманский рейхстаг первого созыва. Расстановка сил в нем существенно не изменилась, крупнейшей фракцией остались национал-либералы, что вполне соответствовало пожеланиям Бисмарка. Рейхстаг немедленно приступил к активной законотворческой деятельности. В течение короткого срока была принята масса законодательных актов, способствовавших внутренней интеграции Северогерманского союза. Речь шла о едином уголовном и коммерческом законодательстве, единстве мер и весов, свободе передвижения и предпринимательской деятельности, свободе формирования общественных организаций и других мероприятиях, которые, по словам Эберхарда Кольба, привели к тому, что «Северогерманский союз в кратчайшие сроки получил самое современное экономическое и социальное законодательство в тогдашней Европе»¹.

Бисмарк принимал в этом активное участие, однако главным действующим лицом был один из его ближайших сподвижников Рудольф Дельбрюк. Чиновник с либеральными убеждениями, он, тем не менее, пользовался доверием Бисмарка. В августе 1867 года Дельбрюк был назначен руководителем ведомства союзного канцлера — личного аппарата главы правительства. Впоследствии его деятельность по внутригерманской экономической интеграции сравнивали с соответствующей работой в рамках Европейского экономического сообщества второй половины XX века. Во многом благодаря Дельбрюку Бисмарк достаточно рано осознал, что достижение его политических целей как во внутренней, так и во внешней политике прекрасно согласуется с либеральным экономическим курсом, основанным в первую очередь

на принципе свободной торговли. Уступки в экономической сфере, где государство отказалось от многих регулирующих функций, позволили среди прочего сделать либералов гораздо более сговорчивыми в вопросах политической власти.

Сотрудничество свежеепеченного канцлера с умеренным либерализмом продолжалось целое десятилетие, причем обе стороны преследовали свои цели. Национал-либералы, поддерживая политику Бисмарка, рассчитывали принять участие в осуществлении своей главной задачи — создании единого германского государства — и оказать существенное влияние на политику этого государства. Их поддержка была весьма далеко идущей, но не безоговорочной. В противоположность прогрессистам, считавшим необходимым в любых обстоятельствах отстаивать либеральные идеи и принципы, национал-либералы были склонны к проведению «реальной политики», включавшей в себя готовность идти на компромиссы в том случае, если это было необходимо для сохранения сотрудничества в целом. Эта линия, однако, грозила поставить их в зависимость от канцлера, что в итоге и произошло.

Бисмарк, в свою очередь, нуждался в поддержке умеренных либералов, представлявших по сути лояльное ему национальное движение. Последнее являлось его главным союзником на пути объединения страны, в борьбе с сепаратизмом отдельных государств, в первую очередь южногерманских монархий. «Наша политика должна повернуться лицом к будущему, искать национального единства, устранив само воспоминание о былой вражде племен. Пруссия должна принести всей Германии то, что уже сделала сама», — писал Бисмарк кронпринцу в феврале 1867 года¹. Сложность задачи заключалась в том, чтобы, используя национальное движение и либеральных политиков в своих целях, не стать их заложником. Поэтому канцлер умело использовал противовесы влиянию парламента, а все его уступки носили четко ограниченный характер и не затрагивали основ существовавшей системы.

Историки по сегодняшний день спорят о том, ставил ли Бисмарк своей задачей окончательное объединение Германии и если да, то в какие сроки и каким путем. На первый вопрос можно, безусловно, ответить утвердительно. Со вторым все гораздо сложнее. Свежеепеченный канцлер не стремился сковывать себя конкретными сроками и не считал нужным завершать объединение любой ценой. Он допускал, что этот процесс может растянуться на неопределенный срок — и, возможно, завершится уже после его смерти.

¹ Kolb E. Op. cit. S. 80.

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 174.

Для того чтобы завершить объединение Германии, необходимо было решить две задачи. Во-первых, нужно было добиться согласия южногерманских монархий на вступление в федерацию, в которой доминирующую роль играла бы Пруссия. Здесь главным союзником Бисмарка было немецкое национальное движение. Правительства же этих монархий, а также значительная часть общественности, относились к планам объединения страны весьма скептически. В своей речи в рейхстаге 11 марта 1867 года Бисмарк обрисовал свое видение пути интеграции государств южнее Майна с Северогерманским союзом — в первую очередь через экономическое сотрудничество, Таможенный союз. Выступление свое глава прусского правительства завершил одной из самых знаменитых своих фраз: «Посадим Германию, так сказать, в седло. И тогда она поскачет сама!»¹

Во-вторых, следовало добиться согласия великих держав Европы на появление в центре континента нового могучего игрока. Это было довольно проблематично, поскольку кровной заинтересованности в таком развитии событий не имел никто. В Британии, правда, смотрели на происходящее довольно отстраненно, занимаясь своими внутренними и колониальными проблемами. Российская правящая элита весьма настороженно относилась к усилению Пруссии, однако отношения с Петербургом в целом были достаточно благоприятные, к тому же Бисмарку было что предложить в обмен на благожелательное отношение со стороны восточной соседки. В Вене многие мечтали о реванше за поражение 1866 года, однако там хватало и своих дел — в 1867 году Франц-Иосиф был вынужден пойти на реформу, предоставив восточной части своей империи широкую автономию. Австрия превратилась в дуалистическую Австро-Венгрию, что не сняло тяжелым бременем висевших на ней финансовых проблем, которые надежнее любых политических соображений заставляли отказаться от военных авантур. Главное сопротивление объединению Германии следовало ожидать со стороны Франции.

Во второй половине 1860-х годов во Франции нарастал внутренний кризис. Наполеон III все в большей степени попадал под огонь критики со стороны либеральной оппозиции, которая всерьез угрожала его позициям в государстве. Несмотря на то, что опору эта оппозиция имела в основном среди парижской интеллигенции и среднего класса, а основная масса населения была лояльна императору, не считаться с ней было невозможно. Провал мексиканской авантюры — попытки создать в далекой американской стране зависимую от Парижа монар-

хию — еще больше усилили давление на правительство. Серьезную обеспокоенность французской общественности вызывало усиление Пруссии, которое воспринималось как угроза номер один. Не случайно во Франции в те годы получил популярность лозунг «Месть за Садову!» — как будто в 1866 году была разбита не австрийская, а французская армия. В этой ситуации Наполеон III, даже питая он самые нежные чувства к делу германского единства, не смог был равнодушно смотреть на реализацию планов Бисмарка. Императору нужен был громкий успех — и чем скорее, тем лучше.

Бисмарк, в свою очередь, прекрасно понимал особенности сложившейся ситуации. Среди историков до сих пор идет ожесточенный спор о том, вел ли он изначально дело к вооруженному столкновению с Парижем или оно являлось для него скорее нежелательным вариантом. Сам «железный канцлер» в своих воспоминаниях высказывался по этому поводу однозначно — якобы он еще в 1866 году видел, что за австрийской войной неизбежно последует французская. Однако насколько ему можно доверять в данном вопросе? Высказывания главы правительства конца 1860-х годов тоже не дают однозначного ключа к разгадке его планов. Кристоф Нонн, к примеру, полагает, что «Бисмарк не вел дело целенаправленно к войне с Францией»¹.

В любом случае, мы можем уверенно констатировать несколько фактов. Во-первых, Бисмарк четко осознавал, что французский император резко воспротивится включению южногерманских монархий в Северогерманский союз. По крайней мере, если не предоставить ему весьма масштабных компенсаций — а взять их было особенно неоткуда, да сама целесообразность подобного «обмена» была под большим вопросом. Во-вторых, «железный канцлер» прекрасно понимал, что война против Франции, если она разразится, должна носить характер действительно национальный, а для этого желательно, чтобы Бонапарт напал первым, и ни у кого в мире не возникло сомнений в том, что Пруссия выступает в роли жертвы наполеоновской агрессии. В-третьих, как и всегда, Бисмарк имел под рукой несколько вариантов действий и проводил свою политику не прямолинейно, а гибко.

* * *

Первое столкновение с Францией не заставило себя долго ждать. Оно было связано с небольшим великим герцогством Люксембург, расположенным на стыке границ Франции, Бельгии и Северогер-

¹ WIA. Bd. 4. S. 126.

¹ Nonn C. Op. cit. S. 176.

манского союза. Люксембург принадлежал королю Голландии, но являлся членом Германского союза и Таможенного союза, образованного под эгидой Пруссии. В столице герцогства, считавшейся союзной крепостью, стоял прусский гарнизон. Наполеон III, жаждавший территориальных приобретений, уже давно устремил свои взоры на Люксембург. Приобрести его он собирался вполне законным путем, купив у голландского монарха. С кончиной Германского Союза для этой сделки, казалось, исчезли последние препятствия, тем более что во время переговоров с Бенедетти в августе 1866 года Бисмарк отнесся к ней с явной благосклонностью.

К началу 1867 года франко-голландские переговоры уже почти пришли к завершению, оставалось лишь выяснить мнение Пруссии, без согласия которой голландский монарх не хотел предпринимать никаких шагов. Позиция Бисмарка по этому вопросу была достаточно сложной. С одной стороны, глава прусского правительства в течение предшествующих месяцев на неоднократных переговорах с французами поддерживал надежды последних на приобретение Люксембурга — по крайней мере, не давал им решительного отпора. По-видимому, сам он не видел в таком незначительном расширении французской территории большой проблемы. С другой стороны, он прекрасно понимал, что уступка «наследственному врагу» даже «клочка немецкой земли» может вызвать взрыв возмущения у национально настроенной северогерманской общественности.

Поэтому Бисмарк предпринял ряд решительных шагов для того, чтобы оставить Париж ни с чем, выступить в роли защитника немецких земель, однако в то же время не доводить дело до войны. Во второй половине марта 1867 года были опубликованы тайные оборонительные и наступательные союзы с южногерманскими государствами (что неизбежно задевало интересы Франции), а 1 апреля в Учредительном рейхстаге прозвучал запрос лидера национал-либералов Беннигсена, касавшийся люксембургского вопроса: правда ли, что исконно германская земля достанется галлам? Комизм ситуации заключался в том, что запрос был инициирован самим Бисмарком.

Сохраняя полное спокойствие, глава правительства дал развернутый и весьма туманный ответ, из которого следовало, что Пруссия своего согласия на передачу Люксембурга не давала и, более того, считает подобную сделку противоречащей немецкому национальному чувству. «Союзные правительства верят в то, что ни одна чужая держава не нарушит права немецких государств и немецкого населения; они надеются быть в силах защищать и оберегать эти права»¹.

¹ WIA. Bd. 4. S. 146.

Голландский король немедленно отказался от продажи Люксембурга, исключительно выгодная для Франции сделка была сорвана.

Над Европой нависла угроза новой войны. Бисмарк заявлял о том, что вывести войска из Люксембурга и, тем более, видеть его в руках Франции — значит запятнать прусскую честь. Немецкая и французская пресса немедленно подняли шум, говоря об унижении и угрозе национальным интересам. Прусские военные во главе с Мольтке решительно выступали за войну. «После войны, которая у нас позади, нельзя желать второй кампании, и никто не желает ее менее, чем я, — заявил шеф генерального штаба в одной из бесед в кулуарах рейхстага. — И все же я должен надеяться, что нынешний повод будет использован для войны с Францией (...) Чем раньше мы выступим, тем лучше. Нынешний повод хорош. У него национальная основа, которую надо использовать»¹.

Сам Бисмарк высказывался гораздо более осторожно. В беседе с влиятельным консервативным депутатом Бетузи-Хуком он заявил, что верит в войну с Францией в течение ближайших пяти лет, но далек от того, чтобы развязывать ее без крайней на то необходимости. «Только за честь страны — не надо путать ее с так называемым престижем — и за ее самые жизненные интересы можно начать войну. Ни один государственный муж не имеет прав начать ее лишь потому, что он субъективно считает ее неизбежной в рамках определенного срока. Если бы во все времена министры иностранных дел следовали за своими королями и верховными главнокомандующими в ходе кампаний, история знала бы меньше войн. Я видел на поле боя и, что еще хуже, в лазаретах цвет нашей молодежи раненым и больным, я до сих пор вижу из своего окна идущих по Вильгельмштрассе инвалидов, которые смотрят вверх и думают, если бы не тот человек наверху, который устроил злую войну, я бы был сейчас здоров. Эти воспоминания не оставят мне ни одного спокойного часа, если я смогу обвинить себя в том, что начал войну легкомысленно или из честолюбия (...). Я никогда не посоветую Его Величеству начать войну, которая не продиктована глубочайшими интересами Отчизны»².

Многие потом стремились увидеть в этой умеренности Бисмарка свидетельство его миролюбия, едва ли не пацифизма. Однако можно предположить, что дело обстояло иначе: люксембургский вопрос не был оптимальным поводом для войны, поскольку французская вооруженная агрессия как таковая отсутствовала. Да и структуры Се-

¹ Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen. Briefe. Schriften. Reden. Ebenhausen, 1923. S. 246.

² WIA. Bd. 4. S. 143.

верогерманского союза, которые надлежало выстроить до присоединения южнонемецких государств, были еще далеки от завершения.

Зачем же, в таком случае, Бисмарку потребовалось подбрасывать дрова в костер кризиса? На этот вопрос может быть несколько вариантов ответа. Возможно, глава прусского правительства стремился прозондировать почву на международной арене. Что не менее вероятно, кризис должен был способствовать скорейшему и как можно более гладкому принятию конституции, которая как раз в это время обсуждалась в Северогерманском рейхстаге. Вообще говоря, внутренняя политика являлась причиной многих дипломатических маневров Бисмарка в гораздо большей степени, чем это обычно принято считать.

29 апреля состоялся коронный совет, на котором обсуждалось создавшееся положение. Мольтке настаивал на быстрой мобилизации армии, заявляя, что Франция сейчас слабее, чем когда-либо, и победа может быть куплена недорогой ценой. Однако Бисмарк считал, что момент для схватки еще не настал. Зондаж, предпринятый по дипломатическим каналам, убедил его: ни одно государство, включая южногерманские монархии, не отнесется благосклонно к развязыванию Пруссией новой войны. В начале мая конференция представителей великих держав в Лондоне в течение нескольких дней урегулировала спорный вопрос. Прусские войска выводились из герцогства, взамен его нейтралитет гарантировался всеми участниками мероприятия.

Берлин и Париж постарались как можно быстрее замять спор. Уже через месяц после окончания работы Лондонской конференции Наполеон III весьма гостеприимно принимал на Всемирной выставке в Париже представительную прусскую делегацию. В ее состав входили три «первых лица» государства, которых Фридрих Энгельс позже назовет «прусским Триглавом»: Вильгельм I, Бисмарк и Мольтке. Император французов стремился продемонстрировать своим гостям, что центром мира по-прежнему остается Париж. На тот момент Наполеон уже осознал, что рассчитывать на содействие Пруссии в деле территориального расширения его державы не приходится. Мечты о сотрудничестве ушли в прошлое, на смену им постепенно приходил конфронтационный курс.

Летом 1867 года император предпринял первые шаги по заключению союзного договора с Австрией, направленного против Пруссии. К нему планировалось подключить и Италию. Однако венская дипломатия колебалась, хотя главой правительства на тот момент являлся никто иной, как бывший саксонский министр-президент Бойст, являвшийся ярым врагом Пруссии. Бисмарк в свое время

говорил о нем, что опасность, которую представляет политический противник, следует вычислять, вычитая из его способностей его тщеславие; в случае с Бойстом этот результат был бы близок к нулю. Тем не менее, возможность австро-французского альянса вызывала у «железного канцлера» серьезное беспокойство. В конечном счете, только в мае 1869 года Наполеону III удалось подписать с Австро-Венгрией и Италией трехсторонний договор, который, однако, по сути своей являлся скорее протоколом о намерениях и не имел обязывающей силы. В любом случае, австрийцы обещали поддержку только в том случае, если на стороне Берлина выступит Петербург.

Глава прусского правительства, в свою очередь, понимал, что Франция потерпела достаточно серьезное дипломатическое поражение, с которым вряд ли смирится. С этого момента стремление Парижа к реваншу стало для него аксиомой, и он был готов дать ему достойный отпор. «Люксембург был крайним пределом нашего миролюбия, и если мир тем самым не был обеспечен, то его не удастся сохранить» — заметил Бисмарк летом 1867 года¹. Сам он прекрасно знал, что кризис ни в коем случае не повысил шансы на мир в центре Европы.

* * *

Для Бисмарка вторая половина 1860-х годов была не только временем успехов. Ему приходилось много и напряженно работать, часто конфликтуя с различными силами в прусской политической элите. Ни один из весомых шагов не был сделан без того, чтобы не преодолевать серьезного сопротивления со стороны короля, придворной оппозиции или иных политических противников. Эта напряженная деятельность и постоянная борьба подтачивали и без того серьезно подорванное здоровье Бисмарка. «Железный канцлер» отличался отнюдь не железным организмом, самым слабым звеном в котором была, пожалуй, его нервная система. Баронесса Шпитцemberг отмечала в апреле 1867 года в своем дневнике: «Бисмарк болен настолько, что вряд ли выдержит больше»². Сам он жаловался на многочисленные физические недуги, вызванные нервным истощением.

При этом Бисмарк уделял собственному здоровью явно недостаточное внимание, принимая меры к его поправке только тогда, когда болезнь в буквальном смысле слова валила его с ног. Огромный груз государственных забот, лежавший на главе правительства, впрочем, оставлял не так много возможностей для планомерно лечения. Одна-

¹ Keudell R.v. Op. cit. S. 370.

² Spitzemberg H.v. Op. cit. S. 76.

ко даже такими элементарными вещами, как диета или соблюдение режима дня, канцлер пренебрегал. Он ни в коей мере не ограничивал себя в приеме пищи, а его рабочий день начинался поздно и заканчивался порой далеко за полночь. Именно постоянными физическими страданиями во многом объясняется тот тяжелый характер Бисмарка, о котором вспоминали позднее многие его сотрудники.

«Моя твердость носит приобретенный характер. Я состою целиком из нервов, причем до такой степени, что самоконтроль был единственной задачей моей жизни» — высказывался канцлер в беседе с английским художником Ричардсоном¹. Однако подобную откровенность он позволял себе довольно редко. На публике Бисмарк старательно играл роль «железного канцлера», отпустив бороду и неизменно появляясь в униформе 7-го кирасирского полка, шефом которого стал в 1866 году. Впрочем, знаменитую кирасирскую униформу он носил еще и потому, что считал ее более удобной, чем гражданский костюм, а также лучше защищающей грудь и горло от переохлаждения.

Стремление демонстрировать спокойствие и уверенность не исключало взрывов эмоций, особенно в тех случаях, когда они были выгодны самому главе правительства. Однако в какой степени он действительно мог контролировать свою эмоциональную составляющую, укрощать свои нервы? Что в его поведении было настоящим, а что — наигранным? Такими вопросами задавались уже его современники. Сегодня найти ответ на них ничуть не легче, чем в те времена. Сам Бисмарк в шутку заявлял, что время от времени «выпустить пар» бывает очень полезно для работы государственного аппарата — все сразу начинают бегать и суетиться².

Все больше времени канцлер старался проводить в Варцине, который стал его любимым владением. «Здесь много очень толстых буков, а также балки и пни, пустоши, заповедные чащи, ручьи, болота, пастбища, дроки, косули, глухари, непроходимые буковые и дубовые заросли, и прочие вещи, доставляющие мне радость, когда я слушаю трио голубя, цапли и луны, или выслушиваю жалобы арендаторов на бесчинства кабанов» — писал он с восторгом жене³. Бисмарк питал особую страсть к лесам и даже отдельным деревьям. Он предпринимал бесчисленные пешие и конные прогулки по своим владениям, охотился и наслаждался природой. Побывавший у него в гостях летом 1867 года Кейзерлинг писал своей дочери: «Он уехал сюда, чтобы наслаждаться ничем не потревоженным отдыхом.

¹ Richter W. Op. cit. S. 187.

² Keudell R.v. Op. cit. S. 364.

³ WIA. Bd. 4. S. 179.

Но из этого получилось не особенно многое. В его голове все время роятся серьезные мысли, вечные озарения. Бумаги приходят в большом количестве, и сам он говорит, что в последние пять лет не было ни одного свободного от дел дня»¹.

Когда Кейзерлинг посетил Бисмарка на следующий год, то услышал от него, что политика ему совершенно наскучила, и теперь он лишился всякого честолюбия. В это же время глава правительства жаловался Койделлу, что с трудом переносит общение со своим старым другом молодости и с нетерпением ждет отъезда Кейзерлинга, настолько напряжены его нервы².

На самом деле, Варцин стал для Бисмарка местом спасения не столько от работы в целом, сколько от изнуряющей «текучки». В 1869 году он провел в своем поместье большую часть года. Здесь он мог спокойно продумывать свою политику, разрабатывать проекты ключевых решений, анализировать информацию. Связь между Варцином и столицей не прерывалась ни на один день — сюда приходила корреспонденция, приезжали многочисленные посетители. В то же время Бисмарк не терпел в Варцине посторонних; попытка организовать рабочее место чиновника, который мог бы исполнять поручения главы правительства, с треском провалилась. Рядом с главой правительства в его поместье могли находиться только те его сподвижники, с которыми его связывали дружеские отношения. Они, в отличие от остальных, не действовали «железному канцлеру» на нервы.

На этот же период пришелся первый выход в свет Марии. Дочь канцлера быстро освоилась в светских кругах Берлина, часто бывала на балах и приемах. В резиденции главы правительства тоже часто проходят мероприятия различного уровня. К примеру, начиная с 1869 года Бисмарк регулярно организовывал приемы для депутатов рейхстага. Тем не менее, его резиденция не стала центром светской жизни прусской столицы. Все, что здесь происходило, было подчинено в первую очередь политическим задачам.

Финансовое положение «железного канцлера» было весьма прочным. В середине 1867 года на его счету у Бляйхредера лежало 194 тысячи талеров. Банкир отговаривал своего могущественного клиента от вложений в поместья, обоснованно доказывая, что рынок ценных бумаг принесет более высокие дивиденды. Однако Бисмарк руководствовался не только экономической логикой. Обладание имениями имело для него самостоятельную ценность. Размер имевшегося у него портфеля ценных бумаг сильно колебался, глава правительства

¹ Engelberg E. Op. cit. S. 702.

² Keudell R.v. Op. cit. S. 395.

постоянно покупал и продавал акции и облигации. Нередко он брал со своего текущего счета больше денег, чем там имелось. Однако Бляйхредер беспрекословно предоставлял ему эти временные займы, не требуя никаких процентов. Он уже давно понял, что имеет дело с самым выгодным из своих клиентов.

* * *

Тем временем в Германии интеграционный процесс продвигался вперед на малой скорости. Сам Бисмарк во многих документах того времени подчеркивал необходимость умеренности в вопросе интеграции южногерманских государств. «Мы будем двигаться по пути сближения так далеко, как того пожелает сама Бавария; если эти пожелания будут скромнее, чем те требования, которые мы ставим своим партнерам в северной Германии, взаимопонимание не окажется под угрозой» — писал, в частности, глава правительства¹. Такая позиция диктовалась еще и желанием, образно говоря, не спугнуть правящие элиты в Мюнхене и Штутгарте. «Не оказывать давление на Южную Германию» — так объяснял он прусскому посланнику в Бадене². Кроме того, Бисмарк вовсе не хотел объединения под напором германского национального движения, которое старался держать в определенных рамках. Это было источником трений с либералами, которые, однако, пока не носили серьезного характера.

В июне 1867 года были завершены переговоры по вопросу обновления Таможенного союза. Теперь эта интеграционная структура должна была стать еще более развитой, получив центральные органы власти в виде Таможенного совета и Таможенного парламента. Последний состоял из депутатов Северогерманского рейхстага и специально избранных представителей южнонемецких государств. Существование этих структур должно было, по мысли Бисмарка, ускорить процесс сближения обоих берегов реки Майн. Сначала экономика, потом все остальное — эта мысль, положенная в середине XX века в основу европейской интеграции, целиком разделялась союзным канцлером. «Мы убеждены, что развитие, однажды пойдя этим путем, будет само черпать в себе силы для увеличения своей скорости» — писал он в декабре 1867 года. Таможенный парламент Бисмарк называл «основой и корнем для движения присоединения»³. Однако реальность опрокинула его ожидания.

¹ Engelberg E. Op. cit. S. 666.

² WIA. Bd. 4. S. 204.

³ Ibid. S. 679.

Весной 1868 года были проведены выборы в Таможенный парламент на юге Германии, где они, в первую очередь в Баварии и Вюртемберге, принесли решительную победу партикуляристам — сторонникам сохранения независимости этих государств. Была развернута шумная пропагандистская кампания под лозунгом «Платить налоги, заткнуть пасть, служить в армии» — именно такая перспектива, по мнению партикуляристов, ожидала жителей территорий к югу от Майна в случае их попадания под власть пруссаков. Заседания Таможенного парламента в общем и целом не принесли никакого позитивного сдвига в деле дальнейшего объединения страны.

Казалось, сближение Северогерманского союза с южногерманскими государствами отодвигается далее в неопределенное будущее. «У нас у всех в сердце национальное единство, но расчетливый политик должен сначала делать необходимое и только потом желательное, то есть сначала обустроить дом, а затем уже думать о его расширении. Если Германия осуществит свою национальную цель уже в XIX столетии, это будет нечто великое. А если это произойдет в течение десяти или даже пяти лет, это будет исключительное событие, неожиданная милость Господа» — говорил Бисмарк своему собеседнику в мае 1868 года¹.

Вопрос о том, каким путем двинется прусская внешняя политика дальше, оставался открытым. Сам Бисмарк повторял, что он, с одной стороны, считает вооруженное столкновение с Францией весьма вероятным, с другой — вовсе не стремится его ускорить. 26 февраля 1869 года он писал дипломатическому представителю Северогерманского союза в Мюнхене: «Я тоже считаю вероятным, что германское единство будет ускорено событиями, носящими насильственный характер. Однако совсем другой вопрос — задача вызвать военную катастрофу и ответственность за выбор времени для нее. Произвольное, определяемое только субъективными причинами вмешательство в ход истории всегда приводило только к падению неспелых плодов; мне представляется, что немецкое единство в данный момент нельзя назвать спелым плодом. (...) Мы можем переставить часы, но время от этого не пойдет быстрее, а способность ждать развития событий является необходимым условием практической политики»². Несколько месяцев спустя он высказывался по поводу своей способности ускорить объединение страны: «Я не уверен, что один из нас может делать историю. Моя задача состоит в том, чтобы наблюдать ее течение и править среди них моим кораблем в

¹ Klemm M. Op. cit. Bd. 2. S. 453.

² WIA. Bd. 4. S. 309.

меру своих способностей. Я не могу руководить течением, тем более вызывать его»¹.

Для многих историков это стало поводом утверждать, что Бисмарк считал окончательное объединение страны достаточно длительным процессом, который не нужно ускорять. В частности, Райнер Шмидт пишет по этому поводу: «Бисмарк настроился на долгий срок и пресекал все попытки национального движения, такие, как запрос национал-либерального депутата Ласкера в феврале 1870 года с инициативой вступления Бадена в Северогерманский союз. Конечно, он был готов в любой момент вновь запустить мотор германского национализма, однако бросаться в омут рискованной войны вовсе не собирался»².

Присоединение Бадена было, на самом деле, весьма нежелательным вариантом, поскольку оно, во-первых, еще больше оттолкнуло бы Вюртемберг и Баварию, где настроения общественности и так менялись не в пользу Пруссии, а во-вторых, вызвало бы весьма болезненную реакцию в Париже. Это привело к серьезному столкновению между канцлером и национал-либералами в парламенте, где Бисмарк произнес 24 февраля 1870 года пламенную речь, требуя доверия к своей политике. «По поводу цели мы едины; но в том, что касается средств, господа придерживаются мнения, что они могут выбрать и средства, и момент времени лучше, чем я, я же считаю, что понимаю в этом больше, чем они, и лишь в этом мы расходимся. Однако пока я являюсь союзным канцлером и министром иностранных дел, политика должна делаться в соответствии с моими взглядами, и если вы кладете камни на ее пути, вставляете ей палки в колеса, то вы мешаете этой политике, и ответственность за эти помехи, даже за то, что вынуждаете меня несвоевременно высказаться, и за последствия этого несете вы»³.

На самом деле, «железный канцлер» был бы плохим политиком и дипломатом, если бы стремился присоединить территории южнее Майна в кратчайшие сроки и любой ценой. Однако объединение страны в ходе оборонительной борьбы против Франции оставалось для него наиболее желательным решением. С учетом того, что оборонительные и наступательные союзы с государствами южной Германии истекли уже в 1871 году, возможность загнать Париж в ловушку нужно было найти как можно скорее. Такую возможность предоставил испанский вопрос.

¹ Ibid. S. 362.

² Schmidt R. Op. cit. S. 179.

³ WIA. Bd. 4. S. 411.

ГЛАВА 11

МАДРИД И ВЕРСАЛЬ

Историки по сегодняшний день спорят о том, в какой степени война с Францией была изначально запланирована и спровоцирована Бисмарком. Сторонники одной точки зрения утверждают, что в конце 1860-х годов союзный канцлер настроился на длительный эволюционный процесс присоединения южной Германии и не стремился к еще одному вооруженному конфликту, а основная ответственность за конфликт лежит на французах¹. Представители другого течения заявляют, что к 1870 году политика Бисмарка оказалась в тупике, выход из которого был возможен только через вооруженное столкновение².

Действительно, если внимательно рассмотреть ту ситуацию, в которой оказался глава прусского правительства в это время, она вряд ли покажется особенно комфортной и устойчивой. Северогерманский союз расценивался многими, в том числе и самим Бисмарком, как переходная стадия, ступень на пути к общенациональному единству. Союзный канцлер находился под постоянным давлением со стороны немецкого национального движения. В принципе, к самому факту давления ему было не привыкать — в противостоянии с прогрессистами несколько лет назад его позиции были куда хуже — однако в данном случае речь шла не о противниках, а о союзниках, которые были необходимы главе правительства для проведения своей политики. К тому же Бисмарк прекрасно видел, что развитие ситуации в южнонемецких монархиях явно не благоприятствует их сближению с Северогерманским союзом. Важным симптомом стала отставка в начале 1870 года симпатизировавшего Пруссии князя Гогенлоэ с поста главы баварского правительства. И третье, не менее значимое соображение — международная ситуация в Европе также могла измениться не в лучшую сторону, если бы Франции удалось создать систему союзов, надежно блокирующую любые перестанов-

¹ Nonn C. Op. cit. S. 176.

² Wehler H.U. Op. cit. S. 313.

ки в центре континента. Пока позиция других великих держав благоприятствовала Пруссии, нужно было действовать — следующее «окно возможностей» могло появиться нескоро.

Другой вопрос, что Бисмарк, верный своей линии, не считал правильным бросаться как в омут с головой, в любую войну. Ему нужна была благоприятная возможность, которая позволяла бы сохранить в своих руках контроль над ситуацией и привести все дело к благополучному завершению. Поэтому он просчитывал возможные альтернативы на случай, если такой шанс не появится, и призывал своих союзников к умеренности. Впрочем, в отношениях с Францией у него в руках был один важный козырь — позиция французского общественного мнения, оказывавшего возрастающее давление на императора и кричавшего о «мести за Садову». Этот фактор существенно ограничивал пространство для маневра, имевшееся у Наполеона III, и создавал тенденцию перерастания любого дипломатического конфликта в вооруженное столкновение.

Как же выглядел идеальный конфликт с точки зрения Бисмарка? Он должен был однозначно выставить Францию в роли агрессора, задеть национальные чувства немцев и позволить Пруссии выступить в роли защитницы германских интересов. Таковую возможность «железному канцлеру» предоставил возникший в конце 1860-х годов испанский вопрос.

В 1868 году в Испании произошла революция. Королева Изабелла была свергнута, всю полноту власти взял в свои руки парламент (кортесы). Однако республикой пиренейская держава не стала; предполагалось приглашение на трон представителя одного из правящих домов Европы. Еще со средневековых времен раздробленная Германия с ее обилием мелких суверенов была общепризнанным поставщиком женихов и невест для династий других стран. Поэтому неудивительно, что в процессе дебатов в феврале 1869 года была упомянута кандидатура принца Леопольда. Леопольд принадлежал к роду Гогенцоллерн-Зигмаринген — боковой ветви династии, главой которой являлся прусский король. Он уже давно не имел своих владений и состоял на прусской государственной и военной службе. Поэтому без согласия Вильгельма Леопольд не мог принять никакого ответственного решения, в том числе и согласиться на выдвижение своей кандидатуры.

Планы испанцев вселили тревогу в умы французских политиков и общественного мнения. Французская пресса стала кричать о воскресении призрака трехсотлетней давности — мировой империи Карла V, охватывавшей Францию с трех сторон. И тогда, писали газеты, германская династия правила почти всей Европой, угро-

жая независимости гордых галлов. Понятно, что применительно к реалиям XIX века подобные вещи звучали откровенным абсурдом. Однако газетам верили, и правительство было вынуждено считаться с общественным мнением, которому избрание немецкого принца на испанский престол казалось из ряда вон выходящим унижением своей родины. «Все, что им пришлось проглотить с 1866 года, теперь выходит наружу» — писал в эти дни прусский военный атташе в Париже граф Вальдерзее¹.

Еще весной 1869 года французский посол в Париже Бенедетти заявил Бисмарку, что Франция категорически не согласна с кандидатурой Леопольда. Последний, впрочем, и сам не особо стремился в солнечный Мадрид. Против всей затеи был и Вильгельм — но только не Бисмарк. Испанский вопрос стал для него буквально даром небес. Как пишет Лотар Галл, «сюжета, который обещал бы больший успех, у него не было, а ему необходимо было обязательно двигаться вперед»². «Железный канцлер» начал активно продвигать кандидатуру Леопольда, и его усилия увенчались успехом — в феврале 1870 года принцу через его отца, герцога Карла-Антон, было сделано от имени испанского премьера Прима официальное предложение занять трон. Бисмарку пришлось приложить невероятные усилия, чтобы заставить всех замешанных в это дело венценосных особ дать свое согласие. Речь идет — убеждал он — о сугубо семейном деле, которое никак не связано с европейской политикой. Нельзя отвергать просьбы нации, которая молит о достойном монархе, нельзя упускать шанс поднять авторитет Гогенцоллернов как внутри Германии, так и в европейском масштабе.

При этом Бисмарк прекрасно знал, какую реакцию вызовет новость об избрании прусского принца на испанский престол во Франции. Тем не менее, он продолжал настаивать на принятии инициативы Мадрида. «Испанский вопрос продвигается вперед весьма медленно, — писал он в середине мая Дельбрюку, — несомненный государственный интерес пытаются подчинить личным склонностям князей и религиозному влиянию женщин. Раздражение по этому поводу на протяжении многих недель дурно сказывается на моих нервах»³. На конференции во дворце Вильгельма 15 марта и король, и Карл-Антон, и Леопольд дружно отвергали испанское предложение, и Бисмарку стоило значительных усилий убедить испанцев не принимать отказ принца всерьез. Давление со стороны канцлера

¹ Herre F. Op.cit. S. 280.

² Gall L. Op. cit. S. 490.

³ WIA. Bd. 4. S. 438.

было настолько серьезным, что сам Леопольд сравнивал его с ножом, приставленным к горлу.

К этому моменту внутренняя ситуация во Франции развивалась таким образом, что наполеоновскому правительству требовался внешнеполитический успех как можно скорее и любой ценой. Не позднее мая канцлер понял, что продвижение кандидатуры Гогенцоллерна есть прямой путь к войне. Тем не менее, он продолжал самым активным образом поддерживать ее. Механизм вооруженного конфликта был запущен, и вероятность избежать его уменьшалась с каждым днем.

В конце мая министром иностранных дел Франции был назначен герцог Грамон, занимавший ранее должность посла в Вене и являвшийся горячим сторонником войны с Пруссией. Практически одновременно Бисмарк отправил в Мадрид для продолжения переговоров свое доверенное лицо, Лотара Бухера, который должен был убедить Прима вновь и вновь предлагать престол Леопольду. 19 июня принц, наконец, дал свое согласие, а 21 июня и Вильгельм под давлением главы правительства скрепя сердце разрешил Леопольду взойти на испанский трон.

Сам Бисмарк предусмотрительно удалился в Варцин, что не мешало ему держать ситуацию под контролем, однако позволяло одновременно создать видимость того, что глава правительства остается в стороне. Чиновники в Берлине могли при необходимости сослаться на то, что канцлер недоступен, а без него они не могут принять решение. 2 июля «испанская бомба», как назвал все происходящее прусский король, взорвалась — Прим официально сообщил французскому послу о намерении пригласить Гогенцоллерна на испанский престол. В принципе, у правительства в Париже было несколько путей повлиять на развитие ситуации — к примеру, оказать давление на Мадрид — однако французы решили использовать ситуацию для того, чтобы нанести жестокое дипломатическое поражение немцам. В какой степени это было произвольное решение Наполеона III и его министров, могли ли они поступить иначе ввиду господствовавших во французской столице настроений — это, в конечном счете, не так уж важно. Предвоенный кризис фактически вступил в свою завершающую стадию.

6 июля Грамон, выступая в парламенте, заявил, что кандидатура принца ставит под угрозу мир в Европе и является вызовом Франции. «Мы надеемся, — заявил он, — что эта возможность не осуществится; мы надеемся на мудрость немецкого и дружбу испанского народа. Если произойдет иначе, то мы будем вынуждены, опираясь на вашу поддержку и поддержку всей нации, выполнить свой долг

без всяких колебаний и без всякой слабости»¹. Еще более радикальные высказывания пестрили на страницах ведущих французских газет, где призывали разгромить восточного врага, не дожидаясь другого повода. В Париже зрела уверенность в том, что этот повод нужно использовать для войны. Соответствующим образом происходящее оценил и Бисмарк, 8 июля заявивший: «Грамон не смог бы вести себя столь безоглядно, если бы война не была решенным делом. Следовало бы уже сейчас мобилизовать армию и атаковать французов. Мы одержали бы победу. Увы, по различным причинам так поступить невозможно»².

Из Парижа в Берлин полетели запросы, но прусские чиновники по указанию Бисмарка упрямо твердили: это — семейное дело, правительство его никак не касается и комментировать не может. К тому же все ответственные лица немедленно разъехались по имениям и курортам, и у Бенедетти создавалось впечатление, что он беседует с пустотой. 10 июля испанцы, наконец, отказались от кандидатуры немецкого принца, однако французов это не остановило — их главной задачей было нанести поражение Пруссии, причем по возможности на поле боя. Фактически решение о войне было принято, поскольку у Вильгельма просто не оставалось пространства для маневра. 10-11 июля Бенедетти получил от Грамона ряд телеграмм, которые не оставляли сомнения в том, что в Париже хотят войны. «Мы не можем ждать (...) Мы должны начинать, и ждем только Вашей депеши, чтобы выставить в поле 300 тысяч человек»³.

Тучи на европейском горизонте стремительно сгущались. Бисмарк, хотя и не читал депеш Грамона, активно подыгрывал французской дипломатии, инструктируя из Варцина своих подчиненных: «Пусть произойдет то, что должно произойти»⁴. Лишь 12 июля он прибыл в столицу. Однако тем временем опытный французский дипломат Бенедетти не сдавался и отправился в курортный Эмс, где отдыхал Вильгельм. Прусский король на самом деле, как всегда, страшился войны, и поэтому Бенедетти довольно легко удалось добиться перемены в его настроении. Монарх приказал Карлу-Антону снять кандидатуру его сына. На первый взгляд казалось, что Бисмарк потерпел серьезное поражение. Испанский вопрос оказался исчерпанным, повода для дальнейших претензий у Парижа

¹ Howard M. The Franco-Prussian War. The German invasion of France, 1870–1871. L., N.Y., 2005. P. 40.

² WIA. Bd. 4. S. 463.

³ Schmidt R. Op. cit. S. 183.

⁴ WIA. Bd. 4. S. 370.

просто не было. Как писал Эрих Эйк, Бисмарк «увидел все здание, созданное с таким искусством, разрушенным одним ударом»¹. Однако дело было уже давно не в кандидатуре прусского принца.

У немецкого канцлера имелся могущественный союзник в лице Грамона. Именно он дал Бенедетти инструкцию еще раз встретиться с королем и потребовать от него заверений, что кандидатура Гогенцоллерна никогда более не будет выдвигаться на испанский престол. Кроме того, он потребовал от прусского посла в Париже письмо с извинениями за подпись короля, что было равносильно объявлению войны. На встрече 13 июля Вильгельм вежливо ответил французскому послу, что таких гарантий по понятным причинам дать не может, а затем через адъютанта уведомил Бенедетти о том, что полученном официальном отказе Леопольда от трона. На следующий день король, уезжая из Эмса, попрощался с послом на вокзале и заявил, что дальнейшие переговоры будут происходить в Берлине.

Бисмарк к тому моменту уже находился в столице, чтобы своевременно испросить у рейхстага военные кредиты, а также встретиться с остановившимся здесь проездом Горчаковым. В беседах с ним, а также с итальянским и британским послами глава правительства выяснил, что дальнейшее давление на прусского монарха со стороны Франции будет воспринято в европейских столицах как откровенная агрессия и к жесткой реакции Берлина отнесется с полным пониманием. Телеграмма с информацией о произошедших в Эмсе событиях была составлена чиновником прусского ведомства иностранных дел Абекеном и получена Бисмарком вечером 13 июля. Надо отдать должное мастерству «железного канцлера»: с гениальной ловкостью он превратил попытку короля избежать войны в повод для ее объявления.

Классическое описание дальнейших событий принадлежит, естественно, перу самого Бисмарка. В квартире главы правительства ужинали Мольтке и Роон, настроение и у хозяина, и у гостей было подавленное. Все готовились к войне — а получили унижительный мир. Генералы ковырялись вилками в своих тарелках и язвительно намекали Бисмарку на то, что ему, в отличие от них, гораздо легче выйти в отставку и остаться чистеньким во всей этой неприятной истории.

«Оба были подавлены и косвенно упрекали меня, что, уходя в отставку, я эгоистично использую свое преимущество по сравнению с ними, которым это не так легко сделать, — вспоминал Бисмарк.

Я был того мнения, что я не мог принести в жертву политике свою честь, что они, профессиональные солдаты, не вольны в своих решениях и могут поэтому держаться иной точки зрения, чем ответственный министр иностранных дел. Во время нашей беседы мне сообщили, что разбирается шифрованная депеша из Эмса, за подписью тайного советника Абекена (...). После того как мне подали расшифрованный текст, из которого явствовало, что Абекен составил и подписал телеграмму по повелению его величества, я прочел ее моим гостям, и она повергла их в такое подавленное настроение, что они пренебрегли кушаньями и напитками. При повторном рассмотрении документа я остановился на предоставлявшемся его величеством полномочии, коим поручалось тотчас же сообщить как нашим представителям, так и в прессу о новом требовании Бенедетти и его отклонении. Я поставил Мольтке несколько вопросов относительно степени его уверенности в состоянии наших вооружений, а соответственно и относительно времени, какого они еще потребуют при внезапно всплывшей военной опасности. Он ответил, что если уж быть войне, то он не ожидает никакого преимущества для нас от оттяжки ее наступления. (...) Ввиду поведения Франции чувство нашей национальной чести вынуждало нас, по моему мнению, воевать; и если бы мы не последовали требованиям этого чувства, то утратили бы все приобретенные нами в 1866 году преимущества на пути к завершению нашего национального развития. (...) Убеденный в этом, я воспользовался сообщенным мне Абекеном полномочием короля обнародовать содержание его телеграммы и в присутствии обоих моих гостей, вычеркнув кое-что из телеграммы, но не прибавив и не изменив ни слова, придал ей следующую редакцию»¹.

В новой редакции «Эмская депеша» (под таким именем вошел в историю этот документ) гласила: французы выдвинули королю чрезмерные требования; монарх в ответ отказался принять французского посла и лишь сообщил последнему через адъютанта, что им незачем встречаться. Глаза сотрапезников Бисмарка, услышавших новую редакцию телеграммы, заблестели. «Так-то звучит совсем иначе: прежде она звучала сигналом к отступлению, теперь — фанфарой, отвечающей на вызов!» — воскликнул Мольтке. Настроение за столом радикально изменилось — все с аппетитом набросилось на еду, горячо обсуждая будущие сражения. Как впоследствии рассказывал Бисмарк, «Мольтке настолько оставил свою равнодушную пассивность, что, обратив радостный взор на потолок и отказавшись от обычной умеренности в словах, ударил себя кулаком в грудь и

¹ Eyck E. Bismarck. Bd. 2. Erlenbach-Zürich, 1943. S. 464.

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 2. С. 83-85.

произнес: «Если мне посчастливится руководить нашей армией в такой войне, пусть черт забирает потом мои старые кости!»¹

Сегодня большинство исследователей сходится во мнении, что эта история является в значительной степени вымышленной. Оригинал текста с пометками Бисмарка обнаружить в архивах не удалось. Те черновики, которые сохранились, дают основание полагать, что канцлер не вычеркнул несколько фраз, а существенно переработал текст в соответствии со своими целями. Таким образом, относительно «не прибавив и не изменив ни слова» Бисмарк сильно лукавил. Сути вопроса это, однако, не меняет.

Искалеченная телеграмма была передана в прессу. Общественное мнение по обе стороны границы, подготовленное газетными битвами, восприняло ее именно так, как рассчитывал Бисмарк: как неслыханное национальное оскорбление. 15 июля французский премьер-министр Эмиль Оливье просил у Законодательного корпуса согласовать военные кредиты; большинство депутатов поддержало правительство, а на улицах ликующие толпы радовались предстоящей войне. В тот же день и во Франции, и в Северогерманском союзе началась мобилизация.

* * *

19 июля Франция объявила Северогерманскому союзу войну. Вильгельм был поставлен Бисмарком перед свершившимся фактом — об изуродованной депеше он узнал, когда изменить ход событий было уже невозможно.

Сегодня историки справедливо считают, что, не будь всей истории с «Эмской депешей», война все равно разразилась бы. Бисмарк в мемуарах намеренно драматизировал ситуацию, стремясь подчеркнуть, что именно он, вопреки воле колебавшегося монарха, возвел здание германского единства. Однако значение этого эпизода нельзя недооценивать. История с «Эмской депешей» сделала ход событий необратимым, более того, Франция предстала перед всей Европой в роли агрессора, стремящегося к гегемонии на континенте. Бисмарк постарался еще больше усилить это впечатление, передав для публикации в «Таймс» проект Бенедетти четырехлетней давности, в котором французы высказывали претензии на Бельгию. Нельзя сказать, что Париж был невинной жертвой коварства «железного канцлера». Во Франции значительная часть политической элиты также стремилась к войне и с радостью ухватилась за «испанскую

¹ Там же. С. 86.

кандидатуру» как за подходящий повод. Французы даже отказались от нежданно упавшей им в руки дипломатической победы, чтобы нанести своему противнику удар посильнее.

Таким образом, для Пруссии предстоящее столкновение приобрело вид справедливой национальной борьбы против западного агрессора. Это обеспечило ей симпатии южногерманского населения, а партикуляризм, на который возлагал свои надежды Наполеон III, вынужден был умолкнуть. В соответствии с буквой договоров и — что гораздо важнее — настроениями общества южнонемецкие контингенты присоединились к северогерманским армиям и встали под прусское командование. Объединение страны на поле боя началось. Все великие державы Европы сохраняли более или менее благожелательный по отношению к немцам нейтралитет. Бисмарку удалось добиться исключительно выгодной ситуации.

Бисмарк отправился на фронт в составе главной квартиры. Вечером 31 июля он, надев кирасирскую униформу, выехал из Берлина. В шести железнодорожных эшелонах разместились политики, придворные, чиновники — всего около тысячи человек. Вместе с канцлером на фронт отправился весьма ограниченный штат его сотрудников — «мобильное ведомство иностранных дел». Даже находясь на театре военных действий, глава правительства должен был крепко держать в своих руках все нити управления. Связь с Берлином осуществлялась по телеграфу. Большое значение уделялось работе с прессой — несколько сотрудников Бисмарка во главе с Морицем Бушем ежедневно писали статьи для германских газет, в которых отражалась официальная точка зрения.

На начальном этапе кампании военные действия развивались стремительно и успешно. Первые столкновения произошли в начале августа, а в середине месяца состоялись крупные сражения при Марс-ля-Тур и Гравелотте. Оба сына канцлера, Герберт и Вильгельм, сражались в рядах действующей армии в 1-м гвардейском драгунском полку. Поздним вечером 16 августа, после окончания кровопролитной битвы при Марс-ля-Тур, Бисмарк получил известие о том, что старший сын пал смертью храбрых во время кавалерийской атаки, а младший тяжело ранен. Он немедленно вскочил на коня и отправился на поле сражения, однако лишь с рассветом смог найти своих сыновей.

Бисмарку невероятно повезло: оба его сына пережили самоубийственную атаку на французскую пехоту, произведенную с целью прикрыть отход остатков 38-й прусской бригады. Герберт был ранен в бедро — достаточно сильно, но жизнь его находилась вне опасности — а на Вильгельме вообще не было ни царапины. О том,

что их дети живы, Бисмарк поспешил написать Иоганне, здоровье которой по-прежнему оставляло желать лучшего. Теперь его занимали мысли о том, получают ли сыновья награды. Если Герберт не будет удостоен ордена, заявлял Бисмарк, сам он никогда больше не оденет свои. В конечном счете старший сын получил Железный крест 1-го класса, младший — 2-го.

18 августа при Гравелотте уже сам Бисмарк, сопровождая короля, попал в зону сильного артиллерийского огня противника. В своих письмах он критиковал тактику прусских войск — массовые атаки в лоб сильных французских позиций, приводившие к огромным потерям в собственных рядах.

Сам Бисмарк чувствовал себя отлично. Война словно придала ему свежие силы. Если весной он довольно тяжело болел (Иоганна говорила, что хуже ее муж чувствовал себя только в 1860 году, когда находился на грани жизни и смерти), то в августе мог целые дни проводить в седле, а ночами спал так же крепко, как в молодости¹.

Уже в последних числах августа после ряда кровопролитных сражений половина французской армии под командованием Базена оказалась окружена в Меце, а другая половина — во главе с самим императором — фактически прижата к бельгийской границе в районе Седана. Сражение при Седане началось в предрассветные часы первого осеннего дня. Его открыла мощная канонада германской артиллерии, за которым последовало концентрическое наступление немецких корпусов. И, хотя первые их атаки были отражены, исход битвы был вполне ясен большинству его участников. Бисмарк, стоявший рядом с королем, Мольтке и Рооном на высотах Френуа, наблюдал за ходом событий.

К вечеру сражение превратилось в элементарное избиение германской артиллерией окруженных и сгрудившихся на ограниченном пространстве частей неприятеля. Началась массовая сдача в плен французских солдат. В половине пятого над руинами Седана появился белый флаг.

В половине седьмого вечера Наполеон прислал офицера с заявлением о капитуляции. Вильгельм согласился начать переговоры и назначил ответственным лицом Мольтке. С французской стороны переговоры вел командующий, генерал Вимпффен, с немецкой к Мольтке присоединился Бисмарк, без которого шеф генерального штаба предпочел бы обойтись. Французам были поставлены весьма жесткие условия: армия сдается в плен со всем оружием и

амуницией. Вимпффен попробовал торговаться, изображал готовность продолжить сражение на рассвете, однако Мольтке прекрасно чувствовал ситуацию и был непреклонен: «Вы не сможете драться. Впрочем, перемирие истекает в 4 часа утра, и я прикажу войскам вновь открыть огонь»¹.

Бисмарк попытался достичь компромисса, прошептав на ухо Мольтке несколько слов; как сказал один из свидетелей этой встречи с французской стороны, «мне показалось, что между господином Бисмарком и генералом Мольтке существовала некая разница во взглядах; если первый был в принципе не прочь завершить войну, генерал стремился ее продолжить»².

И действительно, с политической точки зрения канцлер не видел особых преград для заключения мира — Франция потерпела поражение и уже не в состоянии была мешать объединению Германии, переговоры о котором с южногерманскими государствами должны были вскоре начаться. Мольтке же рассуждал с военной точки зрения — враг еще не разгромлен окончательно, значит, кампания не завершена. В конечном счете, здесь, на поле брани, а не на паркетe дипломатических салонов, решающее слово должно оставаться за ним. Единственное, чего удалось добиться Вимпффену — продления перемирия до 9 часов утра.

Следующим к пруссакам явился сам император, который надеялся добиться лучших условий капитуляции. Он настаивал на встрече с королем, однако Бисмарк был непреклонен: свидание монархов возможно только после подписания капитуляции. Заодно канцлер поинтересовался возможностью начать мирные переговоры. Наполеон III заявил, что, будучи пленником, не вправе говорить от имени Франции. После этого Бисмарк в значительной степени утратил интерес к императору и не стал мешать военным ставить те условия, которые они считали нужными.

«Я нашел его в бедной крестьянской хижине около наших форпостов сидящим в полной униформе на деревянном стуле в ожидании встречи с королем, — писал Мольтке домой об этих событиях. — Он был спокоен и полностью покорился своей судьбе. Вскоре после этого наши условия капитуляции были без дальнейших проволочек подписаны несчастным Вимпффеном. (...) На следующее утро под проливным дождем долгая вереница повозок под эскортом эскадрона гусар двигалась по шоссе (...). Граф Бисмарк наблюдал за ней с одной стороны улицы, я — с другой, пленный

¹ Keudell R.v. Op. cit. S. 451.

¹ Herre F. Op. cit. S. 298.

² Ibid. S. 299.

император поприветствовал нас, и отрезок мировой истории ушел в прошлое»¹.

Бисмарк, со своей стороны, относился к пленному монарху с подчеркнутой вежливостью. Именно с Наполеоном он планировал начать мирные переговоры. Действительно, казалось, что теперь кампания должна завершиться. Половина регулярной французской армии была уничтожена, половина блокирована в Меце. Разрозненные подразделения, которыми все еще располагало правительство империи, не представляли для немцев серьезной угрозы. Однако события развивались вопреки известной практике кабинетных войн.

* * *

4 сентября в Париже произошла революция, покончившая с властью Бонапарта. Было сформировано «правительство национальной обороны» во главе с генералом Трошю. Прусское политическое руководство на некоторый момент оказалось в растерянности, не зная, кто является легитимным правителем Франции: пленный Наполеон или парижские республиканцы? Правительство национальной обороны было готово заключить мир, но без всяких аннексий и контрибуций — в противном случае его дни были бы скоро сочтены. Уже 6 сентября новый министр иностранных дел Жюль Фавр официально заявил, что его страна «не уступит ни дюйма своей земли и ни одного камня своих крепостей»². Это было заявление, которое фактически закрывало путь к скорому миру.

В Германии же все большую популярность приобретало требование аннексии Эльзаса и Лотарингии, северо-восточных провинций Франции, которые были двумя веками ранее отторгнуты у Священной римской империи германской нации. Это требование поддерживали, во-первых, представители национального движения, требовавшие восстановить историческую справедливость. Во-вторых, на аннексии настаивали военные, полагавшие, что тем самым удастся создать естественный оборонительный барьер против дальнейших французских атак. По словам Морица Буша, уже в августе «все немцы смотрели на занятую нами страну как на свое будущее владение»; раздавались даже призывы аннексировать французскую территорию вплоть до Марны³.

¹ Moltke H. K. B. v. Op. cit. S. 262.

² Howard P. Op. cit. P. 180.

³ Буш М. Указ. Соч. С. 40.

Вопрос об отношении к аннексии самого Бисмарка более сложен. В первые недели войны он избегал высказываться на эту тему со всей определенностью. Очевидно, сама по себе аннексия не являлась для него задачей первого порядка. Однако уже в начале сентября он соглашается с ее необходимостью. 13 сентября аннексия была официально названа одним из условий заключения мира.

Чем руководствовался Бисмарк, приняв такое решение? Судя по всему, он учитывал пожелания немецких националистов и в еще большей степени — военных. Кроме того, аннексия могла оказаться для него полезной в контексте процесса объединения Германии. По мнению Лотара Галла, у главы прусского правительства было и еще одно соображение — затягивание войны в данный момент позволит сохранить обстановку «боевого братства» между севером и югом Германии, что было немаловажно в ситуации, когда переговоры об объединении еще толком и не начались¹. Глава гессенского правительства Рейнгард фон Дальви́гк, противник прусской гегемонии и Бисмарка, уже в последний день июля записал в своем дневнике: «Если Пруссия одержит решительную победу и возьмет Эльзас и Лотарингию, ни сам король Вильгельм, ни мы не сможем избежать провозглашения его императором»².

Впоследствии редкий историк избежал соблазна бросить камень в «железного канцлера», упрекая его в том, что он не воспротивился требованиям аннексии французских провинций и тем самым превратил Францию в долговременного противника своей страны. Но для того, чтобы сделать подобный упрек, придется, во-первых, допустить, что Бисмарк был абсолютным властителем, который мог диктовать свою волю всем и каждому. Во-вторых, следует наделить его даром предвидения, который открыл бы ему ход дальнейших событий. В ситуации 1870 года ни то, что аннексия сделает невозможной нормализацию отношений с Францией, ни нормализация в случае отказа от аннексии не казались чем-то само собой разумеющимся. Австрийский пример мог оказаться далеко не показательным в этом отношении. «Нам не простили Садову и не простят наших нынешних побед, как бы великодушно мы ни повели себя при заключении мира» — заявлял по этому поводу глава правительства³.

Развивая эту мысль, Христиан фон Кроков полагает, что Бисмарк в душе приветствовал постоянную германо-французскую

¹ Gall L. Op. cit. S. 508.

² Kolb E. Der Weg aus dem Krieg. Bismarcks Politik im Krieg und die Friedensanbahnung 1870/71. München, 1990. S. 132.

³ Schmidt R. Op. cit. S. 186.

вражду как фактор, позволяющий консолидировать немецкое общество¹. Эта точка зрения представляется, как минимум, спорной. Бисмарк, как мы увидим в дальнейшем, действительно занимался созданием «образов врага» для консолидации общества, однако вряд ли стал бы делать это на международной арене, где предпочитал при любых условиях сохранять свободу маневра. Аннексия провинций вовсе не означала для него — по крайней мере, на тот момент — невозможности примирения с Францией в долгосрочной перспективе; европейская история знала немало случаев, когда территориальное переустройство не вело к вечной вражде. То, что кажется очевидным с позиций сегодняшнего дня, вовсе не было таковым для Бисмарка.

Кампания продолжалась. В середине сентября германские войска подошли к Парижу. Французская столица представляла собой одну из мощнейших крепостей Европы, внешнюю линию обороны которой составляли прекрасно укрепленные и снабженные многочисленной артиллерией форты. Тем временем на неоккупированных территориях страны начали в спешном порядке формироваться корпуса новой, республиканской армии. Немцы оказались в сложной ситуации: их основные силы были разделены между Мецем и Парижем, осада которых пока не приносила результатов. Значительные контингенты необходимо было выделить для охраны пленных и наведения порядка в собственном тылу. Уверенность в том, что победа уже достигнута, таяла с каждой неделей.

Главная квартира остановилась в Версале. Огромный королевский дворец был превращен в лазарет. Бисмарк со своими сотрудниками занял виллу, принадлежавшую текстильному фабриканту. Комната, в которой он жил и работал, была все время натоплена до весьма высоких температур. Окна выходили в сад. Вставал Бисмарк обычно поздно, далеко за полдень, и садился за работу. В шесть часов вечера все сотрудники собирались на совместную трапезу; канцлер, как всегда, отличался отменным аппетитом и постоянно жаловался на скудный рацион. Поздно вечером Койделл частенько играл ему на пианино. Ночью Бисмарк иногда совершал пешую прогулку по прилегавшему к вилле небольшому саду; дневные прогулки верхом по Версальскому парку были весьма редким развлечением.

Состояние здоровья главы правительства вновь ухудшилось. Первыми это почувствовали его ближайшие сотрудники. Однажды за небольшую оплошность Бисмарк устроил Абекену и Койделлу настоящую выволочку, заявив: «У вас беспорядок в документах. Мы

не на развлекательной прогулке. Если вы намерены бросить меня в беде и разозлить настолько, что я заболею, то момент выбран плохо — сейчас меня трудно заменить»¹.

Куда больше его раздражали военные. Еще в сентябре Бисмарк жаловался на то, что его ущемляют в вопросах снабжения и расквартирования, а также не приглашают на военные совещания. «Я уже потому должен знать обо всех военных делах, чтобы мог своевременно заключить мир!» — горячился канцлер². Можно понять Мольтке, который со сложными чувствами узнавал о таких претензиях со стороны сугубо гражданского человека, пусть и главы правительства. Тем более что сам канцлер, в свою очередь, не информировал шефа генерального штаба о политических и дипломатических делах. До определенного момента Мольтке держал Бисмарка на строжайшей информационной диете, и лишь 15 октября распорядился направлять канцлеру копии телеграмм, которые отправлялись из главной квартиры германской прессе. Это было сделано лишь после настоячивых просьб канцлера, которому надоело черпать информацию о происходящих событиях из газет.

В конце сентября Бисмарк впервые встретился с французским министром иностранных дел Жюлем Фавром, который заявил о готовности заключить мир, но отказался даже обсуждать уступку французской территории. Такая позиция была неприемлемой для Бисмарка, и он решил надавить на своего собеседника угрозой бонапартистской реставрации. «Бонапартистскую карту» он продолжал разыгрывать и в дальнейшем. Наполеон III находился в плену в Германии, императрица с наследником престола — в эмиграции в Англии; никто из них не отказывался от надежды вернуть себе трон. В октябре Бисмарк попробовал договориться с осажденным в Меце маршалом Базеном, имевшим в распоряжении целую армию и хранившим верность бонапартистскому режиму, и со свергнутой императрицей. Речь шла о том, чтобы двинуть войска Базена на Париж, раздавить республиканцев, а затем заключить мир с вернувшимся на трон Наполеоном. Для этого генерал Бурбаки был пропущен из Меца в Лондон, где находилась Евгения. Обратное же военные — в первую очередь принц Фридрих Карл, младший брат короля — его не пустили, опасаясь лишиться славы покорителей Меца. Принца поддерживал Мольтке, который считал все вопросы, связанные с капитуляцией Базена, делом чисто военным и не имевшим никакого отношения к канцлеру.

¹ Keudell R.v. Op. cit. S. 458.

² Буш М. Указ. соч. С. 332.

¹ Krockow C.v. Op. cit. S. 235.

В течение осени 1870 года Бисмарку пришлось активно действовать сразу на нескольких направлениях. Первым из них было достижение приемлемого мира. Вторым являлось дипломатическое обеспечение кампании. Войну следовало закончить как можно быстрее, избежав какого-либо вмешательства со стороны других европейских держав. Третьей задачей было ведение переговоров о формировании единого немецкого государства. Все эти процессы сильно зависели от развития ситуации на театре военных действий, что заставляло Бисмарка стремиться к определенной степени контроля над происходившими там процессами. А это вело к неизбежному столкновению с военными, которые рассматривали его действия как беспардонное вмешательство самонадеянного дилетанта в сферу, которая его совершенно не касается.

Отношения между Бисмарком и Мольтке становились все хуже. «Их разделило глубокое несходство их натур, — отмечал Штош. — Они относятся друг к другу весьма негативно, и лишь с трудом удается вести общие дела. Мольтке — человек благородного спокойствия, Бисмарк — страстный политик»¹. Шеф генерального штаба обходил конфликт молчанием, канцлер в свойственной ему манере шумел о заносчивых «полубогах» из генерального штаба, которым вскружил голову собственный успех, о «стратегах из классной комнаты», о «профиле хищной птицы» у Мольтке... Впрочем, до определенного момента он все же сохранял уважение к генералу и писал, что «генеральный штаб мне вообще не нравится, кроме хорошего и умного старого Мольтке; его офицерам успех ударил в корону, и я часто боюсь, что подобная завышенная самооценка еще повлечет за собой наказание; именем Мольтке прикрываются другие, а сам он уже стар и пускает все на самотек»². Но к концу октября Бисмарк понял, что шеф генерального штаба является его основным противником, а вовсе не ширмой для своих сотрудников. Отношения двух деятелей испортились окончательно.

Тем временем ситуацию на фронте изменила капитуляция армии Базена, состоявшаяся 27 октября. В течение ноября общая расстановка сил постепенно менялась в пользу немцев. Французы выставляли в поле все новые и новые подразделения, с которыми германская армия с большим или меньшим успехом справлялась. Seriously осложняли положение немцев откровенная враждебность населения и действия франтиреров, которые заставляли выделять для борьбы с ними значительные силы. Бисмарк считал необходи-

мым жесточайшие меры против партизанского движения. Колониальных солдат французской армии он называл «хищными зверями, которых нужно убивать», «наиболее отвратительными чудовищами»¹, «крайне сожалел о том, что приходится брать в плен, а нельзя тотчас же убивать»² и подумывал о том, чтобы отказаться от Женевской конвенции.

Мольтке в этом вопросе выступал с гораздо более умеренной и человеческой позиции, за что заслужил со стороны канцлера упреки в излишней мягкости. Кроме того, Бисмарк с ревностью следил за стремительным ростом влияния генерального штаба. «Железный канцлер» считал необходимым закончить войну в кратчайшие сроки. Для этого он предлагал применить широкомасштабный террор против мирного населения. Королю Бисмарк предлагал брать меньше пленных. 14 декабря он направил монарху длинный доклад, в котором заявлял, что «главным средством приблизить мир и принудить врага искать его является — помимо уничтожения вражеских армий — давление, которое оказывается на страну и население в ходе боевых действий»³.

Кроме того, он настаивал на скорейшем начале обстрела осажденного Парижа, против чего по разным причинам выступали и кронпринц, и Мольтке. Шеф Большого генерального штаба не видел в обстреле военного смысла и считал, что доставка осадной артиллерии не по силам и без того растянутым линиям коммуникаций. «Уже несколько недель я каждое утро надеюсь быть разбуженным громом канонады, — писал разозленный Бисмарк жене в конце октября, — но они не стреляют. Надо всем царит некая интрига, сотканная женщинами, архиепископами и учеными; известное высочайшее влияние тоже имеет место, с целью, чтобы хвала со стороны заграницы и пышность фраз не понесли никакого ущерба. При этом люди мерзнут и заболевают, война затягивается, нейтралы начинают беспокоиться, потому что все продолжается слишком долго, и Франция вооружается сотнями тысяч винтовок из Англии и Америки»⁴. Обстрел начался в итоге только в конце декабря.

Бисмарк требовал, чтобы обо всех планируемых операциях ему сообщалось заранее, даже до доклада королю. Мольтке, разумеется, возмутился до глубины души и заявил кронпринцу: «Все это вообще не касается канцлера, и пока мне не прикажут, я ему ничего не

¹ Herre F. Op.cit. S. 314.

² Bismarck-Briefe. Göttingen, 1955. S. 366.

¹ Буш М. Указ. соч. С. 352.

² Там же. С. 362.

³ WIA. Bd. 4. S. 604.

⁴ Bismarck-Briefe. S. 364.

буду сообщать»¹. Конфликт расширился, охватывая все большее число влиятельных персон. 5 декабря Мольтке через парламентаря проинформировал Трошю о поражении французских армий на юге, надеясь, что эта информация ускорит капитуляцию Парижа. Бисмарк немедленно обратился с жалобой к королю — Мольтке лезет в дипломатические дела, кроме того, последний лейтенант располагает большей информацией, чем он, канцлер! Глава правительства вновь потребовал права присутствовать на всех военных докладах и, кроме того, быть посвященным во все планируемые операции. Вмешательство военных в политические дела возмущало канцлера: «Господа военные ужасно осложняют мне жизнь! — писал он супруге. — Они тянут одеяло на себя, все портят, а отвечать приходится мне!»²

Бисмарк жаловался на генеральный штаб всем, кто был готов его слушать. В беседах с ближайшими сотрудниками глава правительства заявлял о своей готовности уйти в отставку и усталости от вечной борьбы и интриг: «С каким удовольствием я бы ушел! Мне нравится сельская жизнь, лес и природа. Если бы не моя вера в Господа, я бы завтра же упаковал свои вещи, уехал в Варцин и выращивал бы овес. В таком случае я даже не признавал бы власти короля. Почему, если не исходя из божественного миропорядка, должен я подчиняться этим Гогенцоллернам? Это швабский род, который ничем не лучше моего! (...) Если бы у меня не было чудесной основы в виде религии, я бы уже давно бросил стул в лицо всему двору»³.

В начале нового года Бисмарк вновь явился с королем с жалобой на Мольтку, который не только по-прежнему отказывался информировать канцлера о делах в своей епархии, но и вел сепаратные переговоры с парижскими властями! Вызванный для объяснений Мольтке, в свою очередь, заявил, что Бисмарку ничего нельзя сообщать, поскольку он слишком вольно обходится с полученной информацией — в частности, сообщает военные планы супруге и другим лицам, через которых может произойти утечка секретных сведений. Предпринятая кронпринцем попытка примирить антагонистов провалилась. В конечном счете, 25 января увидели свет два королевских приказа. Шефу генерального штаба предписывалось воздерживаться от вмешательства в политические дела и подробно информировать канцлера о состоянии военных операций. Бисмарк, таким образом, одержал победу в этом конфликте.

¹ Herre F. Op. cit. S. 314.

² Craig G. Op. cit. S. 233.

³ Richter W. Op. cit. S. 232.

К концу года нервы всех участников событий были напряжены до предела. Французы терпели одно поражение за другим, но, казалось, не собирались сдаваться. Король к концу года начал впадать в пессимизм и терять уверенность в победе. Бисмарк писал в декабре жене: «И в политическом, и в душевном отношении я совершенно одинок. (...) Здесь нет ни одной человеческой души, с которой я мог бы поговорить о будущем и прошлом. Когда слишком долго находишься на посту министра и притом по воле Господа доби- ваешься успехов, то ощущаешь, как холодное болото неприязни и ненависти вокруг тебя поднимается все выше, до самого сердца. Новых друзей не приобретаешь, старые умирают или с молчаливой скромностью отходят в тень. (...) Короче говоря, я душевно замерзаю и мечтаю оказаться рядом с тобой, вдвоем на природе. Ни одно здоровое сердце не выдержит долго эту придворную жизнь»¹.

* * *

Бисмарк опасался, что затягивание кампании вызовет вмешательство великих держав. Для этого имелись основания. В Петербурге с самого начала войны развернули дипломатическую активность, направленную на формирование согласия между нейтральными государствами. Соответствующие предложения были направлены в Лондон еще в конце июля. При этом российская политика была, с одной стороны, направлена на то, чтобы удержать от вступления в войну Австро-Венгрию и Данию, что было очевидно выгодно Берлину. В то же время объединение нейтральных стран могло претендовать на участие в обсуждении условий мира, чего Бисмарк явно не хотел.

Августовские успехи германских армий практически исключили любую возможность того, что Австро-Венгрия или Дания рискнут вступить в конфликт на стороне Франции. Теперь основная задача заключалась в том, чтобы заключить с французами мир на своих условиях и не допустить созыва международного конгресса. «С моей точки зрения, — писал Бисмарк 11 августа, — мы должны принять даже враждебность Англии, но не заключать неприемлемый для немецкого народа мир. (...) В отношении Франции мы не можем обращать внимание ни на чье мнение, кроме своего собственного»². Позиция Петербурга также не внушала ему доверия. «С российской стороны, — писал он 20 августа, — по меньшей мере у князя Гор-

¹ Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin. S. 563.

² WIA. Bd. 4. S. 511.

чакова, наши успехи не усилят симпатию к Пруссии и Германии. Напротив, после победы нам следует ожидать с той стороны менее дружественного отношения, чем до нее. Возможно, что мы увидим Россию на стороне наших противников»¹.

Бисмарк оказался прав: в сентябре и Горчаков, и Александр II все чаще говорили о необходимости «умеренного» мира (без аннексий) и европейского конгресса для его заключения. Более того, из Петербурга исходили крайне опасные для Бисмарка идеи о сохранении границы по Майну и образовании на юге Германии самостоятельной конфедерации. В этой ситуации «железный канцлер» решил разыграть имевшийся у него козырь, заявив, что стремление России к пересмотру унижительных условий Парижского мира 1856 года «не встретит с нашей стороны никаких возражений, а, напротив, поддержку перед остальными»². Это в немалой степени способствовало появлению 31 октября «циркуляра Горчакова», которым Россия извещала весь мир об отказе от постановлений, ущемлявших ее суверенные права на Черном море. Так благодаря войне между Францией и Германией была решена главная задача российской дипломатии. Бисмарк, в свою очередь, считал, что русские приступили к действиям слишком рано. Согласно свидетельству кронпринца, канцлер, узнав о ноте Горчакова, воскликнул: «Эти тупицы начали на четыре недели раньше, чем следовало!»³

Великобритания, естественно, воспротивилась нарушению Парижского мира. Однако единственное, чего удалось добиться англичанам — согласия других стран на проведение специальной международной конференции по данному вопросу. «Железный канцлер» приложил большие усилия для того, чтобы успокоить Лондон и не дать конфликту разрастись. К концу ноября проблема оказалась улажена. Задача Бисмарка теперь заключалась в том, чтобы не дать вопросу франко-германского мира оказаться на повестке дня конференции. Послу в Лондоне Бернсторффу он отдал категорическое указание немедленно покинуть мероприятие в случае, если стороны попытаются обсудить эту проблему⁴.

Между тем, именно к такому решению стремилось французское правительство. С самого начала республиканская дипломатия ставила своей задачей мобилизовать «Европейский концерт» в свою поддержку. По поручению Жюль Фавра видный либеральный по-

литик Адольф Тьер отправился в шестинедельное турне по столицам европейских государств. Он практически повсеместно встречал сочувствие, но нигде не нашел реальной поддержки. Однако по мере затягивания войны положение могло измениться.

В начале ноября Адольф Тьер прибыл в Версаль для переговоров о перемирии. Обе стороны признавали, что необходимо проведение выборов в Национальное собрание, которое могло придать легитимность всем дальнейшим действиям французского правительства, в том числе подписанию мирного договора. Разногласия касались конкретных условий. Немцы в обмен на перемирие и снабжение Парижа продовольствием требовали серьезных уступок, которые в случае возобновления боевых действий фактически делали бы невозможной дальнейшую оборону города. При этом Бисмарк был вынужден действовать с оглядкой на мнение военных, которые занимали жесткую позицию. В конечном счете переговоры окончились неудачей; боевые действия продолжались.

С точки зрения Бисмарка дальнейшее затягивание войны грозило серьезными дипломатическими осложнениями. В декабре он заявлял: «Я очень беспокоюсь. Люди эти и не понимают, какое теперь положение. Мы балансируем на кончике громоотвода, и если мы потеряем равновесие, которого я добился с большим трудом, то очутимся на земле»¹.

В этой ситуации Бисмарк, как уже говорилось выше, стремился разыграть против республиканского правительства бонапартистскую карту. Неизвестно, насколько серьезно он рассматривал возможность реставрации Наполеона III. Однако на переговорах с республиканскими дипломатами он не упускал момент выложить на стол этот козырь. С начала декабря переговоры с представителями свергнутой династии возобновились. В роли посредника выступал молодой бонапартист Клеман Дювернуа. Проблема, однако, заключалась в том, что Наполеон III и его супруга колебались в вопросе о том, на каких условиях и в каком виде может состояться их возвращение на трон. Им явно не хотелось выглядеть немецкими ставленниками и начинать очередную главу своего правления с заключения невыгодного мира. Поэтому, когда Дювернуа прибыл, наконец, в Версаль со всеми необходимыми полномочиями, соглашение между Бисмарком и Тьером уже состоялось. «Опоздал на 20 минут» — пометил «железный канцлер» на его визитной карточке².

¹ Kolb E. Der Weg aus dem Krieg. S. 107.

² WIA. Bd. 4. S. 541.

³ Kaiser Friedrich III. Das Kriegstagebuch von 1870/71. Berlin-Leipzig, 1926. S. 230.

⁴ WIA. Bd. 4. S. 592.

¹ Буш М. Указ. соч. С. 376.

² Kolb E. Der Weg aus dem Krieg. S. 326.

Отсутствие громких успехов, помимо всего прочего, затрудняло Бисмарку переговоры с южногерманскими правительствами об объединении страны, начавшиеся практически сразу после первых побед немецкого оружия. Проще всего обстояло дело в Баденом, который еще до войны подавал запрос на принятие в состав Северогерманского союза. В Гессене и Вюртемберге тоже достаточно быстро смирились с перспективой утраты независимости. Самым сложным партнером по переговорам была Бавария, власти которой еще совсем недавно претендовали на то, чтобы стать центром «третьей Германии». Король Людвиг II, поклонник творчества Вагнера и любитель строить шикарные замки, откровенно не любил пруссаков. В этом с ним было солидарно большинство депутатов баварского парламента.

После долгих и трудных переговоров Бисмарк согласился пойти на значительные уступки, сохранив за Баварией ряд особых прав в новой федерации. К примеру, в мирное время баварская армия оставалась под командованием баварского же короля, Бавария сохраняла собственное почтовое и телеграфное управление, а также право самостоятельно назначать ряд косвенных налогов. Не последним аргументом стала тайная субсидия, которая помогла Людвигу II выпутаться из финансовых трудностей и продолжить строительство любимых замков. Посредником в этом вопросе выступил, как и следовало ожидать, Бляйхредер.

Ключевая стадия переговоров стартовала в конце октября в Версале на уровне глав правительств заинтересованных государств. «Завтра сюда придут южногерманские министры, чтобы обсудить новый тысячелетний рейх» — с иронией писал он Иоганне 20 октября¹. Несмотря на наличие предварительных договоренностей, Бисмарку пришлось пустить в ход все свое дипломатическое искусство, старательно изолируя министров друг от друга и «обрабатывая» их поодиночке.

15 ноября были подписаны соглашения с Баденом и Гессеном, однако самое сложное оставалось впереди. Бавария предложила проект дуалистической конфедерации, в которой она выступала бы в роли лидера на пространстве южнее Майна. Представители Вюртемберга в последний момент задержали подписание документа, ссылаясь на отсутствие полномочий. Тем не менее, задержка оказалась недолгой. 23 ноября Бавария и Вюртемберг наконец согласились присоединиться к общегерманскому рейху. Все соглаше-

ния вступали в силу 1 января после ратификации национальными парламентами.

Северогерманский рейхстаг не только ратифицировал соглашения, но и принял 9 декабря резолюцию с предложением Вильгельму I принять императорскую корону. Впрочем, Бисмарк хотел, чтобы инициатива в данном вопросе исходила не от парламентариев, а от других германских монархов. 3 декабря прусский король получил от Людвигу II соответствующее письмо, текст которого был составлен Бисмарком. Единое германское государство готово было появиться на свет.

День провозглашения империи был назначен на 18 января. Это имело глубокое символическое значение — ровно за 170 лет до этой даты в Кенигберге бранденбургский курфюрст был провозглашен прусским королем. Церемония должна была состояться в Версале. Правда, в первых числах января Бисмарку снова пришлось выдерживать борьбу со своим монархом. Речь шла не в последнюю очередь об императорском титуле. Вильгельм I опасался, что дорогая его сердцу прусская монархия растворится в новом государстве, и настаивал на том, чтобы называться «императором Германии». Бисмарк резонно заявлял, что южнонемецкие государства никогда не согласятся с подобной формулировкой, подобающей скорее абсолютному властителю, и титул должен звучать как «германский император». Спор продолжался 17 января в течение трех часов и закончился победой главы правительства, которому, как это уже бывало не раз, пришлось пустить в ход все возможные угрозы и увещания.

«Прости, я ужасно долго не писал тебе, — жаловался Бисмарк Иоганне три дня спустя. — Однако эти императорские роды были тяжелыми, а у королей появляются в такие моменты удивительные причуды, как у беременных женщин перед тем, как они производят на свет то, что все равно не смогут удержать в себе. Выступая в роли акушера, я многократно чувствовал потребность стать бомбой и взорваться, чтобы обрушить все здание. Необходимые дела мало утомляют меня, но ненужные злят»¹.

Споры одновременно и с королем, и с генералами отнимали у Бисмарка остатки сил и душевного равновесия. Иногда он терял контроль над собой — как рассказывал граф Лендорф, придя однажды на прием к монарху, Бисмарк встретил категорический отказ в аудиенции, поскольку у короля была мигрень. Канцлер собрался уходить, как вдруг увидел гофмаршала графа Перпоншера, входящего в покои Вильгельма. «Его впускают, а меня нет? Пусть кто хочет,

¹ WIA. Bd. 4. S. 558.

¹ Ibid. S. 632.

тот продолжает это! Я еду домой!» — вскричал Бисмарк, отшвырнув папку с бумагами и ринувшись вниз по лестнице. Лендорф метнулся к королю, который приказал немедленно вернуть канцлера и выпустить его. Адьютант догнал главу правительства, вручил ему папку и направил к монарху, однако, выйдя из покоев короля, Бисмарк не выдержал и разрыдался¹. Возможно, в этом была и доля актерской игры, однако искренность эмоций не подлежит сомнению. Вероятно, только то, что «железный канцлер» время от времени давал им выход, уберегло его от серьезного нервного срыва с далеко идущими последствиями в решающие дни своей политической карьеры.

18 января, в Большом зеркальном зале Версальского дворца было торжественно провозглашено создание Германской империи. Сама атмосфера, в которой появилась на свет новая великая держава, была глубоко символичной. У ворот окруженной вражеской столицы, в главной квартире действующей армии, в резиденции французских монархов, которые мечтали о гегемонии в Европе, действие смотрелось особенно эффектно. Неудивительно, что большинство собравшихся составляли люди в униформе. Штатские, в первую очередь депутаты парламента, оказались оттеснены на мизансцену. Бисмарк также надел свой генеральский мундир. Зять прусского короля, великий герцог Баденский, играл на церемонии одну из главных ролей — он умело обошел предмет вчерашнего спора между монархом и его паладином, провозгласив здравницу просто в честь «императора Вильгельма». Тем не менее, свежее испеченный кайзер, тепло поприветствовав многих присутствующих, прошел мимо Бисмарка, как мимо предмета мебели, даже не удостоив его взглядом. Канцлер, по свидетельству очевидцев, был необычайно бледен — его самочувствие явно оставляло желать лучшего².

Тем временем предсказание Мольтке наконец-то сбылось — ситуация с продовольствием в Париже стала критической. К тому же в первой половине января французские армии потерпели ряд крупных поражений. 23 января Фавр вступил с Бисмарком в переговоры по вопросу о перемирии. Естественно, что к этим переговорам привлекли и Мольтке, однако на вторых ролях — главным уполномоченным с немецкой стороны был назначен Бисмарк. 28 января Бисмарк и Фавр заключили франко-германское перемирие сроком на 21 день.

После выборов в новый парламент в двадцатых числах февраля начались переговоры об условиях предварительного мира, с французской стороны их вел ставший главой правительства Адольф Тьер.

«Мой маленький друг Тьер, — писал Бисмарк Иоганне, — весьма умен и любезен, но плохой переговорщик. Мыслительная пена не удержимо хлещет из него, как из открытой бутылки, и истощает терпение, поскольку сквозь нее очень сложно добраться до чего-то такого, чем можно утолить жажду. При этом он храбрый маленький человек, светловолосый, достойный уважения, добрые старые французские манеры, и мне было непросто заставить себя быть с ним настолько жестким, как это требовалось»¹.

26 февраля был подписан предварительный мир, по которому Германия получала значительную часть Лотарингии, Эльзас и 5 миллиардов франков военной контрибуции, которые надлежало выплатить в трехлетний срок. По последнему вопросу Бисмарка консультировал Бляйхредер, считавший, что такое финансовое кровопускание позволит надолго ослабить Париж. Французам удалось сохранить крепость Бельфор, однако пришлось согласиться на вступление немецких войск в Париж. Последние, однако, заняли лишь на пару дней небольшую часть города — по большому счету это была демонстрация, рассчитанная на то, чтобы сделать приятное прусскому королю.

Бисмарк также — последний раз в своей жизни — побывал на улицах французской столицы, которую еще совсем недавно предлагал превратить артиллерийским огнем в груды развалин. 6 марта он покинул Версаль и отправился в Германию, сделав остановку в Меце — французской крепости, которая теперь отходила Германской империи. «Огромный, с коротким носом, большими мешками под смотревшими умным взглядом глазами, один из которых слезился» — описывали его очевидцы².

10 мая 1871 года последовал окончательный мирный договор, заключенный во Франкфурте-на-Майне. К этому моменту, однако, мысли Бисмарка гораздо больше занимали вопросы, связанные с внутренним развитием новой империи, канцлером которой он стал.

* * *

В 1871 году завершился важный период в судьбе и деятельности Бисмарка. Задача, которую впоследствии назовут делом его жизни — решение германского вопроса — была выполнена. В истории Германии, да и всей Европы открылась новая глава. Можно спорить о том, в какой степени германское единство стало его де-

¹ Richter W. Op. cit. S. 243.

² Keudell R.v. Op. cit. S. 466.

¹ WIA. Bd. 4. S. 636.

² Richter W. Op. cit. S. 260.

тищем, однако заслуга «железного канцлера» в том, что оно было достигнуто, бесспорно. Еще большее влияние он оказал на то, как и в какой форме было выковано это единство. Именно 1871 год, венчавший целую эпоху в жизни Бисмарка, обеспечил ему место в истории.

Заслуги паладина были по достоинству оценены и монархом. 21 марта ему был дарован титул князя. А в июне 1871 года Бисмарку было подарено имение Фридрихсру к юго-востоку от Гамбурга, которое по своей территории было еще больше, чем Варцин. Таким образом, канцлер, и без того обеспеченный человек, оказался в числе самых крупных землевладельцев Пруссии. На территории имения находилась значительная часть самого крупного сохранившегося на севере Германии лесного массива — так называемого Саксонского леса. Ее площадь составляла около 30 тысяч моргенов. Именно поэтому Бисмарка в конце жизни часто называли «старцем из Саксонского леса».

Усадебный дом представлял собой слегка перестроенную трехэтажную гостиницу. На дворец она, мягко говоря, не тянула, однако идею строительства нового здания Бисмарк отверг; по его мнению, оно продлилось бы слишком долго, а провести последние годы жизни рядом со стройплощадкой было не лучшей перспективой. В конечном счете, здание оказалось вполне удобным, пусть и неказистым внешне. Самое главное его преимущество с точки зрения Бисмарка заключалось в том, что из окон были видны лесные просторы. Правда, в конечном счете дом пришлось обнести высокой оградой, которая призвана была защитить покой канцлера от любопытных посетителей, которые в изобилии прибывали сюда из расположенного неподалеку Гамбурга.

Успешное окончание войны, как и следовало ожидать, оказало благоприятное влияние на здоровье Бисмарка. Как записала в марте 1871 года в своем дневнике баронесса Шпитцемберг, он «выглядел очень хорошо и свежо, только его усы, похоже, поседели»¹.

По словам Эберхарда Кольба, «Бисмарк в возрасте 56 лет находился на вершине своей политической карьеры; в Германии и далеко за ее пределами он окончательно был признан выдающимся европейским государственным деятелем»². Однако о том, чтобы почивать на лаврах, речь не шла. Ему еще предстояло много лет напряженной деятельности.

¹ Spitzemberg H.v. Op. cit. S. 121.

² Kolb E. Bismarck. S. 93.

ГЛАВА 12

«ВНУТРЕННЕЕ ОСНОВАНИЕ ИМПЕРИИ»

1871 год открыл новую эпоху не только в истории Германии, но и в биографии Бисмарка. Отныне он возглавлял правительство самой сильной из великих европейских держав. За его плечами был внушительный опыт и непререкаемый авторитет как внутри, так и за пределами страны. Тем не менее, ситуация не располагала к тому, чтобы спокойно наслаждаться жизнью.

В какой-то степени Бисмарку после объединения страны предстояла задача даже более сложная, чем в предшествующие годы. Формально империя была создана, однако впереди была титаническая работа по формированию ее основ. Бисмарку предстояло укрепить власть старой прусской элиты, одновременно приспособив существующую систему к требованиям времени.

Конституция Германской империи была принята 14 апреля 1871 года. Фактически в своих основных чертах она повторяла конституцию Северогерманского союза. Империя формально являлась союзом германских государств, которые и выступали в роли источника суверенитета. Федеративная структура позволяла укрепить доминирование Пруссии и ограничить власть общенационального парламента.

Главной задачей конституции стало, с одной стороны, обеспечить Германии возможность дальнейшего экономического и социального развития, а с другой, сохранить традиционалистские властные структуры, которые существовали в Пруссии. Словно следуя рецепту Талейрана, основной закон государства был кратким и темным. В нем существовало огромное количество лакун, умолчаний и расплывчатых формулировок. Наследник прусского престола кронпринц Фридрих Вильгельм называл ее «тщательно прилаженным хаосом»¹. Историк Вольфганг Моммзен говорил о «системе непринятых решений»².

¹ Kaiser Friedrich III. Op. cit. S. 305.

² Kirsch M. Monarch und Parlament im 19. Jahrhundert. Göttingen, 1999. S. 330.

Имперский канцлер занимал в этой системе ключевое место. Он был единственным общеимперским министром. Один из специалистов по государственному праву того времени называл его «основанием, началом и концом всей исполнительной власти»¹. Канцлер руководил пока еще небольшим административным аппаратом германского государства. Все распоряжения монарха для вступления в силу должны были получить его подпись. Именно он представлял правительственную политику перед парламентом — рейхстагом. Фактически канцлер становился едва ли не единственным посредником, связующим звеном между различными центрами силы — монархом, бундесратом, рейхстагом. Далеко не случайно исследователи говорят о его должности как о «ключевой позиции в конституционной действительности Второй империи»². Положение Бисмарка укрепляло и то, что он сохранил в своих руках должности министра-президента и министра иностранных дел Пруссии.

Власть «железного канцлера», как это часто бывает, значительно усиливалась благодаря его личной харизме. Многие современники воспринимали его как абсолютного властителя Германии, по воле которого происходит все в стране. «Было время, когда никто в Германии не взял бы на себя смелость сказать, как далеко простирается его воля» — писал либерал Людвиг Бамбергер. «Все зависит от Бисмарка, никогда ни у кого не было более единоличной власти» — констатировал посол Швейнитц. Американский дипломат Джон Кессон называл Бисмарка «в принципе всемогущим диктатором». Политик Фридрих Капп заявлял: «Для Бисмарка существует лишь одна форма правления: он сам»³. Естественно, все это было преувеличением реальных возможностей канцлера. Однако сам факт, что современники воспринимали его таким образом, помогал Бисмарку проводить в жизнь свою волю.

Правда, была у имперского канцлера и своеобразная «ахиллесова пята»: его назначение и смещение всецело зависело от воли монарха. Пока на престоле находился престарелый Вильгельм I, не мыслявший своего правления без верного паладина, Бисмарк пользовался практически безусловной поддержкой трона. Император нередко спорил с канцлером по различным вопросам, но в большинстве случаев в конечном счете уступал. Говорят, однажды в беседе с одним из своих приближенных Вильгельм I горько вздохнул и признался:

«Нелегко быть императором при таком канцлере»⁴. Однако с началом правления другого монарха ситуация могла измениться. Получалось, что без согласия рейхстага канцлер не мог успешно проводить свою политику, но в то же время его положение зависело от доверия монарха. Глава правительства в любом конфликте рисковал оказаться между двух огней, между молотом и наковальней. Однако эта опасность в полной мере проявила себя уже при преемниках Бисмарка.

В любом случае, говорить о «диктатуре бонапартистского типа»² в отношении «железного канцлера» не совсем верно. Даже Ганс-Ульрих Велер, отстаивавший в свое время применение подобного термина, со временем отдал предпочтение концепции «харизматичного правления» Бисмарка³. Еще одним распространенным и не очень точным понятием еще в конце XIX века стала «диктатура канцлера» — термин, который встречается в историографии вплоть до сегодняшнего дня.

Отсутствие реальной правительственной ответственности имело еще одно неприятное для канцлера последствие: представленные в парламенте партии были лишены стимула к формированию устойчивого большинства, образованию коалиций и достижению компромиссов. А большинство было необходимо канцлеру для того, чтобы законодательный процесс шел в соответствии с его пожеланиями. С этой проблемой Бисмарк боролся на протяжении следующих двух десятилетий и, в конечном счете, потерпел поражение.

Роль рейхстага в системе государственных институтов была достаточно ограниченной. Вне сферы его влияния находились армия, внешняя политика и бюрократический аппарат. Однако говорить, подобно некоторым историкам, о «завуалированной форме монархического абсолютизма»⁴ было бы неправильно. Без согласия парламента не мог вступить в силу ни один закон, он располагал и бюджетным правом, которое порой становилось серьезным аргументом в политической борьбе. Более того, влияние рейхстага со временем росло за счет того, что парламентские дебаты находились в центре внимания германского общества. Постепенно он стал восприниматься как один из центральных органов власти, форум нации. И монарх, и канцлер были вынуждены сотрудничать с рейхстагом и искать с ним компромиссы.

¹ Градовский А. Германская конституция. Ч.2. СПб., 1876. С. 145.

² Rauh M. *Föderalismus und Parlamentarismus im wilhelminischen Reich*. Düsseldorf, 1973. S. 62.

³ Wehler H.U. *Op. cit.* S. 373-374.

¹ Ibid. S. 374.

² Чубинский В.В. Указ. соч. С. 403.

³ Wehler H.U. *Op. cit.* S. 368.

⁴ Barraclough C. *The origins of modern Germany*. Oxford, 1947. P. 424.

В рейхстаге в начале 1870-х годов было представлено около десятка политических сил, не считая независимых депутатов. Мажоритарная система — каждый кандидат должен был получить большинство в одном из избирательных округов, партийных списков не существовало — благоприятствовала политическим силам, имевшим четкую региональную привязку. Все представленные в рейхстаге партии и группы можно условно разделить на четыре лагеря.

В первом находились две правые партии — консерваторы и свободные консерваторы. Первые, опираясь в первую очередь на прусское дворянство, были поначалу скептически настроены по отношению к новой империи и сотрудничеству Бисмарка с либералами. Свободные консерваторы (Имперская партия), напротив, поддерживали «железного канцлера» во всем.

Второй — либеральный — лагерь был наиболее многочисленным. Либеральная имперская партия безоговорочно поддерживала правительство; своих избирателей она находила, в первую очередь, в южных и западных регионах Германии. Национал-либеральная партия сформировала самую мощную фракцию в парламенте (125 депутатов из 382) и могла с наибольшим основанием говорить о себе как о «правительственной партии». Национал-либералы были стратегическими союзниками Бисмарка, что не исключало расхождений по отдельным вопросам. Большинство представителей этой партии считали, что страна должна двигаться дальше по пути развития парламентаризма, однако этот процесс вполне может быть плавным и бесконфликтным. Устраивать войну с правительством они считали контрпродуктивным, тем более что имелось немало точек соприкосновения — от экономической политики до борьбы с влиянием католической Церкви. Наконец, третья либеральная партия, прогрессисты, по-прежнему находилась в оппозиции, хотя это не исключало сотрудничества с правительством в отдельных вопросах.

Третий лагерь можно было бы назвать «протестным». Здесь собрались представители различных меньшинств, скептически относившихся к новой империи. Ядром этого лагеря являлась католическая партия Центра. Католики составляли чуть больше трети населения новой империи, зато были подавляющим большинством в южногерманских государствах, где были широко распространены антипрусские настроения. Именно поэтому Центр с самого начала выступил с позиций противника прусской гегемонии и защиты прав отдельных государств — членов империи. Кроме того, партия защищала позиции Церкви в государстве и обществе. К Центру примыкали депутаты от прусских поляков и датчан, а также вельфы.

С 1874 года этот лагерь пополнился также представителями Эльзас-Лотарингии.

Четвертый лагерь в 1871 году существовал еще в зародыше. Речь идет о германской социал-демократии, представленной двумя партиями — Всеобщим германским рабочим союзом («лассальянцами») и Социал-демократической рабочей партией («эйзенахцами»). В 1871 году немецкие левые были представлены в парламенте всего двумя депутатами, получив на выборах немногим более трех процентов голосов. Однако затем их представительство почти непрерывно росло. В 1875 году обе группы объединились в Социалистическую рабочую партию Германии.

Эту партию можно с некоторыми оговорками назвать единственной существовавшей на тот момент партией современного типа — с развитой сетью первичных организаций, массовым членством, постоянно работающими органами и прессой. В какой-то степени с ней могла конкурировать в этом отношении партия Центра, однако она опиралась, в первую очередь, на развитую сеть церковных организаций. Остальные являлись в чистом виде «партиями уважаемых людей» без четкой организационной структуры, центром деятельности которых являлась парламентская фракция. О работе с избирателями вспоминали только в предвыборный период, массового членства не существовало. Иногда кандидаты шли на выборы независимо друг от друга и лишь потом, оказавшись в парламенте, решали, к какой из фракций им примкнуть.

Все это сыграло значительную роль несколько позднее, а пока в палате доминировали представители либерального течения, сосредоточившие в своих руках более двухсот мандатов. Бисмарк при проведении своей политики мог опереться на правоцентристскую коалицию в составе Имперской, Либеральной имперской и Национал-либеральной партий, которые все вместе контролировали 194 места в палате — опять же, абсолютное большинство. Поэтому стартовые условия для его внутренней политики выглядели вполне благоприятно.

Прекрасно понимая значение общественного мнения, Бисмарк использовал все возможные инструменты для того, чтобы оказывать на него влияние. Главным инструментом являлась пресса. Прямо или косвенно подконтрольные правительству издания могли позднее действовать с искусством слаженного оркестра, разворачивая целые кампании для мобилизации общественного мнения. На правительство работало так называемое Литературное бюро, сотрудники которого готовили новостные и публицистические материалы для прессы необходимого Бисмарку содержания. Говоря современным

языком, это был отдел по связям с общественностью, достаточно профессиональный и эффективный.

В 1869 году было достигнуто секретное соглашение между прусским правительством и телеграфным бюро Вольфа — информационным агентством, имевшим практически монопольное положение в Германии. В обмен на финансовую поддержку бюро обязывалось учитывать в своей деятельности интересы правительства, став фактически официозным каналом информации. Правительство выпускало еженедельник «Провинциальная корреспонденция», который отражал официальный взгляд на происходившие события; его статьи активно перепечатывались местной прессой. В начале 1880-х годов ей на смену пришли «Новейшие известия», которые не носили откровенно официального характера. Целый ряд крупных газет получал скрытые дотации от правительства.

Тем не менее, эффективность усилий правительства на этом направлении оставалась ограниченной. Как пишут современные исследователи данной проблемы, «ни открытое, ни скрытое влияние (...) не добились ожидаемых успехов»¹. Причина заключалась в наличии на рынке прессы свободной конкуренции множества изданий, в рамках которой правительственные органы не могли добиться желаемого доминирующего положения.

* * *

Историю германской внутренней и внешней политики 1870-80-х годов нередко рисуют как деятельность одного человека — «железного канцлера». В реальности он был лишь самым ярким и, быть может, могущественным из множества игроков. Политические партии отстаивали свои интересы, заставляя его корректировать курс. Практически вне зоны влияния и контроля канцлера оставались вооруженные силы, верхушка которых считала себя ответственной за политику безопасности страны. Окружение монарха также пользовалось большой независимостью; при дворе существовала группировка во главе с Аугустой, враждебная Бисмарку и доставлявшая ему немало хлопот.

Период канцлерства Бисмарка пришелся на время стремительных и радикальных изменений в жизни немецкого общества. Глава

¹ Sösemann B. Die Presse ist der „Dampfwagen der Gedanken“. Verleger und Journalisten im Wandel von Öffentlichkeit und Politik in der Ära Bismarck / Regierung, Parlament und Öffentlichkeit im Zeitalter Bismarcks. Politikstile im Wandel. Paderborn, 2003. S. 57.

правительства был вынужден постоянно сталкиваться с вызовами из сфер, над которыми у него не было практически никакой власти. Стремительно росло значение промышленного сектора экономики; именно в 1870–80-е годы Германия превратилась из аграрной страны в индустриальную. Одновременно происходили процессы урбанизации, шел мощный отток населения из сельской местности в города, которые превращались в современные мегаполисы. Быстро росла численность городского пролетариата, который все больше приобретал черты параллельного общества со своей культурой. Дорогой сердцу Бисмарка мир сельской Пруссии стремительно отступал под натиском новых сил.

Эти изменения сопровождались множеством проблем и сложностей. Эпоха процветания закончилась уже в 1873 году, и два следующих десятилетия прошли под знаком нескольких волн экономических депрессий. Банкротства, массовые увольнения и прочие характерные для экономических кризисов явления не улучшали ситуацию в стране. Новые отрасли промышленности, которым предстояло в 1890-е годы стать моторами следующей волны роста — такие, как химия или электротехника — еще только делали первые шаги. В середине 1870-х годов поток зернового экспорта из Америки привел к резкому снижению цен на хлеб в Европе. В Германии это вызвало кризис аграрной сферы, затронувший как лично Бисмарка, так и социально и эмоционально близкие ему социальные слои. Одним словом, обстановка, в которой ему предстояло проводить свою политику, была далека от идеальной.

Но пока что проблемы были в будущем. Первые годы существования Германской империи прошли во внутренней политике под знаком так называемой Либеральной эры. Сотрудничество Бисмарка с либералами продолжалось вплоть до второй половины 1870-х годов. Часто главным событием эпохи называют так называемый Культуркампф — борьбу против влияния католической Церкви. На самом деле, этот процесс просто был наиболее громким и ярким, привлекая внимание как современников, так и историков. Но одновременно с ним происходили не менее важные, пусть и менее заметные процессы.

Главным из них было как раз «внутреннее основание империи». В течение нескольких лет была проведена огромная законодательная работа, направленная на модернизацию Германии. На всю империю было распространено законодательство Северогерманского союза, касавшееся свободы передвижения и предпринимательской деятельности, свободы мер и весов и так далее. Был принят валютный закон, который ввел на территории всей страны единую денежную

единицу — марку. Появилось новое законодательство в области ценных бумаг, целый ряд законов в сфере права и управления. В 1871 году был принят уголовный кодекс, в 1873 году началась кропотливая работа по кодификации гражданского права (завершена она была уже только после отставки Бисмарка). В 1876—79 годах были унифицированы процессуальные нормы в уголовной и гражданской сфере, а также общая структура судебной системы.

Постоянно расширялась система имперских органов власти. Обойтись сравнительно небольшим ведомством федерального канцлера и прусскими министерствами, как это изначально планировал Бисмарк, было нереально. Уже в 1871 году было создано ведомство иностранных дел. Два года спустя было создано имперское железнодорожное ведомство, в 1876 году — имперское ведомство здравоохранения и имперское почтовое ведомство, в 1877 году — имперское ведомство юстиции, в 1879 году — имперское казначейство и ведомство по делам Эльзаса и Лотарингии. Ведомство имперского канцлера превратилось в ведомство внутренних дел. В качестве аппарата главы правительства ему на смену в 1878 году пришла имперская канцелярия. Именно последняя достаточно быстро заняла центральное место в системе государственных учреждений. Кроме того, в 1875 году был создан Имперский банк (на основе Прусского государственного банка), а в 1879 году — Имперский суд в Лейпциге, ставший высшей судебной инстанцией страны.

В экономической политике Бисмарк полагался, в первую очередь, на своих подчиненных, известных своими либеральными взглядами — уже упомянутого Дельбрюка и прусского министра финансов Отто фон Кампгаузена. Молодая Германская империя в результате твердо придерживалась принципов свободной торговли. В 1875 году, например, было принято решение об отмене последних импортных пошлин на железо. Сам Бисмарк не был пламенным сторонником свободной торговли, однако не считал этот вопрос принципиальным.

Фактически с момента создания империи началось противостояние между правительством и католической Церковью, в первую очередь в лице партии Центра. Бисмарк вел эту борьбу совместно с либералами, которые считали ее исключительно важной для развития современного светского государства. Историки до сих пор спорят о мотивах, которые побудили «железного канцлера» не просто начать противостояние, но и придать ему характер и размах настоящего «крестового похода». Впрочем, замыслы и планы Бисмарка в принципе с трудом поддаются дешифровке; он часто не посвящал в них никого из своего окружения. «Фауст жалуется, что в его груди

обитают две души; в моей их много, и они спорят между собой, это целая республика, — сказал он однажды в частной беседе. — Слова некоторых из них я озвучиваю. Но там есть целые провинции, куда я не позволю заглянуть ни одному человеку»¹.

Первая точка зрения исходит из того, что Бисмарк видел в партии Центра оплот партикуляристских сил, враждебных Пруссии и новой империи. Иногда при этом Культуркампф объясняется психологическими особенностями «железного канцлера». Борьба с политическим католицизмом представляется как плод личной ненависти к людям, противившимся его воле. Бисмарк был, действительно, нетерпим к критике, и с годами эта нетерпимость только усиливалась. Тех, кто вставал у него поперек дороги, он старался уничтожать, переходя при этом порой границы разумного и необходимого.

Согласно второй точке зрения, «железный канцлер» считал католическое духовенство агентами враждебного иностранного влияния в силу того, что они подчинялись неподконтрольной ему зарубежной силе — Папе римскому. Кроме того, основной противник — Франция — являлась католической державой.

В соответствии с третьей версией, Бисмарк использовал Культуркампф в первую очередь для того, чтобы теснее привязать к себе либералов и обеспечить их согласие на проводимую им политику, а также мобилизовать общественность в поддержку правительственного курса.

Четвертая, практически противоположная точка зрения предполагает, что не Бисмарк, а как раз либеральные политики были основной движущей силой Культуркампфа. Симптоматично, что сам термин ввел в оборот отнюдь не Бисмарк, а Рудольф Вирхов, один из лидеров левых либералов. Бисмарк же стремился оставаться в значительной степени над схваткой, представляя Культуркампф в качестве борьбы между двумя общественно-политическими силами — либералами с одной и клерикалами с другой стороны.

Скорее всего, все эти версии имеют под собой определенную основу. Бисмарк изначально негативно относился к германским католикам. Это отношение он, естественно, перенес на партию Центра. Впоследствии в одном из разговоров он заявил, что его жизнь поддерживают и украшают двое: жена и лидер партии Центра Людвиг Виндхорст. Первая существует для любви, второй — для ненависти². В то же время очевидно, что Бисмарк вел борьбу против Центра не только ради самой борьбы. Он использовал ее в качестве инстру-

¹ Keudell R.v. Op. cit. S. 221.

² Klemm M. Op. cit. Bd. 1. S. 387.

мента для достижения других целей. Его противники справедливо указывали на это; епископ Кеттелер говорил, что «настоящий смысл Культуркампа» заключается в том, чтобы сохранить «старую монархически-абсолютистски-милитаристскую Пруссию»¹.

Лидеры политического католицизма, впрочем, и сами немало сделали для того, чтобы разжечь огонь войны. Партия Центра с самого начала демонстрировала свое негативное отношение к новой империи. Опубликованная осенью 1870 года предвыборная программа содержала критику в адрес прусской гегемонии. В конце марта 1871 года депутаты Центра проголосовали против благодарственного послания, которое только что избранный парламент направил императору. При обсуждении конституции они требовали включить в нее основные права и свободы граждан; эта поправка была отклонена большинством палаты. Таким образом, противостояние в рейхстаге обозначилось с самого начала независимо от воли Бисмарка. И канцлер имел некоторые основания заявить в парламенте: «Вернувшись из Франции, я не имел возможности рассматривать создание этой фракции иначе как мобилизацию партии против государства»².

Необходимо еще учесть, что борьба с влиянием католической Церкви на государство и общество развернулась в этот период во многих странах Европы. Одной из причин этого была откровенно реакционная политика Папы римского Пия IX, пытавшегося своими энцикликами вернуть паству в эпоху Средневековья. В 1864 году был опубликован «Список современных заблуждений», включавший в себя многие вещи, считавшиеся в современном обществе символом прогресса или даже нормой жизни, а в 1870 году Ватиканским собором был провозглашен догмат о папской непогрешимости.

В рамках Культуркампа в 1871–75 годах было принято в общей сложности более двадцати имперских и прусских законов. Их можно условно разделить на две группы — «модернизационные», сокращавшие влияние религиозных структур на государство и общество, и «репрессивные», призванные наказать Церковь за неповиновение.

Первым шагом Культуркампа стал роспуск католического департамента прусского министерства культов, который последовал в июле 1871 года. Этот департамент, созданный в 1841 году, должен был обеспечивать соблюдение интересов религиозного меньшинства, каковым являлись католики в Пруссии, а затем и германской империи. Месяц спустя, в августе 1871 года, Бисмарк объявил министру культов фон Мюлеру, что «его целями являет-

ся борьба с католической партией, особенно в польских областях, Западной Пруссии, Позене, Верхней Силезии — отделение церкви от государства, церкви от школы. Передача школьной инспекции светским лицам. Исключение религиозных уроков из школьных программ»¹. В декабре 1871 года был принят имперский закон, вносивший изменения в уголовный кодекс — так называемый «кафедральный параграф». Теперь уголовно наказуемым становилось произнесение духовными лицами проповедей, направленных против «общественного мира», то есть против существующей государственной системы.

Категорически не согласный с этими установками Мюлер был вынужден подать в отставку в январе 1872 года. Его преемником был назначен Адальберт Фальк, человек либеральных взглядов, который стал правой рукой «железного канцлера» в борьбе с католической церковью. Вскоре в Пруссии был принят законопроект о школьном надзоре, передававший права инспекции от церковных органов светским. Находившийся в отставке Мюлер прокомментировал это в одном из своих писем: «С наибольшим удовольствием Бисмарк совсем изгнал бы церковь и религиозные идеи из общественной жизни и сделал бы личным делом каждого»².

Весной 1872 года Бисмарк сделал явно провокационный шаг, предложив князя Гогенлоэ на пост прусского посланника при Святом Престоле. Гогенлоэ, являясь кардиналом, был тем не менее противником иезуитов и не поддерживал строго реакционный курс римской курии. В связи с этим он был изначально неприемлемой для Ватикана кандидатурой. Когда Папа отверг кандидатуру Гогенлоэ, это было использовано «железным канцлером» как повод заявить о враждебности католической церкви по отношению к новой империи. Выступая в рейхстаге по этому вопросу, Бисмарк произнес одну из самых знаменитых своих фраз: «Мы не пойдем в Каноссу, ни телом ни душой!»³, намекая при этом на известное путешествие германского императора Генриха IV, который в 1077 году отправился в итальянский замок Каносса, чтобы униженно просить прощения у папы Григория VII.

Несколько недель спустя на свет появился закон о запрете деятельности в Германской империи ордена иезуитов и других родственных орденов. Эти католические ордена распускались, их члены, являвшиеся иностранными подданными, выпроваживались за

¹ Wehler H.U. Op. cit. S. 900.

² PR. Bd. 5. S. 233.

¹ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. Berlin, 1990. S. 123.

² Ibid. S. 131.

³ WIA. Bd. 5. S. 193.

границу. А весной 1873 года прусский ландтаг принял целый пакет законопроектов, наносивших новый удар по позициям католической церкви. Первый из них обязывал будущих католических священников иметь аттестат зрелости, который выдавался после окончания гимназии. Кроме того, необходимо было университетское образование, причем студенты-теологи должны были сдавать так называемый «экзамен по культуре», в ходе которого проверялись их знания в сфере философии, истории и германской литературы. Тем самым государственный аппарат должен был получить возможность влиять на подготовку священников в выгодном ему ключе. Второй закон делал назначение епископов и священников зависимым от одобрения государственных структур. Третий практически полностью отменял дисциплинарную власть церковных иерархов. Четвертый закон облегчал гражданину выход из церковной общины. Эти так называемые «майские законы» были разработаны министерством культов при активном участии либеральных депутатов. Фактически они были нацелены даже не на отделение церкви от государства, а на подчинение первой второму.

«Майские законы» 1873 года обострили конфликт с католической церковью до предела. Прусские епископы сразу же заявили о том, что отказываются их признавать. Конфликты между священниками и представителями власти множились, все больше приходов оставались вакантными. Духовные лица приговаривались к большим денежным штрафам; епископ Трирский, например, должен был заплатить 130 тысяч марок. Обычно эти суммы не выплачивались, и тогда государство под возмущенный ропот общественности приступало к конфискации церковного имущества. С мая 1874 года духовные лица, нарушавшие «майские законы», могли быть выслааны из района своего проживания. В особых случаях они могли быть даже лишены гражданства и отправлены за пределы империи.

В 1874 году в Пруссии был введен обязательный светский брак. Венчаться можно было только после регистрации в местных органах власти, в противном случае брак не признавался законным. Кроме того, обязательной регистрации в светских инстанциях подлежали все рождения и смерти. Год спустя эти положения были распространены на всю территорию империи. Сам Бисмарк, опять же, не принадлежал к числу сторонников светского брака, но в войне все средства были хороши.

В 1875 году был принят еще ряд законов, направленных против католической церкви. Так называемый «закон о корзине с хлебом» лишил государственной финансовой поддержки те церковные учреждения, которые не были готовы заявить о своей безусловной

покорности законам. Учитывая, что в феврале 1875 года римский папа объявил прусские «майские законы» недействительными, это означало весьма серьезный удар по германской католической церкви в целом. «От этой меры, — заявил Бисмарк в прусском парламенте, — я не жду никакого успеха, но мы просто выполняем свой долг, защищая независимость нашего государства и нации от чуждого влияния»¹. В том же году в Германии были запрещены все монашеские ордена, за исключением тех, которые занимались только заботой о больных. Эта мера затронула почти 10 тысяч монахов. Были также отменены постановления прусской конституции 1850 года, касавшиеся внутренней автономии Церкви. «Осиротевшие» церковные владения передавались в управление государственным чиновникам или общинам.

Важную роль играло не только содержание, но и формы, которые принимал Культуркампф. Поддерживавшая правительство пресса быстро придала борьбе эсхатологические черты. Сторонники партии Центра были заклеены как «враги империи», желающие погубить не только нового государства, но и немецкой нации в целом. Не было такого обвинения, которое не предъявили бы в эти годы политическому католицизму. «Министр-президент — это еще не государство, и еще ни один министр не рисковал называть своих врагов врагами государства» — защищался лидер партии Центра Виндхорст в рейхстаге². Однако руководимая правительством пропаганда продолжала говорить о «вражеских агентах» и «противниках прогресса». Каждый, кто поддерживал партию Центра, должен был чувствовать себя предателем нации.

Насколько успешной оказалась эта политика? Принято считать, что Культуркампф закончился полным провалом. Выборы в прусский ландтаг в конце 1873 года и в германский рейхстаг в начале 1874 года продемонстрировали, что число избирателей партии Центра значительно выросло. Культуркампф заставил германских католиков сплотиться вокруг Виндхорста и его товарищей. В течение определенного времени «железный канцлер» рассчитывал на то, что среди германских католиков произойдет раскол, и значительная часть церковной организации встанет на сторону государства. Он просчитался — Культуркампф в значительной мере способствовал смягчению существовавших среди католического клира противоречий и консолидации его рядов. Тем не менее, Культуркампф оказался успешен в том плане, что стал для Бисмарка весьма эффективным

¹ Ibid. S. 540.

² Schmidt R. Op. cit. S. 236.

рычагом давления на своих союзников-либералов, с помощью которого он добивался выгодных ему компромиссов.

Впоследствии «железного канцлера» не раз обвиняли в том, что он в ходе Культуркампа нанес немецкому народу раны, не затягивавшиеся в течение долгого времени, способствовал расколу нации, создал традицию борьбы со всеми несогласными. «Цена, которую пришлось заплатить за политику «бастионов» и «осажденного лагеря», была велика и имела далеко идущие последствия, — писал, к примеру, Райнер Шмидт. — Это был раскол нации на «верные империи» и «враждебные империи» элементы, между которыми шла почти что латентная гражданская война. Изгнание партий, носителей воли нации, в гетто политического бессилия. Уничтожение и изоляция всех критических умов, так что в немецком обществе, подобно хронической болезни, распространилась бесхребетность. Наконец, сложенная воля широких слоев населения к конструктивному участию и ответственности за происходящие в государстве процессы, не позволившая удерживать критическую дистанцию по отношению к правительству и вызвавшая в дальнейшем столь печальный симбиоз культа силы и духа верноподданничества»¹.

Безусловно, этот вывод содержит известное преувеличение, поскольку фактически приписывает «железному канцлеру» возможности единолично определять ход общественного развития. Однако не вызывает сомнений, что политика Бисмарка была направлена на раскол всех возможных противостоящих ему группировок в политической элите и обществе, на то, чтобы за счет равновесия противоборствующих сил удерживать свое ключевое положение в системе властных институтов. При этом он использовал все имевшиеся на тот момент инструменты манипуляции общественным мнением.

* * *

С Культуркампом были тесно переплетены еще несколько процессов. Первым из них была борьба с польским национальным движением, которое также занимало весьма критическую позицию по отношению к немецкому национальному государству. Об отношении Бисмарка к полякам уже говорилось выше. В первой половине 1870-х годов по его инициативе началась пресловутая политика германизации, суть которой заключалась в том, чтобы насильственными мерами сделать живущих в Пруссии поляков носителями германской культуры. Политика эта, в отличие от Культуркампа, ве-

лась в основном на уровне административных предписаний, часто провинциального уровня, и поэтому редко становилась предметом обсуждения в прусском и германском парламенте.

В 1872–73 годах был опубликован ряд указов, в соответствии с которыми преподавание в школах могло вестись только на немецком языке. Лишь в тех учебных заведениях, где доля учеников-немцев была меньше четверти, разрешалось преподавать польский язык как иностранный. В 1872 году был разработан проект закона об официальном языке, принятый четырьмя годами позднее. В соответствии с ним, единственным официальным языком во всех государственных учреждениях Пруссии становился немецкий. Исключения допускались лишь в отдельных регионах и на ограниченный срок.

Необходимо отметить, что сам «железный канцлер» воспринимал политику германизации не как наступление на права национального меньшинства, а как оборону от реально существующей угрозы. Как и многие немцы, он опасался постепенной «полонизации» восточных провинций Пруссии, вытеснения оттуда немцев. В феврале 1872 года он писал прусскому министру внутренних дел Ойленбургу: «У меня такое чувство, что в наших прусских провинциях почва если и не уходит у нас из-под ног, то по крайней мере выхолащивается настолько, что однажды может провалиться»¹.

Культуркамп также до предела обострил отношения Бисмарка с его бывшими политическими друзьями — прусскими консерваторами, которые считали религию важным столпом государства и общества. Их отчуждение началось еще в 1860-е годы. Борьба с Австрией, лишение ряда законных монархов трона, сотрудничество с либералами — вот далеко не полный перечень грехов Бисмарка в глазах консерваторов. Фактически в новой империи они постепенно превращались в оппозицию правительству справа. Это привело не только к политическому отчуждению, но и к разрыву множества личных отношений.

Так, в ходе обсуждения законопроекта о школьном надзоре один из лидеров прусских консерваторов и давний друг Бисмарка Ганс фон Клейст-Ретцов горячо выступил против правительственного предложения, заявив, что «бурные потоки безверия, проистекающие от государства, лишено веры, затопят наши школы»². После этого «железный канцлер», уже вступавший в предыдущие годы в конфликт с бывшим соратником, перестал с ним даже здороваться. Едва ли не единственным человеком в стане прусских консерваторов, с

¹ Ibid. S. 233.

¹ WIA. Bd. 5. S. 161.

² Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 129.

которым Бисмарк поддерживал дружеские отношения, остался Мо-риц фон Бланкенбург.

Однако и с ним общение было далеко не безоблачным. Как писал Бисмарк в своих воспоминаниях, «Бланкенбург был моим товарищем по борьбе, он был мне особенно дорог нашей дружбой, длившейся с детских лет и до самой его смерти. Однако он не отождествлял дружбу с доверием или преданностью в области политики. В этой области я наталкивался на конкуренцию со стороны его политических и духовных отцов. У последних не было намерения, а у Бланкенбурга способности широко оценивать исторический прогресс германской и европейской политики. Сам он был лишен честолюбия и не страдал болезнью многих представителей старопруссской знати — завистью ко мне; но в своих политических суждениях он с трудом мог освободиться от прусско-партикуляристской или даже померанско-лютеранской точки зрения. (...) Борьба между благожелательным отношением ко мне и недостатком энергии по отношению к другим влияниям побудила его в конце концов вообще устраниваться от политики (...) Когда он отошел от политики, у меня было такое чувство, что он покинул меня на произвол судьбы»¹. Обвинять тех, кто не соглашался с ним, в предательстве также было излюбленной манерой Бисмарка.

В 1872 году главой прусского правительства был назначен Роон. Бисмарк сам инициировал это назначение, сославшись на состояние здоровья. Скорее всего, на первом плане были все-таки политические мотивы: старый соратник должен был стать «щитом» между канцлером и видными консерваторами. Долго в этой роли Роон не продержался; его собственное расшатанное здоровье заставило его уйти в конце 1873 года с постов военного министра и главы правительства. «Железный канцлер» вновь стал министром-президентом Пруссии.

«Бисмарк, даже если он сам в этом никогда не признается, внутренне считает себя непогрешимым политическим папой, — писал в эти дни Роон Бланкенбургу. — И все же я не могу отказаться от моих симпатий к нему. Я не знаю, к кому еще я мог бы обратиться свои патриотические стремления и чувства. (...) К слепой толпе, которая сегодня его обожествляет, а завтра, возможно, захочет распять, мы оба не принадлежим, и, чем больше наша сердечная склонность к нему, тем более глубоко и болезненно мы воспринимаем изъяны его могучего характера»².

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 2. С. 131.

² Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 63.

Роон остался одним из немногих политических сподвижников Бисмарка, с которым его связывала крепкая личная дружба. После отставки канцлер направил ему письмо, ставшее настоящим криком души одинокого человека: «Ваша отставка сделала меня одиноким. (...) На службе вокруг меня воцаряется пустота, чем дальше, тем в большей степени. Старые друзья умирают или становятся врагами, а новых уже не приобретаешь»¹. В окружении Бисмарка оказывалось все больше лояльных исполнителей и все меньше самостоятельных, думающих людей, все больше приспособленцев и все меньше сподвижников. Надеждой «железного канцлера» стал в этот период его старший сын Герберт, который в 1873 году поступил на службу в министерство иностранных дел и работал в качестве личного помощника своего отца.

В том 1872 году Бисмарк провел реформу, окончательно поссорившую его с остальбским юнкерством. На рассмотрение прусского ландтага был вынесен законопроект о реформе местного самоуправления, в соответствии с которым административные полномочия юнкеров были фактически ликвидированы и переданы в руки государственных чиновников. Ликвидация старых, оставшихся еще с феодальных времен порядков оказалась весьма болезненной для остальбского дворянства, привыкшего единовластно распоряжаться в своих владениях. Если нижняя палата прусского ландтага приняла законопроект, то верхняя — «палата господ», куда входили в основном представители юнкерства — намертво заблокировала его. Правительству пришлось прибегнуть к беспрецедентной мере: король за один раз назначил в «палату господ» 24 новых члена, полностью лояльных ему. Благодаря этому удалось получить необходимое большинство.

В ответ на взрыв возмущения Бисмарк отдал органам местной власти распоряжение полностью лишить консерваторов административной поддержки на предстоящих выборах в прусский ландтаг и рейхстаг. Результат не замедлил сказаться: в прусском ландтаге, например, они потеряли 86 мандатов — почти три четверти от своего прежнего представительства. Конфликт между Бисмарком и его консервативными противниками достиг своей высшей точки летом 1875 года, когда «Крестовая газета» опубликовала серию статей, в которой обвинила канцлера в личном обогащении за счет сотрудничества с либералами. Оскорбленный глава правительства спустя некоторое время выступил в рейхстаге с призывом бойкотировать издание.

¹ Kolb E. Op. cit. S. 95.

В ответ большая группа влиятельных консерваторов опубликовала декларацию, в которой полностью поддержала позицию своего печатного органа. Это затронуло Бисмарка особенно болезненно, поскольку среди подписавших документ было немало его прежних личных друзей. В качестве примера можно назвать Райнхольда фон Тадден, брата Марии. Даже нежные чувства к усопшей, которые Бисмарк сохранил до глубокой старости, не удержали его от того, чтобы отправить старинному приятелю письмо, составленное в настолько жестких выражениях, что любые личные контакты между ними становились невозможны. Судя по всему, канцлер был в очередной раз глубоко задет «предательством» своих прежних сподвижников, многие из которых, в свою очередь, считали его самого предателем консервативных ценностей и идеалов.

Разрыв со старыми друзьями оказался настолько болезненным, что Бисмарк и спустя долгие годы не мог относиться к нему спокойно. В своих мемуарах он посвятил этим событиям целую главу. «Для нервов человека в зрелом возрасте, — писал Бисмарк, — является тяжким испытанием внезапно порвать прежние отношения со всеми, или почти всеми, друзьями и знакомыми. Мое здоровье было к тому времени уже давно подорвано не лежащими на мне обязанностями, а непрерывным сознанием ответственности за крупные события, при которых будущее отечества стояло на карте. (...) Изнуряет не работа, а сомнения и чувство чести, ответственность, которая не может опираться ни на что, кроме собственного убеждения и собственной воли, как это резче всего имеет место именно при важнейших кризисах. Общение с людьми, которых считаешь равными себе, помогает преодолевать такие кризисы; и если это общение внезапно прекращается и притом по мотивам скорее личным, чем деловым, скорее из зависти, чем из честных мотивов, а поскольку они являются честными, то совершенно банальны; если ответственный министр внезапно бойкотируется всеми своими прежними друзьями, если с ним обращаются, как с врагом, и он со всеми своими размышлениями остается в одиночестве, то это обостряет воздействие служебных забот на его нервы и его здоровье»¹. Тем не менее, канцлер сознательно использовал конфликт для того, чтобы обострить противоречия в стане самих консерваторов и склонить к большей уступчивости тех, кто не хотел разрыва с правительством.

Парламентские выборы 1874 года завершились триумфом для национал-либералов. В рейхстаге нового созыва они получили 155

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 2. С. 147.

мест из 397. Столь мощную фракцию больше не удастся сформировать ни одной партии за всю историю Второй империи. Однако значительно усилила свое представительство и партия Центра — число ее депутатов выросло в полтора раза, с 60 до 91 человека. Вновь избранному парламенту пришлось иметь дело с весьма сложной проблемой — военным законопроектом. Борьба вокруг него стала одним из центральных событий внутренней политики 1870-х годов.

* * *

Разработка нового законопроекта, который должен был наконец урегулировать висевший в воздухе с 1860-х годов вопрос о порядке утверждения военных расходов, началась еще в 1872 году. Военное министерство настаивало на том, чтобы численность армии мирного времени была зафиксирована на неопределенный срок (так называемый «этернат»). Фактически это лишало рейхстаг возможности оказывать серьезное влияние на размер военных расходов. Поскольку последние составляли больше трех четвертей от всех общеимперских расходов, такое решение наносило серьезный ущерб бюджетному праву рейхстага. На такое ограничение возможностей парламента национал-либералы были не готовы пойти.

Бисмарк был не заинтересован в принятии этерната, поскольку это лишило бы его одного из немногих рычагов давления на военных. Однако он предпочел под предлогом болезни на первый порох самоустраниться от происходящего. В результате бурных парламентских дискуссий в феврале-марте 1874 года ситуация зашла в тупик: ни военные, ни парламентарии не хотели уступать. На горизонте забрезжил призрак нового «военного конфликта».

Только в этот момент канцлер вступил на сцену. Двум депутатам, посетившим его в конце марта, он заявил: «Здесь, в рейхстаге, эти господа, которые избраны моим именем и от которых избиратели хотят, чтобы они поддерживали немецкую имперскую политику, чтобы они вместе со мной противостояли нашим общим врагам, эти господа считают возможным отойти от этого тогда, когда они этим якобы вступают в противоречие со словами, которые были ими сказаны в другом месте, в другое время и при других обстоятельствах. Мне не может нравиться такое положение вещей, я не могу рисковать моей европейской репутацией. Как только я буду в состоянии писать, я подам в отставку. Такому положению вещей, какое вредит высшим интересам империи, должен быть положен конец так скоро, как возможно. И для этого есть лишь два средства: либо

моя отставка, либо роспуск рейхстага»¹. Жесткая позиция должна была склонить к компромиссу колебавшихся национал-либералов. В первых числах апреля на переговорах между канцлером и лидером Национал-либеральной партии был достигнут компромисс — срок действия закона был определен в семь лет (так называемый «септеннат»). 20 апреля военный закон был принят рейхстагом.

Этот компромисс не устроил полностью ни одну из сторон; военные и император пошли на него с большой неохотой, национал-либералы оказались на грани раскола. Уже современники расценивали произошедшее как их поражение. Лидер прогрессистов Ойген Рихтер обвинял национал-либералов в том, что они «поступились конституционными правами народа», и называл принятие септенната своим «первым парламентским поражением в серьезном вопросе»². Многие историки также весьма критически оценивали достигнутый компромисс. По мнению историка Михаэля Штюмера, септеннат «установил масштабы, в которых должно было происходить дальнейшее развитие взаимоотношений буржуазного конституционного государства и доиндустриальных властных элит»³; бюджетному праву рейхстага «были выбиты зубы»⁴. Зато Бисмарк смог продемонстрировать свою необходимость обеим сторонам конфликта и, по сути, добиться поставленной цели.

Горечь от вынужденного компромисса в военном вопросе либералам несколько смягчило принятие закона о прессе, которое произошло практически параллельно, в мае 1874 года. По сравнению с существовавшими ранее правовыми нормами этот закон означал существенный шаг вперед, в сторону либерализации. К примеру, был отменен обязательный залог для издателей газет. Конфискация тиража была возможна только в строго оговоренных случаях. Хотя в руках государства оставались определенные рычаги воздействия на негодные издания, в целом закон оказался одним из наиболее либеральных в мире. Достаточно точным является название, которое дала этому законодательному акту Светлана Валерьяновна Оболенская — «закон о свободе прессы»⁵.

Сам Бисмарк, однако, вполне мог не пережить своей политической победы. 13 июля 1874 года, когда канцлер находился на отды-

хе в Киссингене, на него было совершено очередное покушение. Нужно сказать, что назревало нечто подобное уже довольно давно. Письма с угрозами, по большей части анонимные, уже давно стали для главы правительства чем-то совершенно обыденным, на что даже не стоило обращать внимание. И вот теперь молодой католический подмастерье по фамилии Кульманн решил подкрепить слова делом, выстрелив в Бисмарка из револьвера. Канцлер отделался легким ранением и получил в свои руки прекрасный повод для очередного ужесточения борьбы с политическим католицизмом. Явная связь мотивов покушения с Культуркампом позволила Бисмарку использовать эту историю для борьбы со своими политическими оппонентами. «Отпихивайте этого человека сколько угодно! Он все равно цепляется за подошвы ваших сутан!» — заявил глава правительства в парламенте вскоре после покушения¹. Оружие Кульманна, как и револьвер Блинда, он оставил себе в качестве сувенира.

В 1875–76 годах Культуркампф достиг своего зенита. Государственные структуры вели борьбу с энергией и настойчивостью, не останавливаясь перед весьма жесткими мерами. Католические священники проявляли не меньшее упорство. За четыре года в тюрьму отправилось почти 2 тысячи духовных лиц, в том числе два епископа. Многие тысячи приходов оставались вакантными. Разумеется, такая политика возмущала многих прихожан, для которых посаженный в тюрьму священник становился мучеником за правое дело. «Лишь на практике я убедился, что юридические детали были психологически неверно рассчитаны. Эта ошибка стала мне ясной, когда я представил себе честных, но неуклюжих прусских жандармов, которые при шпорах и бряцающих саблях гонялись по спальням и черным ходам за легконогими, увертливыми священниками» — писал впоследствии Бисмарк в своих мемуарах².

* * *

Фигура «железного канцлера» в этот период весьма неоднозначно воспринималась в германском обществе. Для одних — таких было меньшинство — он являлся чудовищем, нарушителем установленных порядков, гонителем истинной веры или прислужником эксплуататоров. Однако для большинства немцев Бисмарк являлся безусловно положительным героем. Бисмарк еще не стал тем символом германского единства, каким окажется в XX столетии. Однако его популяр-

¹ Blum H. Das Deutsche Reich zur Zeit Bismarcks. Leipzig-Wien, 1893. S. 135.

² Richter E. Im alten Reichstag. Berlin, 1894. S. 92.

³ Stürmer M. Regierung und Reichstag im Bismarckstaat. Düsseldorf, 1974. S. 235.

⁴ Stürmer M. Das ruhelose Reich. Berlin, 1983. S. 113.

⁵ Оболенская С. В. Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. М., 1992. С. 33.

¹ WIA. Bd. 5. S. 513.

² Бисмарк О. ф. Указ. соч. Т. 2. С. 124.

ность была весьма велика. Германские университеты один за другим избирали его почетным доктором, а города — почетным гражданином. В его честь продолжали называть все, что только можно — от улиц до селедки. Художники рисовали его портреты, множество людей присылали ему подарки ко дню рождения.

Бисмарк прекрасно умел использовать эту популярность, однако не предпринимал никаких усилий для ее увеличения и в целом относился к ней равнодушно. Он был честолюбив, однако не тщеславен. Многочисленные почести порой даже раздражали его. Известна история о том, что, получив после победы над Францией звание генерал-лейтенанта, он раздраженно спросил: «Ну и что я могу на него купить?»¹ Ему совершенно не нравилось ощущать себя живым памятником, и он частенько жаловался на то, что даже на одном из его любимых курортов, в Киссингене, вокруг него постоянно собирается толпа почитателей и зевак.

По этой же причине он стремился избегать светских мероприятий. Бисмарк предпочитал общение, которое носило бы в первую очередь деловой характер. В своем берлинском доме он с 1869 года практически еженедельно устраивал «парламентские вечера», на которых приглашал депутатов. Здесь он умел быть радушным и гостеприимным хозяином. В спокойной, домашней обстановке обсуждались животрепещущие политические проблемы, принимались решения, которые затем становились предметом обсуждения в рейхстаге и прусской палате депутатов.

«Канцлер протягивал руку каждому вошедшему, а затем представлял гостя графине, стоявшей рядом, — вспоминал один из участников таких вечеров. — Поток гостей из первой комнаты, находившейся возле сада, направлялся в залы для приемов. Здесь им предлагалось пиво и «майское вино»; в танцевальном зале стояло множество маленьких столиков с холодными закусками. Канцлер переходил от одной группы гостей к другой, везде говорил что-нибудь веселое и охотно вступал в диалог»².

Семейство Бисмарков по-прежнему обитало в служебной квартире, находившейся на верхнем этаже здания министерства иностранных дел. К дому на Вильгельмштрассе примыкал обширный сад, по которому «железный канцлер» любил прогуливаться. Старые деревья по-прежнему были для него лучшими собеседниками. Посетителей глава правительства принимал в небольшом, скромно обставленном кабинете, главным предметом мебели в котором был

¹ Pflanze O. Op. cit. Bd. I. S. 548.

² Keudell R.v. Op. cit. S. 411.

огромный письменный стол. Простота и лаконичность обстановки, в которой работал крупнейший государственный деятель тогдашней Европы, поражала современников. По словам одного из посетителей, ни один французский префект не удовлетворился бы столь скромными условиями.

Возможно, поэтому в 1874 году от лица правительства было приобретено соседнее с министерством иностранных дел здание — дворец Радзивиллов, в котором имелись более приспособленные в первую очередь для больших приемов помещения. Спустя некоторое время, после масштабного ремонта, семейство Бисмарков переехало туда. Однако и в этом здании помещения были лишены показной пышности. Та же скромность отличала внутреннее убранство принадлежавших «железному канцлеру» усадеб в Варцине и Фридрихсру. Мориц Буш, посетивший Варцин в 1877 году, вспоминал, что внутренности дома напоминают скорее дом зажиточного помещика, нежели замок титулованной особы.

Варцин, а затем и Фридрихсру по-прежнему играли большую роль в жизни главы правительства. Практически каждый год он проводил в своих имениях по несколько месяцев, объясняя это, в первую очередь, состоянием своего здоровья. По некоторым подсчетам, за 23 года своего пребывания в должности канцлера сначала Северогерманского союза, а затем Германской империи он провел в поместьях в общей сложности девять лет. В политических кругах столицы это вызывало частые жалобы на сложность ведения дел в отсутствие Бисмарка, тем более что последний, как уже говорилось выше, категорически не желал иметь заместителя ни формального, ни фактического. Вопрос с заместителем был решен только в конце 1870-х годов в выгодном Бисмарку ключе.

«Железный канцлер» говорил, что связь между Берлином и провинцией функционирует бесперебойно, и он способен управлять имперской политикой из Варцина столь же успешно, как и из своего берлинского кабинета. Это было верно в том отношении, что плохое состояние здоровья затрудняло ему работу и в столице. В 1870-е годы ближайшим помощником Бисмарка стал его сын Герберт. Он фактически выполнял обязанности личного секретаря отца, вел его переписку, когда канцлер находился в Варцине или на курорте. Часто в Варцин приезжали другие соратники Бисмарка, один из которых вспоминал: «Нигде не ощущаешь так, как здесь, как быстро проходят 24 часа. Мы поздно ложимся и поздно встаем. В девять часов приходит слуга с кофе; потом интенсивная работа до двенадцати. Затем второй завтрак, одновременно мы делаем канцлеру доклады, которые затягиваются до двух часов. После этого вер-

ховая прогулка до темноты; быстро переодеваемся для обеда (...) и с шести до восьми за столом. Всегда четыре перемены блюд с шампанским, столовым вином, портвейном. До девяти часов мы пьем кофе, курим трубки и сигары в салоне. Потом снова работа в комнате до полуночи, а после этого чай в салоне княгини — здесь мы иногда сидим еще часами, болтая, читая или слушая музыку»¹. Каждый день почта доставляла в Варцин груды документов — и значительный объем бумаг отправлялся встречным потоком в Берлин.

Постоянные отъезды «в деревню» имели для Бисмарка очень большое значение. Во-первых, они давали ему возможность не погрязнуть в решении тактических вопросов и в суматохе текущих дел. Во-вторых, они позволяли ему почувствовать себя сельским помещиком. «Железный канцлер», на самом деле, достаточно болезненно относился к тому, что Лотар Галл называет «постепенным растворением частной сферы в общественной жизни»². Политика была его всепоглощающей страстью, но поглощение происходило отнюдь не без сопротивления со стороны самого Бисмарка. Он любил играть со спасительной мыслью о том, что в любой момент может подать в отставку и уехать из суматошного Берлина. Прогулки по лесам, уединение в тиши комнат, инспекции окрестных полей — все это давало «железному канцлеру» возможность ощутить наличие своей приватной сферы, куда не было доступа политическим баталиям и интригам.

Как писал Христиан фон Кроков, «Бисмарк напоминал ларомщика между двумя берегами. На одном берегу он находит прибежище в браке, семье и поместье, домашний уют и спокойствие сельской жизни. Однако его жажда деятельности и честолюбие не находят здесь выхода. С другого берега его манят деятельность, ответственность, взлеты и падения власти — и с этими приманками вновь вступает в противоречие стремление к уединению»³. Это противоречие, в свою очередь, не могло не сказываться отрицательно на душевном состоянии и физическом здоровье Бисмарка.

Бисмарк и в период своего пребывания на посту главы правительства продолжал много читать, в первую очередь художественную литературу. Речь при этом шла как о произведениях, уже успевших стать классикой, так и о новинках. Из немецких писателей Бисмарк больше всего ценил Шиллера. Гете он считал законченным образцом бюрократа, который любил свой пост больше, чем свой лите-

ратурный талант. В то же время канцлер наизусть знал первую часть «Фауста». Бисмарк вообще отличался прекрасной памятью и в своих парламентских выступлениях обильно цитировал классиков начиная с Гомера. Из иностранных авторов он высоко ценил Элиота и Тургенева, которого называл «самым одухотворенным из живущих ныне писателей»¹. Он часто читал с карандашом в руке, делая на полях пометки — даже в газетах, которые после прочтения сразу отправлялись в корзину. Свои собственные тексты Бисмарк иногда правил по несколько раз, стремясь добиться максимальной ясности, лаконичности и убедительности написанного.

Новыми достижениями наук, как естественных, так и гуманитарных, «железный канцлер» практически не интересовался. Как писал Отто Пфланце, «его духовные интересы оставались интересами образованного дворянина старого времени»². Бисмарк практически никогда не посещал театры, однако любил слушать музыку в домашних условиях, когда в роли исполнителей выступала его жена или Койделл.

В общении «железный канцлер» мог быть весьма обаятельным собеседником. Его голос, вопреки сложившемуся стереотипу, был довольно высоким, но Бисмарк прекрасно владел им, чередуя интонации, подбирая оттенки и делая точно рассчитанные паузы. Он любил рассказывать истории, от коротких анекдотов до больших фрагментов воспоминаний, которые заставляли некоторых современников обвинять его в склонности к монологам. Однако большинство свидетельств рисует нам Бисмарка как весьма интересного рассказчика. «Я хотела бы записать, — вспоминала баронесса Шпитцемберг, — все его маленькие замечания, шутки, импровизации, иногда очень серьезные, даже меланхолические, иногда грубые, полные жизненной силы, потом вновь мягкие, полные понимания к слабостям человечества, однако не конкретных людей. Очевидные противоречия этой могучей личности имели огромную волшебную силу, которая воздействовала на вас снова и снова»³. О «магическом обаянии», которое излучал Бисмарк, вспоминали и другие современники.

Здоровье Бисмарка на протяжении всех 1870-х годов оставалось больной темой. Дело было не только в многолетнем нервном напряжении, но и в последствиях нескольких полученных им травм. Он неоднократно падал с лошади, при этом как минимум трижды

¹ Tiedemann C.v. Op. cit. S. 208

² Gall L. Op. cit. S. 531.

³ Krockow C.v. Op. cit. S. 266.

¹ Pflanze O. Op. cit. Bd. I. S. 554.

² Ibid. S. 556.

³ Spitzemberg H.v. Op. cit. S. 238.

получал серьезное сотрясение мозга, а однажды, в 1868 году, сломал себе три ребра. К этому добавлялась полностью расстроенная пищеварительная система, страдавшая, в первую очередь, от не знавшего меры чревоугодия «железного канцлера». Частые простуды, ревматизм, невралгические боли, мигрени дополняли картину. Единственным способом лечения был отдых — либо на водах, в Гаштейне или Киссингене, либо в одном из поместий. Слова «диета» и «режим дня» оставались Бисмарку чужды. «В два часа дня он только встал с постели и пил чай!» — записала в своем дневнике баронесса Шпитцемберг в феврале 1872 года¹. К врачам он относился с некоторым подозрением, впрочем, вполне понятным, если вспомнить его петербургские приключения. Регулярно обращаясь к медикам за помощью, он, тем не менее, далеко не всегда следовал их рецептам.

«Железный канцлер» весьма тяжело переносил физические страдания. Спокойным стоицизмом он отнюдь не отличался, и многие окружающие вынуждены были выслушивать его жалобы. В 1872 году на одном из приемов он говорил: «Мои страдания объясняются по большей части бессонницей. Я не могу заснуть, что бы я ни делал. Я читаю, снова встаю, хожу по комнате, курю — ничто не помогает, и только к 7 утра я могу крепко заснуть. И тогда я сплю часто до двух часов пополудни. Я знаю, в этом виноваты мои нервы — их я оставил в Версале. И самое неприятное, что когда я не могу заснуть, меня охватывает все то раздражение, которое я накопил, причем в усиленной степени, и в этом нет ничего приятного. Я нахожу прекрасные ответы на слова, которые меня разозлили, но из-за этого снова обретаю бодрость и прощаюсь со спокойным сном»². Баронессе Шпитцемберг он однажды долго рассказывал, что врачи пророчат ему скорую смерть, причем его собеседница отнеслась к этим излияниям с изрядной долей скепсиса. Получив от императора в конце 1875 года в качестве рождественского подарка статую богини Ники, канцлер заявил, что ему лучше подошла бы скульптура умирающего бойца. Очевидно, постоянное стремление Бисмарка привлечь внимание к своим страданиям объясняется ничем иным, как дефицитом тепла и заботы, который ощущался им с самого детства. Даже семейная жизнь не могла полностью компенсировать его.

Как справедливо отмечает Отто Пфланце, «у него был блестящий талант превращать недостатки в достоинства и неудачу в успех. Пло-

хое состояние своего здоровья в целом и своих нервов в частности он умел вновь и вновь обыгрывать так, что это производило воздействие на короля, на министров, даже на рейхстаг. В критические моменты он часто заявлял, что больше не в состоянии выносить политических конфликтов и в случае, если ему будет и в дальнейшем оказываться сопротивление, будет вынужден просить об отставке, удалиться в Варцин или Фридрихсру и предоставить страну ее судьбе. Его вес в правительстве и политической жизни был после 1870 года был настолько велик, что эта тактика часто приносила успех. Даже самые жестокие критики его внутренней политики были убеждены в его незаменимости в международных делах. Возражения снимались, мероприятия одобрялись, министры отправлялись в отставку, даже парламентские решения отменялись, если говорилось о том, что этого требует здоровье канцлера. С другой стороны, частое раздражение Бисмарка усиливало напряженность между ним и его коллегами и подчиненными, а также депутатами парламента»¹.

Усиливавшиеся недуги негативно сказывались на работоспособности Бисмарка; часто он не мог работать более двух часов в день, подолгу не появлялся в парламенте, ограничивал свое общение с чиновниками. В условиях, когда решение всех важных вопросов зависело от него, а подчиненные были лишены какой-либо самостоятельности, это крайне негативно сказывалось на ведении дел. «Мое топливо истрачено, я не могу продолжать, — жаловался он в мае 1872 года. — Мой сон — это не отдых, и я продолжаю думать во сне над тем же, над чем и наяву, если мне вообще удастся заснуть. Недавно я видел перед собой карту Германии, на ней появлялись одно за другим гнилые пятна и отваливались от нее»². По словам врача, в этот период практически все системы его организма работали с перебоями³.

После покушения 1874 года один из членов баварского правительства подарил Бисмарку черного дога, получившего кличку Султан. Огромная собака теперь часто сопровождала его. Когда в 1877 году собака погибла (согласно одной из версий, от побоев, нанесенных расвирипевшим хозяином), ей на смену пришел другой дог по кличке Тирас. Сопровождала Бисмарка и тайная полиция, агенты которой отвечали теперь за его охрану. На курортах дорожки, по которым он гулял, нередко закрывались для других посетителей.

¹ Ibid. S. 131.

² Pflanze O. Op. cit. Bd. I. S. 566.

¹ Ibid. S. 578.

² WIA. Bd. 5. S. 185.

³ Nonn C. Op. cit. S. 214.

По утверждениям полицейских, им удалось предотвратить еще несколько покушений на «железного канцлера»¹.

Портреты и фотографии Бисмарка того времени показывают нам грузного стареющего человека с волевым выражением лица, плотно сжатыми губами, тяжелым взглядом из-под густых бровей. Свои брови он нередко теребил, особенно когда был в плохом настроении. Современники вспоминали этот взгляд, который прожигал собеседника насквозь и заставлял порой чувствовать дискомфорт несмотря на все радушие и приветливость главы правительства. Улыбка, которая бывала на лице Бисмарка далеко не так редко, как это можно было бы подумать при взгляде на его портреты, часто принимала ироничный оттенок. Сам «железный канцлер» однажды жаловался, что у него нет хороших портретов, все существующие лгут, поскольку на самом деле он является мечтательной и сентиментальной личностью. Действительно, имеющиеся изображения мало что могут рассказать нам об эмоциональной составляющей характера Бисмарка — тем более что сам он часто прятал ее от окружающих.

И уж во всяком случае не ощущали сентиментальности и чувствительности «железного канцлера» его подчиненные и коллеги. Им приходилось сталкиваться с недоверием Бисмарка, который считал нужным строжайше контролировать всех, кто не успел зарекомендовать себя в его глазах с наилучшей стороны. В дальнейшем они вынуждены были учиться слепо подчиняться своему шефу, порой чувствовать себя школьниками, которых распекает строгий учитель. Когда Койделл, давно и хорошо знавший Бисмарка в неформальной обстановке, стал его подчиненным, ему пришлось долго привыкать к манерам своего начальника. Прусский министр внутренних дел предупреждал его: «Ваша работа с Бисмарком будет сложной, обратите на это внимание. Он жесткий человек и не терпит возражений. Тех, кто имеет с ним дело, он вынуждает к покорности»². Встречались, конечно, и исключения, те, кому «железный канцлер» позволял отстаивать свое мнение, но их с течением времени становилось все меньше. С юности ненавидевший профессиональную бюрократию, особенно наделенную либеральным мышлением, Бисмарк теперь, встав во главе исполнительной власти, стремился превратить ее в слепое орудие своей воли, в инструмент, который будет четко и без возражений исполнять все, что приказано сверху.

¹ Hoffmann G. Op. cit. S. 269.

² Keudell R.v. Op. cit. S. 128.

Если чиновник не повиновался, глава правительства воспринимал это как личное оскорбление, даже предательство. В таких случаях его реакция могла быть очень резкой. Характерен пример Германна фон Тиле, являвшегося в первой половине 1860-х годов важнейшим сотрудником Бисмарка в министерстве иностранных дел. Тиле, дипломат старой школы, имел разногласия со своим шефом еще в 1866 году, а в начале 1870-х выразил свое недовольство политикой Культуркампфа. Разгневанный канцлер вынудил его уйти в отставку, и в течение всей оставшейся жизни ни разу не пожелал встретиться с ним. Казалось, Бисмарк не забывал и не прощал ничего. Неудобных людей он отбрасывал, невзирая на их прошлые заслуги. Там, где канцлер не мог прямо приказать чиновнику уйти в отставку, он использовал против него все возможные методы, включая кампании в прессе.

Характерной чертой «железного канцлера» была его упорная убежденность в собственной правоте. Тот же Ойленбург советовал чиновникам: «Если Вы придерживаетесь иного мнения, чем он, то ни в коем случае не противоречьте ему сразу же. Если Вы это сделаете, то он, будучи легко возбудимой натурой, найдет столь мощные основания для своих взглядов и будет держаться за них так прочно, что ни одна сила на земле не сдвинет его с места. Лучше вернитесь через час и скажите: я попытался уладить дело, но мне пришли в голову такие-то и такие-то соображения. Тогда Вы увидите, что князь Бисмарк достаточно открыт для того, чтобы выслушать, обдумать и, возможно, одобрить любое другое мнение»¹. Еще одним способом изменить точку зрения главы правительства было представить ему соображения в максимально безличной и объективной форме. Бисмарк был глух к чужим мнениям, но с большим вниманием относился к любой информации, которая могла оказаться полезной.

«Железный канцлер» был весьма трудным начальником и в том плане, что из его уст весьма редко можно было услышать похвалу. Зато уж на замечания и претензии Бисмарк не скупился. Особенно невыносимой становилась жизнь его подчиненных тогда, когда и без того не самый лучший характер канцлера портился из-за мучивших его телесных недугов. В 1870-е годы это случалось довольно часто. В такой ситуации любая мелкая оплошность могла привести к бесконтрольному взрыву гнева. Впрочем, насколько эти взрывы были действительно бесконтрольными, а в какой степени речь шла о вполне осознанном «выпуске пара», спорили еще современники.

¹ Tiedemann C.v. Op. cit. S. 41.

Многие близкие сподвижники Бисмарка не выдерживали давления и уходили, не желая терять свою индивидуальность. Другие оставались, готовые пожертвовать многим ради того, чтобы служить гениальному человеку. Власть Бисмарка в бюрократическом аппарате покоилась во многом на его несокрушимом авторитете. Один из его сотрудников, Кристоф фон Тидеманн, вспоминал впоследствии: «Отдельные свойства разума были развиты у князя Бисмарка с редкой равномерностью и гармонией. Способность схватывать все на лету, умение комбинировать, решительность и память уравнивали друг друга. Вместе они образовывали комплекс, делавший его способным к выдающимся достижениям. С удивительной уверенностью он ухватывал корень даже самых сложных и запутанных проблем. Он с первого взгляда умел отличить важное от несущественного. Как только кто-то заканчивал докладывать ему, он, не колеблясь ни минуты, сообщал свое решение. Никогда я не замечал в нем колебаний, он всегда знал, чего хочет»¹.

Тидеманн несколько приукрашивал реальность — в серьезных вещах Бисмарк часто принимал решение только после долгих размышлений, которые, однако, старался скрыть от окружающих. «Достижения своих коллег-министров он часто критиковал, причем не слишком объективно. При любой крупной политической акции он приписывал все успехи себе, в то время как ответственность за неудачу возлагал на задействованных министров. (...) Его мировоззрение содержало, как у Фридриха Великого и Наполеона, большую дозу презрения к людям и это нередко заставляло его недооценивать как друзей, так и врагов. В друзьях он тогда видел лишь безвольные инструменты для исполнения своих планов, шахматные фигуры, которые он мог двигать по доске своей политики и жертвовать ими, если игра требовала того. Во врагах он видел негодяев и глупцов. Друзей он мог использовать только в том случае, если они полностью идентифицировали себя с ним. Он сразу же исполнялся недоверием, если они позволяли себе иметь иное мнение, чем он, или занимали позицию, не отвечающую его ожиданиям. Я не припомню случая, чтобы он отдавал должное противнику. Для этого он был слишком страстным, слишком пылким, слишком агрессивным»².

Тидеманн знал, о чем говорит. Представленный Бисмарку в 1875 году, он быстро стал одним из его ближайших сотрудников, а затем главой имперской канцелярии. Однако это потребовало от него полной самоотдачи и почти разрушило его семейную жизнь. В 1881 году

Тидеманн окончательно понял, что, оставшись с «железным канцлером», он вынужден будет отказаться от собственной личности. Не без труда он оставил свою должность и был назначен на крупный административный пост в прусской провинции. Бисмарку это расставание далось нелегко: с годами он становился все более замкнутым, с большим трудом допускал в свой узкий круг новых людей.

«Львиная натура, рыцарственная, масштабная, гордая, но может ранить своими когтями» — говорил Тидеманн о Бисмарке¹. Глава имперской канцелярии видел все недостатки своего шефа, однако не мог не восхищаться им. «Демоническая притягательная сила этого человека поистине чудесна» — писал о «железном канцлере» его верный соратник².

Не легче, чем подчиненным, приходилось и «начальнику» Бисмарка — императору Вильгельму. Испытывая искреннюю привязанность к своему паладину, Вильгельм не представлял себе иного канцлера. На очередную просьбу об отставке, сделанную в 1869 году, он ответил: «Как Вы могли даже подумать о том, что я могу согласиться с этой мыслью! Самое большое мое счастье — жить одновременно с Вами и находиться с Вами в прочном согласии (...) Ваше имя стоит в прусской истории выше имени любого другого прусского государственного деятеля. И такого человека я должен отправить в отставку? Никогда!»³ После этого требования отправить его в отставку следовали со стороны Бисмарка регулярно, являясь важным орудием шантажа и давления как на императора, так и на другие политические силы. В число последних входили даже иностранные государственные деятели, убежденные в незаменимости канцлера и вынужденные уговаривать его остаться на своем посту.

Однако сама необходимость регулярно прибегать к подобному приему говорит о том, что император далеко не всегда соглашался быть послушным орудием своего канцлера, как уже указывалось выше. Вильгельм имел собственные взгляды и убеждения, кроме того, на него по-прежнему сильное влияние оказывала его супруга. Аугуста оставалась главным врагом Бисмарка, противодействие «железному канцлеру» стало для нее едва ли не самоцелью. Глава правительства, в свою очередь, ненавидел императрицу от всей души и постоянно жаловался на то, что вынужден бороться с ней за влияние на монарха. В своих воспоминаниях «железный канцлер» язвительно писал: «Многолетний опыт постепенно научил меня почти

¹ Ibid. S. 469.

² Ibid. S. 477-478.

¹ Ibid. S. 120.

² Ibid. S. 126.

³ Schmidt R. Op. cit. S. 237.

безошибочно определять, когда император оспаривал предложения, которые я считал логически необходимыми, руководствуясь собственным суждением, а когда — желанием поддержать семейный мир. В первом случае я, как правило, мог рассчитывать на соглашение, для этого нжно было только выждать, пока ясный ум государя освоится с вопросом. Иногда он ссыался на министров. В таких случаях обсуждение между мной и Его Величеством всегда оставалось деловым. Иначе было, когда причина королевского противодействия мнениям министра заключалась в предварительном обсуждении, вызванном Ее Величеством за завтраком и закончившимся определенным обещанием. (...) Когда Его Величество возражал мне не по собственным убеждениям, а только подчиняясь женскому влиянию, то я мог узнать это из того, что его доводы были неделовыми и нелогичными»¹.

Вокруг императрицы группировались противники Бисмарка из числа близких ко двору политиков. В итоге с некоторыми высокопоставленными лицами, формально являвшимися его подчиненными, он мог справиться лишь с большим трудом. Это вызывало у канцлера весьма болезненную реакцию; в 1872 году он, например, с изрядным преувеличением говорил Роону: «Я в немилости у всех членов королевского дома, доверие короля ко мне слабеет. Каждый интриган находит понимание»². Будучи сам мастером интриги, глава правительства с трудом переносил закулисные игры, направленные против него.

Весьма показательна в этом плане история Гарри фон Арнима, прусского дипломата, который вступил в конфликт с Бисмарком в начале 1870-х годов. Занимая должность посла в Париже, Арним напрямую игнорировал инструкции с Вильгельмштрассе и вел самостоятельную линию. Помимо всего прочего, он осуждал Культуркампф и стремился занять пост главы правительства. В 1874 году Бисмарку удалось добиться его отзыва из Парижа, однако в ответ Арним развернул ожесточенную кампанию в прессе, используя в том числе служебные документы из дипломатической переписки. Бисмарк, не довольствуясь отставкой своего противника, инициировал против него судебный процесс, обвинив в нарушении государственной тайны. Суд, приговоривший Арнима к 9 месяцам тюрьмы, стал по-своему уникальным и сенсационным процессом. Осужденный предпочел уехать за границу и продолжал вести оттуда пропагандистскую борьбу с Бисмарком, в связи с чем против него

было возбуждено новое дело. Заочный приговор гласил — пять лет тюрьмы по обвинению в государственной измене. В итоге Арним скончался в 1881 году в Ницце, так и не сумев вернуться на родину.

История с Арнимом свидетельствует еще и о том, насколько ревностно Бисмарк относился к внешней политике, считая ее исключительно своим доменом. Если во внутренних делах он еще мог позволить исполнителям определенную свободу действий, то в дипломатии, непревзойденным мастером которой он, по общераспространенному мнению, являлся, дело обстояло иначе. В этой сфере после образования Германской империи у Бисмарка появились новые, достаточно сложные задачи.

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 2. С. 258.

² WIA. Bd. 5. S. 246.

ГЛАВА 13

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНЦЕРТ

После образования империи Бисмарку пришлось действовать в новых условиях не только во внутренней, но и во внешней политике. Обычно именно эта сторона его деятельности привлекает наибольшее внимание историков. Впрочем, уже современники ценили его в первую очередь как гениального дипломата. По меткому определению Эберхарда Кольба, с основанием империи завершилась «героическая фаза»¹ политической карьеры Бисмарка, когда все его действия были озарены светом задачи заволаживающего масштаба и значения — объединения страны. После 1871 года «железному канцлеру» пришлось выполнять выглядевшую гораздо более прозаично, но не менее важную работу, в основе которой лежало сохранение достигнутого.

Если и существовала сфера, в которой Бисмарк мог распоряжаться практически полновластно, то это была именно внешняя политика. Поэтому говорить о «дипломатии Бисмарка» вполне оправданно. Для самого «железного канцлера» это была любимая сфера деятельности. В 1872 году он говорил о том, что «справляется с Европой за десять — пятнадцать минут во время первого завтрака»². Бисмарк неоднократно размышлял о том, чтобы полностью отказаться от руководства германской внутренней политикой и сосредоточиться исключительно на внешних делах.

И все же контроль канцлера над германской дипломатией не был полным. Да, внешнеполитическое ведомство было превращено им в исполнительный орган, не обладавший самостоятельностью. Однако факторами, с которыми приходилось считаться, оставались монарх, послы (как правило, представители аристократии, обладавшие сильными позициями при дворе и потому относительно независимые) и военные.

¹ Kolb E. Bismarck. S. 93.

² WIA. Bd. 5. S. 212.

Сложность задачи, стоявшей перед Бисмарком, заключалась в первую очередь в том, что после образования Германской империи традиционная расстановка сил в Европе претерпела коренные изменения. Фактически начала складываться новая система международных отношений, основные черты которой были пока едва намечены. На месте традиционного вакуума в центре континента появился новый центр силы. Поэтому образование Германской империи не могло не вызвать определенной обеспокоенности в правящих кругах европейских держав, хотя эта настороженность была еще очень далека от враждебности.

Практически все исследователи отмечают, что после 1871 года Германия оказалась в достаточно выгодном международном положении. Ганс-Ульрих Велер вполне справедливо говорил о «позиции, как минимум приближающейся к гегемонии»¹. Главный враг — Франция — была разгромлена и частично оккупирована; сколь бы горячо ни было желание французов отомстить, воплотить его в жизнь было нереально. С остальными великими державами отношения носили в большей или меньшей степени благоприятный характер.

В то же время нельзя не отметить, что в «сильной позиции» Германии были и свои слабые стороны. В традиционной европейской логике баланса сил ситуация, в которой одна из великих держав начинала приближаться к гегемонии, у нее вскоре появлялся противовес в виде блока других европейских государств. Центром этого блока в данном случае должна была неизбежно стать Франция; ее враждебность и стремление к реваншу превратились в постоянный фактор европейской политики.

Вопреки своим собственным правилам, Бисмарк вынужден был играть на шахматной доске, часть полей которой — все, что касалось компромисса с западным соседом — была ему практически недоступна. Особенности географического положения Германской империи, граничившей с тремя великими державами, делали ее особенно уязвимой по отношению к враждебным коалициям. Поэтому угроза «окружения» постепенно становилась доминирующим фактором в восприятии германским обществом и правящей элитой собственной безопасности. Как писал британский посол лорд Рассел, «опасность, которой князь Бисмарк сегодня боится в наибольшей степени, есть взаимопонимание между Россией, Францией и Австрией, которое изолировало бы Германию»². Относительно ре-

¹ Wehler H.U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1994. S. 182.

² Schmidt R. Op. cit. S. 202.

альности такого альянса можно спорить, но в представлениях политической и военной элиты империи подобная угроза, безусловно, существовала.

Ключевой задачей Бисмарка было не допустить формирования мощной коалиции противников Германии. Для него было очевидно, что любая держава, вступающая в конфликт с Берлином, может практически автоматически рассчитывать на французскую поддержку. Отсюда вытекала задача: постоянно держать Францию в ослабленном и изолированном положении. Для этого, в свою очередь, необходимо было поддерживать хорошие отношения как с Австро-Венгрией, так и с Россией, при том, что у этих двух монархий были серьезные разногласия на Балканах. Решение этой задачи требовало немалого мастерства, а главное — по сути противоречило самой логике европейского «баланса сил», не допускавшего доминирующего положения какой-то одной державы на континенте.

Преодолеть эту тенденцию было бы настолько же сложно, насколько непросто, например, преодолевать земную гравитацию; поэтому не случайно «железного канцлера» историки часто сравнивают с жонглером, который умудрялся удерживать в воздухе одновременно несколько шаров. Однако эта игра требовала не только немалого искусства, но и постоянных усилий; предоставленные сами себе, шары немедленно упали бы, что фактически и произошло при преемниках Бисмарка.

Можно сказать, что избранная «железным канцлером» стратегия обеспечения безопасности и внешнеполитических интересов Германской империи была изначально обречена на провал, поскольку противоречила логике существовавшей системы международных отношений. Однако вопрос заключается в том, имел ли он реальную возможность избрать альтернативную стратегию. Многие историки более поздней эпохи, особенно писавшие свои работы уже после Второй мировой войны, ставили Бисмарку в упрек то обстоятельство, что он пытался действовать, опираясь в первую очередь на военную мощь Германии и систему альянсов, порой противоречивших друг другу. Однако могла ли новая империя двигаться иным путем, например, сделать ставку на демонстрацию своих мирных намерений, отказ от применения силы и взаимопонимание со всеми соседями?

Нельзя сказать, что Бисмарк не предпринимал никаких шагов в этом направлении. После 1871 года он неоднократно заявлял, что Германия «удовлетворена» и не претендует ни на какие территориальные приращения. Это было особенно актуально, поскольку европейское общественное мнение смотрело на новую державу, ро-

дившуюся из пламени трех войн, с большим недоверием. «Несмотря на заявления Бисмарка о миролюбии новой империи, его политика вызывала в Европе всеобщее подозрение» — справедливо отмечает А.В. Бодров¹.

По сути своей заявления Бисмарка соответствовали истине. Он действительно считал, что дальнейшие территориальные захваты Германии совершенно не нужны, более того, были бы нежелательны. «Мы могли бы в лучшем случае получить еще больше поляков, учитывая, что еще не переварили тех, которые и так у нас есть» — заявил он, к примеру, в беседе с депутатами в 1873 году². Однако с первых месяцев существования империи он избрал активную, наступательную стратегию, которая была способна только усилить недоверие соседей к новой державе. Угроза французского реваншизма, позиция влиятельных военных кругов, необходимость использовать образ «внешней опасности» для успешного проведения внутренней политики — все это толкало Бисмарка по избранному им пути.

Вопрос, однако, заключается еще и в том, был ли сам «железный канцлер» тем человеком, который мог избрать иную стратегию? Ответ на него будет однозначно отрицательным. Бисмарк был лишен любых идеалистических представлений и верил в то, что безопасность государства может быть обеспечена только его сильной позицией. Достигший германского единства военным путем, рассматривавший политику как борьбу, сражение, он не мог действовать иначе, поскольку это потребовало бы кардинального изменения всей структуры его мышления и системы ценностей и приоритетов. Совершенно очевидно, что у зрелого, успешного политика такая перемена была попросту невозможна. Как писал Лотар Галл, «канцлер действовал исходя из убеждения, что трения и конфликты являются основной субстанцией любой политики, и что тот, кто действует не активно, не наступательно, скоро станет просто объектом развития. (...) К его наиболее ярко выраженным политическим убеждениям принадлежало, что тот, кто предоставит другому выбор оружия и поля боя, вскоре станет проигравшим»³. Именно поэтому «железный канцлер» сразу же приступил к усилению позиций Германии в Европе.

В рамках этой стратегии, однако, в его руках всегда находился целый набор альтернатив, между которыми он мог выбирать. Эта

¹ Бодров А.В. Первые годы после Седана: германский фактор французской политики, общественного сознания и культуры в 1870-е годы. СПб., 2011. С. 74.

² Gall L. Op. cit. S. 585.

³ Ibid. S. 541.

гибкость во многом и позволила Бисмарку в течение почти двух десятилетий добиваться успеха в своей внешней политике. Тем не менее, и она имела свои границы. Вся внешняя политика Бисмарка в 1870–80-е годы была, по сути, вынужденным переходом от попыток найти долговременное решение проблемы безопасности и утвердить доминирующее положение Германской империи в Европе (что для многих немцев было одно и то же) к постоянному искусному жонглированию, в процессе которого достигались в основном тактические успехи. При этом пространство для маневра с течением времени медленно, но верно сужалось.

Необходимо отметить и еще одно важное обстоятельство. В сфере внешней политики постепенно нарастало соперничество политического руководства и военной верхушки, проявившееся уже в период франко-германской войны. Генералы считали себя главными экспертами в вопросах национальной безопасности — «совет военных неизменно запрашивался, если на карте стояла безопасность страны, и даже когда его не запрашивали, он все равно давался»¹. Свою «внешнюю политику» военная верхушка могла проводить через военных атташе и представителей императора при иностранных дворах.

При этом внутри военного механизма, в первую очередь в генеральном штабе, сложилось свое мнение по поводу безопасности страны. Здесь считалась практически неизбежной новая война, причем на два фронта. Такую войну можно было выиграть, лишь начав ее при благоприятных условиях. В связи с этим концепция превентивной войны стремительно набирала популярность. Уже в 1871 году Мольтке составил первый план войны на два фронта — против Франции и против России.

Бисмарк же, в свою очередь, решительно отвергал превентивную войну — по крайней мере, в качестве основного средства обеспечения безопасности Германии. Военная мощь была в его представлениях важным аргументом в международных делах, однако пускать ее в ход следовало лишь в крайнем случае. Кроме того, он был совершенно не заинтересован во вмешательстве военных во внешнюю политику. Правда, противоречия между Бисмарком и генералами вовсе не исключали сотрудничества по многим вопросам. Канцлер был не меньше военных заинтересован в сильной и независимой от парламента армии — так, в письме Вильгельму от 31 января 1872 года он называл ее «единственной гарантией,

которая есть у Германии в войне и в мире»¹, — только взгляды на руководство и использование вооруженных сил у обеих сторон были различными.

* * *

Первым проектом Бисмарка стало восстановление согласия «трех черных орлов», которое обеспечивало бы существующее статус-кво в Европе и надежно изолировало Францию. Идея тройственного соглашения с Россией и Австро-Венгрией возникла еще в 1867 году, но к ее реализации Бисмарк приступил тремя годами позже. 13 сентября 1870 года, в разгар войны с Францией, он в направленной в Петербург телеграмме заявил о желательности «тесного сотрудничества монархически-консервативных элементов Европы»². Эта инициатива встретила достаточно благосклонный прием, особенно в связи с негативной реакцией русских властей на провозглашение республики во Франции. В июне 1871 года, во время кратковременного пребывания российского императора в Берлине, он встретился с кайзером и рейхсканцлером, с которыми обсудил перспективы совместных действий по защите от «социалистической угрозы».

Сговорчивость и доброжелательное отношение России объяснялось, помимо всего прочего, и экономическими причинами — львиная доля иностранных инвестиций в империю Романовых была немецкой. Именно в Берлине размещалась значительная часть российских займов, Германия являлась ключевым внешнеторговым партнером России. Еще одним объединяющим моментом в отношениях двух держав являлся периодически вспыхивающий со все новой силой польский вопрос. Бисмарк был, по крайней мере, на данном этапе, заинтересован в союзе с Россией. В письме, датированном 28 ноября 1870 года, он высказался по этому поводу следующим образом: «Пока наши отношения с Австрией не поставлены на лучшую и более твердую почву; пока в Англии не возобладало осознание того, что ее лучшим и надежнейшим союзником на континенте является Германия, хорошие отношения с Россией обладают для нас большой ценностью»³.

Проблема, однако, заключалась в том, какой характер приобретут эти отношения. В российской правящей элите многие восприняли

¹ Craig G. Deutschland 1866–1945. München, 1999. S. 129.

¹ Die große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Bd. I. Berlin, 1922. S. 110. (Далее — GP)

² WIA. Bd. 4. S. 529.

³ Lappenküper U. Die Mission Radowitz. Göttingen, 1990. S. 35.

без всякого энтузиазма образование в Центральной Европе нового могущественного государства. Старая Пруссия неизбежно играла роль младшего партнера Петербурга, а Германская империя могла претендовать, как минимум, на равноправие. Вопрос о том, в какой степени стороны должны учитывать интересы друг друга, останется весьма болезненным в российско-германских отношениях следующих десятилетий.

В это же время к идее желательности сотрудничества с мчащейся навстречу своему единству Германией начала склоняться и Австро-Венгрия. Первые признаки «потепления» появились в ноябре 1870 года, когда полное и окончательное поражение Франции стало лишь вопросом времени. 26 декабря глава австрийского правительства Бойст заявил, что составной частью будущей внешней политики Вены станет «забота о лучших дружественных отношениях»¹ с новым государством. В мае он развил свою мысль, говоря не просто о необходимости хороших отношений с Германией, но и об их использовании для налаживания нормальных контактов с Россией. В Берлине это приняли к сведению, произведя в начале июня зондаж относительно возможного сотрудничества в борьбе с левыми силами. 16 июня 1871 года австрийский уполномоченный фон Габленц заверил Бисмарка, что Франц-Иосиф «очень склонен к тому», чтобы достичь взаимопонимания². Это встретило весьма положительную реакцию у «железного канцлера», не хотевшего связывать себя союзом исключительно с Россией — как, впрочем, и с каким-либо иным государством. В то же время за дружбу с Австрией выступали практически все политические партии молодой империи.

Положительная реакция двух основных партнеров побудила Бисмарка выступить в июне 1871 года с официальным обращением к крупнейшим европейским державам с призывом объединиться в борьбе против революционной угрозы. От Англии был получен, как и ожидалось, сдержанно-отрицательный ответ. С Австро-Венгрией начались активные переговоры, вылившиеся в августе-сентябре 1871 года в серию дипломатических рандеву с участием крупнейших государственных деятелей обеих стран — в частности, в августе состоялась встреча Вильгельма и Франца-Иосифа в Ишле, а затем переговоры Бисмарка и Бойста в Гаштейне. Несмотря на продолжение прогерманской линии, 8 ноября Бойст был заменен на Андраши, сторонника ускоренного сближения с Германией — еще один сиг-

нал с австрийской стороны о желательности прийти к соглашению. Стороны широкими шагами двигались к взаимопониманию. О содержании переговоров через русского посланника Убри был проинформирован и Петербург, при этом Бисмарк особо подчеркнул, что сближение с Австро-Венгрией, помимо всего прочего, преследует цель обуздать французский реваншизм.

Ведя переговоры с обеими державами, Бисмарк стремился в то же время обеспечить Германии независимую позицию и не дать втянуть себя в противоречия, существовавшие между Петербургом и Веней. Для него не было секретом, что оба партнера с гораздо большим удовольствием пошли бы на заключение двустороннего соглашения с Германией, нежели предполагаемого трехстороннего. Одной из попыток достичь такого взаимопонимания за спиной третьего партнера был запланированный Андраши еще в июне 1872 года визит Франца-Иосифа в Берлин на осенние маневры германской армии. Но Бисмарк ни в коем случае не был заинтересован в подобном развитии событий, в результате чего на встречу был в июле приглашен Александр II. В то же время, несмотря на все существовавшие противоречия и опасения в адрес друг друга, Австро-Венгрия и Россия стремились поддерживать хорошие отношения — хотя бы для того, чтобы избежать чрезмерной зависимости от Германии.

Состоявшееся 6-11 сентября 1872 года свидание трех императоров в германской столице должно было продемонстрировать всему миру силу монархической солидарности петербургского, венского и берлинского дворов. Оно прошло в атмосфере блеска и пышности, под покровом которых состоялись достаточно важные переговоры Бисмарка со своими коллегами — Андраши и Горчаковым. Несмотря на отсутствие конкретного результата, на них было достигнуто взаимопонимание по вопросу о европейском «статус кво» и, конечно же, совместной борьбе с «красной угрозой». При этом Бисмарк не стремился закрепить за каждой из сторон далекоидущие обязательства — ему нужна была высокая степень «свободы рук» для дальнейших маневров.

Игра «железного канцлера» была достаточно сложной. Он стремился одновременно не допустить ни серьезного ухудшения, ни слишком радикального улучшения отношений между Веней и Петербургом. Это была тактика, которой он придерживался и в дальнейшем — постоянно поддерживать конфликты между другими державами в тлеющем состоянии, чтобы не рисковать серьезной войной, но в то же время создавать у всех зависимость от Германской империи. Опасения, что Россия и Австрия смогут договориться

¹ Wolter H. Die Anfänge des Dreikaiserverhältnisses // Diplomatie und Kriegspolitik vor und nach der Reichsgründung. Berlin, 1971. S. 174.

² Ibid. S. 187.

за спиной немцев, весьма тревожили «железного канцлера» в начале 1870-х годов.

Основы, заложенные в 1872 году, обрели плоть договоров в следующем, 1873 году. Так, 6 мая во время визита «первых лиц» Германии в Петербург была подписана германо-русская военная конвенция, статья 1 которой гласила: «Если одна из обеих империй подвергнется нападению европейской державы, другая должна в кратчайшие сроки оказать ей поддержку армией в 200 000 человек»¹. В тексте соглашения указывалось, что оно не направлено против какой-либо третьей страны; документ был подписан фельдмаршалами Мольтке и Бергом и тут же ратифицирован монархами обеих стран. Таким образом, на случай французской агрессии Германия получала дополнительно двухсоттысячную армию.

Впрочем, Бисмарк был не склонен переоценивать значение этого соглашения и не особо поддерживал его — на полях донесения Рейса, сообщавшего, что, по мнению Берга, теперь обеим сторонам можно будет сократить военные расходы, он написал: «Свои надежнее»². К тому же соглашение содержало примечательную оговорку о том, что оно вступит в силу только в том случае, если к нему присоединится Австро-Венгрия, чего в реальности не произошло.

Теперь усилия Бисмарка были направлены на то, чтобы обеспечить австро-русское соглашение. 6 июня 1873 года в Шенбрунне Франц-Иосиф и Александр II подписали достаточно абстрактное и расплывчатое соглашение об обеспечении европейского мира. 22 октября Вильгельм I присоединился к этому договору, который в результате получил имя «Союз трех императоров». Соглашение предусматривало взаимные консультации монархов в случае возникновения угрозы миру.

Союз трех императоров стал первым серьезным шагом по обеспечению безопасности Германской империи. Понятно, что у каждой из сторон были свои причины для заключения договора, причем говорить об их полной гармонии было бы преувеличением — внутренние противоречия между державами устранены не были. Но, несмотря на то, что Союз трех императоров был достаточно абстрактным соглашением и, строго говоря, союзом не являлся, он достаточно надежно гарантировал Германскую империю против любой попытки изолировать ее, демонстрировал солидарность трех великих монархий и укреплял изоляцию Франции.

¹ Ibid. S. 197.

² GP. Bd. 1. S. 203.

Достаточно свободная форма союза заключала в себе еще и то преимущество, что не давала спорам о первенстве в организации достичь значительного размаха. Тем не менее, соглашение трех держав не было предназначено для серьезных испытаний на прочность. Однако, можно с уверенностью предполагать, что более тесные узы не принесли бы Германии значительной выгоды — Бисмарк высоко ценил «свободу рук» рейха и не хотел ввязываться в австро-русские противоречия сверх необходимой меры. Сам канцлер — пусть и с некоторым преувеличением — говорил о Союзе трех императоров как о «важнейшем инструменте политики обеспечения безопасности против французских реваншистских устремлений»¹.

А в наличии таких устремлений Бисмарк не сомневался. «У нас не остается никаких сомнений в том, что любое правительство, к какой партии оно бы ни относилось, будет считать реванш своей главной задачей, — писал он в начале 1873 года. — Речь может идти лишь о том, какое время понадобится французам для того, чтобы реорганизовать свою армию или свои союзы настолько, чтобы поверить в то, что пришло время возобновить борьбу. Как только этот момент настанет, любое французское правительство будет вынуждено объявить нам войну»². Сохранить Францию слабой — еще одна важная задача, которую он преследовал в своей деятельности.

К тому же довольно скоро выяснилось, что жупел «внешней угрозы» великолепно подходит для решения целой гирлянды внутриполитических проблем и оказывает буквально наркотическое воздействие на общественное мнение и значительную часть оппозиции. На побежденную Францию была наложена огромная контрибуция, до ее уплаты германские войска оставались на территории республики. Однако вскоре выяснилось, что необходимость выплаты 5 миллиардов не стала для Парижа тем смертельным ударом, на который рассчитывал «железный канцлер». Не в последнюю очередь благодаря общенациональному подъему контрибуцию удалось выплачивать не только в оговоренные сроки, но даже опережающими темпами. Поэтому Бисмарк стремился не допустить увеличения роли Франции на международной арене всеми доступными ему способами.

* * *

Уже в 1871 году, сразу же после победы, раздались первые угрозы «железного канцлера» по отношению к побежденной соседке.

¹ Lappenküper U. Op. cit. S. 86.

² WIA. Bd. 5. S. 292.

Картина быстрого восстановления поверженного врага была для него нестерпима. Первенствующее место в их списке занимала, естественно, угроза новой войны — хотя вопрос о том, насколько серьезно Бисмарк относился к возможности ее реализации, до сих пор остается дискуссионным. В июне 1871 года, когда граф Вальдерзее отправлялся в Париж в качестве немецкого поверенного в делах, Бисмарк напутствовал его словами о том, что он «не станет слишком долго ждать», а нанесет удар сразу же, как только будет уверен в том, что французы готовятся к новой войне. Немного позже, 27 августа, он писал тому же лицу: «Если обстоятельства во Франции станут сомнительными, мы не станем ждать французского нападения»¹.

Рейхсканцлер считал достаточно высокой вероятностью возможности войны с западным соседом в обозримом будущем и стремился встретить ее во всеоружии, используя как дипломатическое окружение, так и прямые угрозы в адрес Франции. При этом вся ответственность за обострение отношений, естественно, сваливалась на западную соседку, — как говорил Бисмарк русскому послу, новая республика «постоянно кричит о реванше, и именно это делает невозможным нормальные отношения двух стран»².

Несмотря на нормализацию дипломатических отношений осенью 1871 года, германо-французские кризисы различного масштаба вспыхивали с завидной частотой. Определенное время в начале 1870-х годов циркулировали слухи о том, что республика сочтет более дешевым начать новую войну, чем выплачивать всю контрибуцию. «Враждебность Франции обязывает нас к тому, чтобы она была слабой (...). Наша потребность заключается в том, чтобы Франция оставила нас в покое, и мы должны не допустить того, чтобы французы, если они не захотят сохранить мир с нами, нашли себе союзников. Пока таковых нет, французы нам не опасны. (...) Французской республике будет очень тяжело найти монархического союзника против нас», — писал Бисмарк Арниму 20 декабря 1872 года³. Стремясь надолго сделать Францию «несоюзоспособной», «железный канцлер» противился всем планам реставрации монархии в этой стране. Поэтому «железный канцлер» стремился поддержать Тьера — республиканца, который к тому же, на его взгляд, стремился к миру и резко негативно воспринял в мае 1873 года приход к власти нового президента Мак-Магона, при котором активизировалась угроза монархической реставрации в стране.

¹ Jeismann K.-E. Das Problem des Präventivkrieges. München, 1957. S. 85.

² Шнейерсон Л.М. На перепутье европейской политики. Мн., 1984. С. 146.

³ WIA. Bd. 5. S. 253-255.

2 июня 1873 года Бисмарк писал командующему оккупационными войсками Мантойфелю: «Без сомнения, для нас политическая ситуация в результате этой замены ухудшилась; уже сегодня заметны удовлетворение и ободрение наших открытых противников и дружественных нам правительств»¹. Особенно сильной угрозой монархической реставрации во Франции стала осенью 1873 года. «Республика и внутренние неурядицы — лучшая гарантия мира» — напутствовал Бисмарк Гогенлоэ, назначенного в 1874 году послом во Франции². Смещение его предшественника, Арнима, было связано во многом с тем, что последний вопреки инструкциям главы правительства поддерживал французских монархистов, полагая, что монархическому режиму будет легче примириться с Берлином.

Задача ослабления Франции — в первую очередь, путем дипломатического давления и изоляции — серьезно осложнялась тем, что все крупные европейские державы выступали за ее возвращение в систему «равновесия сил». Поэтому цель, которую ставил перед собой «железный канцлер», оказалась недостижимой. Другое дело, что она далеко выходила за рамки обеспечения национальной безопасности Германии и в большей степени способствовала усилению позиций страны на континенте.

Понимал ли это сам Бисмарк? Очевидно, что понимал. Объясняя причины его жесткого давления на Францию, нельзя не упомянуть о том, что внутренняя и внешняя политика Германской империи были тесно связаны друг с другом. Рассматривая их по отдельности, мы тем самым делаем неизбежное упрощение, однако в то же время не должны забывать о том, что реальной границы между ними не существовало. Многие внешнеполитические акции Бисмарка объяснялись в значительной степени потребностями внутреннего характера. Прекрасным примером может послужить обострение отношений с Францией, произошедшее накануне январских выборов в рейхстаг 1874 года.

Поводом для него послужило зачитанное в церквях и опубликованное в печати 3 августа 1873 года пастырское послание епископа города Нанси Фулона, призывавшее верующих молиться о воссоединении Эльзаса и Лотарингии с Францией. Послание было зачитано также и в некоторых приходах Эльзаса-Лотарингии. В ответ Бисмарк 3 сентября потребовал у французского правительства наказать епископа и позаботиться о предотвращении подобных инцидентов в будущем.

¹ GP. Bd. I. S. 189.

² Гогенлоэ X. Мемуары. М., 1907. С. 157.

Министр иностранных дел Третьей республики герцог Брольи, в свою очередь, ответил, что не располагает рычагами давления на духовенство, а само послание не носило агрессивного характера и является в определенной мере лишь «выражением чувств». Кроме того, французские власти заявили, что в частном порядке епископу уже высказано неодобрение, а само правительство решительно осуждает подобные выступления. Однако в течение всей осени Бисмарк наращивал давление на Париж, сопровождавшееся шумной газетной кампанией внутри Германии. 16 октября Арним по настоянию канцлера вновь встретился с Брольи, сказав, что Германия сможет жить в мире лишь с такой Францией, которая признает современную политическую обстановку как данность, не подлежащую ревизии. «Ситуация напоминает в действительности больше перемирие, по отношению к которому Франция считает себя вправе разорвать его в первый удобный момент» — заявил Арним Брольи, и Бисмарк сделал на полях его донесения пометку «Правильно»¹.

На руку Бисмарку играли выступления еще ряда епископов с антигерманскими заявлениями и реваншистская кампания во французской прессе. 30 октября «железный канцлер» через Арнима объявил, что немецкое правительство не будет медлить с войной до наступления выгодного для врага момента и что единогласное мнение делового мира — война лучше, чем постоянная ее угроза². Он потребовал принятия незамедлительных мер против епископа Нанси и антигермански настроенной прессы. Под германским давлением французское правительство, действительно, пошло на ряд мер, потребовав от французских епископов и прессы осторожности и сдержанности.

Разумеется, свою роль играли и внешнеполитические соображения. Жестким давлением на французское правительство Бисмарк планировал ослабить его позиции и заблокировать возможный монархический переворот. Аналогичные соображения играли свою роль и в рамках более масштабного кризиса, разразившегося год спустя — так называемой «военной тревоги».

* * *

В начале 1875 года в Петербург с особой миссией был направлен прусский дипломат Йозеф Мария фон Радовиц-младший. Формально он должен был временно замещать заболевшего германского по-

сла в Петербурге. «Миссия Радовица» остается одним из самых загадочных эпизодов внешней политики Второй империи, поскольку о ней сохранилось не так много документальных свидетельств. Существует предположение, что Радовиц предложил Горчакову достаточно далеко идущее соглашение, которое обеспечивало бы России свободу рук на Балканах, а Германии — на западных рубежах. Сам Бисмарк незадолго до этого сделал примерно такое же предложение российскому послу в Лондоне графу Шувалову, известному своей прогерманской ориентацией: Германия готова «следовать русской политике на Востоке, если получит от России поддержку на Западе»¹. Другая интерпретация подразумевает более скромные задачи — стимулирование активной политики России на южном направлении.

Российское руководство, опасаясь утратить свободу маневра, отвергло подобные инициативы. Остается не вполне понятным, чего именно добивался Бисмарк. Было ли его предложение вполне серьезным или он просто хотел предпринять весьма смелый зондаж, своеобразную разведку боем, в ходе которой предполагалось установить, как далеко зашло наметившееся в 1874 году австро-русское сближение и насколько Россия готова защищать позиции Франции в Европе? Второе предположение представляется весьма вероятным, особенно в свете последовавших вскоре событий.

9 апреля во влиятельной консервативной газете «Пост» появилась статья «Предвидится ли война?» Вывод, который делал автор статьи, был весьма тревожным: вооруженный конфликт между Германией и Францией уже на горизонте. Хотя формально газета была независимой, никто не сомневался в том, что публикация инспирирована правительством. Поводом для публикации стали два никак не связанных между собой мероприятия французского правительства: рост закупок лошадей за границей и кадровый закон 13 марта 1875 года, вводивший в каждом полку четвертый батальон. Правда, число рот в батальоне при этом уменьшалось, но на такие «мелочи» германская пропаганда старалась не обращать внимания. Даже военные специалисты, которые прекрасно понимали суть реформы, нагнетали атмосферу.

Одновременно из правительственных кругов Германии начали исходить сигналы о том, что страна действительно всерьез собирается начать превентивную войну. Особенно усердствовали в этом направлении военные, но и дипломаты тоже не отставали. 21 апреля вернувшийся из Петербурга Радовиц в беседе с французским послом доказывал всю правомочность превентивного удара по Франции.

¹ GP. Bd. I. S. 218-219.

² Engelberg E. Deutschland 1871-1895. Berlin, 1965. S. 96.

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 203.

Глава прусского генерального штаба Мольтке также принимал в «военной тревоге» самое активное участие. В частности, он заявил английскому послу Расселу, что «желает войны не та держава, которая выступает, а та, которая своим образом действий заставляет других выступать» и, таким образом, немецкое нападение было бы вполне оправданным. 30 апреля, встретившись теперь уже с бельгийским послом Нотомбом, он вновь посетовал на скорость французских вооружений, которая «является неоспоримым свидетельством подготовки к войне. В таких обстоятельствах мы не можем ждать, пока Франция будет готова — наш долг заключается в том, чтобы опередить ее»¹.

Единственным, кто старался держаться в тени, был сам Бисмарк; это оставляло ему открытым путь для отступления в том случае, если бы события приняли нежелательный оборот. По сегодняшний день среди историков нет единого мнения по поводу причин «военной тревоги» и намерений имперского канцлера. Как всегда, он не считал нужным посвящать в свои планы никого, даже ближайших соратников.

По мнению одних исследователей, Бисмарк всерьез планировал начать новую войну с Францией, наголову разгромить ее и лишиться статуса великой державы. Другие, наоборот, полагают, что кризис спровоцировали влиятельные представители генералитета, а глава правительства имел к нему лишь косвенное отношение. Третья точка зрения исходит из того, что которой канцлер стремился провести нечто вроде «разведки боем», проверив, как другие державы Европы отнесутся к возможности новой войны с Францией и при удобном случае нанеся последней серьезное дипломатическое поражение.

Наиболее убедительной, однако, представляется версия, представленная в новейшем исследовании Джеймса Стоуна, посвященном «военной тревоге». По его мнению, ключевой целью Бисмарка было «политическими и военными средствами сдерживать антиреспубликанские силы во Франции»². Давление на Париж весной 1875 года следует рассматривать в общем контексте германской дипломатии, стремившейся оказать влияние на внутреннюю политику соседних государств (в том числе Дании, Бельгии, Испании и Австро-Венгрии) с целью не допустить формирования «католической коалиции» вроде той, которую планировал Наполеон III в конце 1860-х годов.

¹ Herre F. Op.cit. S. 355.

² Stone J. The War Scare of 1875. Bismarck and Europe in the mid-1870s. Stuttgart, 2010. P. 321.

Что касается еще одного спорного вопроса — взаимодействия с Мольтке — то здесь давние соперники, вполне вероятно, вели игру с заранее распределенными ролями. Впрочем, это не помешало Бисмарку впоследствии свалить всю вину за обострение кризиса на фельдмаршала, объявив его впоследствии «молокососом в политике»¹.

К концу апреля, когда кризис достиг своего пика, стала вполне очевидна реакция на него других великих держав. Французская дипломатия тоже не дремала, запросив помощи у Петербурга и Лондона. Министр иностранных дел Франции Деказ умело использовал ситуацию для того, чтобы привлечь внимание России и Британии к германскому давлению и одержать дипломатическую победу. Поскольку все немецкие заявления об «угрозе с запада» были явно надуманными, Франции удалось без труда склонить на свою сторону Россию и Англию, не желавших нового усиления Второго рейха. 9 мая британский посол в Германии официально заявил, что Лондон в высшей степени заинтересован в сохранении мира. С 10 по 13 мая император Александр II и Горчаков находились в Берлине, где еще раз подчеркнули свою позицию — мир должен быть сохранен. Бисмарку, таким образом, стали совершенно ясны пределы, до которых он мог рассчитывать на поддержку Петербурга.

По итогам встречи Горчаков разослал 13 мая циркулярную депешу, в которой сообщал, что царь покидает Берлин, полностью убежденный в том, что в германской столице все настроены на мирный лад. Депеша была явно рассчитана на то, чтобы представить российскую дипломатию в роли главного миротворца; во многом поэтому Горчакову приписывают слова, которых он на самом деле не говорил — «теперь мир обеспечен». Однако, в любом случае, жест российского канцлера вызвал у его германского коллеги вспышку ярости. Горчакова он характеризовал как «тщеславного, снедаемого честолюбием старика, который платит французским газетам за то, что они его хвалят»². Отпечаток этой вспышки виден и на страницах мемуаров Бисмарка:

«Я резко упрекал князя Горчакова и говорил, что нельзя называть поведение дружеским, если доверчивому и ничего не подозревающему другу внезапно вскочить на плечи и за его счет инсценировать там цирковое представление; подобные случаи между нами, руководящими министрами, вредят обеим монархиям и государствам. Если ему так уж важно, чтобы его похвалили в Париже, то ни к чему

¹ Бодров А.В. Указ. соч. С. 121.

² Schmidt R. Op. cit. S. 203.

портить для этого наши отношения с Россией, я с удовольствием готов оказать ему содействие и отчеканить в Берлине пятифранковые монеты с надписью «Горчаков покровительствует Франции». Мы могли бы также устроить в германском посольстве в Париже спектакль и с той же надписью представить там перед французским обществом Горчакова в виде ангела-хранителя, в белом одеянии с крыльями, освещенного бенгальским огнем»¹.

На этом «военная тревога» была исчерпана. Бисмарк потерпел достаточно серьезное поражение. Реакция великих держав на его попытки оказать на Францию грубое давление оказалась сугубо негативной, подозрения в отношении агрессивных планов Берлина вспыхнули с новой силой. Линия на ослабление Франции велась им с тех пор достаточно осторожно, на первое место вышли попытки договориться с западной соседкой, которые достигли своего апогея в начале 1880-х годов. По словам А.В. Бодрова, к концу 1870-х годов была достигнута «определенная нормализация франко-германских отношений»².

«Железный канцлер» сделал и еще один важный вывод. Позиция Вены во время «военной тревоги» выгодно отличалась от позиции Петербурга. 28 мая 1875 года Бисмарк писал австрийскому послу Каройи: «Я покинул Берлин, радуясь по поводу того, что Вена была единственной столицей, где лживая шумиха относительно нашей «агрессии» не вызвала ни отклика, ни даже эха»³. С этого момента канцлер начинает все в большей степени ориентироваться на Австро-Венгрию как на главного партнера. «При созвучии общих интересов, — заявил Бисмарк своему венскому коллеге Андраши, — в области вероятного и даже желательного находится возникновение между Германией и Австро-Венгрией естественных, основанных на международном праве взаимных гарантий»⁴. Это оказалось тем более важно, что в 1875 году Союз трех императоров дал серьезную трещину в связи с начавшимся кризисом на Балканах, столкнувшим интересы Вены и Петербурга.

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 2. С. 160.

² Бодров А.В. Указ. соч. С. 155.

³ WIA. Bd. 5. S. 573.

⁴ Schmidt R. Op. cit. S. 207.

ГЛАВА 14

ПОВОРОТ

Вторая половина 1870-х годов стала, пожалуй, ключевым периодом в деятельности Бисмарка на посту имперского канцлера. Дело в том, что именно в это время ему пришлось столкнуться с рядом серьезных кризисов как во внутренней, так и во внешней политике. Эти кризисы были тесно связаны друг с другом и требовали для своего разрешения весьма серьезных усилий. Для того, чтобы справиться с ними, «железному канцлеру» пришлось произвести не просто корректировку проводимого курса, а масштабный внешне- и внутривнутриполитический поворот, причем принимавшиеся в ходе этого поворота решения носили стратегический характер и оказали огромное влияние на дальнейшую судьбу Германской империи.

О политическом повороте конца 1870-х годов написано очень много; тем не менее, исследователи по сегодняшний день спорят о его сути и причинах. Пожалуй, правильным будет проследить истоки этого явления начиная с 1873 года, когда в Европе разразился первый в истории экономический кризис, охвативший одновременно все развитые страны — предшественник мировых экономических кризисов XX века.

Начальной точкой стало обвальное падение курсов акций на Венской бирже, произошедшее 9 мая 1873 года. В течение лета кризис, как лесной пожар, охватывал одну за другой остальные европейские страны и США. К октябрю он добрался до Германской империи. Это был типичный кризис перепроизводства, однако его масштаб был существенно усилен тем обстоятельством, что в предшествующие годы в стране буйствовала так называемая «грюндерская горячка». Деловая жизнь сначала в Северогерманском союзе, а затем и в новообразованной Германской империи переживала невиданный подъем. Основывались новые предприятия, банки, акционерные общества, курсы ценных бумаг стремительно шли вверх. В течение двух лет промышленное производство в стране выросло на треть. Кризис 1873 года, получивший название «грюндерского краха»,

оборвал этот взлет и привел к не менее стремительному спаду деловой активности.

Вслед за обвальным падением курсов акций начались, как это обычно бывает, банкротства финансовых институтов. Реальный сектор экономики тоже оказался под ударом: предприятия сокращали объемы выпуска продукции или закрывались, работники оказывались на улице. К началу 1874 года о своем банкротстве объявили в общей сложности 61 банк, 116 промышленных предприятий и четыре железнодорожные компании. Кризис сопровождался, в первую очередь, резким падением цен на промышленную продукцию. Надежды на то, что депрессия будет носить кратковременный характер, не оправдались. К 1879 году кризис достиг своего максимального размаха.

К экономическим сложностям добавлялись политические скандалы, когда на поверхность всплыли масштабные финансовые спекуляции, в которых участвовали, в том числе, представители правящей элиты. Это само по себе серьезно осложняло Бисмарку проведение успешной внутренней политики, поскольку уровень напряженности в обществе стремительно нарастал. Вину за кризис многие поспешили возложить на либералов, по заветам которых в начале 1870-х годов проводилась германская экономическая политика. Масла в огонь подливало то, что либеральные политики не считали нужным принимать какие-либо антикризисные меры, заявляя, что «невидимая рука рынка» сама все исправит.

В условиях сокращения внутреннего спроса и падения цен германская промышленность была вынуждена делать ставку на внешние рынки. Объем экспорта стремительно рос. Немецкие товары пользовались в тогдашней Европе славой не очень качественных, но дешевых и занимали примерно ту же нишу, которую сто лет спустя займет китайская продукция. Демпинговые цены позволяли успешно повышать объемы продаж, но уменьшали нормы прибыли. Компенсировать себя немецкие промышленники могли бы на внутреннем рынке — но только в том случае, если бы их продукция была защищена заградительными пошлинами на импорт. Однако Германская империя, следуя прусской традиции, руководствовалась в своей таможенной политике принципам свободной торговли.

Вскоре после начала финансово-промышленного кризиса, в 1875 году, стали очевидными кризисные явления в сельском хозяйстве. В первую очередь это касалось прусских помещиков, благосостояние которых строилось на выращивании и продаже зерновых. В середине 1870-х годов Европу начинает все в больших объемах завозить дешевое зерно с американского континента, конкурировать с

которым на равных было практически невозможно. Другим важным соперником стало опять-таки существенно более дешевое российское зерно. Цены стремительно пошли вниз, многие представители прусской политической элиты оказались на грани разорения.

В связи с этим в середине 1870-х годов в стране начала все громче звучать агитация в пользу введения протекционистских пошлин, которые защитили бы Германию от иностранной конкуренции. Словно грибы после дождя, одна за другой вырастали влиятельные организации, поддерживавшие защиту отечественного производителя. Первым в ноябре 1873 года образовался Германский союз производителей железа и стали. В январе 1876 года за ним последовал Центральный союз германских промышленников. Месяц спустя для защиты интересов сельского хозяйства на свет появилось Объединение сторонников экономической и налоговой реформы. Все эти организации активно сотрудничали друг с другом и оказывали серьезное давление на общественное мнение, политические партии и, не в последнюю очередь, на правительство. При этом они оказывались естественными противниками либералов, которые выступали за сохранение принципа свободной торговли и против любого вмешательства государства в экономику.

* * *

Тема взаимодействия Бисмарка с деловыми кругами является одной из наименее исследованных в биографии «железного канцлера». Существует даже представление о том, что Бисмарк ничего не понимал в экономике. Тем не менее, можно констатировать, что такое взаимодействие существовало и было весьма активным. Оно носило двоякий характер: Бисмарк интересовался экономическими сюжетами и как глава правительства, и как весьма обеспеченный человек, располагавший значительным капиталом. Его основным советником по-прежнему Бляйхредер, для которого «железный канцлер» в 1872 году добился дворянского титула. Банкир Бисмарка выступал против ряда мер либерального «экономического блока», в том числе их валютной политики, что, очевидно, оказывало определенное воздействие на отношение главы правительства к либералам. Как пишет Фриц Штерн, «во время переломного 1878 года Бисмарк нуждался в совете Бляйхредера во всех возможных вопросах»¹.

Тот факт, что Бисмарк увлекался больше дипломатией, чем курсами акций, и в вопросах экономической политики предоставлял

¹ Stern F. Op. cit. S. 283.

своим подчиненным несколько большую свободу, чем в остальных областях, еще не говорит о том, что он был полным профаном в данной сфере. Более того, «железный канцлер» поддерживал многоплановые контакты с деловыми кругами. Так, в 1872 году, когда переговоры Альфреда Круппа с военным министерством по поводу поставок нового полевого орудия зашли в тупик, промышленник обратился за поддержкой напрямую к Бисмарку. Последний, в свою очередь, не только поддержал Круппа, но и немедленно обратился по данному вопросу напрямую к монарху. В конечном счете летом 1873 года промышленник получил желаемый крупный заказ¹.

Контакты с Центральным союзом германских промышленников поддерживались на начальном этапе через Бляйхредера. Однако и основатель этой организации, известный предприниматель и политик Вильгельм фон Кардорф постоянно общался с Бисмарком, донося до него точку зрения представителей тяжелой промышленности. «Железный канцлер» не только неплохо разбирался в экономике сам, но и прислушивался к пожеланиям и рекомендациям делового мира.

Вопрос о том, насколько личные имущественные интересы Бисмарка определяли проводимый им политический курс, стоял достаточно остро еще во времена его правления. Было совершенно очевидно, что собственность играла в жизни «железного канцлера» важную роль. После основания империи он был уже весьма обеспеченным человеком, который ревниво заботился о приумножении своего состояния.

Именно последнее, а также связи с банкиром Бляйхредером служили поводом для неоднократных обвинений «железного канцлера» в том, что он использует свой пост в целях личного обогащения и активно участвует в сомнительных махинациях. Бисмарк всегда очень болезненно реагировал на подобные упреки, что лишь усиливало подозрения. Однако на самом деле большинство из них были лишены оснований. И дело здесь не в какой-то особой честности «железного канцлера», а в его консерватизме — игре на бирже он предпочитал вложения в свои поместья.

К началу 1870-х годов «железный канцлер» обладал целой плеядой земельных владений. К Шёнхаузену и Варцину добавилось, как уже упоминалось выше, имение Фридрихсру. В 1871 году к ним добавился Рейнфельд, унаследованный Иоганной от своих родителей. По мере возможностей Бисмарк округлял свои владения, покупая

соседние с их границами земли. В то же время экономическое положение поместий было не слишком стабильным, к примеру, Варцин в течение ряда лет приносил одни убытки. «Мои дела шли хорошо, пока я не получил первую дотацию; с тех пор все уходит в Варцин» — писал Бисмарк брату в 1871 году¹. Во многом это объяснялось личностью управляющего, который растрачивал деньги и в итоге покончил жизнь самоубийством в 1877 году. Однако сказывалась и общая экономическая ситуация, в том числе начавшийся кризис.

Основным источником доходов как в Варцине, так и во Фридрихсру была торговля лесом. Однако ею одной дело не ограничивалось. Бисмарк активно основывал в своих владениях предприятия перерабатывающей промышленности. В начале 1880-х годов в Варцине действовали два перегонных завода, дававшие в общей сложности около 180 тысяч литров алкоголя в год, а также три бумажные фабрики, которые «железный канцлер» сдавал в аренду. Крупнейшими арендаторами были братья Беренд, которые, несмотря на нестабильную финансовую ситуацию, приносили Бисмарку хороший доход. Во Фридрихсру Бисмарк сдал в аренду часть территории поместья под постройку фабрики по производству взрывчатых веществ, при условии, что часть сырья будет закупаться у него. В качестве крупного поставщика леса «железный канцлер» имел дело с целым рядом русских магнатов.

Бисмарк уделял хозяйственным вопросам достаточно много внимания. Он лично инспектировал как посадки, так и вырубki деревьев, вникал в колебания цен на аграрную продукцию. Другой вопрос, насколько успешен он был в роли хозяина. На этот счет существуют разные мнения. Один из современников вспоминал: «Хотя он сам по себе был экономен, возникали крупные растраты, поскольку его со всех сторон обкрадывали и обманывали. Все было непрактичным и тяжеловесным, не приспособленным к тем высоким требованиям, которые приносили с собой его положение и его гостеприимство. Бисмарк не был сторонником нововведений; все должно было оставаться по возможности таким, каким оно было всегда. К техническому прогрессу, даже к внедрению водопровода и электрического освещения, он относился с подозрением»². Тем не менее, к началу 1880-х годов поместья начали приносить более или менее стабильный доход, резко увеличивший общий уровень финансовых поступлений «железного канцлера». Когда в конце десятилетия Бисмарк попросил Бляйхредера посчитать доход от имений, банкир сообщил

¹ Schmid M. Der „Eiserne Kanzler“ und die Generäle. Deutsche Rüstungspolitik in der Ära Bismarck (1871-1890). Paderborn, 2003. S. 67.

¹ Pflanze O. Op. cit. Bd. I. S. 585.

² Ibid. S. 589.

следующие цифры: Варцин — 125 тысяч марок в год, Фридрихсру — 130 тысяч, Шёнхаузен — 10 тысяч¹.

С определенным подозрением «железный канцлер» относился к биржевым спекуляциям. Хотя он — при помощи и посредничестве Бляйхредера — покупал и продавал ценные бумаги, большинство этих операций носили достаточно консервативный характер и были нацелены на получение пусть небольшой, но надежной прибыли. Предпочтение при этом отдавалось надежным государственным бумагам, как немецким, так и иностранным. Он совершенно не принимал участия в «грюндерской горячке» начала 1870-х годов. По расчетам Фрица Штерна, ежегодно игра на фондовом рынке приносила Бисмарку в среднем около четырех процентов дохода². Принадлежавший ему портфель ценных бумаг оценивался в 1871 году в 377 тысяч марок, в 1880 году — в 560 тысяч. К моменту отставки он достиг 1,2 миллиона — при том, что Бисмарк щедро переводил деньги на счета Иоганны и Герберта. Чтобы понять, насколько велик был размер этого капитала, необходимо отметить, что средний доход на душу населения в тогдашней Германии составлял менее 400 марок в год.

Известно не так много случаев, которые дали бы повод заподозрить Бисмарка в использовании имевшейся у него информации политического характера для личного обогащения. Одним из таких эпизодов стали операции с акциями частных железных дорог в середине 1870-х годов, когда на повестке дня стоял вопрос об их выкупе государством. В течение нескольких лет «железный канцлер» покупал и продавал акции железных дорог, вкладывая в них иногда до половины своего ликвидного капитала. Успех этой стратегии был тесно связан с успехом политики по выкупу железнодорожных компаний в казну. Однако в общем и целом Бисмарк ставил интересы «большой политики» безусловно выше личного обогащения.

Общий размер доходов главы правительства, исчислявшийся к началу 1880-х годов несколькими сотнями тысяч марок в год, был весьма значителен, однако расходы нередко оказывались больше. Жалованье имперского канцлера приносило ему около 50 тысяч марок, что было существенно меньше, чем прибыль от принадлежавшего Бисмарку имущества.

На протяжении долгих лет «железный канцлер» вел непрерывную войну с налоговыми органами, стремясь приуменьшить свои доходы и сократить размер уплачиваемого подоходного налога. В этом

¹ Stern F. Op. cit. S. 420.

² Ibid. S. 403.

он следовал давно сложившейся традиции прусских землевладельцев. Бисмарк отрицал наличие доходов от операций на фондовом рынке и значительно занижал выручку от своих владений. Известна история о том, как он изменил административные границы, чтобы его поместье оказалось в другом округе, руководство которого более лояльно относилось к стремлению Бисмарка уменьшить объем выплачиваемых государству денег. Канцлер даже грозился покинуть ряды церковной общины, если его церковный налог не будет существенно снижен.

Подводя итог, нужно сказать, что вопросы личного имущества имели в жизни Бисмарка большое, однако отнюдь не приоритетное значение. Введение покровительственных пошлин объяснялось не личными, а в первую очередь политическими интересами, как и прочие шаги правительства в экономической сфере. При этом пошлины, безусловно, были выгодны «железному канцлеру».

* * *

Правда, изначально к идее введения покровительственных пошлин канцлер отнесся прохладно. В декабре 1875 года, приняв делегацию представителей металлургической промышленности, Бисмарк не проявил большого интереса к проблемам экономической политики и не выразил желание кардинально менять существующий курс. Однако уже вскоре его позиция изменилась.

Помимо растущего давления со стороны германских деловых кругов, это имело еще одну важную причину. Мечтой Бисмарка было сделать имперский бюджет независимым от так называемых «матрикулярных взносов» со стороны отдельных государств — членов империи. Поскольку у общегерманского бюджета было сравнительно немного источников доходов, он в середине 1870-х годов имел стабильный дефицит, покрывавшийся за счет поступлений от «субъектов федерации». Резкий рост доходов от таможенных пошлин, а также введение косвенных налогов позволяли изменить эту ситуацию и тем самым усилить позиции центральной власти, то есть самого Бисмарка. Разработка налоговой реформы началась в 1876 году.

В то же время «железный канцлер» отдавал себе отчет в том, что поворот в экономической сфере будет резко негативно воспринят его союзниками — либералами. Однако к этому моменту Либеральная эра уже начала клониться к своему закату. События вокруг имперского военного закона 1874 года, несмотря на одержанную Бисмарком убедительную победу, отчетливо продемонстрировали

те пределы, дальше которых даже национал-либералы не были готовы уступать. В Национал-либеральной партии в середине 1870-х годов все громче раздавались голоса о том, что пора не только идти навстречу «железному канцлеру», но и требовать от него ответных шагов. Однако идти на серьезные уступки со своей стороны Бисмарк не собирался.

Для «железного канцлера» сотрудничество с либералами всегда было «браком по расчету». Он не симпатизировал их идеям и разделял их идеалы. Гораздо ближе в этом отношении ему были старые друзья — консерваторы. Однако к середине 1870-х годов он оказался в парадоксальной ситуации. Растущая изоляция грозила ему зависимостью от поддержки либералов — зависимостью, которой он стремился избежать. Согласно воспоминаниям одного из современников, в 1874 году он жаловался, что «вынужден был в последнее время сильно сблизиться с либеральными партиями, хотя это противно его натуре и он не испытывает никаких симпатий к либерализму и либералам. В этом виновата единственно и исключительно прусская консервативная партия. Он принадлежал к ней всю свою прошлую жизнь, а она бесстыдно покинула его»¹.

Имелось и еще одно важное соображение. Вильгельм I, надежная опора «железного канцлера», неуклонно приближался к своему 80-летию. Уже многие годы за кулисами берлинской политической сцены делались прогнозы на случай внезапной кончины монарха. Все эти прогнозы объединяло одно — они были неутешительны для Бисмарка. Наследником престола являлся Фридрих Вильгельм, находившийся под влиянием жены и матери и считавшийся надеждой либералов. Можно было с уверенностью предположить, что с его вступлением на трон эпоха Бисмарка закончится, а время либеральных преобразований, наоборот, начнется. И то, и другое было совершенно не в интересах «железного канцлера». Единственным выходом для него оставалось нанесение по либералам упреждающего удара, который должен был существенно уменьшить их влияние и привести к полной лояльности Бисмарку. Таким образом, экономический поворот естественным образом совмещался с внутриполитическим.

В начале мая 1875 года Бисмарк подал очередное прошение об отставке. Он описывал плачевное состояние здоровья, не позволявшее ему исполнять свои обязанности в необходимом объеме. «Недавний опыт не оставляет сомнений в том, что я не в состоянии выполнять свои обязанности с необходимой эффективностью. (...) Врачи

¹ Nonn C. Op. cit. S. 236.

неоднократно заявляли мне, что мои физические силы больше не соответствуют моему прежнему образу жизни, и под тяжестью последнего я вскоре рухну. Я полон желания посвятить себя служению Вашему Величеству и Отчизне, но с глубоким сожалением чувствую, что не в силах сделать это»¹. По мнению многих исследователей, это прошение об отставке было едва ли не единственным, написанным совершенно искренне. История с публикацией в «Крестовой газете» и поражение в «военной тревоге», безусловно, оказали сильное негативное психологическое воздействие на Бисмарка. Однако король, как и всегда, отказался принять отставку.

Значит, необходимо было двигаться дальше. Не позднее 1876 года Бисмарк начал готовить почву для консервативного поворота во внутренней политике. Проблема заключалась в том, что ему необходимо было парламентское большинство, на которое он мог бы опереться. Помимо либералов, в рейхстаге существовали две достаточно крупные группировки, с которыми стоило считаться. Это были консерваторы и партия Центра.

Отношения и с теми, и с другими в середине 1870-х годов складывались весьма напряженно. Примирения с консерваторами, впрочем, достичь было несложно. Аксиомой для них была верность монарху, а монарх поддерживал своего канцлера. Кроме того, серьезных политических расхождений между лидерами консерваторов и Бисмарком не существовало; все существовавшие разногласия касались Культуркампа и сотрудничества правительства с либералами. Прекращение как одного, так и второго автоматически устраняло препятствия на пути сближения. К тому же жесткая конфронтация с правительством не устраивала многих представителей консервативного лагеря, которые на пике конфликта в начале 1876 года стали отстаивать необходимость сближения.

Именно благодаря этому течению в среде консерваторов 7 июля 1876 года на свет появилась Германская консервативная партия. Она объединила различные группировки немецких правых, существовавшие как в Пруссии, так и за ее пределами. Тем самым осуществилась давняя мечта Бисмарка о сильной консервативной партии. В программе новой политической силы говорилось о сохранении прав и прерогатив монарха, усилении значения религии, необходимости бороться с социализмом и защищать интересы сельского хозяйства. Текст программы был подробно согласован с Бисмарком. В первые месяцы своего существования Германская консервативная партия все еще в определенной степени дистанцировалась от «желез-

¹ WIA. Bd. 5. S. 565.

ного канцлера», однако с 1877 года поддерживала его практически во всех начинаниях.

Гораздо сложнее оказалось с партией Центра. Надежды Бисмарка на то, что ему удастся добиться быстрого примирения с политическим католицизмом, не оправдались. Первым шагом «железного канцлера» стало фактическое прекращение Культуркампа. С 1876 года борьба была остановлена, ситуация стабилизировалась. Стоит подчеркнуть, что свертывание Культуркампа было следствием заката Либеральной эры, а не его причиной, как это часто утверждается. Однако остановка наступления была воспринята партией Центра как признание Бисмарком своего поражения и не добавила Виндхорсту и его товарищам ни грамма уступчивости. Более-менее серьезное сотрудничество стало возможным только по прошествии определенного времени и после того, как в Ватикане сменился понтифик. В целом же до самого конца правления Бисмарка партия Центра оставалась в оппозиции, хотя и не такой принципиальной и непримиримой, как в эпоху Культуркампа.

В ситуации с политическим католицизмом достаточно четко проявился один из существенных недостатков Бисмарка — недооценка собственных противников. Он часто рассматривал силы, с которыми ему приходилось иметь дело, как простые фигуры на шахматной доске, которые он мог передвигать по своему усмотрению. Когда фигуры начинали проявлять самостоятельность, это иногда серьезно нарушало его планы. Будучи сам человеком, подходившим к политике с сугубо рациональной точки зрения (что не мешало ему быть эмоциональной личностью), «железный канцлер» часто подсознательно ожидал столь же рационального подхода от других, и это тоже становилось источником ошибок.

Первой ласточкой, которая возвестила общественности об окончании Либеральной эры, стала отставка 25 апреля 1876 года руководителя ведомства имперского канцлера Рудольфа Дельбрюка. Поводом для отставки был тот факт, что Бисмарк разрабатывал планы выкупа в государственную собственность немецких железных дорог, не посвятив в них своего ближайшего помощника. Для канцлера выкуп был способом получить дополнительный источник доходов для имперского бюджета, для Дельбрюка, верного своим либеральным убеждениям — неприемлемым вмешательством государства в экономику. Подоплека конфликта была, разумеется, гораздо глубже. Умный и проницательный Дельбрюк одним из первых почувствовал, что его шеф плавно переходит на консервативные рельсы. Симптоматично, что Бисмарк не стал удерживать человека, который долгие

годы считался его правой рукой, хотя и жаловался на то, что его покинул верный соратник.

В начале 1877 года состоялись очередные выборы в рейхстаг. Национал-либералам удалось сохранить позиции сильнейшей фракции парламента (128 мест), хотя они и понесли существенные потери — около 20 мандатов. Партия Центра не улучшила, но и не ухудшила свой прошлый результат (93 места). Зато серьезно усилились консерваторы; основание новой партийной организации пошло им на пользу, они получили почти 10 процентов голосов и 40 мест в рейхстаге. Почти столько же избирателей привлекли социал-демократы, сформировавшие в 1875 году единую партию; однако благодаря особенностям мажоритарной системы им досталось лишь 12 мандатов. Несмотря на то, что эти итоги не слишком отличались от того, что было три года назад, на данный момент они совершенно не устраивали Бисмарка, поскольку не давали возможности опереться на твердое парламентское большинство при проведении нового внутриполитического курса.

Вскоре главу правительства ждала еще одна досадная неудача. В марте 1877 года он попытался убрать со своего поста главу прусского адмиралтейства Альбрехта фон Штоша, считавшегося наиболее вероятным преемником Бисмарка в случае вступления на престол кронпринца. Канцлер давно ненавидел Штоша, называя его в узком кругу интриганом и шпионом императрицы. Используя удобный повод, в выступлении перед депутатами рейхстага Бисмарк во всеуслышание заявил, что Штош гонится за популярностью и готов ради нее пожертвовать интересами государства, серьезно осложняя своим коллегам работу по защите этих интересов. Одновременно канцлер начал активно жаловаться на своего соперника монарху. Однако глава адмиралтейства имел могущественных покровителей при дворе и пользовался доверием императора, поэтому атака со стороны Бисмарка не привела к успеху.

В апреле 1877 года «железный канцлер», состояние здоровья которого становилось совсем плачевным, уехал в Варцин. Там он оставался неожиданно долго — вплоть до начала следующего года. Однако это вовсе не означало, что глава правительства устранился от борьбы. Он пытался оказать влияние на общественное мнение с помощью прессы, принимал посетителей, разрабатывал стратегию будущей схватки. Первым его шагом стала попытка крепче привязать к себе национал-либералов, предложив им пойти на довольно масштабную сделку. В июле Бисмарк пригласил главу Национал-либеральной партии Беннигсена в Варцин, где между ними состоялись достаточно масштабные переговоры, касавшиеся внутреннего устройства империи.

Козырной картой Бисмарка было адресованное Беннигсену предложение стать прусским министром. Формально это стало бы дальнейшим усилением позиций и влияния национал-либералов в государственной системе не только Пруссии, но и всей империи. Однако Беннигсен, будучи опытным политиком, быстро распознал истинный замысел «железного канцлера». Он заключался в том, чтобы привязать к себе партию, обеспечить ее поддержку по многим вопросам, не идя ни на какие принципиальные уступки. Если бы этот план удался, национал-либералы, скорее всего, не смогли бы сохранить внутреннее единство, поскольку левое крыло ни при каких обстоятельствах не одобрило бы такой «неравный брак». Поэтому Беннигсен поставил в качестве условия своего согласия включение в состав прусского кабинета министров еще двух представителей левого крыла партии — Форкенбека и Штауффенберга. Учитывая, что прусские министры обладали определенной самостоятельностью в своих действиях, Бисмарк не мог пойти на такую уступку, да и Вильгельм явно не одобрил бы подобный шаг.

Хотя переговоры тянулись до февраля 1878 года, «железному канцлеру» уже осенью 1877 года стало ясно, что его маневр не удался. Национал-либералы вызывали у него все большее раздражение. Он заявлял, что эта партия потеряла способность к ясному политическому мышлению; они постоянно хотят войти в воду, но при этом не намочить свои перья¹.

В этой ситуации он решил сделать ставку на раскол национал-либералов. Впрочем, еще в середине 1870-х годов канцлера подозревали в том, что он хотел бы оторвать от партии левое крыло, которое было для него одним из главных источников головной боли. Один из лидеров левых национал-либералов, Эдуард Ласкер, принадлежал к числу основных — и наиболее ненавистных — противников Бисмарка в рейхстаге. Теперь эта группировка должна была стать основной мишенью для «железного канцлера».

Непосредственная подготовка к повороту началась во второй половине 1877 года. «Мы находимся на пороге внутриполитического кризиса, какого не было уже десять лет» — писал Тидеманн жене в конце ноября. «Князь собирается поставить условием своего возвращения к делам перестановки на высоких постах и реорганизацию имперских ведомств, — объяснял он несколько дней спустя в другом письме. — Если его требования не будут выполнены, он полон

решимости уйти в отставку. Он устал от того, что на каждом шагу встречает помехи или справа, или слева»¹.

Тем временем произошло событие, которое позволяло добиться прогресса в отношениях с Центром. 7 февраля 1878 года скончался понтифик Пий IX, его преемником две недели спустя выбрали кардинала Печчи, вошедшего в историю под именем Льва XIII. Он был в гораздо большей степени, чем его предшественник, склонен к компромиссу. Это открывало перед Бисмарком возможности для примирения с Ватиканом, а через него — с партией Центра. Пространство для маневрирования у канцлера существенно расширялось.

* * *

В феврале 1878 года в рейхстаг был внесен ряд законопроектов, которые увеличивали размер косвенных налогов. В ходе дебатов Бисмарк прямо заявил, что его идеал — «не империя, которая вынуждена собирать матрикулярные взносы под дверьми отдельных государств, а империя, которая сама могла бы выплачивать деньги отдельным составляющим ее государствам, поскольку держит в руках главный источник здоровых финансов, косвенные налоги»². На данном этапе поддержка национал-либералов, также выступавших за усиление общеимперских институтов, была ему обеспечена; однако вопрос о цене, которую придется заплатить за эту поддержку, оставался открытым.

Одновременно существенно активизировались представители промышленности, лоббировавшие введение покровительственных пошлин. Во второй половине февраля Центральный союз германских промышленников разработал таможенный законопроект. В рамках мероприятий по его продвижению 31 марта Карлдорф, пришел на аудиенцию к имперскому канцлеру. Они обсуждали вопрос покровительственных пошлин с точки зрения как политики, так и экономики, в том числе финансовых интересов обоих собеседников.

Бисмарку было совершенно очевидно, что в нынешнем составе рейхстага принятие таможенного законопроекта практически неосуществимо. Необходимо было распустить палату и назначить новые выборы. Однако для этого требовался достаточно весомый повод. Кроме того, не менее серьезный лозунг нужен был для того, чтобы провести мобилизацию избирателей в ходе предвыборной

¹ Tiedemann C.v. Op. cit. S. 43.

¹ Ibid. S. 215-216.

² Gall L. Op. cit. S. 642.

борьбы. Покровительственные пошлины, несмотря на всю важность этой проблемы для германской экономики, на такую роль явно не годились. Именно в этот момент произошли события, которые относятся к числу наиболее загадочных в истории Германской империи.

11 мая 1878 года двадцатилетний подмастерье Хедель, незадолго до этого исключенный из социал-демократической партии, дважды выстрелил в проезжавшего в открытом экипаже по центральной берлинской улице Унтер-ден-Линден императора Вильгельма. Для Бисмарка это покушение было подарком судьбы. Оно обеспечило его популярным лозунгом о «красной угрозе», получившей свое зримое воплощение. Узнав о нем, глава правительства заявил: «Теперь они у нас в руках!» На вопрос, «кто, социал-демократы?», Бисмарк ответил: «Нет, либералы»

Фактически «железный канцлер» прибег к тому же методу, что и в начале 1870-х годов, когда на роль главного «внутреннего врага» была назначена партия Центра. Теперь католики из противников превратились в желанных союзников, и на вакантное место потребовался новый кандидат. Им стала социал-демократия. О «красной угрозе» в стране активно говорилось с момента основания империи, в качестве пугающего образца «анархии и террора» часто приводилась Парижская коммуна. Однако по масштабу своего влияния и размаху деятельности германские социал-демократы в тот момент никак не тянули на опасного монстра. Даже значительное усиление позиций партии в течение 1870-х годов еще не выглядело серьезной угрозой.

Покушение на престарелого императора, символ единства нации и славных побед на полях недавних сражений, наглядно продемонстрировало всю опасность, якобы угрожающую существующему порядку со стороны бунтовщиков и террористов. Германская пресса в эти дни приложила огромное количество усилий для того, чтобы усилить ощущение угрозы у германского избирателя.

Спустя несколько дней после покушения в рейхстаг был внесен проект «Исключительного закона против социал-демократии». Разработанный в течение считанных дней, он носил весьма расплывчатый характер и предоставлял исполнительной власти достаточно широкие полномочия в борьбе с «врагами империи». С такой постановкой вопроса не могли согласиться даже правые либералы, которые справедливо видели в нем угрозу существующей системе прав и свобод гражданина. 24 мая рейхстаг отклонил законопроект.

Казалось, Бисмарк потерпел поражение. Однако ситуация изменилась буквально неделю спустя, когда на императора было совер-

шено второе покушение. 2 июня некий доктор Нобилинг дважды выстрелил в Вильгельма дробью и серьезно ранил его. О Нобилинге было известно достаточно мало, однако полицейским удалось добыть несколько фактов касательно его симпатий к социалистическим идеям. Это дало возможность вновь обвинить в покушении социал-демократов.

Реакция Бисмарка, узнавшего об этом событии, многократно описана в литературе. В начале июня он находился в Фридрихсру, где и получил известие о покушении. По одной версии, он воскликнул: «Теперь парни у меня в руках, теперь я прижму их к стене так, что они запишат!» По другой версии, его первыми словами были «Теперь мы распустим рейхстаг!» В любом случае, все сходится в том, что здоровьем императора его верный паладин поинтересовался только во вторую очередь¹.

Оба покушения были словно ниспосланы Бисмарку свыше. В связи с этим ряд исследователей высказывал подозрения по поводу того, что произошли они далеко не случайно. До прямого обвинения в адрес «железного канцлера» никто из историков, правда, не дошел. Однако при ближайшем рассмотрении всплывали довольно любопытные подробности. В частности, сам император говорил, что, по его ощущениям, первый из покушавшихся, Хедель, вообще не пытался попасть в него и стрелял мимо. Второй, Нобилинг, использовал при покушении дробь, которой достаточно сложно нанести человеку серьезное ранение. Оба покушавшихся были не вполне нормальны психически, и благодаря этому вся история вызывает дополнительные устойчивые ассоциации с поджогом рейхстага в 1933 году. Однако, с другой стороны, даже при прекрасно срежиссированном покушении нельзя было исключать вероятности гибели кайзера, в которой Бисмарк был совершенно не заинтересован. Кроме того, даже его неразборчивость в средствах имела свои границы; мировоззрение «железного канцлера» не подразумевало возможности убийства собственного короля.

Рейхстаг, действительно, был распущен. Последовавшая предвыборная борьба велась под знаком «красной угрозы» и сопровождалась массовой пропагандой со стороны изданий, близких правительству. Одновременно аграрно-промышленное лобби осуществляло весьма щедрое финансирование избирательных кампаний тех кандидатов, которые выступали за введение покровительственных пошлин. Лозунги защиты отечественного производителя

¹ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 274.

и германских рабочих мест играли важную роль в предвыборной борьбе. В целом острие правительственной агитации было направлено не столько против социал-демократов, сколько против либералов, которых обвиняли едва ли не в пособничестве цареубийцам. Прогрессисты не оставались в долгу. Рудольф Вирхов заявил, что в стране «чистейший деспотизм, во главе государства стоит человек, несущий ответственность только перед самим собой. Если так будет продолжаться, все кончится тем, что у нас будет править династия Бисмарков»¹.

30 июля 1878 года выборы состоялись. Социал-демократы понесли на них сравнительно небольшие потери, сумев сохранить девять из двенадцати депутатских мест. Гораздо важнее для организаторов кампании был успех правых. Обе консервативные партии смогли улучшить свой прежний результат в полтора раза, получив в общей сложности 116 мандатов. Потери понесли главным образом либералы — как правые, так и левые. Партия Центра несколько увеличила размер своей фракции — до 99 депутатов. Ее позиция была достаточно сложной: с одной стороны, еще не были забыты обиды времен Культуркампа, с другой, в рядах партии были сильны настроения в пользу покровительственных пошлин. Таким образом, Бисмарк в определенной степени мог рассчитывать на поддержку своих недавних врагов.

Это было для него тем более важно, что выборы не принесли силам, готовым более или менее безоговорочно поддержать «железного канцлера», желаемого большинства. Ему приходилось осуществлять сложное балансирование между различными партиями и группами интересов, опираясь на ситуативные, тактические коалиции. Насколько важным для Бисмарка было в данном вопросе добиться победы, показывают его многочисленные заявления о том, что он уйдет в отставку, если налоговая реформа и закон против социал-демократов не будут проведены в жизнь. Единственной альтернативой ему виделся государственный переворот. Согласно воспоминаниям Фалька, канцлер высказывался следующим образом: если император не даст ему отставку, «то останется лишь снова распустить этот рейхстаг и издать прокламацию, в которой будет сказано, что это произошло, поскольку рейхстаг отказывается принять законы, которые защитили бы его жизнь (...) Если роспуск не принесет успеха, необходим юридический государственный переворот. Германия не сможет скакать. Союзный договор должен быть расторгнут, конституция тем самым ликвидируется. (...)

¹ Оболенская С.В. Указ. соч. С. 92.

Правительства смогут как-нибудь держаться вместе»¹. Готовность Бисмарка пойти на крайние меры свидетельствуют о глубине того кризиса, в котором находилась его политика.

Однако до переворота дело не дошло. В текущей ситуации все обстояло следующим образом: если в вопросе законодательства против социалистов Бисмарк мог с определенной натяжкой рассчитывать на голоса правых либералов, то готовых поддержать его таможенную политику в этой среде было откровенно немного. С другой стороны, партия Центра ничего не имела против покровительственных пошлин, однако репрессивное законодательство против одной из политических сил католикам, только что страдавшим от похожих гонений, было явно не по нраву. От Бисмарка требовалось значительное искусство для того, чтобы добиться своего и в первом, и во втором вопросе.

9 сентября 1878 года «Закон против общественно опасных устремлений социал-демократии» был внесен на рассмотрение рейхстага. Он запрещал объединения, собрания и печатные органы социалистической направленности. Социал-демократических функционеров разрешалось высылать за пределы региона, где они находились, кроме того, местные власти должны были получить право вводить так называемое «малое осадное положение», предусматривавшее существенное ограничение прав и свобод граждан. Лидер национал-либералов Беннитсен в своей речи заявил, что «требования порядка должны получить приоритет перед требованиями свободы» и призвал к продолжению сотрудничества с правительством на умеренно-консервативной основе².

17 сентября с обоснованием законопроекта выступил сам канцлер. Его речь была выдержана в патетических тонах. «Господа, если мы будем вынуждены жить в условиях тирании сообщества бандитов, то такая жизнь теряет свою ценность, и я надеюсь, что рейхстаг встанет на сторону правительств и императора! Возможно, некоторые из нас еще станут жертвами убийц из-за угла, но каждый, с кем такое может случиться, должен думать о том, что он останется лежать на поле сражения, с честью погибнув во имя пользы Отечества!»³ 19 октября законопроект был принят 221 голосом против 149. Помимо консерваторов, за принятие «исключительного закона» проголосовали все национал-либералы и даже часть прогрессистов. Партия Центра, как и ожидалось, не поддержала правительственное предложение.

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 254.

² Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 299.

³ WIA. Bd. 6. S. 207.

Несмотря на то, что по предложению либералов срок действия закона был ограничен двумя с половиной годами, он исправно продлевался до самой отставки Бисмарка в 1890 году. Он фактически вытеснял социал-демократов в подполье, оставляя им единственный полностью легальный вид деятельности — выдвижение кандидатов на выборах в парламент и участие в предвыборной кампании. «Исключительный закон» не только не сломил, но даже укрепил волю германских левых к борьбе с ненавистным им государством. Это, впрочем, было скорее на руку «железному канцлеру» — враг, который оказывал сопротивление, позволял создать в массовом сознании куда более угрожающий образ, чем враг сломленный и капитулировавший.

Здесь мы, однако, подходим к еще одному весьма актуальному вопросу. В какой степени борьба против социал-демократов была искренним отражением взглядов Бисмарка на проблему, а в какой являлась лишь политическим маневром, предназначенным для достижения совершенно других целей? Можно ли проводить аналогию между этой борьбой и Культуркампом семидесятых, диктовавшимся в первую очередь трезвым расчетом и завершенным, как только в нем отпала необходимость?

Разумеется, полного сходства между этими двумя кампаниями нет и быть не может. «Железный канцлер» не испытывал к социал-демократам иных чувств, кроме вполне искренней враждебности. Это были люди, которые считали необходимым разрушить до основания ту самую общественно-политическую систему, продуктом и защитником которой он являлся. Уже в 1874–75 годах он предпринял первые попытки ввести направленные против них меры, однако тогда они разбились о сопротивление либералов. В то же время он неоднократно заявлял в узком кругу, что не считает их серьезной угрозой, поскольку их программа слишком утопична, и большинство немцев не пойдут за «красными». Его сын Герберт говорил: отец убежден, «для нынешнего правительства они никогда не смогут стать опасными»¹. Более того Бисмарк, как уже говорилось выше, был убежден в консервативных настроениях, господствующих в массе простого народа. Социал-демократы, вербовавшие себе сторонников именно в этих слоях, становились для него, таким образом, не просто врагами, а жесточайшими конкурентами, соперниками в борьбе за социальную базу. Поэтому стремление «железного канцлера» нанести левым поражение, ограничить их влияние было совершенно самостоятельным и важным мотивом его деятельности.

¹ Wehler H.U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. S. 907.

Однако в то же время это не мешало ему использовать начавшуюся кампанию для достижения иных целей. «Исключительный закон» и нагнетание истерии вокруг «красного террора» были вызваны к жизни необходимостью осуществить консервативный поворот во внутренней политике, сформировать прочную парламентскую опору в условиях отказа от либерального курса. Этот мотив действий Бисмарка нельзя сбрасывать со счетов, особенно при подведении итогов его конфронтации с социал-демократами.

* * *

Таможенная реформа происходила практически одновременно с борьбой вокруг «исключительного закона», в какой-то степени даже под ее прикрытием. 17 октября 1878 года в рамках рейхстага было образовано «Свободное экономическое объединение», насчитывавшее в своих рядах 204 депутата, выступавших за введение покровительственных пошлин. Это было абсолютное большинство членов парламента. В него входили консерваторы, небольшая часть национал-либералов и католическая фракция практически в полном составе. Это, с одной стороны, было благоприятным для Бисмарка обстоятельством, с другой, создавало ему определенные проблемы: партия Центра была последовательной сторонницей сохранения полномочий отдельных государств — членов империи и поэтому выступала против усиления центральных финансов, за которое ратовал канцлер.

В начале 1879 года давление промышленного и аграрного лобби на правительство и парламент усилилось. Более того, землевладельцы и фабриканты объединили свои усилия, выступая за введение покровительственных пошлин на широкий спектр импортируемых товаров. Весной в стенах парламента началась дискуссия по налоговой и таможенной реформе. Внесенный на рассмотрение рейхстага 4 апреля законопроект предусматривал введение заградительных пошлин по 43 позициям. 2 мая Бисмарк выступил с речью, в которой высказался за уменьшение прямых и увеличение косвенных налогов, а также «защиту национального труда». На следующий день лидер партии Центра Виндхорст впервые появился на «парламентском вечере» в доме канцлера. Недавние противники на время забыли прошлые обиды и вели конструктивные переговоры.

8 мая канцлер, уже уверенный в поддержке со стороны Центра, обрушился с резкой критикой на Ласкера, заявившего, что Бисмарк проводит политику в интересах имущих слоев. В этом была существенная доля истины, поскольку введение покровительственных

пошлин должно было привести к некоторому росту цен внутри страны. Однако канцлер реагировал предельно резко: «Я могу с тем же успехом сказать господину Ласкеру, что он ведет финансовую политику неимущего; он принадлежит к тем господам (...), о которых Писание говорит: они не сеют, они не жнут, они не ткнут, они не прядут, и все же они одеты — я не буду говорить как, однако одеты. Господа, которых не греет наше солнце, которых не мочит наш дождь, если они случайно не вышли на улицу без зонта, которые образуют большинство в наших законодательных органах, которые не занимаются ни промышленностью, ни сельским хозяйством, ни ремеслом, поскольку они чувствуют себя полностью занятыми тем, чтобы представлять народ в самых различных направлениях»¹. В этот личный выпад Бисмарк вложил всю свою неприязнь к профессиональным политикам, однако также и к левым национал-либералам, на компромисс с которыми он вынужден был часто идти в прошлом и на которых теперь мог со спокойной душой обрушивать свой гнев.

Сотрудничать с Центром, однако, оказалось нелегко. Бисмарку пришлось пойти на существенные уступки — все поступления от пошлин и табачного налога, превышающие 130 миллионов марок в год, должны были распределяться между отдельными субъектами империи и только при необходимости возвращаться в центральную казну в виде «матрикулярных взносов». Тем самым планы канцлера обеспечить полную независимость имперского бюджета были существенно скорректированы.

Против этой так называемой «поправки Франкенштейна» (по имени внесшего ее католического депутата) со всей решительностью выступили национал-либералы, заявившие, что в таком виде законопроект не представляет для них никакой ценности и они будут голосовать против него. Для Бисмарка настал, наконец, момент раскрыть свои карты. 9 июля он, выступая в парламенте, обвинил либералов в том, что они пытаются похоронить империю вместе с социал-демократами, и призвал их «к большей скромности в будущем». Давно подготавливавшийся удар был, наконец, нанесен. Перед либералами была поставлена четкая альтернатива: либо полная покорность правительству, либо переход в оппозицию. Ни о каком равноправном сотрудничестве речь уже не шла. «Фракция может поддерживать правительство и тем самым приобрести влияние на него, однако если она хочет управлять правительством, то вынуждает последнее реагировать на это со своей стороны. (...) Правительство не может следовать отдельным фракциям, оно должно идти своим

путем, который считает правильным; на этих путях оно прислушивается к решениям рейхстага, оно нуждается в поддержке фракций, но господству одной фракции оно не подчинится никогда!»¹. В этих словах заключалось своеобразное политическое кредо Бисмарка в том, что касалось отношений с парламентом.

12 июля таможенный закон был принят. Параллельно с этими событиями произошли серьезные кадровые перестановки. В феврале 1878 года в отставку ушел Кампгаузен. В 1879 году со своих постов ушли министр финансов Хобрехт, министр сельского хозяйства Фриденталь и министр по делам культов Фальк. Имя последнего к тому моменту стало фактически синонимом Культуркампа. Его преемником стал Роберт фон Путткамер, консервативный и глубоко религиозный представитель старого прусского дворянства. «Прекрасный пловец, но жаль, что он плавает в каждой луже», — иронично высказывался о новом министре сам Бисмарк². Канцлер довольно болезненно воспринял одновременную отставку нескольких министров, решив, что имеет дело с широко разветвленной интригой, целью которой является кризис правительства.

Национал-либеральная партия по итогам этих событий оказалась в состоянии тяжелого внутреннего кризиса. Демарш Бисмарка поставил ее перед выбором: либо окончательно предать свои идеалы и безоговорочно подчиниться «железному канцлеру» и проводимой им политике, либо вступить в конфликт с правительством и оказаться причисленным к тем, кто льет воду на мельницу «врагов империи». Фактически это предопределило раскол партии, состоявшийся в 1880 году, когда от национал-либералов откололось левое крыло (так называемые «сецессионисты»). Оставшаяся часть партии, в которой теперь преобладали правые, выступила за тесное сотрудничество с Бисмарком и консерваторами. Однако влияние национал-либералов, как и размер их парламентской фракции, даже отдаленно не достигали тех масштабов, которые были обычными в период Либеральной эры.

Внутриполитический поворот, таким образом, завершился. В целом Бисмарку удалось справиться с кризисными явлениями и достаточно успешно утвердить свою власть. Нельзя сказать, что он смог осуществить все свои планы, однако успех «железного канцлера» представляется несомненным. Вопрос теперь заключался в том, чтобы укрепить и развить этот успех, что представлялось достаточно сложной задачей.

¹ WIA. Bd. 6. S. 301.

¹ Ibid. S. 336.

² Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 317.

Процессы, происходившие внутри империи, не могли не находить своего отражения на международной арене. В первую очередь это касалось новых покровительственных пошлин, которые существенно задевали интересы соседних государств. В частности, заградительные барьеры против аграрной продукции наносили серьезный ущерб России, для которой экспорт зерна в Европу имел огромное значение. Экономические сложности оказывали влияние и на политические отношения двух стран. С другой стороны, именно в конце 1870-х годов в Великобритании начинает появляться беспокойство по поводу потоков германской промышленной продукции, хлынувшей на внешние рынки по демпинговым ценам. «Мастерская мира» увидела появление опасного конкурента.

Все это, безусловно, оказывало влияние на «внешнеполитический поворот», происходивший в это же время. Поводом для него стал масштабный кризис на Балканах, разразившийся в середине 1870-х годов и похоронивший Союз трех императоров, с которым Бисмарк связывал значительные надежды. В 1875 году балканские народы начали восстание против турецкого господства, быстро принявшее широкий размах. Основными действующими лицами были болгары и сербы — православные славяне, на стороне которых были симпатии Российской империи. Если в Петербурге считали необходимым поддержать своих единоверцев в борьбе с давним врагом России, то в Вене с тревогой смотрели на перспективу усиления российского влияния на Балканах, которые Австрия считала своей сферой интересов. Напряженность между двумя странами нарастала с каждым днем.

Германской империи было сложно остаться в стороне от этих событий, поскольку оба партнера возлагали на нее свои надежды. При этом Бисмарк отлично понимал, что у Берлина на данный момент никаких интересов на Балканах нет, и Восточный вопрос его напрямую не касается. Однако пассивность могла привести к самым худшим последствиям, поэтому «железный канцлер» предпринимал серьезные усилия для того, чтобы сохранить контакт между Веной и Петербургом. Он считал необходимым для всех сторон пойти на уступки, чтобы снизить уровень напряженности. В разговоре с британским послом Расселом в январе 1876 года канцлер предложил свой план урегулирования Восточного вопроса: Австро-Венгрия получает Боснию, Россия Бессарабию, а Британия — Египет. Однако этот проект, прекрасно подходивший к реалиям века кабинетной дипломатии, в современных условиях не мог иметь успеха. По мере

нарастания волны национально-освободительного движения на Балканах росла и напряженность в русско-турецких и русско-австрийских отношениях. Общественное мнение России, сочувствовавшее восставшим и оказывавшее значительное давление на правительство, явно не удовлетворилось бы небольшой территориальной компенсацией.

В мае 1876 года представители государств — членов Союза трех императоров встретились в Берлине. Горчаков прибыл в германскую столицу с требованием предоставить широкую автономию славянским народам Османской империи. Андраши высказывался за гораздо более умеренную реформу. Бисмарк заявил, что «Германию нельзя вынуждать делать выбор между обеими державами»¹, по сути поддержав австрийские предложения. В связи с этим Петербург вынужден был пойти на компромисс с Веной, достигнутый на переговорах в Рейхштадте в начале июля. Однако в сложившейся ситуации он не мог носить долговременный характер. Борьба продолжалась.

В августе 1876 года Горчаков сделал новое предложение — Германия должна вести себя активнее и выступить с инициативой созыва европейского конгресса по Восточному вопросу. Бисмарк отнесся к этому предложению с большим скепсисом. Известно его высказывание о том, что «я всегда слышал слово «Европа» из уст тех политиков, которые требуют от других держав что-то такое, чего они не рискуют требовать от собственного имени»². Конгресс, по его мнению, мог способствовать только новым столкновениям Петербурга и Вены, а также дать Франции возможность выйти из изоляции. Поэтому «железный канцлер» ответил отказом.

Однако портить отношения с Россией Бисмарк не собирался. Чтобы предотвратить охлаждение, он решил сыграть на симпатиях между династиями. Фельдмаршал Мантойфель был отправлен в Варшаву с личным письмом германского императора к своему племяннику — императору российскому. Письмо должно было засвидетельствовать неизменные симпатии Берлина к Петербургу. Судя по всему, престарелый кайзер немного перестарался, потому что в свое послание он включил весьма далеко идущее обещание — «Воспоминания о Вашей позиции по отношению ко мне и моей стране с 1864 по 1871 год будут, что бы ни случилось, определять мою политику по отношению к России»³.

¹ Ibid. S. 227.

² WIA. Bd. 5. S. 755.

³ GP. Bd. 2. S. 38

Естественно, эти слова были восприняты российской политической элитой как карт-бланш. Последующие жалобы Бисмарка на то, что русские требуют слишком многого за свою поддержку в годы объединения, имеют довольно шаткое основание; германское руководство само давало основания для подобных требований. 1 октября 1876 года Александр II через германского военного атташе в России Вердера задал руководству рейха предельно прямой вопрос: как поведет себя Берлин, если между Россией и Австро-Венгрией начнется война? Сам император хотел бы, чтобы Германия сохранила как минимум благожелательный нейтралитет, вела себя так же, как Россия в 1870 году. Разумеется, в Петербурге никто не стремился воевать с Австрией, однако там хотели бы иметь четкое представление о том, в какой мере можно рассчитывать на поддержку со стороны германского союзника.

Бисмарк оказался в крайне сложной ситуации. Прямо отказать Петербургу в поддержке он не мог, обещать ее — тем более. Любой уклончивый ответ также явно вызвал бы неудовольствие российского императора. В конечном счете канцлер решил отреагировать максимально сдержанно и в то же время корректно. Германия, заявил он, «сначала предпримет попытку убедить Австрию сохранить мир даже в случае русско-турецкой войны, и эти усилия, насколько до сих пор известно о намерениях Австрии, не останутся бесплодными (...) Если, несмотря на все наши усилия, мы не сможем предотвратить разрыв между Россией и Австрией, то Германия не видит в этом повода отказываться от своего нейтралитета»¹. В Петербурге это было воспринято как однозначный отказ в поддержке. Германо-русские отношения демонстрировали тенденцию к охлаждению.

Глава правительства считал необходимым придерживаться строгого нейтралитета. В письме, направленном германскому послу в России Швейницу, Бисмарк обозначил свои намерения: «Нашим интересам не отвечало бы такое развитие событий, при котором коалиция всей остальной Европы, если бы военное счастье отвернулось от русского оружия, нанесла серьезный и продолжительный ущерб российской мощи; но столь же глубоко интересы Германии оказались бы задеты в том случае, если бы независимость Австрии или положение ее как великой европейской державы оказалось бы в опасности»². Канцлер действительно не хотел нарушения равновесия между двумя союзниками Германии. 5 декабря, выступая в рейхстаге с ответом на запрос одного из депутатов касательно по-

вышения Россией пошлин на импорт промышленных товаров, он заверил депутатов в незаинтересованности немецкой дипломатии в Восточном вопросе, который «не стоит костей даже одного померанского мушкетера» и подчеркнул желание сохранять добрые отношения со всеми державами, которые, однако, не должны пытаться эксплуатировать германскую дружбу сверх всякой меры¹.

В конечном итоге российская дипломатия сочла за лучшее напрямую договориться с Веной и Лондоном относительно тех условий, при которых Петербург мог начать войну. Сам Бисмарк заверял российских дипломатов в том, что Германия будет сохранять благожелательный нейтралитет, а сам он всем сердцем сочувствует делу освобождения христиан от мусульманского ига. Косвенно он подталкивал Петербург к войне, считая, что в такой ситуации Россия будет в большей степени нуждаться в поддержке со стороны Германии. Восточный вопрос, раз уж он стоял на повестке дня, «железный канцлер» собирался использовать для того, чтобы отвлечь внимание европейских держав и обеспечить германской дипломатии большую свободу действий. Это была достаточно сложная и рискованная игра, однако ничего другого в данной ситуации не оставалось.

В апреле 1877 года Россия объявила войну Османской империи. Практически одновременно Бисмарк удалился в Варцин и руководил германской внешней политикой из-за кулис. Это давало ему возможность избегать необходимости высказываться относительно текущей ситуации в беседах с иностранными дипломатами и, таким образом, сохранить полную свободу рук.

В июне, отправившись на курорт, «железный канцлер» составил небольшой программный документ, известный под названием «Киссингенский диктат». Официальное название документа гласило «Восточный вопрос как проблема безопасности Германии». Здесь он употребил словосочетание, которое в дальнейшем часто использовалось для характеристики его видения международных отношений в Европе: «Одна французская газета сказала недавно обо мне, что у меня кошмар коалиций. Этот кошмар будет для немецкого министра еще долго, может быть, всегда оставаться глубоко оправданным. Коалиции против нас могут быть образованы на основе соглашения западных держав с Австрией или, что еще опаснее, в форме союза России, Австрии и Франции; сближение между двумя из перечисленных держав позволит третьей оказывать на нас весьма существенное давление». Выходом могла бы стать политика «не приобретения территорий, а создания такой политической

¹ Ibid. S. 76.

² Ibid.

¹ WIA. Bd. 5. S. 775.

ситуации, в которой все державы, кроме Франции, нуждаются в нас и будут воздерживаться от направленных против нас коалиций из-за существующих между ними разногласий»¹. Этот документ фактически стал программой действий германской дипломатии в следующем десятилетии. Остается, однако, спорным, насколько достижима была обозначенная в нем цель.

Выйти из тени Бисмарка заставило окончание Русско-турецкой войны. Кампания завершилась убедительной победой российского оружия, которая позволила продиктовать Османской империи достаточно тяжелый мир. Условия подписанного 3 марта 1878 года в местечке Сан-Стефано прелиминарного договора значительно усиливали позиции России на Балканах. Они включали в себя, в частности, создание большого независимого болгарского государства, которое с большой долей вероятности могло стать сателлитом Петербурга. Это было неприемлемо ни для Британии, ни для Австро-Венгрии. В воздухе запахло повторением Крымской войны.

Такого развития ситуации Бисмарк допускать ни в коем случае не собирался. В феврале он попытался выступить в роли посредника между Петербургом и Веной. Австрийская дипломатия, однако, настаивала на созыве конгресса европейских держав по Восточному вопросу. Это решение выглядело далеко не оптимальным для Бисмарка, однако это была едва ли не единственная альтернатива дальнейшему обострению напряженности. В качестве места проведения конгресса был предложен Берлин, с чем к концу мая согласились все заинтересованные стороны.

Помимо всего прочего, это дало Бисмарку возможность поднять свой престиж внутри страны в ситуации острого внутривнутриполитического кризиса; нельзя забывать, что именно на это время пришлось два покушения на императора и решающие выборы в рейхстаг. Канцлер, однако, поставил условием своего согласия достижение сторонами предварительных договоренностей по ключевым вопросам. Действительно, англо-русское и австро-русское соглашение были достигнуты.

Берлинский конгресс открылся 13 июня 1878 года. Он стал крупнейшей международной конференцией второй половины XIX века. В германскую столицу прибыли такие звезды европейской дипломатии, как глава австрийского правительства Андраши, британский премьер-министр Дизраэли, российский канцлер Горчаков. Однако первую скрипку, конечно же, играл Бисмарк. Перед «железным канцлером» стояла весьма непростая задача. Он

должен был постараться примирить соперников, в то же время не испортив отношений ни с одним из них. Именно поэтому Бисмарк изначально отказался от роли арбитра, принимающего решения. Свою линию на конгрессе он называл позицией «честного маклера», незаинтересованного посредника, который должен помочь другим участникам переговоров прийти к соглашению. В реальности он, конечно же, отстаивал германские интересы. В беседе с Бляйхредером сам «железный канцлер» скептически заметил, что по-настоящему честные маклеры в природе не встречаются.

Идея, которую неоднократно высказывал Бисмарк, заключалась в том, что все заинтересованные державы должны получить щедрые компенсации за счет побежденной Турции. В частности, Англия может забрать себе Египет, а Австрия расширить свои владения на Балканах. Однако эти предложения не в полной мере соответствовали интересам Лондона и Вены. Поэтому на конгрессе развернулась достаточно серьезная дипломатическая борьба.

«Хотя Бисмарк держал нити в своих руках, он предоставил участникам высокую степень свободы в ведении переговоров» — характеризует политику канцлера Эрнст Энгельберг¹. Председательствовавший на пленарных заседаниях, Бисмарк заботился о том, чтобы обсуждение было по возможности четким и конструктивным, а все спорные вопросы решались в ходе двусторонних переговоров. В течение месяца Берлинский конгресс завершил свою работу. Его итогом стала существенная ревизия Сан-Стефанского мира. В частности, вместо единой «большой Болгарии» создавалось два территориальных образования, лишь одно из которых пользовалось практически полной независимостью, а второе получило не более чем широкую автономию в рамках Османской империи. Это был классический компромисс, при котором каждому пришлось идти на уступки и никто в конечном счете не был полностью доволен достигнутым результатом.

Исключение, пожалуй, составлял лишь Бисмарк, который смог привести Восточный кризис к благополучному завершению. В течение каких-то трех лет он благодаря событиям на Балканах превратился в глазах всей Европы, как писал Лотар Галл, из нарушителя спокойствия в его гаранта².

Берлинский конгресс, помимо всего прочего, знаменовал важную веху в истории европейской дипломатии. «Европейский концерт», давший сбой в середине XIX века, был восстановлен. Вели-

¹ WIA. Bd. 6. S. 52.

¹ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 280.

² Gall L. Op. cit. S. 600.

кие державы вновь придерживались принципов Венской системы. Сама система, впрочем, была довольно сильно модифицирована; не случайно применительно к рубежу XIX–XX веков иногда говорят о «Венско-Берлинской системе». Трудно согласиться с Винфридом Баумгартом, характеризовавшим конгресс как «последнюю большую манифестацию Европейского концерта»¹. Как и в 1820-е годы, как только правила игры устоялись, нужда в «больших манифестациях» отпала.

* * *

Однако «железному канцлеру» не удалось избежать упреков. В первую очередь они прозвучали со стороны Петербурга. Российские политики и общественное мнение обвиняли Бисмарка в том, что он лишил страну плодов ее победы и не оказал российской дипломатии ту поддержку, на которую она была вправе рассчитывать. Насколько оправданными были эти упреки, сказать сложно. «Железный канцлер» действительно не оказывал никакого предпочтения интересам России перед интересами других участников конгресса — что, впрочем, вполне соответствовало взятой им на себя роли «честного маклера». Тем не менее, упрекать его в том, что он встал на сторону Лондона и Вены, как это делала российская пресса, довольно затруднительно. Однако германо-российские отношения существенно ухудшились.

К этому добавлялась личная неприязнь, прочно установившаяся между Бисмарком и Горчаковым. Российский канцлер считал необходимым искать сотрудничества с Францией, заявляя, что Союз трех императоров фактически прекратил свое существование. Бисмарк в то же время писал: «Горчаков — это несчастье как для России, так и для ее друзей; все усилия последних недостаточны для того, чтобы исправить последствия его глупости. (...) Князь Горчаков продемонстрировал прекрасные способности вызывать недоверие друзей и дразнить врагов, не имея средств для борьбы с ними. Во Франции он просил милостыню, с Австрией вел себя неумело, а по отношению к нам — высокомерно»².

В начале 1879 года между двумя странами вспыхнула настоящая экономическая война, когда германские власти под предлогом карантина против чумы запретили ввоз скота из России. Проблемы

в отношениях двух стран имели, впрочем, более глубокие корни; ошутимое охлаждение ощущалось еще с середины 1870-х годов. В Петербурге не хотели мириться с германской «полугегемонией» в центре континента. Более того, российское руководство ожидало, что немцы будут играть роль младшего партнера, отдающего приоритет интересам восточной соседки. «Россия повела себя по отношению к своему единственному другу, Германии, как азиатский деспот, считающий, что его слуга недостаточно быстро прибежал» — жаловался Бисмарк в сентябре 1879 года¹.

Имперский канцлер все в большей степени склонялся к сближению с Австро-Венгрией. В чем заключалась причина такого, на первый взгляд, парадоксального решения? Ведь сам Бисмарк несколько десятилетий назад предостерегал от того, чтобы связывать себя с дунайской монархией слишком тесными узами. Однако сейчас ситуация изменилась. На Россию, не желавшую и слышать о возобновлении «союза трех черных орлов», следовало оказать давление. Одновременно соглашение с Веной могло стать той «синицей в руках», которая, по меньшей мере, гарантировала Германию от полного окружения враждебным альянсом.

Представления о реальности такого окружения, действительно, были широко распространены среди германской правящей элиты. Чаще всего вспоминали опыт Фридриха Великого, вынужденного в ходе Семилетней войны противостоять коалиции континентальных держав в составе Франции, Австрии и России. Эта «коалиция Кауница» была худшим вариантом, которого следовало избегать в первую очередь. Союз с Австрией позволял предотвратить такой негативный сценарий и, более того, оказать давление на Россию.

Нельзя сбрасывать со счетов и того обстоятельства, что к союзу с Австрией Бисмарка толкали многие группы интересов внутри страны. Идея сближения с «братьями по крови» была в высшей степени популярной во всех кругах немецкого общества. На союзе настаивали и военные, которые уже давно исходили из неизбежности войны на два фронта — против Франции и России — и считали необходимым иметь хотя бы одного надежного союзника. В такой ситуации сближение с Веной приобретало для «железного канцлера» большое внутрисполитическое значение.

События начали стремительно развиваться в августе 1879 года, когда Берлина достигли слухи о возможной отставке Андраши. Не желая терять давнего и надежного партнера, Бисмарк немедленно предложил своему австрийскому коллеге встретиться в Гаштейне,

¹ Baumgart W. *Europäisches Konzert und nationale Bewegung. Internationale Beziehungen 1830-1878*. Paderborn, 1999. S. XIV.

² GP. Bd. 3. S. 6.

¹ Klemm M. *Op. cit.* Bd. 2. S. 253.

чтобы обсудить сложившуюся ситуацию и перспективы сотрудничества двух стран. Однако еще до того, как эта встреча состоялась, очередной ход сделала российская дипломатия. 15 августа Александр II отправил своему дяде, германскому императору, личное послание, вошедшее в историю под именем «письма-пощечины». Название вполне точно отражает содержание текста. Российский император упрекал своего немецкого родственника в неблагодарности, жаловался на Бисмарка и завершал послание многообещающей фразой: «Последствия могут иметь опустошительный характер для обеих наших стран»¹.

Хотя Бисмарк не желал полного разрыва с Россией, «письмо-пощечина» пришлось ему как нельзя более кстати. Вильгельм, традиционно питавший симпатии к российскому императорскому дому, не желал и слышать о соглашении с Веней, носящем явный антироссийский характер. Теперь Бисмарк мог заявить: «С Австрией у нас больше общего, чем с Россией. Наше немецкое родство, исторические воспоминания, немецкий язык, интерес венгров к нам — все это способствует тому, что союз с Австрией в Германии популярнее и, возможно, устойчивее союза с Россией»².

27–28 августа 1879 года прошла встреча Бисмарка с Андраши в Гаштейне. Оба государственных деятеля договорились о подписании оборонительного союза. При этом австрийский дипломат настаивал на том, что союз должен иметь исключительную направленность против России. На первый взгляд это делало договор не слишком равноправным, поскольку конфликта с империей Романовых следовало опасаться, в первую очередь, Австро-Венгрии. В случае германо-французской войны Вена не обещала ничего большего, чем благожелательный нейтралитет. Однако на самом деле это условие всецело отвечало интересам Бисмарка.

«Железный канцлер», как и военные круги, не опасался войны с изолированной Францией; гораздо страшнее представлялся ему конфликт с участием России, в котором, в соответствии с планируемым договором, Австро-Венгрия обязалась принять участие. Кроме того, договор фактически исключал возможность сближения Вены и Парижа. Суть расчетов Бисмарка весьма метко описал посол в Петербурге Швейниц, говоривший: «Только верхом мы были столь же велики, как русский гигант, и Австрия должна была стать нашей лошадью. Князь хотел скакать на ней, а не вступать в брак»³.

¹ GP. Bd. 3. S. 16.

² Ibid. S. 20.

³ Schmidt R. Op. cit. S. 212.

Сам Бисмарк был бы не против пойти на более масштабное сближение. У него возникла идея формирования долговременной договорной структуры, напоминавшей Германский союз в его лучшие годы. Однако в Вене пойти навстречу в этом вопросе были не готовы, опасаясь превращения в германского сателлита.

Бисмарку предстояло решить еще одну нелегкую задачу — убедить в необходимости подписания альянса своего монарха. В начале сентября Вильгельм встретился со своим российским племянником в приграничном городке Александрово, где российский император полностью отказался от своих недавних слов. Добрые отношения двух монархов были восстановлены, эффект «письма-пощечины» в значительной степени утрачен. «Железному канцлеру» пришлось использовать все имевшиеся в его руках рычаги, чтобы убедить Вильгельма в своей правоте.

«Россия будет сохранять мир, если она будет знать, что немецкие державы едины в своем намерении обороняться и лишены каких-либо агрессивных планов. Однако, если это единство не будет осуществлено, она в обозримом будущем нарушит мир» — писал Бисмарк еще в конце августа из Гаштейна, одновременно подчеркивая, что планируемое соглашение не создаст препятствий для восстановления Союза трех императоров, если на то будет воля Петербурга¹. За этим последовала целая череда меморандумов и докладных записок, в которых канцлер аргументировал необходимость сближения с Австрией и в красках описывал «русскую угрозу»: «Союз трех императоров, направленный на проведение консервативного и мирного курса, остается идеальной целью политики (...). Однако он возможен только в случае, если ни один из трех участвующих в нем монархов не стремится к завоеваниям за счет другого или не угрожает одному из двух других силой, чтобы вынудить его следовать в кильватере своей сепаратной политики. Последнее, к сожалению, происходит со стороны императора Александра, но не будет иметь продолжения, если Его Величество убедится, что подобная политика угроз встретит солидарный отпор двух других держав»². Бисмарк сознательно преувеличивал исходящую от восточной соседки опасность. В конце концов, настаивал он, нельзя упускать благоприятный момент для заключения союза, поскольку вектор австрийской политики может измениться, и Германия окажется в изоляции.

Большую поддержку Бисмарку оказала в данном случае германская военная элита. Мольтке принимал самое активное участие в

¹ GP. Bd. 3. S. 30.

² Ibid. S. 41.

переговорах с империей Габсбургов. Канцлер на сей раз не имел ничего против активности шефа генерального штаба — впервые за последние десять лет оба деятеля работали с таким единодушием. Мольтке всячески сгущал краски, рассказывая императору о громадной концентрации русских войск на восточной границе Германии.

В итоге усилия Бисмарка увенчались успехом. В конце сентября 1879 года он лично отправился в Вену, где был согласован окончательный текст договора. Население австрийской столицы встретило «железного канцлера» ликованием — в последние годы здесь тоже была весьма популярна идея тесного сотрудничества с Германской империей. 15 октября состоялось подписание договора в Вене, а неделю спустя соглашение было ратифицировано Вильгельмом I. «Те, кто сподвиг меня на такой шаг, будут нести за это ответственность перед высшими силами!» — в сердцах заявил он¹. Однако сопротивляться массированному и единодушному давлению со стороны своих палатинов престарелый кайзер не мог.

Внешнеполитический поворот состоялся. Германская империя заключила свой первый долговременный и содержащий конкретные обязательства союзный договор. Впоследствии он окажется наиболее устойчивым из всех союзов, просуществовав до самого крушения Второго рейха в 1918 году. Одновременно австро-германский пакт положил начало складыванию системы двух противостоящих друг другу военных блоков, которые в 1914 году начали Вторую мировую войну. Естественно, из этого нельзя делать вывод о том, что политика Бисмарка в конце 1870-х годов предопределяла глобальный конфликт; она диктовалась сложившейся ситуацией и не исключала возможности создания обширной системы союзов. Однако первый шаг на долгом пути был сделан.

ГЛАВА 15

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

Серьезный кризис во внешней и внутренней политике конца 1870-х годов нанес очередной удар по и без того слабому здоровью Бисмарка. Недуги, преследовавшие его ранее, усиливались и дополнялись новыми. Сам «железный канцлер» присущим ему образом жизни в значительной степени ухудшал состояние своего организма. Современники удивлялись его поистине раблезианскому обжорству. «Когда я впервые ел у него, — вспоминал впоследствии Тидеманн, — он жаловался на отсутствие аппетита, после чего я наблюдал с растущим удивлением, как он съедал тройную порцию каждого блюда. Предпочитал он тяжелые и трудно перевариваемые блюда, и княгиня поощряла эту его склонность. Если он в Варцине или Фридрихсру страдал от расстройства желудка, она не находила ничего лучшего, чем запрашивать по телеграфу доставку из Берлина паштета из гусиной печени или рябинника высшего сорта. Когда на следующий день паштет появлялся на столе, князь сразу проделывал в нем большую брешь и, пока его передавали по кругу, преследовал его ревнивым взором (...) Когда паштет, уменьшившись лишь ненамного, возвращался обратно, он съедал блюдо до последней крошки. Неудивительно, что при таких кулинарных эксцессах на повестке дня стояли нарушения пищеварения»¹. «Здесь по-прежнему едят так, что трещат стены» — записал Тидеманн в своем дневнике, приехав в Варцин в октябре 1880 года².

Уже за завтраком Бисмарк поглощал тяжелые мясные блюда, обед же превращался в настоящее пиршество. Возможно, виной тому были детские годы, когда в интернате Пламманна юный Отто вынужден был постоянно довольствоваться весьма скудными порциями. Возможно, он, как это часто бывает, обильными приемами пищи компенсировал постоянный стресс. Подобную же неумеренность Бисмарк проявлял в отношении табака и алкоголя, причем ни-

¹ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 295.

¹ Tiedemann C.v. Op. cit. S. 467.

² Ibid. S. 400.

кто никогда не видел его в состоянии опьянения. Спиртное только делало его более разговорчивым.

В 1880 году состояние Бисмарка резко ухудшилось, и он вновь заговорил о своей скорой смерти. Баронесса Шпитцемберг в дневнике описала один из приступов, произошедший вечером 30 марта: «Лицо князя было очень красным (...) Покинув комнату, он спустя некоторое время вернулся, но уже бледный. Он практически не мог говорить и лепетал как пьяный, так что я испугалась. Княгиня спросила его, не укусил ли он себя за язык, но он ответил, что у него внезапно отнялись щеки и затылок»¹. Еще три месяца спустя она с тревогой отмечала, что Бисмарк, похоже, так полностью и не восстановился после удара.

К началу 1880-х годов «железный канцлер» весил более 120 килограмм (его нормальный вес десятью годами раньше был на четверть меньше). Он с трудом передвигался, отрастил окладистую бороду для того, чтобы хоть как-то скрыть нервный тик нижней части лица. Медики были бессильны ему помочь в первую очередь из-за сложного характера своего пациента. Доктор Генрих Штрук, который в течение долгих лет был его личным врачом, уже в 1872 году высказывал опасения, что здоровью Бисмарка угрожает серьезный кризис. Десять лет спустя эти опасения переросли в уверенность. В течение 1881 года самочувствие «железного канцлера» ухудшалось так стремительно, что из уст врачей звучали самые пессимистические прогнозы — если Бисмарк не встанет на путь исправления, ему отпущено в лучшем случае несколько месяцев. В следующем году Штрук, устав от борьбы со своим пациентом, отказался от работы с ним. Казалось, дни Бисмарка сочтены.

Характер «железного канцлера» соответствовал состоянию его здоровья. Он становился все более нелюдимым, все реже появлялся на публике, передвигался по Берлину в экипаже с занавешенными окнами. В его резиденции все реже проходили приемы, и попасть на них людям, не входившим в узкий круг, становилось все сложнее. Иоганна, здоровье которой тоже оставляло желать лучшего, по-прежнему крепко держала в руках домашнее хозяйство. Но на большее ее сил уже не хватало. В 1884 году плевроит едва не свел ее в могилу.

Однако канцлеру вновь улыбнулась удача. Спасение пришло в лице 33-летнего врача Эрнста Швайнингера. В 1883 году он впервые появился у Бисмарка по рекомендации младшего сына канцлера Вильгельма. С тех пор и до конца жизни своего могущественного

пациента Швайнингер оставался его личным врачом. Бисмарк называл медика «черным тираном» и многократно жаловался на его жестокие методы окружающим, однако в то же время беспрекословно повиновался ему. Только Швайнингер смог заставить «железного канцлера» перейти на более нормальный режим дня, сесть на строгую диету с преобладанием рыбных блюд, уменьшить потребление алкоголя и табака.

Современниками это воспринималось как чудо. Влияние, которое имел врач на своего обычно непокорного и не желающего прислушиваться к чужому мнению пациента, выглядело просто мистическим. Сам Швайнингер годы спустя рассказывал: «Бисмарк, когда я к нему пришел, был физически близок к полному крушению; он считал, что перенес апоплексический удар, страдал от тяжелых головных болей и абсолютной бессонницы. Ничто не помогало. Он не доверял медикам. Один из его родственников из-за таких же страданий свел счеты с жизнью, и это, считал он, будет и его участью. «Сегодня, Ваша светлость, Вы будете спать». — «Поживем — увидим», ответил он скептически. Я сделал ему после этого влажный компресс и дал несколько капель валерьянки, которые назвал снотворным. Потом я сел на стул у его кровати и взял его руки в свои, как мать у беспокойного ребенка, пока канцлер не заснул. Когда он утром проснулся, я все еще сидел рядом с ним, и он сначала не хотел верить, что уже день и он правда проспал всю ночь. С тех пор он доверял мне»¹.

Судя по всему, именно эмоциональное участие врача глубоко тронуло Бисмарка, который с детства страдал от дефицита тепла и заботы. Однако, вполне вероятно, была и другая причина готовности «железного канцлера» подчиняться предписаниям медика. К моменту появления Швайнингера в доме Бисмарка последний дошел до определенного психологического рубежа, когда был готов буквально на все ради того, чтобы избавиться от страданий. Врачи подозревали у него рак и пророчили скорую смерть, а умирать канцлер вовсе не собирался. В любом случае, очевидно, что именно Швайнингер спас ему жизнь.

Эффект от новых методов лечения сказался незамедлительно. Бисмарк быстро сбросил вес, избавился от значительной части своих нервных расстройств, даже смог сбрить бороду, поскольку тик канул в прошлое. Навестившая его во Фридрихсру в ноябре 1883 года баронесса Шпитцемберг писала в своем дневнике: «В нем не узнать тяжеловесного, оплывшего человека, каким он был весной. Князь

¹ Spitzemberg H.v. Op. cit. S. 183.

¹ Pflanze O. Op. cit. Bd. I. S. 568.

напоминал мне свои старые портреты (...) он так легко ступал, был так юношески строен, хотя голова его седа, а на лице множество морщин в результате похудения»¹.

В 1884 году Бисмарк снова смог скакать верхом и совершать длительные пешие прогулки. Пищеварительная система тоже пришла в удовлетворительное состояние. Теперь канцлер поднимался с постели не позднее 9 часов утра и уже час спустя приступал к работе. Не менее часа в день он должен был проводить в движении. Вечерняя работа строжайше воспрещалась, чтобы не раздражать нервы канцлера в поздний час и не портить его сон. Впрочем, последнего Швайнингеру полностью добиться так и не удалось. Министр Ойленбург в эти дни писал: «Князь выглядел великолепно. Стройный, упругая кожа, большие глаза полны жизни и присутствия духа». Другой современник высказывался аналогичным образом: «Князь в прекрасном состоянии, моложав, подвижен, любезен; каждый день скачет два часа верхом, хорошо спит, прекрасный аппетит»².

На здоровье Бисмарка серьезное влияние оказывали события, происходившие в его семье. Как уже говорилось выше, Иоганна была не в состоянии как-то повлиять на поведение своего мужа, направлявшее его прямо в могилу. Смысл своей жизни она видела в том, чтобы подчиняться его воле и делать его существование как можно более комфортным. Ее круг интересов не выходил за пределы семьи и домашнего хозяйства. Как вспоминал Тидеманн, княгиня «может быть названа образцом немецкой матери семейства. Простая и безыскусная в своей внешности, своих мыслях и чувствах, она в то же время темпераментна, у нее быстрый ум и всегда здоровые, бьющие прямо в точку суждения. Для себя она ничего не требует от жизни; она полностью растворяется в своем муже. Его друзья — ее друзья, его враги — ее враги. Можно сказать, что она любит его друзей и ненавидит его врагов куда глубже, чем он»³.

В 1887 году старший сын Бисмарка Герберт писал о своей матери, что «у нее есть потребность постоянно приносить жертвы, и если ей не удастся удовлетворить эту потребность, у нее возникает чувство, что она сделала что-то неправильно». Иоганна любила театр, но редко посещала его, поскольку боялась, что в ее отсутствие случится какая-нибудь неприятность⁴. По мере того, как убывали ее физические силы, она все сильнее стремилась контролировать все стороны

домашнего хозяйства, нанося серьезный ущерб своему здоровью. От какого бы то ни было отдыха Иоганна неизменно отказывалась, считая своим главным долгом заботу о муже и детях, и выполняла этот долг с настоящим самопожертвованием.

«Я благодарю Бога и благодарю тебя за 40 лет неизменной любви и верности. Это были 14 610 дней, в том числе 2088 воскресений и десять 29-х февраля. Хорошие и плохие, но хороших намного больше» — писал Бисмарк Иоганне в дни 40-летия их свадьбы¹. Нет никакого сомнения в том, что канцлер испытывал к жене глубокую эмоциональную привязанность. И все же это не избавляло его отношение к ней от некой двойственности.

С одной стороны, распределение ролей в семье и характер Иоганны его полностью устраивали. С другой, он время от времени пытался как-то повлиять на жену, стимулировать ее духовное развитие, в чем регулярно терпел неудачу. Отто Пфланце объясняет это следующим образом: «Проблема Бисмарка заключалась, возможно, в том, что он неосознанно пытался найти замену той матери, которая у него была (образованную, интересную и привлекательную), и находил ее в нескольких женщинах, к которым чувствовал привязанность — и одновременно искал ту мать, которой у него никогда не было (любящую, добросердечную, с сильным материнским инстинктом и теплотой) и которую он нашел в лице Иоганны. Нельзя сказать, что она была для него всем, чего он ждал от женщины. Иоганна была деревенской девочкой с ограниченным кругозором, которая мало знала и не хотела ничего знать о большом обществе, в котором ее муж делал карьеру»².

Нет никаких сомнений в том, что Бисмарк дорожил своей женой, ее нежной заботой и покорностью, что теплый домашний очаг помогал ему справляться с бурями политической жизни. В то же время именно эта слепая покорность во многом способствовала тому, что авторитарные наклонности в характере «железного канцлера», касавшиеся в том числе и его семьи, развивались с течением времени все сильнее.

Особенно остро эти наклонности почувствовал на себе его старший сын. К концу 1870-х годов Герберта повсеместно характеризовали как «кронпринца», преемника, которого целенаправленно готовит себе Бисмарк-старший. Во многом это соответствовало действительности. Канцлер действительно возлагал на сына большие надежды и считал его своей правой рукой. Это имело для Герберта

¹ Spitzemberg H.v. Op. cit. S. 201.

² Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 364.

³ Tiedemann C.v. Op. cit. S. 190.

⁴ Pflanze O. Op. cit. Bd. 1. S. 573.

¹ Krockow C.v. Op. cit. S. 55.

² Pflanze O. Op. cit. Bd. 1. S. 573.

самые фатальные последствия, когда в начале 1880-х годов он решил устроить свою личную жизнь.

На свою беду, Бисмарк-младший влюбился в княгиню Элизабет фон Каролат, происходившую из семьи силезских аристократов. Красивая и блестящая светская дама, на десять лет старше своего возлюбленного, была связана тесными родственными узами со многими политическими противниками Бисмарка, в первую очередь из католического лагеря. Кроме того, она была замужем и добилась развода с первым мужем только в апреле 1881 года. Все это превращало планируемую свадьбу в настоящий кошмар для «железного канцлера». Бисмарк заклинал сына отказаться от планируемого брака. Княгиня, в свою очередь, требовала от влюбленного в нее мужчины при необходимости порвать с семьей и идти вместе с ней хоть на край света, не страшась никаких жертв.

Герберт оказался в крайне тяжелом положении, разрываясь между своей любовью к Элизабет и своей преданностью родителям. Иоганна, разумеется, целиком встала в этой ситуации на сторону мужа, не понимая, что наносит сыну неизлечимые раны. Все возможные инструменты воздействия на Герберта были пущены в ход. 28 апреля 1881 года он писал одному из своих друзей: «Отец сказал мне, глотая слезы, что принял твердое решение свести счеты с жизнью, если эта свадьба состоится, он устал от жизни, только надежда на меня давала ему утешение во всех его битвах, и если ее сейчас у него отнимут, ему придет конец (...) О матери, у которой уже несколько лет слабое сердце, два врача, которые ничего не знают о моей ситуации, сказали, что ее состояние опасно, что скоро может что-то произойти и сильное расстройство будет иметь самые печальные последствия»¹.

Несчастный Герберт, таким образом, оказывался в роли убийцы собственных родителей. Хорошо зная отца, он прекрасно понимал, что тот не разыгрывает перед ним драму, а действительно воспринимает все происходящее как трагедию. В итоге Герберт был вынужден нарушить данное княгине обещание и отказаться от брака. Насколько тяжело далось ему это решение, можно увидеть из писем, адресованных друзьям. «Я делаю это не по своей воле, потому что для меня невозможно такое даже по отношению к самому последнему человеку; я никогда не бросал в беде никого, кто доверился бы мне, это противоречит моему характеру. (...) Я не могу ничего забыть, ни себе ни другим, и то, что именно здесь, когда все складывалось согласно моим желаниям, я оказался в невозможной ситуации и нахожусь под жесточайшим принуждением действовать иначе, чем

это ожидала несчастная княгиня, наполняет мое сердце горечью». В другом письме Герберт заявлял, что прекрасно понимает ощущения людей, которых в древности разрывали лошадьми, что теперь в его жизни не будет ни одного счастливого дня, что «лишь мысль о том, что скоро мне может прийти конец, утешает меня»¹.

Из этого конфликта он вышел с тяжелой душевной травмой, оказался по сути психологически сломлен. Герберт фон Бисмарк стал меланхоличнее, более резким и отчужденным по отношению к окружающим, еще глубже погрузился в работу. В 1880-е годы современники практически единодушно отмечали его циничное отношение к окружающему миру, презрение к людям и высокомерие.

Однако и его отцу конфликт дался непросто — вся эта история сыграла далеко не последнюю роль в стремительном ухудшении его здоровья весной-летом 1881 года. Бисмарк не был бессердечным тираном, готовым легко переступить через собственного сына. Он, безусловно, в определенном смысле принес счастье Герберта в жертву собственным политическим амбициям, однако в то же время он вполне искренне считал планируемый брак плохим вариантом для собственного сына. Вероятно, в дальнейшем он чувствовал определенную вину перед Гербертом, что заставляло его уделять старшему сыну еще больше внимания и заботы. Баронесса Шпитцемберг писала о встрече отца и сына в Варцине: «Было трогательно смотреть на то, как искренне он радовался приезду сына. Пока тот ел, отец смотрел на него таким мягким взглядом, какой я редко могу припомнить. Старый лев выглядел совсем ручным»².

В 1886 году Бисмарк писал своему отпрыску: «Не перегружай себя работой (...) Береги себя ради меня, если не хочешь делать это ради себя. Я не могу обойтись без твоей поддержки»³. В этом же году Герберт стал статс-секретарем ведомства иностранных дел, официально заняв должность ближайшего помощника отца в международных вопросах.

Тем не менее, теплота и забота отца дорого обходилась Герберту, практически утратившему самостоятельность. Именно поэтому младший сын Бисмарка, Вильгельм, предусмотрительно дистанцировался от политической карьеры и от тесного сотрудничества с отцом. «Жизнь с папой и постоянное деловое общение с ним для любого, кто его любит и не хочет доставлять ему неудобств, принимают крайне изматывающий характер. Это требует огромных затрат

¹ Ibid. S. 357.

² Spitzemberg H.v. Op. cit. S. 237.

³ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 357.

¹ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 355.

нервов» — писал он¹. Поэтому Вильгельм избрал карьеру в органах административно-территориального управления, на достаточно большом удалении от Берлина. Умный и самостоятельный, он женился на своей двоюродной сестре, Сибилле фон Арним, заключив, пожалуй, самый удачный брак в семействе Бисмарков. Именно Вильгельм во многом спас жизнь своему отцу, порекомендовав ему в 1883 году Швайнингера. Тем не менее, Вильгельм вел нездоровый образ жизни, отличался тучностью, и его отец еще в 1891 году пророчески сказал, что младший сын вряд ли проживет долго. Он оказался прав — Вильгельм пережил «железного канцлера» всего на три года, скончавшись в 1901 году первым из его детей.

Отношения с дочерью Марией складывались у Бисмарка достаточно гармонично. Правда, она обладала достаточно ограниченным умом и кругозором, чем иногда бесила отца, но, в конечном счете, она была женщиной. В 1878 году она вышла замуж за дипломата графа Куно цу Ранцау, который был близким сотрудником ее отца. Привязанность «железного канцлера» к дочери была подкреплена еще и тем обстоятельством, что она первой из его отпрысков подарила «железному канцлеру» внуков. Как и мать, Мария во всем слепо поддерживала своего отца. «Для ее природного ума у нее примечательно узкий круг интересов, — сказал однажды Бисмарк. — Это муж, дети и мы, но больше ни один человек ее не интересует, не говоря уже о человечестве. Причина в том, что она внутренне ленива»².

Внутренняя лень была совершенно не характерна для другой женщины, входившей в «близкий круг» «железного канцлера» — его сестры Мальвины. Для Бисмарка она по-прежнему оставалась необходимой собеседницей и подругой. Мальвина часто бывала в доме канцлера и с удовольствием выполняла его небольшие поручения, которые касались вопросов, в которых надо было проявить светские качества и вкус. Она будет оставаться близким ему человеком до самой смерти Бисмарка. Именно по этой причине «железный канцлер» ни словом не возразил против брака своего сына с ее дочерью, хотя и он, и Иоганна считали Сибиллу эксцентричной и относились к ней с подозрением. С братом Бернгардом его связывали теплые, но менее близкие отношения.

Практически каждое лето семейство Бисмарков отправлялось на воды. Любимым курортом «железного канцлера» оставался австрийский Гаштейн. Другим вариантом был Киссинген, где

Бисмарк неизменно привлекал огромное внимание местной публики. Тидеманн вспоминал: «Ежедневно князь в сопровождении Герберта отправлялся к нижнему источнику, в котором купался. Он шел туда по дорожке, на которую не допускался более никто и которая охранялась жандармами. Чтобы попасть в купальню, он должен пройти 50 шагов вдоль шоссе. Здесь часами ждали те, кто хотел его увидеть. На каждом камне сидел кто-нибудь из отдыхающих, дамы стояли рядами, как полк солдат. Как только становится известно, что князь купается, все, кто до этого гулял, пил кофе или играл в бильярд, собираются у большой купальни, у которой есть несколько выходов. Приходится использовать разные маневры, чтобы ускользнуть от любопытствующих. Экипаж, приехавший за ним, останавливается то у одного, то у другого входа, только не у того, из которого в действительности выйдет князь. Когда экипаж, наконец, подъезжает к правильному выходу, все кидаются вслед за ним, но обычно поспевают только тогда, когда князь уже сел в него и отъезжает»¹. Толпы поклонников только раздражали канцлера.

На курорте, как и в Варцине, Бисмарк продолжал работать, и его помощники проводили часы, составляя документы под диктовку своего шефа. Как обычно, канцлер жил достаточно скромно, занимая вместе со своей семьей всего несколько комнат. По вечерам у Бисмарков собирались друзья и хорошие знакомые, отдохавшие на этом же курорте. Среди забав, практиковавшихся в этом кругу, было и вошедшее в моду столоверчение — вызов духов. Бисмарк, правда, относился к этой практике с насмешкой и редко принимал участие в спиритических сеансах².

Имущество Бисмарка в течение 1880-х годов постоянно увеличивалось в размерах. К его 70-летию комиссия прусской палаты господ под председательством герцога Ратибора провела сбор средств, широко разрекламированный по всей стране. Всего было собрано более 2 миллионов марок, половина которых потрачена на покупку «железному канцлеру» еще одного имения — Шёнхаузена II, который некогда находился во владении семейства Бисмарков, однако был продан в самом начале XIX века. К 1887 году глава правительства оценивал свое состояние в 12 миллионов марок, находясь в числе самых богатых людей Германии. Однако на первом плане для него по-прежнему оставалось не управление личным имуществом, а политическая деятельность.

¹ Ibid. S. 359.

² Spitzemberg H.v. Op. cit. S. 249.

¹ Tiedemann C.v. Op. cit. S. 149.

² Ibid. S. 288.

Историк, который попытается дать четкое и лаконичное название внутренней политике Бисмарка в 1880-е годы, столкнется с большими сложностями. У этой политики не было ярких доминирующих черт, как в период «конституционного конфликта» или Либеральной эры. Речь шла, в первую очередь, о решении текущих вопросов, стремлении сохранить существующее положение и найти более или менее надежную опору в рейхстаге. Последнее становилось все более затруднительным, поскольку поддерживавшая Бисмарка национал-либеральная фракция стремительно сокращалась в размерах, а партия Центра все еще смотрела на «железного канцлера» с недоверием. В 1880 году глава правительства жаловался, что устремления политического католицизма по-прежнему направлены на то, чтобы «бороться с императорским правительством», а все враждебные империи движения Центр берет под свою защиту¹.

Все более проблематичным становился и поиск кадров для высших государственных должностей. Бисмарка тяготила прусская система, в рамках которой министры обладали достаточно большой самостоятельностью, а решения в правительстве принимались коллегиально. Ему нужны были люди, которые одновременно являлись бы абсолютно лояльными, умными и компетентными. Такое сочетание встречалось редко, и уже в конце 1870-х годов возникли значительные сложности с поиском кандидатов на вакантные министерские должности. В 1880 году Бисмарк дополнительно взял на себя руководство прусским министерством торговли, стремясь тем самым еще и усилить свое влияние на экономическую политику. Такое сосредоточение власти в одних руках приводило к конфузам. Так, однажды министр внутренних дел получил два взаимоисключающих предписания, подписанных Бисмарком; одно исходило из министерства торговли, второе — из аппарата главы правительства².

В 1880 году был без существенных сложностей продлен еще на семь лет военный закон. Однако пакет налоговых законопроектов — очередная попытка Бисмарка реализовать свои проекты укрепления имперских финансов — был по большей части отвергнут парламентом. Это оказалось тем более неприятно, что полученные от налогов средства канцлер планировал пустить на осуществление еще одного масштабного проекта — введения социального законодательства.

Как уже говорилось выше, с мыслью о принятии свода законов, который предоставлял бы малообеспеченным слоям населения

определенную социальную защиту, глава правительства играл еще в начале 1860-х годов. Это вполне соответствовало его консервативным убеждениям касательно той патерналистской роли, которую государство должно играть в обществе. В 1871 году он в письме к одному из коллег в прусском правительстве заявил о необходимости «реализовать те требования социалистов, которые представляются справедливыми»¹. Однако затем, ввиду сотрудничества с либералами, ему пришлось отказаться от своих идей. Теперь, когда Либеральная эра осталась позади, к проектам социального законодательства можно было вернуться.

Помимо всего прочего, эти проекты приобретали большое значение в связи с ростом влияния социал-демократии в стране. Несмотря на «исключительный закон», германские левые не сложили оружие и продолжали достаточно успешно вербовать себе новых сторонников. Бисмарк полагал, что успех социал-демократов объясняется тем, что «маленький человек» не получает со стороны государства достаточной заботы и защиты. Если улучшить его материальное положение, продемонстрировать внимание к его интересам, он уже не станет поддерживать бунтовщиков и смутьянов. Необходимо «создать среди большой массы неимущих консервативное сознание, которое принесет с собой право на пенсию», писал Бисмарк в конце 1880 года². «Тот, у кого в старости будет пенсия, гораздо довольнее и с ним легче иметь дело» — заявлял он в беседе с Морицем Бушем³. Глава правительства понимал, что одного кнута недостаточно, необходим и пряник. С помощью социального законодательства канцлер надеялся выбить почву из-под ног социал-демократов. Нужно сказать, что его расчет был в целом правильным и весьма дальновидным.

Однако у социального законодательства немедленно нашлась масса противников. Против него выступали либералы, считавшие недопустимым вмешательство государства в экономические отношения; партикуляристы, не желавшие усиления позиций центральной власти в империи; значительная часть капитанов немецкой экономики, не хотевших усиления позиций наемных работников в трудовых конфликтах; наконец, социал-демократы, чувствовавшие исходившую от «государственного социализма» опасность. Поэтому полностью провести в жизнь свой проект Бисмарку не удалось. Однако и то, чего он смог добиться, выглядело довольно внушительно.

¹ Gall L. Op. cit. S. 681.

² Tiedemann C.v. 428.

¹ WIA. Bd. 5. S. 123.

² Nonn C. Op. cit. S. 253.

³ Wehler H.U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. S. 910.

Первые предложения по организации системы социального страхования прозвучали в рейхстаге в январе 1881 года. В намерения Бисмарка входило, очевидно, сделать их одной из тем предвыборной борьбы ввиду предстоявших спустя несколько месяцев выборов в рейхстаг. К этому моменту на германской политической сцене появился еще один игрок, на поддержку которого Бисмарк теоретически мог рассчитывать в данном вопросе — Христианско-социальная партия. Образованная в 1878 году придворным проповедником Штекером, она выступала за защиту малоимущих слоев населения в консервативном ключе, с опорой на христианские принципы. Своего главного врага партия видела в социал-демократах.

Тем не менее, канцлер предпочитал дистанцироваться от Штекера и его сподвижников. Одной из причин было то, что Христианско-социальная партия достаточно быстро начала использовать в своей пропаганде антисемитские мотивы, считая евреев-предпринимателей главным злом для трудящихся немцев. Такой антисемитизм не был свойственен Бисмарку, заявлявшему, что «интересы еврейских финансистов тесно связаны с сохранением нашей государственной системы»¹. Кроме того, он испытывал к Штекеру личную неприязнь. В итоге Христианско-социальная партия оставалась для Бисмарка чисто тактическим орудием, пригодным для того, чтобы нанести ущерб левым либералам.

Вопрос об антисемитизме Бисмарка достаточно сложен. Как и многие представители прусского дворянства, он, безусловно, питал по отношению к евреям традиционное предубеждение. Однако антисемитизм современного типа, возникший в Германии (одновременно с самим термином) как раз в конце 1870-х годов, был ему чужд. Этот антисемитизм основывался на расовом учении и идеях социал-дарвинизма, и именно он выйдет на первый план в XX веке. Однако он не брезговал использовать антисемитские настроения в своих интересах. «Почему следует запрещать людям, которые по зову сердца ругают евреев?» — писал он в неофициальных указаниях для прессы в 1884 году².

Выборы 27 октября 1881 года завершились не слишком благоприятно для канцлера. Консервативные партии и национал-либералы понесли ощутимое поражение, потеряв несколько десятков мандатов. За счет этого серьезно усилились левые либералы, находившиеся в оппозиции Бисмарку. Партия Центра и социал-демократы смогли сохранить и даже несколько улучшить свои позиции. На ближайшие три года главе правительства предстояло иметь дело с парламентом,

в котором ему было бы чрезвычайно сложно получить поддержку большинства. Бисмарку приходилось все больше лавировать, искать тактические решения и компромиссы. И все равно два года спустя, подводя итог, его сподвижник Лукиус вынужден был записать в своем дневнике: «Мы терпим поражение за поражением»¹.

Еще до выборов, 9 марта 1881 года, в рейхстаг был внесен первый законопроект о социальном страховании, предусматривавший выплаты рабочим, потерявшим трудоспособность в результате несчастного случая. Действие законопроекта не распространялось на сельскохозяйственных рабочих, ремесленников, а также трудившихся на транспорте. Одним из ключевых пунктов правительственного предложения было создание специального общеимперского ведомства, ответственного за реализацию программы. Значительную часть денег ведомство должно было получать из государственного бюджета — зримое воплощение заботы государства о лицах наемного труда. Однако как раз это и не устраивало большинство депутатов.

Выступая в парламенте, Бисмарк объяснял появление законопроекта соображениями «практического христианства»². Одновременно он заявил, что речь идет о первом опыте, за которым последуют другие законодательные акты. Большая часть его речи 2 апреля 1881 года была посвящена перепалке с либералами, которые пытались обвинить его в намерении ввести «государственный социализм». Однако ораторское искусство канцлера не помогло: законопроект был передан в комиссию, которая внесла в него две существенные поправки. Во-первых, единое имперское ведомство заменялось набором локальных органов, во-вторых, субсидии из государственного бюджета отменялись, финансирование должно было носить чисто страховой характер. Эти поправки в значительной степени выхолащивали суть проекта «железного канцлера». Впрочем, несмотря на отвратительное состояние здоровья, последний вовсе не собирался отказываться от борьбы.

Заседания рейхстага, избранного осенью 1881 года, были открыты знаменитым «Императорским посланием», которое стало программным документом всей социальной политики Германской империи. Сочиненный Бисмарком, этот документ фактически предлагал оппозиции компромисс. Канцлер считал необходимым в сложившихся условиях отказаться от доминирующей роли государства в системе социального страхования. В «Императорском послании» были сформулированы принципы, которые действуют в Германии вплоть до сегодняшнего дня: органы социального страхования функцио-

¹ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 329.

² Wehler H.U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. S. 933.

¹ Gall L. Op. cit. S. 747.

² WIA. Bd. 6. S. 532.

нируют на основе самоуправления, их кассы наполняются за счет взносов работников и работодателей. Роль государства сводилась по сути к покровительству и созданию рамочных условий для этой системы. В такой форме социальное законодательство становилось гораздо более приемлемым, в первую очередь, для партии Центра.

Весной 1882 года в рейхстаг был внесен обновленный законопроект о страховании от несчастного случая, дополненный законопроектом о страховании по болезни. Количество застрахованных существенно расширилось, как и круг страховых случаев. Однако обсуждение законопроектов затянулось на длительное время — во многом из-за того, что страдавший от своих недугов канцлер не мог энергично вмешиваться в процесс. Лишь в июне 1883 года закон о страховании по болезни был, наконец, принят. В соответствии с ним, финансирование возлагалось на специально создаваемые больничные кассы, которые должны были получать две трети средств от взносов работников и треть — от предпринимателей. Этот закон стал первой ласточкой в системе социального страхования, которая вскоре выведет Германскую империю на первое место в этой области в Европе.

Законопроект о страховании от несчастного случая продолжил обсуждаться в рейхстаге в 1884 году. К этому моменту пошедший на поправку канцлер уже был способен самым активным образом принимать участие в парламентских дебатах. В своих выступлениях Бисмарк начал активно употреблять понятие «государственный социализм», позаимствовав его у политических противников. Одновременно он предупредил депутатов о возможных последствиях их безответственности; Германская империя, заявил канцлер, не может существовать без работоспособного парламента. «Если мы не получим поддержки парламента, в которой нуждаемся, если она вообще окажется недоступимой, поскольку ни одна сторона не сможет опереться на большинство — тогда Германская империя сталкивается с опасностью, что благодаря речам, прессе и взаимному недоверию она вновь распадется или, по крайней мере, станет настолько слабой, что не потребует-ся большого кризиса, чтобы нанести этому строению (...) серьезный ущерб»¹. 27 июня 1884 года законопроект был принят.

* * *

Красноречие «железного канцлера» объяснялось еще одним обстоятельством. Три года прошло, и на повестке дня стояли очередные парламентские выборы. Выступления в защиту рабочих должны

были сыграть свою роль в предвыборной борьбе. Однако в общем и целом у Бисмарка не имелось особых поводов для оптимизма. «Этот народ не может скакать. Я очень мрачно смотрю на будущее Германии» — заявлял он в конце 1883 года¹. На значительное изменение баланса сил в рейхстаге свою пользу у него не было оснований рассчитывать. Поэтому в первой половине 1880-х годов канцлер все чаще начал задумываться о том, чтобы создать параллельный парламенту орган, который будет иметь корпоративную структуру и выступать в роли конкурента рейхстага.

Первая попытка была предпринята еще в 1880 году, когда канцлер создал в Пруссии Народный экономический совет из представителей промышленности, сельского хозяйства, ремесла и лиц наемного труда. Он должен был получить широкие полномочия в сфере экономического законодательства и стать чем-то вроде «параллельного рейхстага». Созданный прусский орган планировалось затем плавно превратить в общеимперский. Однако депутаты парламента подавляющим большинством отвергли этот проект. Впрочем, сама идея не утратила от этого свою привлекательность для Бисмарка. В 1884 году он высказывал намерение на основе структур социального страхования «прийти к корпоративным организациям, которые постепенно объединят все производительное население и создадут основу для будущего народного представительства, которое вместо или вместе с рейхстагом станет существенным фактором законодательной деятельности, в крайнем случае с помощью государственного переворота»². Верный своей привычке держать в запасе набор альтернатив, Бисмарк готовился к ситуации, в которой сотрудничество с рейхстагом станет невозможным. Но до этого дело в реальности не дошло.

Осенние выборы 1884 года слабо изменили расстановку сил. Определенные потери понесли левые либералы, за счет которых усилились консерваторы (на 22 мандата) и социал-демократы (на 12 мандатов). Создать надежную коалицию большинства было по-прежнему сложно. Усиление социал-демократии обычно рассматривается как провал политики борьбы с ней, и это в значительной степени верно; даже в условиях действия «исключительного закона» германские левые смогли более чем в полтора раза увеличить число своих избирателей и в два раза — количество мандатов. С другой стороны, никто не знает, как выглядела бы динамика влияния со-

¹ WIA. Bd. 7. S. 95.

¹ Gall L. Op. cit. S. 749.

² Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 397.

циал-демократии в других условиях; вполне возможно, что рост был бы еще более стремительным, если бы у партии была возможность вести легальную постоянную пропаганду своих идей. В основе роста германской социал-демократии лежали объективные социально-экономические процессы.

Во вновь образованном рейхстаге социал-демократы попытались перехватить у канцлера инициативу, внося в январе 1885 году законопроект о защите прав наемных работников. Он предусматривал, в первую очередь, введение 10-часового рабочего дня, запрет воскресной работы, ограничение женского труда и единую систему фабричных инспекций. Законопроект был передан в комиссию, которая оставила от него только положение о запрете воскресного труда. В ходе последовавших дебатов Бисмарк выступил категорически против подобного запрета, объясняя это, в первую очередь, технологическими потребностями производства и необходимостью сохранять высокую конкурентоспособность немецких товаров. В реальности канцлер хотел, в первую очередь, не дать левым шанса ни выйти из изоляции, в которой они находились внутри палаты, ни заработать себе очки среди избирателей. Со своей стороны он ужесточил давление на рабочее движение — в апреле 1886 года увидел свет «Указ о стачках», который предусматривал силовые действия по отношению к забастовщикам в том случае, если стачка начинает приобретать характер, хотя бы отдаленно напоминающий политический. В социальном законодательстве был сделан перерыв. В тандеме кнута и пряника на первое место вновь вышел кнут.

К этому моменту Бисмарк развернул новую кампанию, атаковав еще одного традиционного противника — поляков. В начале 1885 года по его распоряжению была начата высылка из восточных провинций Пруссии лиц польской национальности, не являвшихся германскими гражданами. Бисмарк представил дело таким образом, словно речь идет о мигрантах, которые хотят вытеснить немецкое население с восточных территорий. В ответ на протест польской фракции рейхстага канцлер обрушился с гневными тирадами на тех поляков, которые не считают Германию своей родиной. Польское меньшинство, заявил Бисмарк, всегда отвечало черной неблагодарностью на гостеприимство и терпимость со стороны немцев, более того, поляки являются агентами иностранного влияния. «Кто не хочет сотрудничать в деле защиты государства, тот не принадлежит к государству, не имеет в нем никаких прав, он должен уйти. Мы не настолько варвары, чтобы изгонять людей, однако это был бы справедливый ответ всем тем, кто отрицает государство и его учреж-

дения — лишить их защиты со стороны государства» — сказал он в прусской палате депутатов в конце января 1886 года¹.

Весной того же года был сделан очередной шаг в политике германизации. Спекулируя фактами о том, что поляки скупают земли на востоке Пруссии, Бисмарк добился принятия прусской палатой депутатов закона, в соответствии с которым учреждался специальный фонд для приобретения имений польской знати. На этих землях следовало размещать германских переселенцев из районов, страдавших от малоземелья. Политика колонизации, помимо всего прочего, должна была предоставить привлекательную альтернативу многим тысячам немцев, ежегодно уезжавших в Америку на поиски лучшей жизни.

В реальности очередной виток давления на поляков привел только к росту в среде последних националистических настроений. К тому же германизация в очередной раз обострила отношения с католической церковью и партией Центра. Фонд для выкупа земель стал выгоден в основном юнкерам, которые продавали свои имения по завышенной цене, угрожая, что в противном случае эти земли попадут в руки поляков.

В 1880-е годы процесс отмены Культуркампфа вступил в активную стадию. В первую очередь речь шла об отмене «репрессивных» законов. Семь законов было полностью отменено, два — значительно смягчено; в этой категории лишь закон о запрете ордена иезуитов сохранил свою силу к началу 1890-х годов. Первая волна, получившая название «смягчающих законов», пришлась на 1880—1883 годы. Вторая — «примирительные законы» — была принята в 1886—1887 годах. Однако о полном возврате к прежнему положению речь не шла; большинство законодательных актов 1870-х годов продолжали действовать. Гражданский брак сохранился, как и ограничение прав церкви в отношении системы школьного образования. «Железный канцлер» не собирался идти на полную капитуляцию перед партией Центра и тем более демонстрировать какую-либо зависимость от нее.

«Смягчающие» и «примирительные» законы позволили церковной жизни войти в нормальное русло, а ранее преследовавшимся священникам — вернуться к исполнению своих обязанностей. Параллельно велись переговоры с Ватиканом, в ходе которых была достигнута постепенная нормализация отношений между Германией и Святым престолом. В 1885 году Бисмарк попросил Льва XIII выступить арбитром в колониальном споре между Испанией и Германией. Благодарный Папа наградил его церковным орденом, с которым канцлер неизменно появлялся там, где мог встретить де-

¹ WIA. Bd. 7. S. 370.

путатов-католиков. Вскоре понтифик уже настоятельно советовал лидерам партии Центра более конструктивно подходить к вопросам сотрудничества с правительством.

Канцлер стремился использовать хорошие отношения с Папой Римским, установившиеся ко второй половине 1880-х годов, чтобы оказать давление на немецких католиков. «Я считаю Папу более дружественным Германии, чем партию Центра. Папа — мудрый, умеренный и миролюбивый человек. Вопрос о том, можно ли сказать это о большинстве членов рейхстага, я оставляю открытым» — заявил глава правительства в апреле 1886 года¹. Поддержка партии Центра была критически нужна ему для очередной, последней крупной внутривнутриполитической кампании, которую он провел.

* * *

Во второй половине 1880-х годов на повестку дня встал вопрос об очередном продлении военного закона. Срок действия предыдущего истек в 1888 году, и новый законопроект неизбежно должен был стать одной из тем предвыборной борьбы на выборах в рейхстаг 1887 года. Было известно, что большинство депутатов выступают против продления септенната, считая, что с порочной практикой ограничения бюджетного права пора заканчивать. Речь шла о ежегодном утверждении военного бюджета, в крайнем случае оно должно было происходить раз в три года. «Железному канцлеру» такой расклад был совершенно невыгоден, поскольку военный бюджет был идеальным орудием давления парламента на правительство.

Стремясь, как всегда, действовать наступательно, Бисмарк решил предпринять опережающий маневр. Очередной военный законопроект был внесен в парламент осенью 1886 года. Он предусматривал существенное увеличение численности армии мирного времени — на 10 процентов, до 469 тысяч солдат и унтер-офицеров. Параллельно должны были вырасти военные расходы, которые вновь предлагалось зафиксировать на семь лет. Необходимо сказать, что рост численности армии вполне соответствовал системе всеобщей воинской повинности в условиях роста населения страны; к тому же соседние державы также наращивали свои вооруженные силы. Бисмарк тщательно выбрал момент для продвижения законопроекта — в международных отношениях как раз бушевал очередной кризис, связанный с Балканами и позволявший громко заявлять об угрозе новой войны. Этот тревожный фон должен был облегчить предвыборную борьбу.

Бисмарк не сомневался в том, что правительственное предложение принято не будет, и готовился распустить рейхстаг. «Для нашей общей ситуации упорство оппозиции в отстаивании своей точки зрения и обусловленный им роспуск рейхстага был бы оптимальным вариантом» — писал он в частном письме¹. Сам канцлер выступил 11 января в рейхстаге с пространной речью, в которой подчеркнул миролюбие Германии, однако в самых мрачных красках обрисовал грозившие стране опасности. Подробнее всего он говорил о Франции и о России. «У нас нет не только никакой причины нападать на Францию, но и никаких подобных намерений. Мысль о том, чтобы начинать войну только потому, что в дальнейшем она, возможно, станет неизбежной и ее, возможно, придется вести при менее благоприятных условиях, была всегда чужда мне, и я неизменно боролся с ней (...) По моему мнению, нам следует опасаться французского нападения; произойдет оно через десять дней или через десять лет, это вопрос, на который я не могу ответить»².

Одновременно Бисмарк не преминул указать депутатам на их безграмотность в военных вопросах, а затем поднял возникший спор до статуса принципиального конфликта между парламентом и короной, как это было в старые добрые шестидесятые. «Германская армия есть учреждение, которое не может зависеть от переменчивого большинства рейхстага. (...) Сделать численность армии мирного времени зависимой от сиюминутной расстановки сил и настроения рейхстага невозможно. Не занимайтесь подобными фантазиями, господа! Без нашей германской армии, одного из фундаментальных учреждений и основ, без потребности в общей обороне от вражеских атак не возник бы сам союз, на котором покоится Германская империя. Вспоминайте об этом каждый раз, когда Вы пытаетесь выбить у нее из-под ног эту основу ее существования; потому что мы все хотим чувствовать себя защищенными, и ваши избиратели тоже — подумайте об этом! Попытка (...) сделать армию зависимой от меняющегося большинства рейхстага и его решения, другими словами, превратить императорскую армию, которую мы имеем в Германии, в парламентскую армию, войско, о состоянии которого будут заботиться не император и союзные правительства, а господа Виндхорст и Рихтер — эта попытка не удастся! (...) Это обязывает нас апеллировать к мнению народа, избирателей, чтобы узнать, действительно ли они видят ситуацию подобным образом»³.

¹ Gall L. Op. cit. S. 777.

² WIA. Bd. 7. S. 442.

³ Ibid. S. 451.

¹ Ibid. S. 402.

Однако депутаты не вняли его аргументам. Большинство палаты было согласно только на трехлетний срок действия нового закона. 14 января рейхстаг проголосовал был распущен. Новые выборы назначили на 21 февраля.

Атмосфера очередной «военной тревоги» благоприятствовала правительству. Бисмарк в очередной раз использовал внешнеполитические рычаги для решения внутренних проблем. 31 января в той самой газете «Пост», которая 12 лет назад опубликовала знаменитую статью «Предвидится ли война?», появился не менее взрывчатый материал под названием «На острие ножа». В нем предсказывалась скорая французская агрессия. Этот же мотив был подхвачен целым рядом других изданий. Подконтрольная правительству пресса быстро довела накал страстей до высшей отметки.

15 января, на следующий день после роспуска рейхстага, руководители трех партий — обеих консервативных и национал-либеральной — договорились об образовании предвыборного блока, так называемого «картеля». Партии обязывались помогать друг друга на выборах, а также оказывать правительству безоговорочную поддержку. Правительство, в свою очередь, сделало все для того, чтобы накалить настроения в обществе до предела и помочь «картелю» завоевать расположение избирателей. Чиновники активно вмешивались в ход предвыборной борьбы, которая приобрела характер плебисцита: за или против политики Бисмарка, за или против независимости и безопасности империи.

Итогом выборов, вошедших в историю под именем «масленичных», стала рекордная мобилизация электората: к урнам пришло почти 80% имевших право голоса. Консервативные партии получили на этих выборах в общей сложности 122 мандата, национал-либералы — 97. Таким образом, «картель» получил абсолютное большинство мест в палате. Это было безоговорочной победой «железного канцлера». Впервые за всю историю империи он имел перед собой парламент, практически готовый следовать за ним в огонь и в воду. 1887 год стал в определенной степени вершиной внутривнутриполитических успехов Бисмарка на посту имперского канцлера.

11 марта 1887 года военный законопроект был принят рейхстагом. Довольно симптоматично, что Лев XIII настоятельно рекомендовал лидерам Центра поддержать правительство в данном вопросе, однако при голосовании католическая фракция предпочла воздержаться. Рана, нанесенная Культуркампом, еще не затянулась до конца. Стремясь использовать успех, в конце года Бисмарк внес в палату еще один законопроект, изменявший организационную структуру армии. Он менял положение резервных частей в составе вооруженных сил и позволял существенно увели-

чить численность армии военного времени. 6 февраля 1888 года канцлер произнес по этому поводу одну из самых блестящих своих речей, в которой подробно обрисовал международную ситуацию и сделал вывод: «Мы должны в эти времена быть настолько сильны, насколько это возможно». Выступление завершалось эффектным пассажем: «Мы, немцы, боимся бога, но более никого на целом свете! Именно богобоязнь заставляет нас любить и сохранять мир. Но тот, кто нарушит его, убедится в том, что боевой патриотизм, который в 1813 году привел под знамена все население слабой, маленькой и истощенной Пруссии, теперь стал общим достоянием всей германской нации!»¹ Эта речь вызвала ликование в националистических кругах немецкого общества, цитаты из нее стали одним из лозунгов немецких правых. Законопроект был принят.

Однако «картель» позволил Бисмарку не только провести в жизнь военное законодательство. Последнее, по сути, являлось не основной целью, а способом мобилизации и избирателей, и депутатов. Использовать же сложившуюся ситуацию можно было и для решения других задач. В частности, введения косвенных налогов, давно планировавшихся канцлером. В 1887 году были приняты законы о налогах на алкоголь и сахар, вскоре после этого в очередной раз повысились таможенные пошлины на ввоз зерновых. «Канцлер очень доволен», — отмечал Карлдорф летом 1887 года². Для этого у Бисмарка, действительно, имелись все основания — он находился на вершине своей политической карьеры.

Его юбилей отмечался в апреле 1885 года как общенациональный праздник. На Вильгельмштрассе состоялся многочасовой парад: члены военных союзов, театрализованное шествие, факельная процессия, в которой приняли участие около 10 тысяч человек... В течение нескольких дней в резиденцию канцлера стекались с поздравлениями отдельные лица и целые делегация, начиная с кайзера и принцев. В следующем году во время поездки на курорт в Киссинген ему повсюду организовывали торжественный прием. «При нашем отъезде все те же крики приветствия, половина Регенсбурга собралась на вокзале» — писала Иоганна³.

Однако закат был уже не за горами.

¹ Ibid. S. 613.

² Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 489.

³ Hoffmann G. Op. cit. S. 317.

ГЛАВА 16

КОШМАР КОАЛИЦИЙ

Если во внутренней политике на протяжении 1880-х годов Бисмарку, по большому счету, нечасто сопутствовала удача и развитие ситуации постоянно приобретало кризисный характер, то в сфере международных отношений дела обстояли несколько лучше. Германская дипломатия добилась в этот период значительных успехов. Другой вопрос, что многие из последних носили чисто тактический характер и спустя некоторое время полностью обесценивались. Поэтому Бисмарк вынужден был постоянно лавировать, активно использовать все мыслимые возможности, создавать хитроумные комбинации, чтобы добиться сохранения хрупкого равновесия.

Хрупкость этому равновесию придавала сама суть германской политики. Бисмарк по-прежнему предпочитал сталкивать между собой другие державы, не позволяя огню их конфликтов ни угаснуть, ни перерасти в пламя полноценной войны. Особенно хорошо для этого, с его точки зрения, подходил Восточный вопрос, где у самой Германии не было никаких жизненных интересов и она могла сохранять свободу рук. Это было балансирование на грани и, как любое подобное балансирование, оно не могло принести долговременной стабильности. Не только условия, но и методы германской внешней политики заставляли «железного канцлера» выступать в роли дипломатического жонглера. В то же время он не хотел большой европейской войны; в 1887 году его сын Герберт писал послу в Лондон: «По мнению Его Светлости, большая война, которая охватила бы всю Европу, стала бы всеобщим бедствием. Неважно, чем она закончится, все ее участники понесут большой ущерб»¹.

Основные цели остались теми же — обеспечение безопасности Германии и сохранение ее доминирующего положения в «европейском концерте». Первой задачей Бисмарка стало возобновление хороших отношений с Россией. По словам Конрада Каниса, союз

с Австрией «имел до 1890 года скорее второстепенное значение»¹. Главной целью «железного канцлера» было согласие «трех черных орлов».

«Мне удалось осуществить то, что я мог бы обозначить как первый этап моей политики безопасности, отгородить Австрию от западных держав. (...) Я не сомневаюсь, что смогу реализовать и второй этап, то есть восстановить Союз трех императоров, единственную систему, которая, по моему убеждению, может гарантировать европейский мир на длительное время» — заявлял Бисмарк². Однако сказать это было гораздо легче, нежели сделать.

Впрочем, сближению с Россией имела и альтернатива в виде соглашения с Британией. Несмотря на то, что Лондон предпочитал в эти десятилетия проводить политику «блестящей изоляции», Бисмарк не исключал его из своих расчетов. Канцлер считал российско-британское соперничество в Азии одним из долговременных факторов, который предотвратит сближение этих двух стран и будет автоматически делать противника одной из них союзником другой. Недавний Восточный кризис должен был продемонстрировать Британии всю опасность имперских устремлений России и вынудить ее к поиску партнеров.

Осенью 1879 года Бисмарк предпринял соответствующий зондаж в Лондоне, запросив, какой будет реакция Англии, если Германия продолжит оказывать сопротивление амбициям России и в результате окажется в состоянии конфликта с Петербургом. Реакция оказалась сдержанной, но в то же время отнюдь не отрицательной — с берегов Темзы ответили, что в таком случае постараются удержать Францию от вмешательства в конфликт. Однако в следующем году ситуация изменилась: консерваторов у руля британской политики сменили либералы, которые громко и ясно заявляли, что не пойдут на коалицию с Берлином, поскольку тем самым будут испорчены отношения с Парижем.

В России тем временем происходила существенная переоценка ценностей. На смену негативным эмоциям, преобладавшим после Берлинского конгресса, приходила трезвая оценка ситуации. В соответствии с ней, Петербургу угрожала реальная опасность оказаться в изоляции. Францию как близкого союзника в тот момент мало кто рассматривал всерьез, к тому же на берегах Невы хорошо отдавали себе отчет в том, что такой дипломатический маневр до предела обо-

¹ Canis K. Bismarcks Außenpolitik 1870-1890. Aufstieg und Gefährdung. Paderborn, 2008. S. 159.

² Engelberg E. Das Reich in der Mitte Europas. S. 339.

¹ GP. Bd. 5. S. 260.

стрит и без того непростые отношения с Германией. Да и с французской стороны особой взаимности в тот момент не было. Поэтому было решено последовать старой максиме о том, что друзей нужно держать близко, а врагов — еще ближе, и пойти на возобновление «союза трех черных орлов».

Этому способствовало и то обстоятельство, что престарелый князь Горчаков, симпатизировавший Франции, постепенно отходил от дел. Его заместителем, а затем и преемником на посту руководителя российской внешней политики стал Николай Карлович Гирс, считавший необходимостью компромисс с Германией и Австро-Венгрией. Новым российским послом в Берлине был в январе 1880 года назначен Сабуров, также сторонник сближения с Германией. Именно он в следующем месяце предложил Бисмарку создание двустороннего оборонительного и наступательного союза. Российская дипломатия предпочла бы иметь дело только с Берлином, однако на данный момент «железный канцлер» был категорически не согласен с такой постановкой вопроса. В итоге российское предложение трансформировалось в идею воссоздания Союза трех императоров.

В свою очередь, Бисмарк вступил в переговоры с австрийскими дипломатами, отстаивая идею соглашения с Россией. Всячески подчеркивая особые отношения Берлина с Веной, он в то же время заявлял, что только возобновление Союза трех императоров позволит направить российскую внешнюю политику по пути умеренности и миролюбия. Бисмарк явно стремился к восстановлению конструкции, которая, как он считал, будет гарантировать безопасность Германии и оставит Францию в прежней изоляции. В Вене это поначалу не встретило понимания, более того, австрийцы в начале 1881 года предложили расширить австро-германский союз по содержанию, придав ему наступательный характер. Бисмарку пришлось надавить на своих партнеров, ненавязчиво продемонстрировав им, кто является лидером в альянсе. «Использовать нас для агрессивных целей — этого общественное мнение в Германии никогда не простит правительству», — писал он, пригрозив австрийским политикам заключить с Россией сепаратное соглашение¹. Венской дипломатии не оставалось другого выхода кроме как подчиниться «старшему брату».

18 июня 1881 года обновленный Союз трех императоров был заключен сроком на три года. В 1884 году он был продлен еще раз. Стороны обязались сохранять дружественный нейтралитет в том случае, если одна из них окажется вовлечена в войну с четвертой державой.

Кроме того, они договорились уважать интересы друг друга на Балканах и предпринимать какие-либо территориально-политические преобразования в регионе только по взаимному согласию. В секретном дополнительном протоколе стороны указывали, что не будут препятствовать объединению Болгарии.

Для Бисмарка это был крупный дипломатический успех. В отличие от договора 1873 года, который являлся по сути консультативным пактом, Союз трех императоров нового образца представлял собой пакт о нейтралитете. Открытым, однако, оставался вопрос об устойчивости этого альянса. Бисмарк утверждал, что «опасность франко-русской коалиции полностью устранена»¹, однако на деле прекрасно сознавал, что подписанный договор не снял русско-австрийских противоречий на Балканах, и что просуществует он, скорее всего, лишь до первого крупного кризиса. Однако лучшего решения у «железного канцлера» попросту не имелось, да и не могло быть.

* * *

Одновременно Бисмарк стремился развить и дополнить свою систему союзов. За пределами альянса трех империй оставались еще три крупные европейские державы — Британия, Франция и Италия. Германский канцлер в начале 1880-х годов стремился направить их энергию в русло колониальных захватов, где они с неизбежностью вступили бы в конфликт друг с другом, в котором им потребовалась бы немецкая поддержка. Бисмарк считал колониальные споры идеальным объектом для того, чтобы ссорить другие державы, оставаясь в роли «третьего радующегося» ввиду полной незаинтересованности в заморских владениях.

По меньшей мере в отношении одной из перечисленных стран план сработал. Речь идет об Италии, которая стремилась усилить свои позиции в бассейне Средиземного моря. Естественной целью итальянской экспансии был Тунис, формально принадлежавший Османской империи и находившийся на побережье Северной Африки ближе всего к Апеннинскому полуострову. Однако здесь в роли опасного конкурента выступила Франция, которая и захватила лакомый кусок. За помощью и поддержкой итальянцы решили обратиться в Берлин. Однако Бисмарк, верный своей стратегии, заявил в январе 1882 года, что «ключ к двери, которая ведет к нам, находится в Вене»². Между Италией и Австро-Венгрией на тот

¹ Ibid. S. 348

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 216.

² GP. Bd. 3. S. 208.

момент еще существовали серьезные противоречия, касавшиеся главным образом региона Южного Тироля, населенного в основном итальянцами. Фактически перед Римом встал тот же выбор, что и год назад перед Петербургом — остаться в дипломатической изоляции или получить поддержку Германии, пойдя на соглашение с традиционным соперником. Как и Россия, Италия предпочла второй вариант.

20 мая 1882 года Тройственный союз был подписан. Стороны гарантировали друг другу благожелательный нейтралитет в случае конфликта с четвертой державой; если одна из участниц договора подвергалась нападению двух и более стран, две другие обязывались оказать ей вооруженную помощь. Кроме того, если Италия оказывалась объектом французской агрессии, Германия и Австро-Венгрия также гарантировали вооруженное вмешательство. В свою очередь, итальянцы обязались прийти на помощь немцам в случае французского нападения. Тройственный союз, как и австро-германский альянс, был изначально тайным соглашением. В 1883 году к нему фактически примкнула Румыния, подписав союзный договор с Германией и Австро-Венгрией.

Тройственный союз стал еще одним долговременным альянсом, который просуществует до начала Первой мировой войны. Впрочем, Бисмарк не придавал Италии слишком большого значения и не считал ее великой державой. Для него Тройственный союз был лишь дополнительной подпоркой в его системе альянсов.

В целом «железный канцлер» оценивал ситуацию оптимистично. В апреле 1882 года он гордо заявлял, что международные дела «не стоят ему ни единого бессонного часа»¹. Действительно, основные цели германской внешней политики были на какое-то время достигнуты. Британский посол в Берлине писал в эти дни: «В Петербурге его слова — Евангелие, равно как и в Париже и Риме, где его высказывания привлекают внимание, а молчание вызывает беспокойство»². Никто не знал только, как долго продлится это счастливое состояние.

Даже отношения с Францией, вечная головная боль Берлина, казалось, начали улучшаться. Французское правительство во главе с премьер-министром Жюлем Ферри сконцентрировало свое внимание на колониальных проблемах. Бисмарк был готов поддержать Париж, поскольку такая поддержка не стоила ему совершенно ничего. В итоге сформировалось нечто вроде «колониального альянса» двух

стран — едва ли не единственный короткий эпизод сотрудничества за все время после 1871 года. Канцлер вел себя «так, словно страстные взоры французов можно было перенаправить с голубых вершин Вогезских гор на африканские болота»¹. И на некоторое время это ему действительно удалось. Для Бисмарка это было тем более важно, что позволяло продемонстрировать всей Европе: расчеты на вражду Берлина и Парижа как на постоянный фактор в международных отношениях могут не оправдаться.

Вскоре в колониальную эру вступила и Германия. Это представляется довольно странным, учитывая, что Бисмарк резко негативно относился к идеям колониальных захватов. Колонии, говорил он в 1870-е годы, были бы для Германии тем же, чем является соболиная шуба в польском дворянском семействе, где нет денег даже на новые рубашки. Они станут уязвимым местом империи, не давая ровным счетом ничего взамен. «У нас нет достаточного флота для того, чтобы их защищать, и наша бюрократия недостаточно умелая для руководства такими территориями», — заявлял канцлер еще в 1880 году². «Пока я нахожусь на посту канцлера, мы не будем проводить колониальную политику» — подчеркивал он год спустя³.

Поэтому на первых порах германская колонизация развивалась на основе частной инициативы. К концу 1870-х годов в империи образовались достаточно влиятельные группы интересов, выступавшие за приобретение заморских территорий. Кроме того, колонии в последней трети XIX века считались едва ли не обязательным атрибутом мировой державы, сообщая ей соответствующий статус на международной арене. Соображения престижа играли для адептов колониальной экспансии не менее важную роль, чем экономические мотивы. Именно этим объясняется тот факт, что приобретение колоний быстро стало популярным лозунгом не только среди предпринимателей, но и в рядах широкой публики. Впрочем, достаточно сильны были и позиции противников колониальной экспансии.

6 декабря 1882 года во Франкфурте-на-Майне был образован Германский колониальный союз, в числе членов которого находились многие капитаны экономики, такие, как Крупп, Карлдорф, Сименс или Штумм, а также уже хорошо известный нам Бляйхредер. Появление последнего в рядах Союза следует, однако, объяснять в первую очередь деловыми интересами финансиста, никак не связанными с его деятельностью в качестве личного консультанта канцлера. Одна-

¹ WIA. Bd. 6. S. 670.

² Kolb E. Bismarck. S. 116.

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 217.

² Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 365.

³ Gall L. Op. cit. S. 711.

ко несомненно, что благодаря Бляйхредеру Бисмарк получал более полную и позитивно окрашенную информацию о проектах колониальной экспансии. В рядах Германского колониального союза находились также многие политики консервативного и либерального направления, а также авторитетные общественные деятели.

Непосредственный старт германской колониальной экспансии дало приобретение в мае 1883 года бременским купцом Людерицем земель вокруг бухты Ангра Пекена на юго-западном побережье африканского континента, на территории современной Намибии. Быстро расширив границы подконтрольной территории, Людериц осознал, что в одиночку не сможет удержать эти владения, особенно учитывая опасное соседство с Капской колонией англичан, которые вряд ли стали бы всерьез считаться с правами немецкого торговца. Поэтому новоявленный колонизатор обратился за поддержкой в Берлин. Ответом, неожиданно для многих, стала направленная Бисмарком 24 апреля 1884 года германскому консулу в Капштадте телеграмма, в которой канцлер заявлял, что владения Людерица теперь находятся под защитой рейха. Начало формированию германской колониальной империи было положено.

Сам канцлер при этом подчеркивал, что речь идет не о колониях в собственном смысле слова, а о «подзащитных областях», в которых имперское правительство ограничивается тем, что оберегает созданные частными предпринимателями компании от политического давления со стороны иностранных конкурентов. «Мы не хотим тепличных колоний, а лишь защиты самостоятельно развивающихся предприятий» — заявил он 23 июня 1884 года в бюджетной комиссии рейхстага¹. В течение следующего года число «подзащитных областей» стремительно расширялось. В июле 1884 года канонерская лодка «Мёве» совершила стремительный рейд вдоль западного побережья Африки, подняв германский флаг в Того и Камеруне. 27 февраля 1885 года под защиту империи была принята территория в восточной Африке, приобретенная незадолго до этого предпринимателем и авантюристом Карлом Петерсом — ее границы приблизительно совпадают с границами нынешней Танзании. В мае того же года «подзащитной областью» стало северо-восточное побережье Новой Гвинеи и ряд островов в Тихом океане.

Разумеется, стремительная колониальная экспансия Берлина вызвала недовольство в Лондоне. Сначала поведение немцев не принимали всерьез, продолжая считать, что масштабных действий в этом направлении от Берлина ждать не приходится. Однако вскоре ситуа-

ция изменилась. В июне 1884 года находившийся в Лондоне Герберт фон Бисмарк провел переговоры с представителями британского министерства иностранных дел, в ходе которых заявил, что Германия по-прежнему не собирается приобретать колонии, а лишь защищает своих предпринимателей. «Потом вы все равно придете к колониям, у нас все начиналось таким же образом, и вы не сможете этого избежать» — гласил ответ¹. Однако на прямо поставленный вопрос британский министр иностранных дел лорд Гренвилл вынужден был дать ответ, что у Британии нет формальных оснований протестовать против немецкой экспансии. Предпринятая министром колоний Дербби попытка ограничить размер германских владений в юго-западной Африке, быстро окружив их кольцом британских территорий, также не имела успеха.

Бисмарк считал необходимым жестко защищать германские права на заморские территории. «Внимание к чувствам англичан ведет только к тому, что их запросы растут и они укрепляются в ошибочном мнении, что мы, не требуя ничего взамен, будем и в дальнейшем, как многие годы до этого, ставить нашу политику на службу англичанам» — писал он в августе 1884 года². Поскольку британцы в этот момент были вовлечены в колониальный спор с Францией из-за Египта, они ничего не могли противопоставить германской экспансии и вынуждены были скрепя сердце принять ее.

Одновременно Бисмарк считал нужным поддерживать Париж во всех его колониальных спорах с Лондоном. На конференции по Египту в июле 1884 года Германия и Франция действовали единым фронтом, оставив Англию в изоляции. Пик сотрудничества был достигнут на конференции по Конго, состоявшейся зимой 1884–85 годов в Берлине. Здесь немцы и французы совместно остановили британскую экспансию в Западной Африке, утвердили в бассейне реки Конго принцип свободной торговли и способствовали созданию здесь формально независимого государства под скипетром бельгийского монарха.

Однако в то же время Бисмарк не хотел перегибать палку и идти на слишком серьезный конфликт с Британией. Его задача заключалась в том, чтобы продемонстрировать Лондону свою силу и готовность защищать интересы, показать, что хорошие отношения с Германской империей не есть что-то само собой разумеющееся и не требующее усилий. В марте 1885 года на переговорах, проведенных в Лондоне Гербертом, было достигнуто соглашение, которое признавало за Германией все уже приобретенные ею территории, однако

¹ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 371.

¹ GP. Bd. 4. S. 67.

² Ibid. S. 78.

ставило границы дальнейшей колониальной экспансии Берлина. На этом история колониальной политики Бисмарка фактически завершилась. Казалось, канцлер вновь полностью утратил к ней всякий интерес. Несколько лет спустя, разговаривая с одним из энтузиастов колониальной экспансии, развернувшим перед ним карту Африки, Бисмарк произнес ставшую знаменитой фразу: «Ваша карта Африки очень хороша, однако моя карта Африки находится в Европе. Здесь Россия, а здесь Франция, а мы в середине. Вот моя карта Африки»¹.

Все это ставит вопрос о том, почему Бисмарк в середине 1880-х годов очертя голову бросился в омут колониальной политики. Очевидный интерес Германии заключался в том, чтобы не вступать в территориальные споры других держав, а извлекать из них максимальную выгоду для себя. С этой точки зрения колониальная экспансия представлялась действительно бессмысленной и даже вредной авантюрой. Единственное ее значение в контексте внешней политики заключалось в том, чтобы продемонстрировать жесткость по отношению к Англии, сделав ее более склонной к сотрудничеству. Однако добиться реализации этой цели не удалось.

Другой мотив, о котором часто говорится — интересы германских предпринимателей, оказывавших давление на правительство. Действительно, сторонниками колониальной экспансии выступали, как уже говорилось выше, многие влиятельные деятели из различных сфер. Тем не менее, переоценивать значение колоний для немецкого бизнеса тоже нельзя, критической необходимости для германской экономики в них не было, и Бисмарк это прекрасно понимал. Что, разумеется, не исключает того обстоятельства, что экономические соображения играли определенную роль в развитии немецкой колониальной экспансии. В конце концов, защите интересов немецкой торговли канцлер и раньше уделял достаточно много внимания.

Ключом к пониманию действий Бисмарка является внутривнутриполитическая ситуация в Германии. В 1884–1885 годах «железный канцлер» отчаянно искал средство, которое помогло бы ему улучшить свои позиции по отношению к рейхстагу. Естественно, что при этом он не оставлял без внимания ни один популярный лозунг, способный привлечь избирателей. Приобретение колоний, писал он германскому послу в Лондоне графу Мюнстеру, «жизненно важно для нас исходя из соображений внутренней политики (...) Общественное мнение в Германии придает сегодня колониальной политике столь

значительный вес, что положение правительства в значительной степени зависит от ее успеха»¹. Еще одна вполне вероятная задача заключалась в том, чтобы обострением отношений с Великобританией нанести удар либеральному окружению кронпринца, выступавшему за сближение с Лондоном. По мнению Кристофа Нонна, Бисмарк в 1885 году прекратил провоцировать Лондон, получив от кронпринца заверения в том, что в случае его восшествия на престол «железный канцлер» не будет отправлен в отставку².

Претворить в жизнь популярный в обществе проект канцлеру помогло «окно возможностей», открывшееся в 1884–85 годах, когда ни один из крупных игроков не мог всерьез помешать Германии, чьи внешнеполитические позиции были исключительно благоприятными. Однако уже весной 1885 года это «окно возможностей» начало закрываться. На повестку дня встали куда более значительные проблемы, чем приобретение территорий в Африке и Океании. Канцлер вновь оказался глух к пропагандистам колониальной экспансии, которых изначально рассматривал не как долговременных союзников, а как сугубо тактический инструмент.

* * *

В апреле 1885 года глава французского правительства Жюль Ферри вынужден был уйти в отставку. На смену ему пришел Анри Брессон, настроенный против всякого примирения с Германией. В отношении двух соседей вернулась прежняя напряженность. В сентябре того же года разразился очередной кризис на Балканах: В Восточной Румелии — южной части Болгарии, оставшейся в соответствии с решениями Берлинского конгресса в составе Османской империи — вспыхнуло восстание, итогом которого стало объединение страны. Это вызвало резко негативную реакцию России, отношения которой с Болгарским княжеством оставляли в последнее время желать лучшего. Князь Александр, урожденный принц Баттенберг, предпочитал ориентироваться на Австро-Венгрию и сумел навлечь на себя ненависть своего дяди — российского императора Александра III. Поэтому в Петербурге не желали объединения Болгарии, опасаясь, что новое государство станет сателлитом Вены. Российская дипломатия призвала страны, участвовавшие в Берлинском конгрессе, выступить в защиту прав Турции, однако не добилась ровным счетом никакого успеха.

¹ Klemm M. Op. cit. Bd. I. S. 449.

¹ GP. Bd. 4. S. 96.

² Nonn C. Op. cit. S. 313.

События в Болгарии, спровоцировавшие очередной кризис на Балканах, вызвали серьезное обострение отношений между Россией и Австро-Венгрией. Бисмарк в данной ситуации пытался в течение некоторого времени выступать посредником между обеими сторонами, однако довольно быстро оставил эту стратегию. Нагнетание напряженности необходимо было ему не в последнюю очередь для того, чтобы создать благоприятную обстановку на предстоявших выборах в рейхстаг. Поэтому, когда российские дипломаты осенью 1886 года начали зондировать почву по поводу возможного сближения Берлина и Петербурга за счет Вены, ответ «железного канцлера» оказался достаточно жестким: «Если мы останемся нейтральными в нежелательной для нас войне между двумя нашими друзьями, мы подвергаемся опасности, что впоследствии оба станут нашими противниками. (...) Судьба Болгарии и Восточный вопрос в целом по-прежнему не являются для нас причиной какой-либо войны. Однако наша заинтересованность в сохранении Австрии и хороших отношений с ней достаточно велика для того, чтобы толкнуть нас против нашей воли в войну, если австрийская монархия окажется под серьезной угрозой»¹. Пресса обеих стран развернула ожесточенную кампанию, газеты предсказывали возможный вооруженный конфликт между ними уже в ближайшем будущем.

Возобновление Союза трех императоров стало после этих событий практически невозможным. В Петербурге не желали и слышать ни о каком соглашении с Австрией. Одна из конструкций, обеспечивавших доминирующее положение Германии в Европе и ее безопасность, рухнула. Параллельно во второй половине 1880-х интенсифицировались российско-французские контакты, заинтересованность в которых демонстрировали обе стороны. Ситуация принимала не слишком благоприятный для Берлина оборот.

Одновременно до предела обострились германо-французские отношения. Во многом это было связано с деятельностью генерала Жоржа Буланже, ставшего в январе 1886 года французским военным министром. Буланже, являясь сторонником войны с Германией, открыто призывал к реваншу и использовал всю свою власть и влияние для того, чтобы ускорить непосредственную подготовку армии к вооруженному конфликту. Для Бисмарка, которому международная напряженность помогала справиться с внутривнутриполитическими проблемами, это оказалось как нельзя кстати. С другой стороны, события 1886 года вызвали к жизни серьезный конфликт «железного канцлера» с военным руководством, на сей раз в лице

генерал-квартирмейстера прусского генерального штаба Альфреда фон Вальдерзее, игравшего роль заместителя престарелого Мольтке.

Вальдерзее был назначен на эту должность в 1882 году и сразу же стал претендовать на серьезное влияние в политических вопросах. Он горячо выступал за скорейшую превентивную войну. При этом Вальдерзее питал к политическому руководству страны гораздо меньше пиетета, чем сам Мольтке: «Государственная власть может лишь создать для нации наиболее благоприятную с военно-стратегической точки зрения исходную позицию, поскольку последнее слово все равно скажут мечи»¹. Соответственно, достаточно быстро он вступил в конфликт с Бисмарком, изначально симпатизировавшим новому генерал-квартирмейстеру. Уже в 1886 году пути двух деятелей окончательно разошлись. Военные требовали наступательных действий. «В этот момент среди военного руководства едва ли удалось бы найти человека, который бы не верил в преимущества превентивного удара по России» — писали впоследствии немецкие исследователи². Обуздать горячие головы в генеральном штабе стоило Бисмарку немалых усилий.

Пиком кризиса в германо-французских отношениях стал произошедший в апреле 1887 года «инцидент Шнебеле». Это была целенаправленная провокация, в ходе которой французского чиновника заманили на немецкую территорию и там арестовали. В принципе, подобные вещи были повседневным явлением в отношениях двух далеко не дружественных держав, однако момент благоприятствовал тому, чтобы пресса по обе стороны границы раздула случившееся до невероятных размеров. Буланже требовал предъявления Германии ультиматума и мобилизации французской армии. Однако до войны дело не хотели доводить ни в Париже, ни в Берлине. По личному распоряжению Бисмарка Шнебеле был выпущен на свободу, а в конце мая Буланже ушел в отставку со своего поста.

В том же 1887 году «железному канцлеру» удалось добиться двух серьезных внешнеполитических успехов. Первым из них стало образование так называемой «Средиземноморской антанты» в составе Великобритании, Италии и Австро-Венгрии. Стороны подписали соглашение, в соответствии с которым обязывались поддерживать существующее статус-кво в бассейне Средиземного моря. Кроме того, договор включал в себя гарантии целостности Турции, которая не должна была никому передавать своих прав на Болгарию. Защита целостности и независимости Османской империи должна была

¹ GP. Bd. 5. S. 78.

¹ Jeismann K.-E. Op. cit. S. 144.

² Deutsche Militärgeschichte 1648-1939. Bd. 2. Teil 1. München, 1983. S. 225.

осуществляться участниками соглашения даже против ее воли. Договор, таким образом, носил явно антироссийский характер. Хотя Германия напрямую не участвовала в «Средиземноморской антанте», последняя была в значительной степени плодом усилий Бисмарка. Именно Берлин выступил с идеей подписания подобного пакта, и «железный канцлер» приложил большие усилия к тому, чтобы преодолеть колебания англичан. Он даже продемонстрировал Солсбери текст секретного австро-германского альянса, чтобы доказать, что Берлин в случае вооруженного конфликта не останется в стороне. Фактически подписание договора означало вовлечение Лондона в орбиту германской системы союзов.

Вторым успехом стало восстановление «провода в Петербург». Несмотря на то, что российская дипломатия начала все в большей степени ориентироваться на Францию, окончательно портить отношения с Германией на берегах Невы не хотели. Естественно, ни о каком возобновлении Союза трех императоров с участием Австро-Венгрии речь уже не шла. В январе 1887 года состоялись первые переговоры на предмет заключения двустороннего пакта о нейтралитете. Однако до конструктивного обсуждения дело дошло только в апреле. Между участниками диалога сразу же обнаружились серьезные противоречия. Если российская сторона хотела получить полную свободу рук в отношении Австрии, то Бисмарк подчеркивал, что не бросит Вену на произвол судьбы. В конце концов он даже продемонстрировал своему визави, российскому послу в Берлине Шувалову, текст секретного австро-германского союза 1879 года.

18 июня после долгих переговоров был наконец подписан документ, вошедший в историю как «Договор перестраховки». Он обеспечивал каждому из партнеров доброжелательный нейтралитет другой стороны в том случае, если он подвергнется нападению третьей державы. В случае войны России с Англией или Турцией Германия обязывалась сохранять нейтралитет при любых обстоятельствах. В секретном дополнительном протоколе Бисмарк признал Болгарию сферой российских интересов, а также не возражал против захвата Россией черноморских проливов. Срок действия соглашения составлял три года, договор являлся строго секретным. Он позволял Бисмарку в значительной степени устранить негативные последствия развала Союза трех императоров, замедлив дрейф России в сторону союза с Францией. Однако «железный канцлер» прекрасно отдавал себе отчет в том, что это соглашение также не пройдет испытания серьезным кризисом.

И современники, и исследователи достаточно много спорили о том, в какой степени «Договор перестраховки» противоречил ав-

стро-германскому союзу. Критики «железного канцлера» нередко высказывали мнение, что он, оказавшись в сложной ситуации, связал Германию противоречивыми обязательствами, совершив предательство по отношению к Вене. Однако в реальности ни Петербург, ни Вена не получили карт-бланш на развязывание конфликта; система союзов Бисмарка была рассчитана не на то, чтобы занять чью-то сторону в случае начала войны, а на то, чтобы не допустить войны в принципе. Могло ли это стремление увенчаться успехом в долгосрочной перспективе, сказать сложно. В любом случае, лучших альтернатив в тот момент не было. «Провод в Петербург» позволял, помимо всего прочего, сохранять свободу рук в отношении Вены и не становиться заложниками австро-германского союза. «Надежность наших отношений с австро-венгерским государством, — заявлял Бисмарк в 1888 году, — зависит по большей части от возможности в том случае, если Австрия преподнесет нам неприятные сюрпризы, договориться с Россией»¹.

Кроме того, если мир все же окажется нарушен, существовавшая система союзов позволяла столкнуть Россию с Англией, Австро-Венгрией и Италией на Балканах, предоставив Германии свободу рук в отношении Франции. Такая возможность тоже рассматривалась Бисмарком, после 1885 года убежденным в том, что вооруженный конфликт с Парижем в высшей степени вероятен. «Для нас станет необходимостью в случае русско-австрийской войны атаковать Францию, так, чтобы одновременно с восточной войной, в которой Австрия, Италия, вероятно Англия и балканские государства вместе выступят против России, можно было провести германо-французскую войну» — в таком виде записал мысли Бисмарка в октябре 1887 года один из его ближайших помощников².

К этому моменту сближение Петербурга и Парижа уже начало набирать обороты. Пытаясь предотвратить это, Бисмарк совершил в конце 1887 года весьма серьезный промах, решив воздействовать на Россию с помощью финансового рычага. 10 ноября Имперский банк перестал принимать российские ценные бумаги в качестве залога. Их курс тут же значительно упал. Поскольку Берлин являлся на тот момент главным финансовым рынком для России, удар получился весьма сильным. Однако вместо ожидаемого эффекта последовал прямо противоположный — русские ценные бумаги переместились в Париж, дополнительно ускорив сближение двух стран.

¹ Gall L. Op. cit. S. 741.

² Schmidt R. Op. cit. S. 227.

Эта и подобные ей ситуации позволяли впоследствии некоторым биографам «железного канцлера» обвинять его в том, что он не понимает природы современных международных отношений и недооценивает роль экономики. На деле Бисмарк учитывал экономический фактор в своих расчетах и нередко использовал его в качестве инструмента. К примеру, во многом благодаря его усилиям в 1884 году России удалось разместить важный заем на немецком финансовом рынке. Однако теперь, как и во многих других случаях, канцлер предпочел обратиться к своему излюбленному методу — жесткому давлению. Как это уже бывало, прием не сработал.

В конце года Бисмарку пришлось выдержать очередное сражение с военными. Значительная часть вины за это лежала на самом «железном канцлере», который попросту не поставил генеральный штаб в известность о заключении «Договора перестраховки». В итоге в ноябре Мольтке составил памятную записку «Развитие вооруженных сил России с особым вниманием к текущему 1887 году», в которой доказывал, что восточный сосед готовится к скорой войне. Следовательно, необходимо как можно быстрее нанести упреждающий удар — возможно, уже этой зимой. Ознакомившийся с запиской, Бисмарк заявил, что считает «выводы графа Мольтке преждевременными»¹. В ответ фельдмаршал написал канцлеру письмо с доказательствами своей правоты. Одновременно он начал переговоры с австрийскими военными по поводу превентивной войны с Россией, уведомив о них монарха и ведомство иностранных дел.

Бисмарк резко протестовал против подобного, как ему кажется, вмешательства в сферу его компетенции; между ним и Мольтке разыгрался в конце 1887 г. очередной конфликт. Наконец канцлер был вынужден сообщить шефу генерального штаба то, что тому уже давно положено знать — между Германией и Россией существует тайный договор. Фельдмаршал вынужден уступить — и выхолостить переговоры с австрийцами, к большому разочарованию последних. «Здесь все за войну, — писал в эти месяцы Гольштейн, — за почти единственным исключением Его Светлости, который предпринимает исключительные усилия для того, чтобы сохранить мир»².

К началу 1888 года внешнеполитический кризис, таким образом, был преодолен. На первый взгляд казалось, что Бисмарку удалось сохранить и даже расширить совершенную систему союзов, в которую были вовлечены все европейские державы, за исключением Франции. В реальности дело обстояло далеко не так просто. В те-

чение предпоследнего десятилетия XIX века германская внешняя политика прошла пик своих успехов и начала постепенно клониться к закату. Из-за постоянных международных кризисов, в первую очередь на Балканах, созданная Бисмарком система союзов постоянно грозила обрушиться и нуждалась в новых и новых подпорках, каждая из которых была все менее прочной и надежной. Как пишет Райнер Шмидт, «все это не являлось долговременным решением германской проблемы безопасности, а было новым искусным вариантом комбинации подпорок, акробатическим трюком на веревке, которая становилась все тоньше»¹. От канцлера требовалось все его дипломатическое искусство, чтобы лавировать в бурном море европейской политики и сохранять хотя бы уже достигнутые результаты. С каждым годом это становилось все сложнее. Объективные факторы, против которых был бессилён «железный канцлер», толкали Россию и Францию в объятия друг друга. Бисмарку повезло, что заключение этого союза пришлось уже не на его правление.

¹ GP. Bd. 6. S. 25.

² Schmidt R. Op. cit. S. 221.

¹ Ibid. S. 223.

ГЛАВА 17

ОТСТАВКА

9 марта 1888 года случилось то, чего давно опасался «железный канцлер». Его покровитель, император Вильгельм I, достигший почти 91-летнего возраста, ушел в лучший мир. На престол предстояло вступить кронпринцу Фридриху Вильгельму, имевшему репутацию либерала и неоднократно конфликтовавшему с Бисмарком. Это стало для канцлера тяжелым ударом не только потому, что он тем самым лишился самой важной и надежной опоры своей власти. С Вильгельмом его связывали эмоциональные узы, он чувствовал искреннюю привязанность к старому императору, который платил ему тем же. После смерти своего монарха Бисмарк до рассвета сидел у его ложа¹.

Потрясение от смерти Вильгельма было настолько сильным, что Мольтке и Бисмарк, как это бывало нечасто, почувствовали себя близкими соратниками, внезапно лишившимися своего предводителя. «Однажды заведенные часы службы не дают нам свернуть с пути» — сказал канцлер, пожимая руку шефу генерального штаба². Оба весной 1888 года всерьез подумывали о том, чтобы уйти в отставку.

Впрочем, опасаться серьезных преобразований с вступлением на трон нового монарха не приходилось. Кронпринц к 1888 году был уже смертельно больным человеком. Страшный диагноз гласил: рак горла. Правление императора Фридриха III продлилось всего 99 дней, в течение которых он не успел сделать каких бы то ни было значительных политических шагов. Вскоре это дало повод для многочисленных спекуляций на тему того, каким путем пошла бы немецкая история, если бы новому кайзеру было отпущено хотя бы несколько лет. Возможно, Фридрих III смог бы реформировать созданную Бисмарком систему, сделать ее более демократической, привести к руководству государством либеральные силы и тем са-

мым обеспечить стране более счастливое будущее в первой половине XX века?

На первый взгляд, либеральные убеждения кронпринца должны были толкнуть его именно по этому пути. Однако новый монарх не отличался ни сильной волей, ни твердым характером. «То, что либерализм императора Фридриха происходил от его невероятного политического слабоумия, в этом люди еще должны убедиться. Он был очень хорошим человеком, когда его не оглупляло тщеславие, не ослепляла страсть, не убеждали в чем-то другие люди» — говорил о нем Бисмарк¹. У императора не было собственных прочных либеральных убеждений, те, которые он демонстрировал, появлялись под влиянием его окружения. В связи с этим полезно вспомнить, что его отец до вступления на престол также пользовался репутацией либерала, от которой затем не осталось и следа. Поэтому серьезной смены курса во внутренней политике от нового императора ожидать не стоило. Что касается политики внешней, то Фридрих III ни в коем случае не был пацифистом и не питал добрых чувств к России, поэтому развитие международных отношений во время его правления вряд ли приняло бы иное течение, чем в реальности.

Еще сложнее вопрос о том, как складывались бы взаимоотношения Бисмарка и Фридриха, если бы последнему было отпущено больше времени на престоле. Воля нового императора по своей силе никак не могла соперничать с волей «железного канцлера». Императрица Виктория, в отличие от своей свекрови Аугусты, также вполне могла пойти на примирение с Бисмарком. Разумеется, она весьма негативно относилась к главе правительства; однако в 1888 году отношения стали улучшаться. Бисмарк намеренно искал расположения новой императрицы и, по собственному признанию, вел себя «как влюбленный старик»². Эта тактика принесла успех — канцлер постепенно стал пользоваться доверием Виктории.

15 июня 1888 года Фридрих III скончался. Преемником стал его сын, 29-летний Вильгельм II, которому суждено было стать последним Гогенцоллерном на прусском и германском троне. Словно подтверждая правило конфликта поколений, молодой монарх не питал ни малейших симпатий к либерализму. Свою власть он считал полученной от бога, а монарха — главой государства во всех смыслах слова. Получив при рождении травму — его левая рука была короче правой и практически парализована — принц Вильгельм уже в детстве отличался весьма беспокойным нравом и неспособностью дер-

¹ Nonn C. Op. cit. S. 213.

² Klemm M. Op. cit. Bd. 2. S. 58.

¹ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 519.

² Ibid. S. 520.

жать свои эмоции под контролем. Умный и одаренный, он, тем не менее, страдал от болезненного честолюбия и желания находиться в центре внимания. По меткому замечанию одного из современников, он хотел бы быть женихом на всех свадьбах и покойником на всех похоронах. За этим скрывался, очевидно, глубинный комплекс неполноценности и неуверенность в собственных силах. К упорной и целенаправленной работе Вильгельм был неспособен. Исключительно темпераментный, он часто давал эмоциям управлять собой. К своим родителям он относился с пренебрежением, зато обожал деда и восхищался им. Юный принц питал самые нежные чувства к армии и любил выступать в роли офицера, пытаясь тем самым, очевидно, компенсировать психологическую травму, проистекавшую из травмы физической, которую он в течение всей жизни пытался скрывать на публике.

Бисмарк достаточно рано, уже в 1882 году, высказал весьма точное суждение о юном принце: «Когда этот придет к власти, все изменится, он будет править сам, он энергичен и решителен, совсем не для советчиков из парламента, в чистом виде гвардейский офицер»¹. Канцлер постарался как можно раньше установить контакты с принцем, тем более что последний относился к прославленному государственному деятелю с подчеркнутым уважением и восхищением. По мере того, как становилось ясно состояние здоровья кронпринца Фридриха Вильгельма, борьба за влияние на его сына усиливалась. На стороне канцлера активно действовал и Герберт, который был по возрасту ближе к Вильгельму и установил с ним почти приятельские отношения. В то же время Бисмарк прекрасно видел недостатки молодого принца, называя его «горячей головой, не умеющим молчать, слушающим льстецов и способным вовлечь Германию в войну, не подозревая и не желая того»².

Во второй половине 1880-х годов глава правительства направил принцу Вильгельму ряд меморандумов, в которых излагал свое видение внутренней и внешней политики. Эти тексты должны были способствовать «воспитанию» будущего монарха в нужном канцлеру направлении. Бисмарк убеждал молодого принца в том, что он должен опереться на консервативные силы внутри империи, в частности, придавать больше значения бундесрату и сотрудничеству с германскими монархами. В 1886 году он активно содействовал отправке Вильгельма с дипломатической миссией в Петербург, а затем подключил его к работе в ведомстве иностранных дел.

Однако постепенно Бисмарк начинал понимать, что контролировать молодого императора будет сложно. Новый монарх с самого начала не собирался быть фигурой второго плана при могущественном канцлере. Он хотел править самостоятельно. «Полгода я потерплю старика, а потом буду править сам» — заявил Вильгельм в кругу своих приближенных вскоре после вступления на трон¹. Вильгельм II собирался придать своему правлению современные, динамичные черты, стать популярным во всех слоях населения. Бисмарк на этом пути мог быть только помехой. Вильгельм уважал старика, но исключительно как символ прошлого, как сподвижника своего знаменитого деда; делить с канцлером власть он вовсе не собирался.

На первых порах, однако, молодой император нуждался в поддержке Бисмарка, который остался на своем посту. Ошибка «железного канцлера» заключалась в том, что он считал это долговременной тенденцией. «Нынешний император слушается меня настолько, что воспринимает на лету брошенную мною мысль и делает ее своей собственной» — хвастался он в марте 1889 года². Он по-прежнему проводил много времени в своих имениях, не считая нужным постоянно присутствовать в эпицентре политической борьбы. Однако отчуждение между кайзером и канцлером постепенно росло. Этому способствовал и скандал с дневниками Фридриха III, отрывки из которых, касавшиеся событий войны 1870–71 годов, были опубликованы осенью 1888 года. Бисмарк, который предстал в этих текстах не с самой лучшей стороны, громогласно заявил, что речь идет о фальшивке, и возбудил судебный процесс против профессора Геффкена, организовавшего публикацию. Геффкен вскоре был оправдан, и скандал нанес существенный ущерб авторитету «железного канцлера», в том числе в глазах монарха.

Одним из заветных желаний Вильгельма II было нравиться всем своим подданным. Поэтому он выступал за продолжение социальной политики. В принципе, это отвечало намерениям Бисмарка. Еще в 1887 году началась подготовка законопроекта, вводившего пособия по инвалидности и пенсионное обеспечение. В парламент он попал осенью 1888 года. Устанавливаемые им параметры социальной защиты были по сегодняшним меркам достаточно скромными, размер пенсии едва позволял физически выживать. Претендовать на выплаты могли нетрудоспособные (именно они впоследствии составляли 90% пенсионеров) и достигшие 70-летнего возраста (рубеж, до которого большинство рабочих попросту не доживали). Финансирование пен-

¹ WIA. Bd. 6. S. 678.

² Kolb E. Bismarck. S. 122.

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 262.

² Ibid. S. 263.

сионной программы должно было осуществляться в равных долях за счет взносов государства, предпринимателей и самих рабочих. Тем не менее, в условиях конца XIX века это было существенным шагом вперед. Пресса называла законопроект венцом социальной политики. Действительно, с принятием законопроекта Германская империя оказывалась в данной области самой прогрессивной державой мира.

Несмотря на то, что рейхстаге большинство удерживал верный Бисмарку «картель», принятие закона оказалось далеко не легким процессом. Многие консерваторы выступили против него. Партия Центра также активно боролась с законопроектом, заявляя устами своего лидера Виндхорста, что любой, кто проголосует за пенсионное страхование, является законченным социал-демократом. В ходе дебатов Бисмарк произнес свою последнюю речь в рейхстаге, которая, однако, не вошла в число лучших образцов его красноречия. В итоге 24 мая 1889 года законопроект был все же принят, хотя и незначительным большинством.

Если в вопросах социального законодательства, то есть «пряника», позиции кайзера и канцлера более-менее совпадали, то касательно «кнута» между ними существовали весьма значительные разногласия. Бисмарк считал необходимым продолжать репрессии против социал-демократии, Вильгельм же выступал за мягкую практику, желая стать «социальным императором». Когда в мае 1889 года началась общеимперская стачка горняков, кайзер принял делегацию рабочих, хотя и обрушился в ходе беседы с гневными упреками на социал-демократию. Представителям промышленников он заявил, что собирается выступать в таких ситуациях в роли посредника и одинаково учитывать интересы обеих сторон.

Вскоре стачка завершилась компромиссом, в ходе которого многие требования горняков были приняты. Это вполне соответствовало интересам императора, не желавшего трудовых конфликтов. Канцлер же, напротив, считал более полезным не допустить «слишком быстрого и гладкого окончания этой забастовки со всеми ее печальными последствиями»¹. Это было важно для того, чтобы облегчить продление «исключительного закона», срок действия которого истек в 1890 году. Проблема заключалась в том, что молодой император вовсе не считал такое продление необходимым. И в этом его поддерживали многие политические силы, считавшие, что внутренняя политика Бисмарка зашла в тупик.

Еще одним предметом разногласий между кайзером и канцлером становилась внешняя, точнее, колониальная политика. Вильгельм

стремился придать своему правлению как можно больший блеск — в том числе за счет приобретения колоний. Он грезил о «мировой политике», о глобальном влиянии Германии. В этом его поддерживала значительная часть общественности — лозунг колониальной экспансии продолжал набирать популярность. Политика имперского канцлера была, напротив, сконцентрирована на европейском направлении. Бисмарк считал возможным разделить политические и экономические интересы (что, безусловно, не вполне отвечало реальной действительности конца XIX века). «Дружба лорда Солсбери мне важнее, чем двадцать болотных колоний в Африке» — заявлял он в эти годы¹. Из-за своей сдержанности в колониальных вопросах канцлер во все возрастающей степени попадал под огонь критики.

Параллельно Бисмарк искал контакт с Великобританией. В условиях нараставшего сближения Парижа и Петербурга он счел необходимым предложить сотрудничество Лондону, у которого имелись трения по колониальным вопросам и с Россией, и с Францией. В январе 1889 года был предпринят первый зондаж на предмет заключения оборонительного договора против французской агрессии. Бисмарк подчеркивал, что это соглашение должно способствовать «не усилению на случай войны, а ее предотвращению»², и готов был предоставить своему партнеру для размышления любое необходимое количество времени. Одновременно он заявил в рейхстаге: «Я рассматриваю Англию как старого и традиционного союзника, с которым у нас нет конфликтующих интересов»³. Однако после двухмесячного размышления британский премьер-министр лорд Солсбери заявил, что не может ответить на германское предложение ни согласием, ни отказом. Тем не менее, в принципе от сотрудничества с Берлином он не отказался. Бисмарк понял это совершенно правильно — как стремление при необходимости опереться на Германию против России, не давая ничего взамен.

Вильгельм не понимал и не одобрял тонкой дипломатической игры, которую вел канцлер. Он считал Германию достаточно сильной для того, чтобы не заботиться о плетении хитрой паутины дипломатических комбинаций. В этом он опирался на значительную часть немцев, не понимавших, почему великая держава должна вести себя как можно скромнее. Даже в ведомстве иностранных дел Бисмарка критиковали за его спиной за старческую боязливость и избыточную осторожность. К тому же к военным кайзер прислу-

¹ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 544.

¹ Ibid. S. 550.

² GP. Bd. 4. S. 401.

³ PR. Bd. 12. S. 575.

шивался в гораздо большей степени, чем к политическому руководству. Вальдерзее, ставший в 1888 году преемником Мольтке, имел на молодого императора в эти годы значительное влияние. Поэтому попытка Бисмарка в 1889 году улучшить отношения с Россией, включавшая в себя допуск российских ценных бумаг на берлинскую биржу, в конечном счете провалилась благодаря действиям кайзера. Вильгельм сознательно занял антироссийскую позицию, провоцируя Петербург своими высказываниями и своим визитом в Стамбул и обвиняя престарелого канцлера в русофильстве.

В течение 1889 года отчуждение между Бисмарком и Вильгельмом II нарастало. «Новый помещик не находит общего языка со старым управляющим» — образно заявил Бисмарк в декабре¹. Тем не менее, добровольно уходить в отставку он не собирался. Политика стала настолько важной составной частью его жизни, что «железный канцлер» был не в состоянии отказаться от нее и удалиться на покой. Однако в этот период против него начала формироваться весьма опасная коалиция, включавшая в себя императора, военных и широкий спектр политических сил, недовольных «диктатурой канцлера». Даже национал-либералы, верная опора Бисмарка, были готовы отказать ему в поддержке. Не лучшим образом сказались на позициях главы правительства и тот факт, что время с конца мая 1889 года до конца января 1890 года он с небольшими перерывами провел во Фридрихсру, лишь изредка появляясь в Берлине. К разногласиям прибавились сомнения в работоспособности старика.

* * *

Кризис разразился в конце 1889 года. Главным предметом обсуждений на открывшейся 22 октября сессии рейхстага стал «исключительный закон», который Бисмарк планировал ужесточить еще больше, в частности, сделав его бессрочным. Канцлер планировал в полной мере использовать ту благоприятную ситуацию, которая сложилась для него в рейхстаге после выборов 1887 года. Однако он переоценил как крепость «картеля», так и готовность входивших в него партий следовать в кильватере политики «железного канцлера». Национал-либералы, уже планировавшие скорую предвыборную кампанию, высказались за смягчение законодательства против социал-демократии.

Спор между канцлером и правыми либералами перерос в конфликт Бисмарка и Вильгельма. На заседании коронного совета 24

января 1890 года император заявил, что готов пойти на смягчение «исключительного закона». При этом он произнес длинную напыщенную речь, в которой театрально встал на сторону рабочих, которых предприниматели выжимают как лимон, и заявил о своем намерении стать «королем бедных».

Ничуть не впечатленный Бисмарк возразил ему, предупредив, что любые уступки приведут к печальным последствиям, и если император в столь важном вопросе придерживается иного мнения, то он, канцлер, зря занимает свое место. Затем он предложил высказаться присутствовавшим прусским министрам, которые заранее обязались поддержать своего шефа. Вильгельм оказался в изоляции. Это была победа Бисмарка, но победа пиррова. Честолюбивый император не простил канцлеру перенесенного унижения. Присутствовавший на заседании Микель вспоминал: «Мы разошлись с чувством, что между канцлером и его господином произошел непоправимый разрыв»¹.

4 февраля император нанес ответный удар, опубликовав без ведома канцлера два указа. Один касался подготовки международной конференции по защите рабочих; второй обязывал ответственных чиновников начать разработку нового пакета социальных законов. Государство, как писал Вильгельм, должно «так упорядочить время, продолжительность и характер работы, чтобы обеспечить сохранение здоровья, соблюдение этики, внимание к экономическим потребностям рабочих и их требованиям законного равноправия»². Сделано это было явно в пику Бисмарку, который в тот же вечер счел необходимым публично дистанцироваться от распоряжений императора. «Боюсь, что мешаю Вашему Величеству» — заявил канцлер на аудиенции четыре дня спустя. Помолчав, Вильгельм ответил: «Но военные кредиты Вы ведь еще проведете в рейхстаге?»³ Перспективы «железного канцлера» рисовались совершенно четко.

Информация о конфликте между императором и Бисмарком во все большем объеме проникала в прессу и становилась достоянием общественности. На данном этапе, однако, никто не рассматривал это как непоправимое бедствие; большинство немцев следили за развитием ситуации с достаточно равнодушным вниманием. Казалось, канцлер утрачивает свою харизму. В конце 1880-х годов его все чаще критиковали за недостаток энергии и отсутствие свежих идей. Это было плохим предзнаменованием для Бисмарка, который привык использовать друг против друга различные общественные и

¹ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 527.

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 265.

² Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 561.

³ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 3. С. 63.

политические силы. В сложившихся условиях опереться ему оказалось практически не на кого.

Тем не менее, канцлер продолжал упорно бороться за власть. Многим историкам эта борьба представлялась чем-то унижительным для выдающегося государственного деятеля, слабостью старика, не способного достойно и своевременно покинуть свой пост. Однако на протяжении всей своей политической карьеры Бисмарку далеко не один раз приходилось отстаивать свои позиции в условиях, когда, казалось, все вокруг были против него. В тех ситуациях он проявлял завидное упорство и выходил победителем; было бы в высшей степени странным, если бы в данном случае он повел себя иначе и сдался до того, как потерпел полное поражение.

20 февраля 1890 года состоялись очередные выборы в рейхстаг. «Картель», и без того раздираемый внутренними противоречиями, был буквально разгромлен, потеряв в общей сложности 85 мандатов. За счет этого серьезно усилились левые либералы и — самое неприятное для Бисмарка — социал-демократы. Их фракция в рейхстаге выросла с 11 до 35 депутатов. Что было еще тревожнее, социал-демократам удалось собрать почти 20% голосов. Это был лучший результат среди всех участвовавших в выборах партий. Итоги февральских выборов 1890 года знаменовали собой оглушительный провал внутренней политики Бисмарка. Фактически они окончательно предопределили его отставку; однако сам глава правительства еще не почувствовал, что проиграл войну.

Здесь имеет смысл еще раз остановиться на итогах той политики «кнута и пряника», которую канцлер проводил по отношению к германскому рабочему движению начиная с 1878 года. Традиционно считается, что она окончилась неудачей. Несмотря на «исключительный закон» и масштабное социальное законодательство, рост влияния германских левых остановить не удалось. Их партия не была уничтожена, а наращивала свое представительство в рейхстаге, ее дух закалился в борьбе, а закон в конце концов (уже после отставки Бисмарка) пришлось отменить.

Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что рост числа приверженцев социал-демократии был объективным процессом и наблюдался практически во всех европейских странах. Остановить этот процесс было не по силам никому. Если посмотреть на динамику численности избирателей, отдавших свой голос за немецких левых, то в период с 1878 по 1887 годы темпы роста были наименьшими за всю историю Второй империи. Зато, по мнению ряда исследователей, «исключительный закон» 1878 года породил внутри партии сильное ревизионистское течение, возобладавшее впоследствии, в

начале XX века. Именно в 1880-е годы сформировались те социал-демократические политики, которые в дальнейшем предпочли мирное сосуществование с монархической властью. В этом смысле политика Бисмарка принесла успех, плоды которого, однако, смогли пожать только его преемники.

«Исключительный закон», однако, потерпел неудачу в том плане, что он не стал основой для консолидации всех правых сил, на которую рассчитывал Бисмарк и которая была необходима ему для проведения внутренней политики. Не считая короткого периода существования «картеля», канцлер в 1880-е годы не мог рассчитывать на какую-либо долговременную коалицию в парламенте, с которой он мог бы сотрудничать на постоянной основе.

После выборов 1890 года Бисмарк сомневался, сможет ли он вообще проводить внутреннюю политику, или рейхстаг превратится в его постоянного противника. Казалось, возвращалась ситуация взаимной блокады, характерная для «конституционного конфликта». Картель распался; на его место мог бы прийти «правый блок» в составе консервативных партий и Центра. Однако для этого необходимо было вести переговоры с католиками, к которым молодой император относился весьма негативно.

Бисмарк избрал рискованный, но многообещающий путь. Он решил пойти на обострение внутреннего кризиса, не останавливаясь перед перспективой государственного переворота. Если бы ему удалось убедить Вильгельма II последовать этим курсом, он смог бы привязать императора к себе и вновь выступить в роли спасителя трона. 1 марта на аудиенции у императора Бисмарк заявил, что «при необходимости германские князья и сенаты вольных городов могли бы принять решение о выходе из соглашения. Тем самым можно было бы избавиться от рейхстага»¹. Канцлер предлагал фактически разобрать Германскую империю по кирпичикам и собрать ее вновь, но уже на более консервативной основе. Справедливости ради необходимо сказать, что планы государственного переворота вынашивал в это время не он один, но и некоторые другие правые политики.

Однако такие намерения были далеки от реальности. Германская общественность, игнорировать которую было невозможно, оказала бы достаточно жесткое сопротивление подобным играм. К тому же император вовсе не собирался начинать свое правление с разрушения здания, оставленного ему в наследство дедом. На масштабный конфликт он был не готов пойти, тем более если этот конфликт отвечал интересам Бисмарка. По мнению ряда историков, канцлер

¹ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 567.

сам прекрасно понимал всю неприемлемость своего предложения и использовал его как тактический ход, чтобы создать у молодого императора ощущение серьезной угрозы его правлению. В любом случае, этот ход не удался.

Действия Бисмарка в эти недели вообще оставляют ощущение довольно беспорядочных метаний. Объясняется это, однако, достаточно просто. Привыкший бороться со всеми, опираясь на нерушимую основу в виде доверия монарха, канцлер теперь оказался в ситуации, когда вынужден был сражаться с той силой, которую сам же и укреплял на протяжении долгих десятилетий. В той ситуации это было даже не сражение с перевернутым фронтом, а бой в окружении.

Далее события развивались стремительно. 4 марта император отказался одобрить предложенный канцлером законопроект против социал-демократов, заявив, что последний представляет собой ненужную провокацию, нарушающую внутренний мир, к которому стремится он, Вильгельм. «Тех, кто осмеливается мне противостоять, я уничтожаю» — многозначительно заявил император в эти дни¹. 10 марта канцлер сделал отчаянную попытку обрести опору в парламенте, проведя переговоры с Виндхорстом о возможном сотрудничестве. После разговора с Бисмарком лидер партии Центра верно охарактеризовал ситуацию: «Я вернулся от смертного ложа великого человека»². В том, что отставка «железного канцлера» не за горами, он уже не сомневался.

15 марта Вильгельм II явился в здание ведомства иностранных дел и потребовал к себе канцлера. Император начал разговор с упреков в адрес Бисмарка, заявив, что тот не имел права вести переговоры с Виндхорстом без ведома и разрешения монарха. Предметом спора стал также королевский указ 1852 года, в соответствии с которым прусские министры не имели права общаться с монархом без санкции главы правительства. Вильгельм настаивал на его отмене, канцлер яростно сопротивлялся, не упуская случая продемонстрировать молодому императору всю его неискренность в политических вопросах.

Два дня спустя Вильгельм в письменной форме обвинил Бисмарка в том, что тот недооценивает угрозу русского вторжения и вообще ведет совершенно неправильную политику по отношению к Петербургу. «Наши отношения с Россией, — писал канцлер в ответ, — по сегодняшний день настолько хороши и ясны, что не

имеется никаких оснований для недоверия»¹. В тот же день император попросил шефа военного кабинета генерала фон Ханке сообщить Бисмарку, что от него ожидается прошение об отставке, причем как можно быстрее. Нетерпение Вильгельма было настолько велико, что он несколько часов спустя отправил к канцлеру еще одного «парламентера».

Прошение об отставке появилось на свет вечером 18 марта 1890 года. Бисмарк не пытался, как это часто бывает в подобных документах, скрывать истинную подоплеку конфликта. В своем прошении он написал все, что думал по поводу отмены указа 1852 года, полномочий главы правительства и отношений с Россией. Документ звучал как обвинение в адрес Вильгельма; император, практически открыто заявлял Бисмарку, пытается действовать как абсолютный монарх и игнорирует заветы своих великих предшественников. Вслед за канцлером в отставку подал его сын Герберт; Вильгельм хотел удержать его, не желая выглядеть гонителем семейства Бисмарков, но потерпел неудачу.

20 марта главе правительства сообщили, что его отставка принята. Играя на публику, император осыпал уходящего государственного деятеля лавиной почестей, таких, как титул герцога Лауэнбургского и звание генерал-полковника кавалерии в ранге генерал-фельдмаршала. Бисмарк со свойственной ему язвительностью охарактеризовал это как «похороны первого класса». Кроме того, кайзер постарался, чтобы общественность узнала его версию отставки «железного канцлера» — император во всеуслышание заявил, что отпускает своего верного министра лишь с тяжелым сердцем после его неоднократных просьб.

В близком кругу Вильгельм не скрывал своей радости. Вечером того же дня он выступил перед представителями военной элиты с речью, в которой охарактеризовал Бисмарка как непокорного слугу: «Я не нуждаюсь в таких министрах; они должны повиноваться мне»². Даже генералов, не очень благожелательно настроенных по отношению к «железному канцлеру», поразило, что Вильгельм не нашел ни единого доброго слова для человека, которому был во многом обязан своей императорской короной.

На протяжении многих десятилетий историки, в первую очередь биографы Бисмарка, транслировали одну и ту же картину: самонадеянный, недалекий и тщеславный император легкомысленно избавляется от опытного политика. В действительности ситуация

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 266.

² Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 569.

¹ WIA. Bd. 7. S. 756.

² Schmidt R. Op. cit. S. 268.

выглядела значительно сложнее. «Железный канцлер» фактически предлагал молодому кайзеру начать свое правление с тяжелых потрясений. В этой ситуации и более мудрый монарх, скорее всего, пришел бы к аналогичному решению. Как пишет Ганс-Ульрих Велер, «падение Бисмарка, по всей видимости, спасло империю от тяжелого кризиса, поскольку терявший свою харизму канцлер не имел другого варианта, кроме как успешно справляться с создаваемыми им самим кризисами»¹.

Преемником Бисмарка был назначен генерал Лео фон Каприви, фигура гораздо меньшего масштаба без значимого политического опыта. Было бы неправильно, впрочем, видеть в нем простого исполнителя монаршей воли — генерал должен был играть роль «сильной личности», способной сплотить общество и парламент. Каприви занял служебную квартиру еще до того, как его предшественник успел забрать оттуда все свои вещи — еще одно унижение, которому подвергли отставного канцлера. Впрочем, Бисмарк сумел отомстить, вместе с многочисленным личным имуществом прихватив несколько ящиков с совершенно секретными служебными документами, которые он отправил в свое поместье под покровом ночи.

Отставка Бисмарка не вызвала в политических кругах германской столицы никаких отрицательных эмоций. Господствовали скорее облегчение и надежда на то, что во внутренней политике империи наконец-то подует свежий ветер. Стиль руководства «железного канцлера» создавал из окружающих его людей либо врагов, либо безвольных марионеток. В решающий момент ему оказалось не на кого опереться, не нашлось той силы, которая выступила бы в его защиту. Даже непосредственные подчиненные и прусские министры, на коллективную отставку которых в знак солидарности с ним Бисмарк тайно рассчитывал, все без исключения остались на своих постах. Вокруг уходящего канцлера образовался вакуум, который прекрасно демонстрировал все недостатки и слабые стороны проводившейся им на протяжении десятилетий политики. «Как страдали мы при этом режиме, — писала вдова императора Фридриха III, — его влияние развращало его сотрудников и политическую жизнь Германии. Он сделал жизнь в Берлине почти невыносимой для тех, кто не стал его рабом»². Знаменитый историк и либеральный политик Теодор Моммзен заявлял, что Бисмарк «сломал хребет германскому народу»: «Ущерб от эпохи Бисмарка бесконечно больше, чем польза»³.

И все же далеко не везде реакция была такой. Беспокойство охватило, в первую очередь, европейские столицы. Здесь Бисмарка при всех оговорках рассматривали как человека, с которым можно иметь дело, поскольку он все-таки ведет Германию достаточно предсказуемым курсом и стремится сохранить мир, а не пускается в авантюры. Французская пресса, по сообщениям немецких дипломатов, считала отставку Бисмарка «событием, безрадостным для Франции, и высказывала мирной политике канцлера запоздалое признание». Из Петербурга германский военный атташе докладывал, что уход канцлера «произвел повсеместно удручающее впечатление»¹. Кажалось, вся Европа была едина во мнении, что отставка Бисмарка создала серьезную угрозу нормальному развитию международных отношений.

Популярность «железного канцлера» была высока и среди простых немцев. 29 марта, когда отставной политик покидал Берлин, проводить его пришли тысячи людей, так что эскорт лишь с трудом прокладывал путь через толпу. Приветственные возгласы, овации, пение патриотических песен сопровождали Бисмарка на всем пути от служебной квартиры до вокзала. Так одновременно с окончанием карьеры «железного канцлера» началась карьера «легенды о Бисмарке», которая существовала долгие десятилетия и попортила еще немало крови и Вильгельму II, и некоторым его преемникам.

¹ Wehler H.U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. S. 998.

² Ibid. S. 999.

³ Wehler H.U. Das Deutsche Kaiserreich. S. 69.

¹ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 577.

ГЛАВА 18

СТАРЕЦ САКСОНСКОГО ЛЕСА

Весной 1890 года Бисмарк оказался во Фридрихсру. Впервые за долгие десятилетия он был совершенно свободен от государственных дел и мог посвятить себя заслуженному отдыху. По крайней мере, именно на это надеялись и Иоганна, и Герберт, полагавшие, что отставной канцлер будет спокойно наслаждаться сельской идиллией. В конце концов, он сам неоднократно заявлял о таком желании. Однако на практике все оказалось иначе.

Политика, главная страсть Бисмарка, не отпускала его. «Железный канцлер» вовсе не планировал устраниваться от происходивших в Германии процессов. Он подписан на множество газет и тщательно следил за всем происходившим в стране. Его деятельность теперь определялась двумя намерениями. Первое заключалось в том, чтобы вернуться к власти. Второе — отомстить своим политическим противникам. Если в первом он в итоге так и не преуспел, то второе удалось ему в полной мере. Его сын Герберт в это время жаловался, что отец живет только для сведения старых счетов.

Уже в апреле состоялись переговоры о сотрудничестве с газетой «Гамбургские известия» умеренно-либерального направления. Владелец издания был готов предоставить Бисмарку хоть все полосы сразу. Главный редактор Герман Хофманн постоянно курсировал между Гамбургом и Фридрихсру. Вновь взявшийся за перо, как во времена революции, Бисмарк показал себя талантливым и работоспособным журналистом, сочинив в течение нескольких лет сотни (а по некоторым подсчетам, не менее тысячи) статей по актуальной проблематике.

Поместья Бисмарка быстро превратились в место паломничества журналистов, как немецких, так и иностранных. Отставной канцлер охотно давал им интервью, в которых резко критиковал действия правительства. Своего преемника Каприви он хвалил как весьма душевного человека, но одновременно демонстрировал собеседникам всю его безграмотность в политических вопросах. Жестко

критиковал Бисмарк ухудшение отношений с Россией, заключение соглашения об обмене Занзибара на Гельголанд с Великобританией, новый военный законопроект, сокращавший срок службы до двух лет. В любом действии правительства экс-канцлер находил повод для критики и предвещал катастрофу, которая с неизбежностью ждет германскую политику.

На службу Бисмарку поставил свое перо один из самых блестящих публицистов рубежа веков — Максимилиан Гарден. Сделал он это совершенно добровольно; «железный канцлер» некоторое время даже не знал, кто скрывается под псевдонимом «Апостата», которым были подписаны статьи, прославлявшие его и резко критиковавшие правительство. Только в феврале 1892 года Гарден по приглашению Бисмарка приехал во Фридрихсру. Стороны оказались довольны встречей, и их сотрудничество продолжилось. Впоследствии Гарден — с преувеличением, но не без оснований — заявлял, что именно он создал тот образ «железного канцлера», который существовал в немецком обществе после смерти Бисмарка.

Выпады из Фридрихсру, неизменно привлекавшие внимание широкой общественности, изрядно беспокоили политическую элиту в Берлине. Там опасались, что волна популярности Бисмарка станет слишком высокой, и «старец Саксонского леса», как его все чаще называли, сумеет вернуться к власти. 23 мая 1890 года Каприви отправил всем германским представительствам за рубежом циркулярное письмо, в котором говорилось, что высказывания отставного канцлера находятся в противоречии с политикой действующего правительства и не имеют никакой ценности. «Об уколах, направленных в мою сторону, я не буду говорить, мне они безразличны; но я считал Каприви более способным» — отреагировал на это Бисмарк¹.

Впрочем, далеко не всегда он мог воспринимать происходящее столь позитивно. Давая в июле 1890 года интервью корреспонденту российской газеты «Новое время», отставной канцлер горько жаловался: «При жизни мне воздают посмертные почести. Меня хоронят, как Мальборо. Хотят не просто, чтобы Мальборо не вернулся, а чтобы он действительно умер или по крайней мере молчал до конца своих дней. (...) Никто из моих политических товарищей, из моих многочисленных знакомых не навещает меня. (...) Меня избегают как зачумленного. (...) Мне не могут запретить думать, но охотно помешали бы облекать мысли в слова, и если бы это было возможно, на меня давно надели бы намордник»².

¹ Ibid. S. 589.

² Schmidt R. Op. cit. S. 270.

Поскольку надеть намордник было невозможно, молчать Бисмарк не собирался. В своих беседах с посетителями — а также в публичных выступлениях — он часто говорил не только о текущей ситуации, но и о заповедях политики в целом. Именно в последние годы своей жизни он сделал ряд интересных высказываний, которые позволяют ясно охарактеризовать его взгляды на государственную деятельность и задачи человека, связавшего с ней свою судьбу.

К числу базовых убеждений Бисмарка принадлежала уверенность в том, что искусство политика заключается в умении приспособляться к меняющейся обстановке и действовать соответствующим образом: «Самому нельзя ничего создать; можно лишь ожидать, пока не послышатся шаги Всевышнего, и тогда прыгнуть и ухватиться за край его одежды — в этом вся суть»¹. Впрочем, еще раньше, в 1869 году он писал: «Я не настолько самонадеян, чтобы верить, что кто-то может делать историю. Моя задача — наблюдать за ее течением и вести по нему свой корабль в меру моих сил. Самим течением я не могу управлять, не говоря уже о том, чтобы вызывать его»².

В то же время ничто не дается просто так, милостью свыше; государственный деятель должен быть постоянно готов к борьбе. «Борьба является содержанием жизни всей природы, всего сотворенного (...) Борьба повсеместна, без нее нет жизни и, если мы хотим жить дальше, то мы должны готовиться к грядущим сражениям». Восприятие политики как борьбы, противостояния, соперничества, конкуренции, в которой один должен выиграть, а другой проиграть, накладывало свой отпечаток на всю политическую деятельность Бисмарка. Именно этим объясняются многие его решения, носящие если не прямо ошибочный, то, по крайней мере, сомнительный характер; однако это же представление привело «железного канцлера» к его крупнейшим успехам.

В потоке событий очень трудно выбрать правильный путь и, тем более, добиться долговременных результатов. «Политика — неблагоприятное дело, потому что покоится на случайностях и предположениях. (...) Даже после самого большого успеха нельзя сказать — теперь все удалось, я справился — и с удовлетворением взирая на достигнутое» — заявлял он Хофманну. В политике не существует прочного успеха, все течет и меняется. Нет никаких заранее уста-

новленных правил и законов. «Политика — это не столько наука, сколько искусство. Ей невозможно научиться, необходимо иметь талант. Даже лучший совет не поможет, если неправильно воплощать его в жизнь». Или, другими словами, «политика — это не точная и не логическая наука, а способность в меняющейся ситуации выбирать каждый раз наименее губительный или наиболее целесообразный вариант»¹.

Для того, чтобы правильно оценить происходящее и выбрать верную линию поведения, необходима главным образом интуиция. И, конечно же, умение выжидать. «Необходимым качеством государственного деятеля является терпение. Он должен уметь ждать, пока не наступит подходящий момент и не должен спешить, даже если искушение велико». Бисмарк любил сравнивать политика с рыболовом, терпеливо ждущим поклевки. Кроме того, нужно уметь правильно оценивать своих противников и иметь в запасе несколько вариантов действий на случай, если расчеты не оправдаются — «нужно всегда держать в огне два куска железа». «Множество путей вело к моей цели, я должен был пробовать их один за другим, самые опасные напоследок. Шаблонность действий никогда не была моей характерной чертой» — раскрывал «железный канцлер» секрет своего успеха². Его стратегия всегда строилась на использовании максимального количества альтернатив и за счет этого приносила положительный результат.

Любил Бисмарк рассказывать своим собеседникам и о прошлом. Его посещали не только журналисты, но и историки, в частности Генрих Фридьонг, создатель капитального труда «Борьба за господство в Германии», Генрих фон Пошингер, опубликовавший затем обширные материалы к истории политической деятельности «железного канцлера», Генрих фон Зибель, автор апологетической «Истории основания Германской империи Вильгельмом I». В разговорах с ними Бисмарк приступил к созданию легенды, которая должна была получить хождение еще при его жизни. Легенды о великом государственном деятеле, принимавшем неизменно верные решения, объединившем Германию вопреки помехам со всех сторон и на протяжении двух десятилетий защищавшем ее от всех угроз. Легенды о дипломате, который всегда действовал в соответствии с заранее продуманным планом и умело обыгрывал всех своих противников. Легенды о человеке, который всегда совершал поступки, руководствуясь благом своей страны и требованиями морали и этики.

¹ Pflanze O. Op. cit. Bd. I. S. 92

² WIA. Bd. 4. S. 362.

¹ Pflanze O. Op. cit. Bd. I. S. 94

² Ibid. S. 95.

Помимо историков и журналистов, Бисмарк посещали делегации от различных общественных организаций — только с 1890 по начало 1895 года насчитывается около полутора сотен таких визитов. Что привлекало во Фридрихсру и Варцин сотни посетителей? С одной стороны, Бисмарк, особенно в старости, был в высшей степени приятным собеседником. Он умел расположить к себе гостя, создать атмосферу откровенности и доверительности, продемонстрировать доброжелательное отношение. Один итальянский дипломат называл его «чудеснейшим собеседником, которого только можно себе представить», а французский посол Гонто-Бирон вспоминал о «высочайшей вежливости» и «любезнейшем обращении» со стороны отставного политика¹.

Однако второй, едва ли не главной причиной стало превращение Бисмарка в политический символ. Из реальной фигуры он в умах многих немцев трансформировался в воплощение «старого доброго времени», умеренной и осторожной внешней политики, государственной мудрости, славных побед времен Объединительных войн. По мере того, как Вильгельм II совершал в глазах общественности все новые грубые промахи — к примеру, в 1891 году он заявил рекрутам, что те должны будут при необходимости стрелять в собственных родителей — эта трансформация ускорялась. Бисмарк становился антиподом всего того, что не нравилось германской общественности в молодом императоре: его суетливости, высокопарности, склонности к громким словам и непредсказуемым действиям. Популярность живой легенды росла как на дрожжах.

В этом плане весьма показателен демарш, предпринятый всемирно известным дирижером Берлинского филармонического оркестра Хансом фон Бюловым. Давая в марте 1892 года свой прощальный концерт перед тем, как уйти на покой, Бюлов дирижировал оркестром, исполнявшим «Героическую симфонию» Бетховена. Когда отзвучали последние ноты, Бюлов обратился к залу с краткой речью, полной завуалированных упреков в адрес правящего монарха. Бетховен, заявил дирижер, посвятил свою симфонию Наполеону; он, Бюлов, считает себя вправе посвятить ее теперь истинному герою — Бисмарку.

Надо сказать, что сам «железный канцлер» всеми силами поддерживал этот образ. Главным трудом Бисмарка в первые два года после его отставки стали мемуары. Изначально они должны были называться «Воспоминание и мысль» — в честь двух легендарных

воронов, сопровождавших германского бога Одина. Лишь впоследствии название трансформировалось в привычное нам «Мысли и воспоминания». Издательский дом Котта заранее выкупил права на книгу, пообещав экс-канцлеру сказочную сумму в 100 тысяч марок за каждый том.

В качестве секретаря и литературного редактора Бисмарк пригласил в мае 1890 года своего давнего сподвижника Лотара Бухера, работоспособность и писательское мастерство которого высоко ценил. Задача, стоявшая перед Бухером, оказалась далеко не из легких. Бисмарк диктовал ему разрозненные фрагменты, часто обрывая свою мысль или перескакивая с одного сюжета на другой. Кроме того, он упорно не хотел придерживаться фактов в тех случаях, когда они не вписывались в его концепцию. «Это совершенно безнадежные усилия, которые ничего не дают для истории, — жаловался Бухер. — Не только потому, что его память несовершенна, а интерес ко всему, что уже сделано, слаб. (...) Он начинает намеренно искажать все, и даже когда речь идет о совершенно ясных и известных делах и процессах. Он не хочет участвовать ни в чем таком, что завершилось неудачей, и не называет ни одного сподвижника, кроме старого императора»¹.

Проблемы с памятью отмечались у Бисмарка и раньше; уже в 1860-е годы он жаловался на то, что начисто забывает многие важные вещи. Как писал Койделл, «в его представлениях о прошлом образовались лакуны, которые он сам не осознавал, поскольку неутомимая фантазия рисовала ему картины, заполнявшие эти лакуны»². Тидеманн вспоминал ситуацию, когда Бисмарк вполне искренне приписал одной из либеральных газет свои собственные слова, и главному редактору стоило большого труда убедить канцлера в том, что его издание никогда не печатало ничего подобного³.

Однако, в любом случае, Бисмарк собирался писать не историю, а легенду, нечто вроде политического завещания. Об одних сюжетах он рассказывал подробно, другие вовсе обходил вниманием. Кроме того, «железный канцлер», привыкший использовать историю в политических целях, рисовал события так, чтобы в максимальной степени задеть действующего императора. Вся история объединения Германии предстала на страницах «Мыслей и воспоминаний» таким образом, как будто Бисмарк едва ли не силой привел династию Гогенцоллернов к имперскому величию. Целые главы были посвяще-

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 272.

² Keudell R.v. Op. cit. S. 9.

³ Tiedemann C.v. Op. cit. S. 272.

¹ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 593.

ны истории разрыва с молодым императором, которого отставной канцлер характеризовал самым нелестным образом. «Император Вильгельм II не испытывает потребности в сотrudниках, которые имеют собственные взгляды и могли бы по соответствующему вопросу противоречить ему, опираясь на авторитет своих знаний и опыта» — писал он, к примеру, в третьем томе¹.

Каторжный труд подорвал силы Лотара Бухера, который скончался в октябре 1892 года. Однако основная работа над воспоминаниями была уже завершена. В итоге получилось три тома, два из которых были опубликованы после смерти Бисмарка, в ноябре 1898 года, а третий, практически полностью посвященный резкой критике в адрес Вильгельма II — в 1921 году. Книга сразу же стала бестселлером. «Мысли и воспоминания» сегодня считаются одним из блестящих образцов германской мемуарной литературы; в качестве исторического источника они, однако, могут рассказать гораздо больше о личности их автора, чем о реально происходивших событиях.

Тем временем борьба между «старцем Саксонского леса» и действующей политической элитой продолжалась. В 1891 году в одном из избирательных округов на Эльбе должны были пройти дополнительные выборы. Бисмарк выставил свою кандидатуру от национал-либеральной партии и победил. Это удалось ему с некоторым трудом, однако надо учесть, что экс-канцлер ни разу не появился в своем избирательном округе и, по сути, не вел предвыборной борьбы.

Известие о том, что «железный канцлер» получил мандат рейхстага, вызвало переполох в Берлине. Бисмарк в числе депутатов, особенно среди оппозиции — это была картина фантазмагорическая и угрожающая одновременно, поскольку авторитет старого политика мог серьезно затруднить правительству общение с парламентом. На счастье Каприви, его противник так ни разу и не появился в зале заседаний в течение всего срока своих депутатских полномочий.

В триумфальную демонстрацию превратилась летом 1892 года поездка Бисмарка по стране, предпринятая им по случаю свадьбы старшего сына. Герберту предстояло взять в жены молодую венгерскую графиню Маргариту Хойос. Свадьбу решили сыграть в Вене. Каприви, уже подозревая, во что превратится путешествие Бисмарка через всю Германию, отправил 9 июня германскому послу в Вене инструкцию, в которой порекомендовал ему не принимать приглашение на торжества. Документ быстро стал достоянием обще-

ственности и вызвал бурю возмущения в Германии. Сам Бисмарк подумывал о том, чтобы потряхнуть стариной и вызвать Каприви на дуэль. Император плеснул еще масла в огонь, заявив австрийцам, что Бисмарк — самый настоящий мятежник и посоветовал Францу-Иосифу относиться к нему соответственно, поставив тем самым австрийского монарха в весьма сложное положение.

18 июня «железный канцлер» отправился в путешествие. Торжественный прием, оказываемый ему по всему маршруту следования, превзошел худшие ожидания Вильгельма и Каприви. Повсюду его встречали восторженные толпы, собиравшиеся стихийно; в Дрездене в его честь было организовано факельное шествие. Здесь Бисмарк произнес свои знаменитые слова о том, что «германское единство стало неразрывным, и я уверяю вас, что разрушить это единство будет намного тяжелее и стоить больше крови, чем создать его»¹. Не менее восторженный прием «железного канцлера» ожидал и в Вене. То обстоятельство, что Франц Иосиф отказался дать ему аудиенцию по просьбе Вильгельма, обернулось против самого германского монарха. В интервью венской газете «Новая свободная пресса» Бисмарк выступил с жесткой критикой руководства Второй империи, которое безответственно оборвало «провод в Петербург» и поставило на карту безопасность Германии. Баронесса Шпитцемберг отметила в своем дневнике: «Если бы нами правили государственные мужи, а не наполненный ненавистью и тщеславием юный господин, они бы заметили, что все время проигрывают Бисмарку, и сочли бы за лучшее молчать»². Возвращение отставного политика, прерванное долгой остановкой в Киссингене, носило не менее триумфальный характер. Мюнхен, Аугсбург, Йена встречали его многолюдными демонстрациями.

В Йене Бисмарк произнес две речи, мгновенно приковавшие к себе всеобщее внимание. В них он выступил за усиление роли парламента в политической жизни страны и против абсолютистских идей, намекая тем самым на замашки молодого императора. Сознавая, что из его уст подобные вещи звучат довольно странно, Бисмарк заявил: «Возможно, я сам неосознанно внес свой вклад в то, чтобы опустить влияние парламента на его нынешний уровень, но я не хочу, чтобы оно оставалось на таком уровне всегда»³. Сильный парламент является важным залогом немецкого единства, средоточием национальных чувств; если таковой будет отсутствовать, «я обеспокоен продолжительностью существования и крепостью наших национальных

¹ Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т. 3. С. 32.

¹ Klemm M. Op. cit. Bd. I. S. 242.

² Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 629.

³ WIA. Bd. 8b. S. 114.

институтов (...). Мы не можем сегодня жить чисто династической политикой, мы должны вести национальную политику»¹.

Напряженность между Бисмарком и Вильгельмом достигла крайней отметки. Причем вредило это, в основном, императору. Когда Бисмарк в 1893 году серьезно заболел воспалением легких — старые недуги возвращались, и даже Швайнингер был порой бессилен против них — советники кайзера осознали, насколько плачевными будут последствия для репутации монарха, если «железный канцлер» сойдет в могилу, оставшись врагом Вильгельма. Последний, скрепя сердце, вынужден был согласиться с этими соображениями. В январе 1894 года он отправил Бисмарку весьма дружелюбное личное письмо, приложив к нему бутылку вина. «Железный канцлер» распил подарок кайзера вдвоем с Максимилианом Гарденом, который считался самым непримиримым критиком Вильгельма. Тем не менее, он тоже не хотел доводить ссору до крайних пределов.

В конце января 1894 года Бисмарк отправился в Берлин, где состоялось демонстративное примирение с кайзером. Насколько популярен стал к тому моменту «железный канцлер», свидетельствует количество людей, пришедших приветствовать его — оно измерялось сотнями тысяч. Современники говорили, что считали подобные вещи невозможными в Берлине и что настроение, господствовавшее в толпе, напоминало настоящее сумасшествие. Бисмарка сравнивали с легендарным императором Барбароссой, покинувшим пещеру на горе Киффхойзер, где он спал вековым сном. Это была последняя поездка «железного канцлера» в столицу.

В феврале император нанес ответный визит во Фридрихсру; во время встречи он намеренно избегал разговоров на политические темы, ограничиваясь светской болтовней и казарменными шутками. «Теперь пусть возводят ему триумфальные ворота в Мюнхене и Вене, я все равно буду на корпус впереди» — хвастливо заявил Вильгельм по итогам этой встречи². Формально конфликт был исчерпан, хотя стороны продолжали относиться друг к другу с глубокой неприязнью. Примечательно, что демонстративное «примирение» вызвало настоящую панику в ведомстве иностранных дел, где стали всерьез опасаться, что Бисмарк вернется на свой пост и расправится со всеми эпигонами. Заявивший пост канцлера Гогенлоэ констатировал, что страх перед Бисмарком стал «царствующей в Берлине эпидемией»³.

¹ Ibid.

² Schmidt R. Op. cit. S. 276.

³ Frankel R. Bismarck's shadow. The cult of leadership and the transformation of the German right 1898-1945. Oxford, N.Y., 2005. P. 39.

* * *

Если не страх, то популярность Бисмарка, действительно, приобретала эпидемические черты. По мере того, как росло разочарование немецких правых в новом режиме, они обращали свои взоры к Бисмарку. Уже в первой половине 1890-х годов возникали идеи формирования националистической партии, которая начертала бы имя Бисмарка на своих знаменах и выступала бы в роли оппозиции справа. Осуществить их не удалось, однако основанный в 1893 году Союз сельских хозяев — одно из наиболее мощных представительств экономических интересов в Германии — провозглашал себя продолжателем дела Бисмарка.

Конечно же, жизнь Бисмарка после отставки не исчерпывалась политическими баталиями. Он старался вкушать все доступные ему радости жизни. Отставной канцлер не отказывал себе в удовольствии хорошо поесть — разумеется, в рамках, отведенных для этого неусыпно наблюдавшим за ним Швайнингером. «Нужно иметь действительно хороший желудок, чтобы за столом держаться наравне с князем» — вспоминал один из посетителей¹. Бисмарк знал толк в хороших винах и любил рассказывать историю о том, как однажды был приглашен к столу императора Вильгельма II, где ему подали не очень качественное шампанское. Выяснилось, что это на самом деле игристое вино немецкого производства, которое кайзер пьет из экономии и соображений патриотизма. В ответ Бисмарк заметил, что его патриотизм останавливается, когда дело касается желудка.

Стареющий политик по-прежнему любил слушать музыку и гулять на свежем воздухе. С 1893 года он уже не мог ездить верхом. Тем большую ценность и продолжительность приобретали пешие прогулки, которые он предпринимал в компании двух своих собак, Кира и Ребекки. Бисмарк по-прежнему обожал лес и любил гулять среди деревьев, в обстановке, которая наполняла спокойствием его душу. Он много читал, особенно классическую литературу, проштудировал полное собрание сочинений Шиллера. Исторические произведения также не остались без его внимания; на склоне лет «железный канцлер» неоднократно говорил о том, что знание истории является весьма важным для любого политического деятеля, поскольку прошлое дает полезный опыт для понимания актуальных событий.

Религиозной литературе Бисмарк практически не уделял внимания. Его взгляды в этой области в поздние годы жизни вообще отличались своеобразием. В 1893 году он заявил баронессе Шпитцemberг, что у него «появляется чувство, что наш Господь и Создатель не

¹ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 594.

всегда все делает сам, а передает руководство отдельными сферами неким министрам и чиновникам, которые совершают глупости»¹. Впрочем, вера «железного канцлера» всегда отличалась довольно скептическим характером. Во всяком случае, посещать церковь он по-прежнему не считал нужным вовсе. В то время, как у многих людей к старости склонность к религии возрастает, у Бисмарка, похоже, происходил обратный процесс.

Несмотря на обилие посетителей, которых принимал отставной канцлер в своих поместьях, главную роль в его окружении играли ближайшие родственники. Не со всеми из них отношения были одинаково теплыми. Общение с Бернгардом, который скончался в 1893 году, уже давно сократилось до минимума. Иной была ситуация с Мальвиной, по-прежнему остававшейся близким ему человеком. На окружающих, правда, младшая сестра Бисмарка производила часто неблагоприятное впечатление. Ее описывали как честолюбивую светскую даму, которая стремилась погреться в лучах славы своего брата, отличалась холодностью и закрытостью.

Жена оставалась для Бисмарка самым близким человеком. С годами узы, связывавшие их, только укреплялись. Преданная мужу до глубины души, Иоганна после его отставки со всей страстью возненавидела императора. Бисмарк в шутку заявлял, что ни один человек не в состоянии прожить столько, чтобы отбыть все тюремные сроки, которые должна была бы получить его жена за произносимые в течение всего лишь одного дня оскорбления в адрес Его Величества. Даже когда между императором и канцлером состоялось формальное примирение, Иоганна заявляла, что не хочет и не может простить Вильгельма.

Однако здоровье Иоганны к началу 1890-х годов было уже основательно подорвано. Смерть супруги, наступившую 27 ноября 1894 года, Бисмарк воспринял как трагедию. Он часами стоял со слезами на глазах у гроба жены, глядя в лицо усопшей. На соболезнования он отвечал: «Когда почти полвека живешь в счастливом браке, как в моем случае, то свое одиночество воспринимаешь, благодаря Господа за бывшее счастье, как пролог к собственному уходу, не испытывая потребности жить дальше»². Сестре он писал откровеннее: «Все, что у меня оставалось — это Иоганна (...) А теперь все пусто и безжизненно (...) Я чувствую себя еще более усталым после этой катастрофы»³.

¹ Ibid. S. 601.

² WIA. Bd. 8b. S. 228.

³ Ibid. S. 198.

Современники отзывались о Бисмарке как о человеке, который полностью утратил волю к жизни. «Жизнь — это долгий процесс горения, и мое топливо для поддержания огня скоро закончится», — писал он Микелю¹. Состояние его организма стремительно ухудшалось. Уже в 1893 году он прекратил ездить верхом, а в 1895 году совершил последнюю длительную пешую прогулку. Его время уходило. «Это новая эпоха, совсем другой мир» — вздохнул сам Бисмарк, посетив в 1895 году, незадолго до своей смерти, кипящий жизнью порт Гамбурга².

После смерти Иоганны самым близким для Бисмарка человеком остался его старший сын Герберт. С 1890 года он, с облегчением распрощавшись с политикой, уехал в Шёнхаузен. «Без тебя вокруг наступила бы ночь, — писал он отцу в июле 1896 года. — Всеми фибрами своей мысли и жизни я завишу от тебя, с ранней юности я настолько сросся с тобой всеми проявлениями моего сердца и чувств, как ни с одним другим человеком. (...) Я хотел бы все отдать за то, чтобы избавить тебя от плохого настроения и усталости, которые мешают тебе радоваться жизни»³. Герберт пережил своего отца, к которому испытывал тесную эмоциональную привязанность, всего на шесть лет.

* * *

80-летие Бисмарка отмечалось в 1895 году в Германской империи как национальный праздник. По всей стране возводились памятники, устраивались торжественные мероприятия. В Берлине, писал современник, «газеты говорят только о нем, во всех витринах стоят его портреты, бюсты, книги, уличные торговцы продают картинки с ним, медали, праздничные стихи»⁴. Во Фридрихсру потекла нескончаемая река делегаций и отдельных посетителей. Канцлер получил в эти дни почти 10 тысяч телеграмм, несколько тысяч посылок, более 450 тысяч поздравительных писем и открыток. Почти пять сотен населенных пунктов по всей стране избрали его своим почетным гражданином. Особняком стоял лишь германский рейхстаг, который отказался принять поздравительный адрес в честь «железного канцлера». Вильгельм II тоже с удовольствием дистанцировался бы от праздника, но не мог этого сделать без серьезного ущерба для своей репутации и поэтому предпочел навестить старика.

¹ Ibid. S. 197.

² Klemm M. Op. cit. Bd. 2. S. 419.

³ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 609.

⁴ Schmidt R. Op. cit. S. 274.

Время рассчитаться с Бисмарком пришло для монарха в 1897 году, когда император произнес речь по случаю столетия со дня рождения своего великого деда. В ней он заявил, что именно «Вильгельм Великий» был главным творцом германского единства, все остальные являлись лишь исполнителями его воли, слепыми «инструментами, подручными и пигмеями»¹. Как это часто бывало, несдержанность кайзера ударила бумерангом по нему самому. Слова императора вызвали крайнее возмущение в обществе. Даже Теодор Фонтане, один из самых жестких и последовательных критиков «железного канцлера», счел необходимым высказаться: «Я не сторонник Бисмарка, все лучшее во мне отворачивается от него (...) Но Гогенцоллерны не должны от него отречься, потому что всей славой, которая окружает старого Вильгельма (...) они обязаны гениальному силачу из Саксонского леса (...) И теперь он оказывается инструментом, подручным или вообще пигмеем! Как можно так искажать историю? Это очевидная неблагодарность Гогенцоллернов»².

Отношения между Вильгельмом II и Бисмарком вновь развивались в направлении открытого конфликта. Приближенные императора понимали, что именно кайзер может быть единственным проигравшим в этой битве, и настаивали на примирении. Контр-адмирал Карл фон Айзендехер прямо — и весьма пророчески — заявил Вильгельму II, что ему «никогда не удастся вытеснить старого канцлера из сердца народа»³. В итоге император в конце 1897 года вынужден был вновь появиться во владениях Бисмарка, по-прежнему рассказывая пошлые шутки и ведя себя крайне пренебрежительно. Когда кайзер уже готов был уехать, старик собрался с силами и произнес: «Ваше величество, пока вы имеете таких офицеров, вы можете позволить себе решительно все; но если вы лишитесь их — все пойдет по-другому»⁴. Император не обратил внимание на предостережение, в отличие от некоторых сопровождавших его лиц.

Неудивительно, что у «железного канцлера» вошло в привычку переворачивать монеты достоинством в пять марок вниз той стороной, на которой был отчеканен профиль монарха. В будущее страны он смотрел с крайним пессимизмом. «Молодой господин разрушит все, что я сделал для Германии, — пророчески говорил старик. — Спустя двадцать лет после смерти Фридриха Великого было пора-

жение под Йеной; спустя двадцать лет после моей отставки снова наступит крах, если будет продолжаться такое правление»¹. Бисмарк ошибся всего лишь на восемь лет.

Силы «железного канцлера» стремительно угасали. Весной 1898 года его состояние снова ухудшилось. Старость и многочисленные болезни необратимо разрушали его организм. Ему то и дело не хватало воздуха, одна нога медленно отмирала. В течение нескольких месяцев он страдал от постоянных болей, мечтая о том, чтобы поскорее отправиться навстречу своей Иоганне. С начала июля он уже не мог выходить из дома. 30 июля 1898 года ближе к полуночи «железного канцлера» не стало.

Вильгельм II собирался устроить своему покойному врагу пышные похороны в Берлине, чтобы использовать его популярность в собственных интересах. Однако Бисмарк своим последним маневром сорвал планы молодого императора. В соответствии с завещанием, усопший был похоронен во Фридрихсру. На его надгробии было начертано: «Князь Отто фон Бисмарк. Верный немецкий слуга императора Вильгельма I». Кайзеру оставалось лишь сражаться с тенью «железного канцлера», и это сражение он неизменно проигрывал до самой своей смерти.

¹ Röhl J. Wilhelm II. Der Aufbau der Persönlichen Monarchie. 1888-1900. Darmstadt, 2001. S. 961.

² Schmidt R. Op. cit. S. 277.

³ Röhl J. Op. cit. S. 961.

⁴ Тирпиц А.ф. Воспоминания. М., 2014. С. 101.

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 279.

ГЛАВА 19

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

После смерти Бисмарка его фигура не стала достоянием прошлого. Популярность «железного канцлера», наоборот, только возрастала. В первой половине XX века «железный канцлер» постоянно выступал в Германии в качестве символа, объединяющего нацию. Во многом усилиями самого Бисмарка была создана легенда о нем как о гениальном политике, способном управлять ходом европейской истории.

Германская общественность очень быстро забыла о своих претензиях к «железному канцлеру». Примечательно, что легенду о великом политике в равной степени подхватили и консерваторы, и либералы. Для противников Вильгельма II Бисмарк служил своеобразным знаменем, антиподом взбалмошному императору. По словам Ганса-Ульриха Велера, «влияние, которое приобрел Бисмарк как величайший из юнкеров в роли харизматического правителя, продолжало жить как захватывающий пример успешной политики в коллективной памяти, особенно в памяти буржуазных классов, невзирая на все его авторитарные черты»¹.

День рождения Бисмарка отмечали как национальный праздник. Постепенно вырабатывались целые ритуалы, связанные с чествованием покойного создателя империи. По мнению Ричарда Френкеля, в начале XX века в Германии сформировался настоящий культ Бисмарка, ставший «политической религией» для многих граждан страны². «Священниками» этого культа являлись германские профессора, не устававшие подчеркивать особое место «железного канцлера» в немецкой истории. Образ Бисмарка стал частью национальной идентичности многих немцев.

По всей стране, как грибы после дождя, возникали памятники «железному канцлеру». С 1898 по 1914 год в разных уголках страны было запланировано возведение около 700 монументов, примерно

500 из них были в действительности воздвигнуты. Самый большой памятник был сооружен в Гамбурге в 1906 году. Общая его высота составила почти 35 метров, фигуры Бисмарка — почти пятнадцать. Статуя состоит из каменных блоков, щели между которыми хорошо видны. Это придает фигуре массивности и строгой простоты. Скульптор Гуго Ледерер изобразил Бисмарка в качестве Роланда, скрестившего руки на рукояти меча. У его ног уселись два германских орла.

Памятники возникали и в Южной Германии — там, где при жизни канцлер отнюдь не пользовался популярностью. Здесь он стал символом федеративной структуры империи, защиты прав отдельных государств против политики централизации. Однако все должен был затмить памятник, который планировалось открыть к столетию со дня рождения «железного канцлера». Лишь начало Первой мировой войны помешало осуществлению этого плана.

Для людей, находившихся у власти, образ Бисмарка таил в себе и возможности, и угрозы. Весьма сильным было желание усилить свою легитимность, поставив «миф о Бисмарке» себе на службу. Так, в начале канцлерства Бернгарда фон Бюлова его часто сравнивали с его великим предшественником. Однако здесь же таилась и большая угроза. Еще Каприви заявлял, что обречен стоять в тени великого человека. Титанический образ Бисмарка стал своего рода образцом, с которым сравнивали всех его преемников — и, чаще всего, не в их пользу.

Неудивительно, что Бисмарк быстро стал иконой немецких правых, которые критиковали правительство за мягкотелость и недостаточную энергию как во внутренней, так и во внешней политике. Глава Пангерманского союза Герман Класс заявлял: «Когда мы беремся за дело, нам придают смелости мысли о человеке, который создал Вторую империю, о Бисмарке, чье творение мы хотим защитить, сохранить и продолжить; он наш духовный вождь, и он поведет нас к победе»¹. Образ «железного канцлера» приобретал в устах его почитателей божественные черты. На торжестве в честь дня рождения Бисмарка в 1912 году один из ораторов произнес: «Душа нашего народа зовет: Бисмарк, приди из Вальгаллы или пришли нам (...) сильного человека, в котором мы нуждаемся! Помоги своему народу, Бисмарк!»²

В годы Первой мировой войны государственная пропаганда активно использовала образ Бисмарка в своих целях. Один из ведущих немецких либералов Фридрих Науманн в 1915 году писал: «Кем был

¹ Wehler H.U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. S. 771.

² Frankel R. Op. cit. P. 51.

¹ Ibid. P. 66.

² Ibid. P. 73.

Бисмарк? Человеком и сверхчеловеком, явлением своего времени и вне времен одновременно. (...) Он больше не предмет споров, а национальное достояние. Он не принадлежит ни к какой партии, а является первым среди немцев»¹. Год спустя историк Эрих Маркс заявлял: «Его наследие повсюду. Война идет за его империю. (...) И мы ведем оборону его средствами»².

Эта легенда получила свое развитие после тяжелого поражения Германии в Первой мировой войне. Критики «железного канцлера» и его наследия из числа германских левых быстро оказались в изоляции. Бисмарка с его мудрой, умеренной, нацеленной на сохранение европейского мира политикой стали противопоставлять авантюризму Вильгельма II, который поставил на кон безопасность своей страны и проиграл. Появились многочисленные спекуляции на тему того, что было бы, если бы Бисмарк оставался у власти до самой смерти — в этом случае, считали апологеты «железного канцлера», события развивались бы принципиально иным путем.

Миф о Бисмарке в Веймарской республике вновь взяли на вооружение в первую очередь правые, консервативные силы. «Железный канцлер» стал символом «старого доброго времени», которое противопоставлялось непопулярной демократической республике, сотрясаемой кризисами. «Бисмарк должен быть и оставаться образцом для нас, — писала в 1920 году одна из немецких газет. — Если мы хотим лучшего будущего, мы должны работать в его духе. Его образ принесет нам утешение и вернет душевное равновесие, потерянное в нынешнем хаосе. Как сверкающая звезда, образ Бисмарка светит для нас темной ночью»³. Подобного рода сентенции повторялись в последующие годы на все лады.

Находившаяся на правом фланге политического спектра Немецкая Национальная Народная партия выдвинула лозунг «Обратно к Бисмарку». Умеренные политики также пытались использовать в своей пропаганде образ «железного канцлера», делая акцент на его реализме и способности к компромиссам. На этом пути, однако, им не удалось добиться серьезного успеха. «Битву за Бисмарка» в Веймарской республике выиграли националисты.

Историки практически единодушно создавали апологетические произведения, прославлявшие гениального политика. Как писал Иоганнес Вильмс, «большой вклад в то, чтобы оградить его творение от любых критических вопросов, внесло необозримое число истори-

ков и ученых почитателей, которые вплоть до наших дней не устают прославлять его личность и обожествлять его якобы успешную деятельность»¹. Критический взгляд на Бисмарка не пользовался большой популярностью в ученой среде.

«Он оставил нацию без всякого политического воспитания, — писал в 1918 году знаменитый Макс Вебер. — И в первую очередь — без всякой политической воли, привычную к тому, что великий государственный деятель во главе страны позаботится о политике. (...) Нацию, которая позволяла делать с ней что угодно под лозунгом «монархического правления», без критической оценки политических качеств тех, кто садился в опустевшее седло Бисмарка и с удивительной непринужденностью брал в руки бразды правления. Именно в этом был самый тяжелый ущерб»². Однако тех, кто думал и писал подобным образом, было немного. Более того, критика Бисмарка нередко приравнивалась к отсутствию патриотизма, к покушению на святое в тяжелое для страны время. Не случайно самая известная критическая биография Бисмарка первой половины XX века на немецком языке, принадлежавшая перу Эриха Эйка, была опубликована в Швейцарии.

В годы Третьего рейха фигура Бисмарка активно использовалась национал-социалистами и в то же время играла роль объединяющего символа для консервативного Сопротивления. И та, и другая сторона пытались черпать легитимность в фигуре «железного канцлера». Одним из самых известных символов нацистской исторической политики стала открытка, на которой в одном ряду были изображены Фридрих Великий, Бисмарк, фельдмаршал Гинденбург и Гитлер. «То, что король завоевал, князь сформировал, фельдмаршал защитил — то спас и объединил солдат!» — гласила подпись. Гитлер, таким образом, становился продолжателем дела «железного канцлера». Первый начал дело объединения Германии, второй его завершил, присоединив к рейху Австрию.

Гитлер еще в 1921 году назвал решение Вильгельма II об отставке Бисмарка в отставку «величайшей глупостью, какая только была совершена в политической сфере»³. В своей книге «Моя борьба» он также заявлял о том пиетете, который он питал к «железному канцлеру». Он регулярно совершал символические жесты, призванные подчеркнуть этот пиетет — от фотографирования с портретом

¹ Pflanze O. Op. cit. Bd. 2. S. 695.

² Ibid.

³ Frankel R. Op. cit. P. 113.

¹ Willms J. Bismarck — Dämon der Deutschen. Anmerkungen zu einer Legende. München, 1997. S. 345

² Pflanze O. Op. cit. Bd. 2. S. 684.

³ Frankel R. Op. cit. P. 109.

«железного канцлера» до возложения венка на его могилу. В честь «железного канцлера» был назван один из двух самых мощных германских линкоров.

Однако различие между внешней и внутренней политикой Второго и Третьего рейха становилось все сильнее. Кроме того, культ «железного канцлера» стремительно оказывался в тени культа фюрера. С рубежа 1930—40-х годов имя Бисмарка все реже стало использоваться в нацистской пропаганде. Консервативные противники Гитлера, напротив, все чаще использовали его в качестве своего символа. Именно Бисмарка считали одним из образцов для подражания участники заговора, совершившие 20 июля 1944 года попытку переворота.

После Второй мировой войны, в которой страна потерпела еще более катастрофическое поражение, «железный канцлер» вновь оказался в роли антипода агрессивной и безответственной политике Третьего рейха. В значительной степени возродился миф эпохи Веймарской республики. В начале 1950-х годов большинство немцев (36 процентов) назвали его человеком, который сделал для Германии больше всего за всю ее историю. Только к концу десятилетия, когда «экономическое чудо» стало приносить свои плоды, с первого места Бисмарка потеснил Аденауэр. Однако доля опрошенных, считавших его главным благодетелем Германии, еще долго колебалась в пределах 15—20 процентов¹.

В послевоенной Германии объединитель страны неизбежно должен был стать символом возможностей преодоления раскола. В первом томе капитального труда Герхарда Риттера «Государственное искусство и военное ремесло», опубликованном в 1954 году², мудрая политика Бисмарка, направленная на сохранение мира в Европе, противопоставлялась авантюризму военных. В центре внимания оказалась — опять же, в связи с политической актуальностью — и социальная политика «железного канцлера».

Однако теперь далеко не все были согласны с позитивным образом Бисмарка. Критики упрекали его в том, что он осуществил объединение методами «железа и крови», препятствовал развитию демократии в Германии, превратил немцев из граждан в безвольных подданных, нанес огромный ущерб политическому и духовному развитию немецкого народа. Его методы, его политика в значительной степени привели к тому, что Германия попыталась

пойти по «особому пути», который привел страну в пучину двух мировых войн.

В 1960—70-е годы эта точка зрения стала едва ли не господствующей среди немецких историков. Дело доходило до того, что все развитие Германии с 1871 по 1945 год рассматривалось ими как единая прямая линия, на которой первая точка уже запрограммировала последнюю. Бисмарк своей деятельностью подготовил, в конечном счете, появление Гитлера — говорили некоторые исследователи и публицисты. Особенно резко критиковали «железного канцлера» историки социально-критического направления, в первую очередь Ганс-Ульрих Велер. «Еще до 1890 года были расставлены фатальные вехи для всей дальнейшей истории рейха, — писал он в начале 1970-х годов. — Еще в эпоху Бисмарка была построена дорога к антилиберальному авторитарному государству»¹.

Как это часто бывает, вспыхнувшая дискуссия подхлестнула интерес к изучению биографии Бисмарка. На свет одна за другой появлялись ставшие уже классическими работы Лотара Галла, Эрнста Энгельберга, Отто Пфланце... Избегая радикальных оценок, исследователи стремились проанализировать как личность «железного канцлера», так и последствия его деятельности. Полемика постепенно затихала, позиции недавних антагонистов сближались.

После нового объединения Германии, состоявшегося в 1990 году, интерес к фигуре Бисмарка стал постепенно затихать. Посвященные ему книги по-прежнему регулярно появлялись на свет, но «миф о Бисмарке» — неважно, белый или черный — потерял свою актуальность. В конце 2012 года был проведен опрос — кого из деятелей мировой истории современные немцы могли бы назвать примером для сегодняшних людей? Разрешалось выбрать три варианта. Бисмарк оказался на семнадцатом месте из девятнадцати, собрав лишь восемь процентов голосов — между Штеффи Граф и Михаэлем Шумахером. Из числа немецких канцлеров его с большим отрывом опередили Гельмут Шмидт, Вилли Брандт и Конрад Аденауэр, каждый из которых получил более 20% голосов².

В 2015 году, когда исполнилось 200 лет со дня рождения «железного канцлера», один из немецких публицистов писал в газете «Ди Вельт»: Бисмарк «больше не подходит для коллективной па-

¹ Nonn C. Op. cit. S. 353.

² Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des «Militarismus» in Deutschland. Bd. 1. München, 1954.

¹ Wehler H.U. Das Deutsche Kaiserreich. S. 68.

² Vorbilder der Deutschen. Allensbacher Kurzbericht vom 15. Januar 2013 // Institut für Demoskopie Allensbach. URL: http://www.ifd-allensbach.de/uploads/tx_reportsndocs/PD_2013_01.pdf.

мнати немцев»¹. Федеральный президент Иоахим Гаук, выступая с речью по случаю этого юбилея, отрицал наличие всякого прямого пути «от Бисмарка к Гитлеру» и в целом характеризовал «железного канцлера» скорее положительно. В то же время он подчеркнул, что «мы должны отвечать на вызовы, стоящие перед нами сегодня, иначе, чем Бисмарк» и «наши ответы будут другими»². В целом этот юбилей привлек сравнительно мало внимания как прессы, так и политиков и широкой общественности. Кажется, в современной Германии Бисмарк, по крайней мере на какое-то время, перестает быть актуальной историей и становится просто историей.

* * *

Для нашей страны фигура Бисмарка всегда имела особое значение. И не только потому, что будущий творец германского единства почти три года провел в Петербурге в качестве прусского посланника. В 1860-е годы, когда о нем заговорил весь мир, в России со смешанными чувствами, но неизменным вниманием присматривались к новой звезде на небосклоне европейской политики. Среди этих чувств преобладали два: восхищение его незаурядным политическим талантом и ненависть к нему как к воплощению новой, воинственной и враждебной Германии. Последнее было особенно характерно для панславистов. Однако по мере того, как противостояние России и Германии в первой половине XX века все более обострялось, достигнув пиковой отметки в ходе двух мировых войн, образ Бисмарка приобретал в нашей стране иные черты. «Железный канцлер» становился символом российско-германского партнерства, человеком, который стремился к сохранению мира с Россией и предупреждал об опасности вооруженного конфликта между нашими странами.

Уже в 1890 году корреспонденты газеты «Новое время» дважды посещали отставного канцлера и расспрашивали его о будущих отношениях Германии и России. «Железный канцлер», естественно, изо всех сил стремился представить себя другом России. Он заявлял, что полностью поставил себя на службу российским интересам во время Берлинского конгресса, что все дальнейшие обострения от-

ношений между двумя странами являются лишь недоразумениями и что для конфликта между Берлином и Петербургом нет никаких объективных оснований.

«Я всегда и всегда искренне был против войны с Россией, — говорил Бисмарк Кочетову в апреле 1890 года. — Если кто думает, что воевать с Россией не страшно, то сильно ошибается; это в Занзибаре вести войну не опасно, а в России очень опасно, да и не к чему. (...) Да наконец, что нам нужно у России или России у нас? Миллиардов ни мы от вас, ни вы от нас ни в коем случае не добудем (...) Приобретение чего бы то ни было за Мемелем есть уже преступление, и не против вас, конечно, а против самой Германии, ибо завладение Остзейским краем, как платоническое стремление с нашей стороны еще понятно, но ведь оно без Польши невысказано, а тогда бы у нас было 9 миллионов поляков, а в общем в Германии около половины населения оказалось бы католическим, словом, Германия сама бы себе устроила погибель». В ответ на вопрос русского журналиста, исключает ли Бисмарк вероятность русско-германской войны, «железный канцлер» ответил: «Да, абсолютно исключая всякую разумную возможность такого конфликта»¹.

Постепенно в России укреплялся «миф о Бисмарке», созданный при участии самого «железного канцлера» и противопоставлявший его мудрую и якобы пророссийскую политику авантюризму Вильгельма II. Этот миф пережил революцию 1917 года. Отношение советской власти к «железному канцлеру» было вполне однозначным — он рассматривался, в первую очередь, как представитель реакционной юнкерской элиты, душитель рабочего движения и классовый враг. «Крайний приверженец прусской монархии, он при помощи бонапартистских методов отстаивал интересы обоих господствующих классов — юнкерства и буржуазии» — писал о нем один из крупнейших советских германистов А.С. Ерусалимский². И все же Бисмарк считался основателем определенной традиции германской внешней политики, направленной на поддержание хороших отношений с Россией.

Надежды на победу «бисмарковских» принципов в Германии существовали в Москве и в 1920-е годы (в период «рапальской» политики), и после подписания Пакта Молотова-Риббентропа в 1939 году. Далеко не случайно первое отечественное издание мемуаров Бисмарка было опубликовано в 1940-41 годах. Ерусалимский в

¹ Kornblum J. Für Deutsche gibt es bessere Vorbilder als Bismarck // Die Welt. 31.03.2015. URL: <https://www.welt.de/debatte/kommentare/article138963199/Fuer-Deutsche-gibt-es-bessere-Vorbilder-als-Bismarck.html>.

² Bundespräsident Joachim Gauck bei einem Festakt anlässlich des 200. Geburtstages von Otto von Bismarck am 1. April 2015 in Berlin / Der Bundespräsident. 01.04.2015. URL: <http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Joachim-Gauck/Reden/2015/04/150401-Otto-von-Bismarck.html>.

¹ Из Берлина. В замке у князя Бисмарка. III // Новое время. № 5093. Суббота, 5 (17) мая 1890.

² Ерусалимский А.С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968. С. 35.

предисловии к первому тому подчеркивал стремление «железного канцлера» избежать конфликта с восточной соседкой: «Даже идя на сближение с Англией, он никогда не хотел довести дело до войны между Германией и Россией. Обозревая в своем политическом заведении опасности, грозившие самому существованию Германской империи, Бисмарк останавливался на одной: главную опасность для Германии он видел в столкновении с Россией»¹.

Однако война началась. Советская пропаганда широко использовала образ Бисмарка как символа «истинной Германии», оппонента Гитлера и его клики. В распоряжение немецких войск забрасывались открытки, на которых Бисмарк с портрета показывает пальцем на стоящего рядом фюрера и заявляет: «Этот человек ведет Германию к катастрофе». Здесь советская пропаганда использовала тот же образ «железного канцлера», что и консервативная оппозиция нацистам в Третьем рейхе.

Та же картина воспроизводилась и в романе Валентина Пикуля «Битва железных канцлеров», который увидел свет в 1977 году. Несмотря на то, что симпатии автора явно на стороне российского «железного канцлера» — Горчакова — Бисмарка он рисует мудрым государственным деятелем, который считает дружбу с Россией критически важной для Германской империи. «Бисмарк видел в России страну с великим будущим, — писал Пикунь, — с почти нетронутыми природными ресурсами, с умным и активным народом, который разгромит любого агрессора и завоевателя»²; «Русский вопрос» всегда оставался для него главнейшим вопросом внешней политики. Канцлер никогда не забывал, что Германия может следовать, куда ей хочется, лишь до тех пор, пока из Петербурга не крикнут «стоп!» — и тогда Германия замрет на месте»³. Такие фразы ласкали самолюбие доверчивого читателя, а сам роман способствовал росту интереса к почти уже забытой фигуре «железного канцлера».

Этот интерес к Бисмарку сохранился — и даже возрос — в современной России. Одновременно его личность обрастала все большим количеством мифов и легенд. Широкое распространение получили апокрифические фразы «Никогда не воюйте с Россией» и ««Русских невозможно победить военным путем. В этом мы убедились за сотни лет. Но можно привить ложные ценности, и тогда они победят сами себя». Они нашли себе путь даже в труды некоторых профес-

сиональных историков, не слишком заботящихся о происхождении красивых цитат.

По мере ухудшения отношений между Россией и Западом (в том числе ФРГ) Бисмарк все в большей степени стал приобретать черты «правильного немца», убежденного в том, что Германия должна в любых условиях сотрудничать с Россией. «В бисмарковский период между Германией и Россией сложился режим особых отношений, — пишет в предисловии к изданию старой немецкой биографии канцлера В.Л. Малькевич. — Поддержание баланса сил в Европе в XIX веке, главными гарантами которого выступали как раз Россия и Пруссия, крайне актуально и сегодня, в эпоху противодействия тенденции по установлению однополярного мирового порядка. Россия и Германия, как полюсы притяжения в Старом Свете, способны создать альтернативу подобному геополитическому сценарию, таящему в себе немало опасностей для развития человечества. (...) Несомненно, в наши дни заветы Бисмарка о поддержании добрососедства с Россией не потеряли своей актуальности»⁴. А пару лет назад в Интернете получил широкое распространение текст «письма Бисмарка к Меркель», написанного анонимным немецким автором и упрекающего действующего федерального канцлера в непонимании истинных интересов своей страны, которые заключаются в сохранении крепкой дружбы с Россией.

Одним словом, Бисмарк в современной России стал мифом, не имеющим ничего общего с исторической фигурой «железного канцлера». И нередко этот миф используется — как в свое время в Германии — в весьма сомнительных целях. Именно поэтому так важно противопоставить ему знание.

¹ Ерусалимский А.С. Бисмарк как дипломат / Бисмарк О.ф. Указ. соч. Т.1. С. XLVI.

² Пикунь В. Битва железных канцлеров. М., 2015. С. 263.

³ Там же. С. 265.

⁴ Малькевич В.Л. Предисловие / Аллерс А.В., Кремер Г. Наш Бисмарк. М., 2009. С. 5-6.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Кто же ближе к истине — сторонники или противники Бисмарка? Те, кто считают его величайшим государственным деятелем, или те, кто видит в нем величайшего злодея, нанесшего стране непоправимый ущерб? И те, и другие всерьез заблуждаются. Бисмарк не был, да и не мог быть полубогом, «демоном немцев», способным по своей прихоти вершить ход истории. Он мог принимать решения, имевшие далеко идущие последствия, мог улавливать господствующие в обществе и в мире тенденции и использовать их в своих целях. Однако создавать или пресекать эти тенденции было не в его власти. Как и любой политик, он мог пытаться плыть против течения, но не мог изменить само течение. В этом кроются причины тех неудач, которые постигали его и во внешней, и во внутренней политике. Как и любой политик, он не был лишен недостатков и совершал ошибки. Однако история человечества не знает ни идеальных людей, ни идеальных политиков.

При всех недостатках и ошибках у Бисмарка было то, благодаря чему он достиг успеха — блестящий политический талант, стальная воля, глубокий ум, способный к нешаблонному мышлению, быстрота, решительность и энергия. Поэтому, по словам Райнера Шмидта, «он остается колоссом, с которым придется сравнивать себя всем его преемникам»¹.

Бисмарк был всего лишь человеком и не может быть в ответе за все, что происходило в Германии в годы его правления. Тем более трудно возлагать на него единоличную ответственность за события, которые произошли полвека спустя после его ухода с политической сцены. И все же нельзя не признать: его решения, его действия во многом направили страну в то русло, по которому она двигалась в первой половине XX века. Прямую «от Бисмарка к Гитлеру» проводить, разумеется, нельзя. Но, как и в случае с любым выдающимся государственным деятелем, влияние «железного канцлера» простиралось далеко за пределы его времени.

1870–80-е годы не сделали «германскую катастрофу» неизбежной. Тем не менее, многие происходившие тогда и напрямую связанные с деятельностью Бисмарка процессы сделали ее более вероятной. Традиционные политические элиты остались у власти; демократизация политической системы была неравномерной, неглубокой и не затронула основ существующего строя — власти императора и его окружения. При помощи политической элиты в обществе активно формировалась новая, агрессивная и реакционная, версия немецкого национализма. Сформировалась традиция мобилизации граждан на борьбу с «врагами государства», противопоставления мудрого авторитарного правительства парламенту, в котором господствуют частные интересы. Бюрократический аппарат окончательно стал оплотом консерватизма, а армия — «государством в государстве»; эти два обстоятельства, как и перечисленные выше, сыграли потом роковую роль в недолгой истории Веймарской республики.

Бисмарк в своей деятельности вынужден был считаться со многими силами, многими действующими факторами, и далеко не всегда он мог в противоборстве с ними успешно осуществить свои планы. Его возможности, как и у всякого человека, были ограничены. Однако именно эта ограниченность возможностей подчеркивает масштаб того, чего ему в конечном итоге удалось добиться. Объединение Германии, осуществленное во многом благодаря усилиям Бисмарка, его блестящие дипломатические победы и не в последнюю очередь — несмотря на всю их неоднозначность — успехи во внутренней политике делают его бесспорно выдающимся государственным деятелем. Возможно, самым выдающимся на протяжении всего XIX века. Роль, которую он сыграл в истории, огромна и неоднозначна; однако масштаб его достижений поистине завораживает, привлекая и сегодня, по прошествии более чем ста лет, внимание историков и широкой общественности к фигуре «железного канцлера».

¹ Schmidt R. Op. cit. S. 286.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Althammer B. Das Bismarckreich 1871–1890. Paderborn, 2009.
2. Barraclough C. The origins of modern Germany. Oxford, 1947.
3. Baumgart W. Europäisches Konzert und nationale Bewegung. Internationale Beziehungen 1830–1878. Paderborn, 1999.
4. Bamberger L. Erinnerungen. Berlin, 1899.
5. Bismarck O.v. Die politischen Reden des Fürsten Bismarck. In 14 Bd. Stuttgart, 1892–1905.
6. Bismarck O.v. Werke in Auswahl. In 8 Bd. Darmstadt, 2001.
7. Bismarck-Briefe. Göttingen, 1955.
8. Blum H. Das Deutsche Reich zur Zeit Bismarcks. Leipzig-Wien, 1893.
9. Braune R. Aus Bismarcks Hause. Bielefeld-Leipzig, 1919.
10. Bridge F.R., Bullen R. The Great Powers and the European states system 1814–1914. Harlow, 2005.
11. Canis K. Bismarck und Waldersee. Berlin, 1980.
12. Canis K. Bismarcks Außenpolitik 1870–1890. Aufstieg und Gefährdung. Paderborn, 2008.
13. Craig G. Deutschland 1866–1945. München, 1999.
14. Craig G. Die preußisch-deutsche Armee 1640–1945. Düsseldorf, 1960.
15. Crankshaw E. Bismarck. München, 1990.
16. Deininger H. Frankreich-Rußland-Deutschland 1871–1891. München-Wien, 1983.
17. Deutsche Militärgeschichte 1648–1939. Bd.2. Teil 1. München, 1983.
18. Die große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. In 40 Bd. Berlin, 1922–1927.
19. Diplomatie und Kriegspolitik vor und nach der Reichsgründung. Berlin, 1971.
20. Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. Berlin, 1990.
21. Engelberg E. Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer. Berlin, 1985.
22. Engelberg E. Deutschland 1871–1895. Berlin, 1965.
23. Engelberg W. Das private Leben der Bismarcks. München, 2014.
24. Eyck E. Bismarck. In 3 Bd. Erlenbach-Zürich, 1943–1944.
25. Frankel R. Bismarck's shadow. The cult of leadership and the transformation of the German right 1898–1945. Oxford, N.Y., 2005.
26. Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin. Stuttgart-Berlin, 1914.
27. Gall L. Bismarck. Der weiße Revolutionär. München, 2002.
28. Haffner S. Von Bismarck zu Hitler. München, 2001.
29. Herre F. Moltke. Der Mann und sein Jahrhundert. Stuttgart, 1984.
30. Hertz-Eichenrode D. Deutsche Geschichte 1871–1890. Das Kaiserreich in der Ära Bismarck. Stuttgart, 1992.
31. Hildebrand K. Das vergangene Reich. Deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler 1871–1945. Stuttgart, 1995.
32. Hoffmann G. Otto von Bismarck und Johanna von Puttkamer. Die Geschichte einer großen Liebe. Berlin, 2014.
33. Howard M. The Franco-Prussian War. The German invasion of France, 1870–1871. L., N.Y., 2005.
34. Jeismann K.-E. Das Problem des Präventivkrieges. München, 1957.
35. Kaiser Friedrich III. Das Kriegstagebuch von 1870/71. Berlin-Leipzig, 1926.
36. Keudell R.v. Fürst und Fürstin Bismarck. Erinnerungen aus den Jahren 1846 bis 1872. Berlin-Stuttgart, 1901.
37. Kirsch M. Monarch und Parlament im 19. Jahrhundert. Göttingen, 1999.
38. Klemm M. Was sagt Bismarck dazu? In 2 Bd. Berlin, 1924.
39. Kolb E. Bismarck. München, 2009.
40. Kolb E. Der Weg aus dem Krieg. Bismarcks Politik im Krieg und die Friedensanbahnung 1870/71. München, 1990.
41. Krockow C.v. Bismarck. Eine Biographie. München, 2002.
42. Lappenküper U. Die Mission Radowitz. Göttingen, 1990.
43. Lucius von Ballhausen R. Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart-Berlin, 1920.
44. Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen. Briefe. Schriften. Reden. Ebenhausen, 1923.
45. Odenwald-Varga S. „Volk“ bei Otto von Bismarck. Eine historisch-semantische Analyse anhand von Bedeutungen, Konzepten und Topoi. Berlin, 2009.
46. Orloff N. Bismarck und die Fürstin Orloff. Ein Idyll in der hohen Politik. München, 1936.
47. Otto von Bismarck und die Parteien. Paderborn, 2001.
48. Pflanze O. Bismarck. In 2 Bd. München, 2008.
49. Poidevin R., Bariety J. Frankreich und Deutschland. München, 1982.
50. Poschinger H.v. Fürst Bismarck. Neue Tischgespräche und Interviews. In 2 Bd. Stuttgart, 1895.
51. Rauh M. Föderalismus und Parlamentarismus im wilhelminischen Reich. Düsseldorf, 1973.
52. Regierung, Parlament und Öffentlichkeit im Zeitalter Bismarcks. Politikstile im Wandel. Paderborn, 2003.
53. Richter E. Im alten Reichstag. Berlin, 1894.
54. Richter W. Bismarck. Frankfurt-am-Main, 1971.
55. Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des «Militarismus» in Deutschland. Bd. 1. München, 1954.
56. Röhl J. Wilhelm II. Der Aufbau der Persönlichen Monarchie. 1888–1900. Darmstadt, 2001.
57. Schmid M. Der „Eiserne Kanzler“ und die Generäle. Deutsche Rüstungspolitik in der Ära Bismarck (1871–1890). Paderborn, 2003.
58. Schmidt R. Otto von Bismarck. Realpolitik und Revolution. Stuttgart, 2004.
59. Sheehan J. Der deutsche Liberalismus 1770–1914. München, 1983.
60. Spitzemberg H.v. Das Tagebuch der Baronin Spitzemberg. Aufzeichnungen aus der Hofgesellschaft des Hohenzollernreiches. Göttingen, 1989.
61. Steinberg J. Bismarck. Magier der Macht. Berlin, 2012.
62. Stern F. Gold und Eisen. Bismarck und sein Bankier Bleichröder. München, 2008.
63. Stone J. The War Scare of 1875. Bismarck and Europe in the mid-1870s. Stuttgart, 2010.
64. Stürmer M. Das ruhelose Reich. Berlin, 1983.
65. Stürmer M. Regierung und Reichstag im Bismarckstaat. Düsseldorf, 1974.

66. Tiedemann C.v. Aus sieben Jahrzehnten. Bd. 2. Seche Jahre Chef der Reichskanzlei unter dem Fürsten Bismarck. Leipzig, 1909.
67. Ullrich V. Die nervöse Großmacht. Frankfurt-a-M., 1997.
68. Ullrich V. Fünf Schüsse auf Bismarck. Historische Reportagen 1789–1945. München, 2003.
69. Ullrich V. Otto von Bismarck. Reinbek, 2008.
70. Vitzthum von Eckstädt C.F. St. Petersburg und London in den Jahren 1852–1864. Bd. 2. Stuttgart, 1886.
71. Wehler H.U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1994.
72. Wehler H.U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3. Von der „Deutschen Doppelrevolution“ bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges 1849–1914. München, 2008.
73. Willms J. Bismarck — Dämon der Deutschen. Anmerkungen zu einer Legende. München, 1997.
74. Winkler H.A. Der lange Weg nach Westen. Bd. 1. München, 2010.
75. Wolter H. Bismarcks Außenpolitik 1871–1881. Berlin, 1983.
76. Аллерс А.В., Кремер Г. Наш Бисмарк. М., 2009.
77. Бисмарк О.ф. Мысли и воспоминания. В 3 тт. М., 1940–1941.
78. Бодров А.В. Первые годы после Седана: германский фактор французской политики, общественного сознания и культуры в 1870-е годы. СПб., 2011.
79. Буш М. Так говорил Бисмарк! М., 2014.
80. Виноградов К.Б. Мировая политика 60–80-х годов XIX века: события и люди. Л., 1991.
81. Гогенлоэ Х. Мемуары. М., 1907.
82. Градовский А. Германская конституция. Ч.2. СПб., 1876.
83. Дударев В.С. Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859–1962. Дипломатическая ссылка или политический успех? СПб., 2013.
84. Ерусалимский А.С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968.
85. Иваняков Р.И. Бисмарк в Петербурге: политическая деятельность О. Бисмарка в период пребывания на посту посланника в Санкт-Петербурге (1859–1862 гг.). Псков, 2008.
86. Кауфман Г. Политическая история Германии в XIX веке. СПб., 1909.
87. Людвиг Э. Бисмарк. М., 1999.
88. Нольде Б.Э. Петербургская миссия Бисмарка 1859–1862. Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага, 1925.
89. Оболенская С.В. Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. М., 1992.
90. Палмер А. Бисмарк. Смоленск, 1997.
91. Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 года и европейская дипломатия. Л., 1957.
92. Ревуненков В.Г. Приход Бисмарка к власти. Л., 1941.
93. Тирпиц А.ф. Воспоминания. М., 2014.
94. Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958.
95. Чубинский В.В. Бисмарк. Политическая биография. М., 1988.
96. Шнеерсон Л.М. На перепутье европейской политики. Мн., 1984.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1. СТРАДАНИЯ ЮНОГО БИСМАРКА	9
ГЛАВА 2. СЕЛЬСКАЯ ИДИЛЛИЯ	33
ГЛАВА 3. В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИЕЙ	46
ГЛАВА 4. НА БЕРЕГАХ МАЙНА	78
ГЛАВА 5. НА БЕРЕГАХ НЕВЫ	112
ГЛАВА 6. НА БЕРЕГАХ СЕНЫ	132
ГЛАВА 7. САМЫЙ ТРУДНЫЙ ГОД	148
ГЛАВА 8. ПЕРЕЛОМ	173
ГЛАВА 9. ГОРДИЕВ УЗЕЛ	190
ГЛАВА 10. СЕВЕРОГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ	225
ГЛАВА 11. МАДРИД И ВЕРСАЛЬ	243
ГЛАВА 12. «ВНУТРЕННЕЕ ОСНОВАНИЕ ИМПЕРИИ»	269
ГЛАВА 13. ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНЦЕРТ	302
ГЛАВА 14. ПОВОРОТ	319
ГЛАВА 15. ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ	351
ГЛАВА 16. КОШМАР КОАЛИЦИЙ	372
ГЛАВА 17. ОТСТАВКА	388
ГЛАВА 18. СТАРЕЦ САКСОНСКОГО ЛЕСА	402
ГЛАВА 19. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ	416
ПОСЛЕСЛОВИЕ	426
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	428